

ISSN: 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

<http://www.voennoepravo.ru/>

№ 2 (72) 2022

Редакционный совет

1. **Бут Надежда Дмитриевна**, доктор юридических наук, заведующий отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в социально-экономической сфере НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации

2. **Воронов Александр Федорович**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Московского государственного университета

3. **Ермолович Ярослав Николаевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

4. **Корякин Виктор Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета, заведующий кафедрой ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»

5. **Маликов Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета по специальности 20.02.03 — Военное право, военные проблемы международного права, профессор кафедры криминалистики Военного университета

6. **Свинных Евгений Анатольевич**, доктор юридических наук, доцент

7. **Сморчкова Лариса Николаевна**, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН

8. **Субанова Наталья Викторовна**, доктор юридических наук, доцент, проректор Университета прокуратуры Российской Федерации

9. **Туганов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Российской таможенной академии

10. **Холиков Иван Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Издается с 2001 г.

Научные направления
периодического издания:

— Военные науки

— Право

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл 77-4305 от 16.01.2001 г.

Номер ISSN: 2074-1944

Издание включено в систему
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ)

Решением президиума Высшей
аттестационной комиссии при
Минобрнауки России от 26 апреля
2019 г. издание с 7 мая 2019 г.

включено в **Перечень**

**рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубли-
кованы основные научные
результаты диссертаций на соис-
кание ученой степени кандидата
наук, ученой степени доктора
наук по группе научных специаль-
ностей 20.00.00 — Военные науки
(№ 765 Перечня по состоянию на
01.02.2022)**

В период с 18 октября 2016 г.
по 26 марта 2019 г. издание было
включено в указанный Перечень по
группе научных специальностей
12.00.00 — Юриспруденция

Главный редактор —

КОРЯКИН

Виктор Михайлович,

доктор юридических наук,
профессор

e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Ведущий редактор —

ГУСЕЙНОВА

Альбина Джабаровна

Адрес в интернете

<http://www.voennoepravo.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Указатель сокращений	6
Правовое обеспечение национальной безопасности	
1. Алексеев К.В. Русский язык в Вооруженных Силах Российской Федерации как объект национальной безопасности	10
2. Аулов В.К. Понятие, причины и источники информационных угроз: формально-правовой контекст	17
3. Кириллов Н.П. Социально-правовые аспекты безопасности военной службы в системе национальной безопасности Российской Федерации	24
4. Корякин В.М. Современные проблемы и перспективы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации	30
5. Свининых Е.А., Яковлев М.А. Ограничения прав человека в рамках административно-правовых режимов обеспечения пограничной безопасности в государствах постсоветского пространства	35
Теория и история военного права	
6. Грищенко Л.Л., Корабельникова Ю.Л. Война, как инструмент реализации экономических амбиций	53
7. Роцин С.Р. От внутренней стражи к войскам национальной гвардии России: периодизация генезиса их юридической службы	62
8. Семенова И.В. Понятие «кибертерроризм»: теоретико-правовой подход	73
9. Щербак С.И. Развитие уголовной ответственности за посягательства на отчуждение части территории российского государства	78
Военно-административное право	
10. Беляев Н.Н., Пашков В.И. Правовое регулирование деятельности военного духовенства на основе опыта духовно-нравственного воспитания в зарубежных странах	87
11. Вотченко И.А., Александрова Н.Г., Козлова А.В. Социально-правовой аспект влияния ухудшения эпидемиологической ситуации в связи с новой коронавирусной инфекцией COVID-19 в России на численность группировки сил (средств) Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций	95
12. Глухов Е.А. О необходимости правовой регламентации применения новых методов управления воинскими формированиями	100
13. Зайков Д.Е. Годовые праздники в Вооруженных Силах Российской Федерации	106
14. Кайнов В.И., Шеншин В.М. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по вопросам осуществления медицинского освидетельствования военнослужащих на состояние опьянения	111

15. Назарова И.С.	
О некоторых тенденциях развития законодательства в области оборота оружия	120
16. Фартуков Д.Н., Чукин Д.С.	
Отдельные аспекты правомерности применения оружия при исполнении специальных обязанностей военной службы	129
17. Цуканов А.С.	
Перспективы внедрения комплексной системы объективного контроля за огнестрельным оружием	134

Военные аспекты гражданского и трудового права

18. Беда Н.В.	
Основания и порядок отнесения защитных сооружений гражданской обороны к федеральной, региональной и муниципальной собственности	139
19. Матиросян В.С.	
Правовые аспекты отстранения лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации от работы в связи с отказом от прохождения вакцинации от коронавирусной инфекции COVID-19	144
20. Сандырева Е.В.	
Конституционный Суд Российской Федерации защитил права работников, утративших возможность выполнять свои трудовые функции в связи с их передачей на исполнение третьему лицу по договору аутсорсинга	149

Военная служба. Социальные гарантии и статус военнослужащих

21. Холиков И.В., Вовкодав В.С.	
Перспективы совершенствования правовой регламентации врачебно-летней экспертизы в государственной авиации	154
22. Цуциев С.А.	
Особые условия военной службы как основание для предоставления социальных гарантий военнослужащим	159

Судебная и прокурорская деятельность

23. Махьянова Р.М.	
Прокурорская проверка как метод реализации надзорного процесса	169
24. Насыров Д.В., Зотов Р.В.	
Частное постановление военного суда в механизме обеспечения законности в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах	177
25. Туганов Ю.Н., Аулов В.К.	
Мировая юстиция: доктринальные подходы и правовая реальность низшего звена судов общей юрисдикции	183

Уголовное право, криминология, уголовный процесс и криминалистика

26. Гирько С.И., Харченко С.В.	
К вопросу о понятии результатов оперативно-розыскной деятельности	195
27. Давыдова Е.Ю.	
Уголовно-правовая охрана воинских захоронений	200
28. Ермолович Я.Н.	
Расширение понятия должностного лица в российском уголовном законодательстве в свете последних изменений Уголовного кодекса Российской Федерации	206

29. Киселев Н.П.	
Проблема выбора основания наложения ареста на имущество, переданное подозреваемым (обвиняемым) в целях его сокрытия иному лицу	212
30. Овчаров А.В.	
Некоторые аспекты уголовной ответственности за нарушения в сфере осуществления государственных и муниципальных закупок	217
31. Попов К.И.	
Медиация в уголовном праве: миф или реальность?	226
32. Харитонов В.С.	
Вигилантизм как форма частнопредпринимательского насилия	231
Военные проблемы международного права. Зарубежное военное законодательство	
33. Арипов Р.М.	
Некоторые организационно-правовые аспекты организации военных действий по разрешению региональных (локальных) вооруженных конфликтов (войн) при участии вооруженных сил государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности в составе коалиционных (региональных) группировок войск (сил).....	237
34. Берг Л.А.	
Международно-правовая характеристика интеграционных процессов в Северной Европе и их влияние на национальную безопасность России	245
35. Болдырев С.В.	
Международно-правовое регулирование противодействия терроризму	252
36. Ластовский С.С., Сотникова В.В.	
Ответственность наемников по уголовному праву зарубежных государств	258
37. Леонтьев В.Н.	
Некоторые правовые и военные аспекты регулирования деятельности вооруженных сил при решении специальных задач в составе Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности	264
38. Чернявский А.Г.	
Транснациональные вооруженные группы и международное гуманитарное право	271
39. Шарипов М.Т.	
К вопросу об организации взаимодействия органов военной прокуратуры Республики Таджикистан с органами дознания при расследовании преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта	279

Указатель сокращений

абз. — абзац

АПК РФ — Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации

АО — акционерное общество

АСУ — автоматизированная система управления

БВС — безопасность военной службы

БЖД — безопасность жизнедеятельности

БК РФ — Бюджетный кодекс Российской Федерации

БМП — боевая машина пехоты

БПЛА — беспилотный летательный аппарат

БТР — бронетранспортер

ВАС РФ — Высший Арбитражный Суд Российской Федерации

ВВП — валовой внутренний продукт

ВВС — Военно-воздушные силы

ВВЭ — военно-врачебная экспертиза

ВК РФ — Воздушный кодекс Российской Федерации

ВКС — Воздушно-космические силы

ВЛК — врачебно-лётная комиссия

ВМС — Военно-морские силы

ВМФ — Военно-Морской Флот

ВУНЦ — военный учебный научный центр

ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет

ГБУ — государственное бюджетное учреждение

ГИАЦ — Главный информационно-аналитический центр

ГИБДД — Государственная инспекция безопасности дорожного движения

ГК ВВ — Главное командование внутренних войск МВД России

ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации

ГОУ ГШ ВС РФ — Главное оперативное управление Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

ГПК РФ — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

ГПС — Государственная противопожарная служба

гл. — глава

дис. — диссертация

ДУ ВС РФ — Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации

ЖК РФ — Жилищный кодекс Российской Федерации

ЕГИСЗ — Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения

ЕАЭС — Евразийский экономический союз

ЕС — Европейский Союз

КАС РФ — Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации

КНР — Китайская Народная Республика

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

КСОР — Коллективные силы оперативного реагирования

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

МГП — международное гуманитарное право

Минздрав России — Министерство здравоохранения Российской Федерации

Минобороны России — Министерство обороны Российской Федерации

Минобрнауки России — Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Минприроды России — Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации

Минтруд России — Министерство труда и социального развития Российской Федерации

Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

МККК — Международный комитет Красного Креста

млн. — миллион

млрд. — миллиард

МЧС России — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО — Организация Североатлантического Договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)

НВФ — незаконные вооруженные формирования

НИИ — научно-исследовательский институт

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

НЦУО — Национальный центр управления обороной Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

ОДКБ — Организация Договора о коллективной безопасности

ОМОН — отряд милиции особого назначения

ОМП — оружие массового поражения

ООН — Организация Объединенных Наций

ООО — общество с ограниченной ответственностью

ОПК — оборонно-промышленный комплекс

ОРД — оперативно-розыскная деятельность

ОРМ — оперативно-розыскные мероприятия

п. — пункт

ПВО — противовоздушная оборона

ПДД — Правила дорожного движения

подп. — подпункт

Росгвардия — Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

Росздравнадзор — Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения

Росстат — Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии

Росимущество — Федеральное агентство по управлению государственным имуществом

Росстат — Федеральная служба государственной статистики

Роструд — Федеральная служба по труду и занятости

РПЦ — Русская православная церковь

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

руб. — рубль, рублей

СК России — Следственный комитет Российской Федерации

СК РФ — Семейный кодекс Российской Федерации

СМИ — средства массовой информации

СНГ — Содружество Независимых Государств

СОБР — специальный отряд быстрого реагирования

СОУТ — специальные условия оценки труда

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — статья

США — Соединенные Штаты Америки

ТК РФ — Трудовой кодекс Российской Федерации

тыс. — тысяча

УВП ВС РФ — Устав военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации

УГиКС ВС РФ — Устав гарнизонной и караульной службы Вооруженных Сил Российской Федерации

УВС ВС РФ — Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ФАС России — Федеральная антимонопольная служба

ФГАУ — федеральное государственное автономное учреждение

ФГБУ — федеральное государственное бюджетное учреждение

ФГБОУ ВО — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

ФГКВОУ ВО — федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования

ФГКОУ ВО — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования

ФГОС — федеральный государственный образовательный стандарт

ФППС — Федеральная противопожарная служба

ФРГ — Федеративная Республика Германия

ФСБ России — Федеральная служба безопасности Российской Федерации

ФСИН России — Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации

ФСО России — Федеральная служба охраны Российской Федерации

ЦК КПСС — Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза

ШОС — Шанхайская Организация Сотрудничества

Правовое обеспечение национальной безопасности

Русский язык в Вооруженных Силах Российской Федерации как объект национальной безопасности

© **Алексеев Кирилл Васильевич**,
кандидат филологических наук, доцент, декан
факультета русской филологии и национальной
культуры Рязанского государственного
университета имени С.А. Есенина

Аннотация. В статье рассматривается русский язык в Вооруженных Силах Российской Федерации как объект национальной безопасности Российской Федерации, кратко описываются угрозы, связанные с современным состоянием государственного языка России. Особо обосновывается необходимость научного осмысления состояния русского языка в Вооруженных Силах Российской Федерации на современном этапе и выработки системы мероприятий по внедрению в армейскую среду принципов качественного владения устной и письменной речью, формулируются предложения по повышению грамотности будущих офицеров.

Ключевые слова: русский язык, национальная безопасность, Вооруженные Силы Российской Федерации, объект национальной безопасности, военный вуз.

Russian language in the Armed Forces of the Russian Federation as an object of national security

© **Alekseyev K.V.**,
Candidate of Philology, Associate Professor, Dean
of the Faculty of Russian Philology and National
Culture, Ryazan State University named after S.A.
Yesenina

The article considers the Russian language in the Armed Forces of the Russian Federation as an object of the national security of the Russian Federation, briefly describes the threats associated with the current state of the state language of Russia. The need for scientific understanding of the state of the Russian language in the Armed Forces of the Russian Federation at the present stage and the development of a system of measures to introduce the principles of high-quality oral and written speech into the army environment are especially substantiated, proposals are formulated to improve the literacy of future officers.

Keywords: Russian language, national security, the Armed Forces of the Russian Federation, an object of national security, a military university.

Государственный язык Российской Федерации как один из важнейших объектов национальной безопасности характеризуется, в частности, тем, что, с одной стороны, подлежит охране, а с другой — обеспечивает безопасность личности, общества и государства. Именно русский язык как язык государствообразующего народа и межнационального общения гарантирует наличие единого языкового и культурного пространства, способствуя

охране государственного суверенитета и территориальной целостности России, целого ряда конституционных прав и свобод человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества. Проблемы, существующие в языковой сфере на современном этапе, несут реальную угрозу безопасности личности, общественной безопасности и государственной безопасности; к ним, в частности, относятся смешение кириллицы и латиницы, массовые и

неоправданные заимствования из английского языка, снижение уровня грамотности среди населения, засорение языка жаргонизмами и ненормативной лексикой и т.д. Особенно важным представляется то, что недостаточно грамотный человек часто не способен усвоить культурные коды собственного народа, а это в условиях ведущейся против России информационной войны может привести к крайне негативным последствиям.

В новой Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, русскому языку отведено важное место. В частности, в указанном документе стратегического планирования определены задачи, которые государство ставит в языковой сфере, а именно защита и поддержка русского языка как государственного языка Российской Федерации, усиление контроля за соблюдением норм современного русского литературного языка, пресечение публичного исполнения, распространения через средства массовой информации продукции, в которой содержатся слова и выражения, не соответствующие указанным нормам.

Особое внимание, как представляется, следует уделять состоянию русского языка в современных Вооруженных Силах Российской Федерации и, в частности, в военных вузах.

История показывает, что высокий уровень грамотности и культуры военнослужащего в целом — залог успешных и слаженных действий солдат и офицеров как в состоянии мира, так и в боевых условиях. Напротив, недостаточная языковая грамотность предопределяет отсутствие у военнослужащего осознания в полном объеме воинского долга, необходимости воевать в интересах страны. Данной проблеме посвящен ряд научных исследований.

В отечественной армии уровень грамотности военнослужащих различался в зависимости от эпохи. Введение в 1874 г. всеобщей воинской повинности, во-первых, повлекло приток в русскую армию образованных людей, а во-вторых, способствовало повышению уровня грамотности

среди населения России¹. Однако в начале XX в. в условиях Первой мировой войны на фронтах оказалось огромное количество неграмотных крестьян, что, по мнению некоторых ученых, и привело, в конечном счете, к фактическому поражению русской армии и к революциям 1917 г.² Ошибки военной политики Российской империи были учтены руководством Советского государства, которое уделяло большое внимание ликвидации безграмотности в армии, а затем и обеспечению единого языкового пространства в условиях многонационального государства³.

В современных Вооруженных Силах Российской Федерации большое внимание уделяется общекультурному развитию военнослужащих, в том числе их языковой грамотности. Сложными и многогранными назвал «задачи, поставленные Министром обороны Российской Федерации перед специалистами военного образования, научными и педагогическими работниками по формированию высокообразованного, культурного, нравственного и гармонично-развитого военнослужащего с повышенной речевой ответственностью, по воспитанию бережного и уважительного отношения к русскому языку как национальному достоянию страны, как к инструменту военно-политического, патриотического и профессионального речевого воспитания военнослужащих Вооружённых Сил Российской Федерации, по продвижению русского языка как предмета изучения в мире»⁴ генерал-лейтенант И. Мишуткин, начальник

¹ Рудник С.Н. Всесословная воинская повинность, русское общество и грамотность новобранцев в России // Петербургский исторический журнал. 2016. № 1. С. 14—25.

² Авилов Р.С. От солдатской безграмотности к революциям: низкий образовательный уровень нижних чинов как одна из причин Русской революции 1917 г. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 1. С. 7—19; Волкова И.В. Российское военное строительство на фоне милитаризации стран союзников и противников и его испытание войной // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 1. С. 11—30.

³ Безугольный А.Ю. Опыт строительства Вооруженных Сил СССР: национальный аспект (1922—1945 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2019.

⁴ Русский язык в военном вузе. 2021. № 1. С. 5—6.

Военного университета, в котором с начала 2021 г. выходит научно-методический журнал «Русский язык в военном вузе». Тем не менее проблемы, связанные с русским языком как объектом национальной безопасности, есть и в армии.

Очевидно, что в армии служат граждане, в той или иной степени испытавшие влияние негативных факторов, существующих в языковой сфере общества в целом, поэтому справедливо утверждать, что проблемы, связанные с состоянием русского языка, имеют место и в военной среде. К сожалению, серьезных научных исследований этого вопроса не так много, как хотелось бы; тем не менее они есть. Так, большое внимание языковой грамотности и речевому портрету курсанта уделяется в Омском автобронетанковом инженерном институте¹. Ценность представляют работы по военной риторике и вопросам преподавания русского языка и культуры речи в военном вузе².

На основе данных различных исследований можно поставить следующие проблемы:

1. *Ошибки в письменной и устной речи.* В целом можно говорить о том, что причины существующего положения дел в военных вузах кардинально не отличаются от причин безграмотности многих выпускников школ, в том числе обучающихся в гражданских вузах. Среди таких негативных факторов прежде всего необходимо

выделить утрату интереса к чтению художественной литературы (в первую очередь классической); единый государственный экзамен по русскому языку, во многом предполагающий механическое заучивание; влияние новых традиций общения в Интернете и социальных сетях, приводящих «к языковой экономии»³ и примитивизации языка; засорение речи жаргонизмами, ненормативной лексикой, заимствованиями из иностранных языков и т.д. Исследование, проведенное в Омском автобронетанковом инженерном институте в 2019 г. на основе опроса 100 обучающихся первого курса⁴, в частности, показывает, как сами курсанты определяют причины совершения речевых ошибок. В обобщенном виде результаты опроса по данной проблеме представлены на рис. 1.

Как видно, наибольшее количество опрошенных связывают свои ошибки с низким уровнем грамотности (25) и нежеланием следить за своей речью (18). Если безграмотность, как было сказано выше, — проблема всего современного российского общества, которую нужно решать на государственном уровне, то осознанное пренебрежение будущего офицера к собственной речи — явление недопустимое, представляющее самую непосредственную угрозу национальной безопасности. Думается, что презрение к нормам языка страны, которую военный служащий обязан защищать, в определенной степени говорит о недостаточном патриотизме и может привести к самым негативным последствиям. С одной стороны, офицер, намеренно игнорирующий правила устной и письменной речи, едва ли сможет пробудить нужные при несении службы в мирное время и в бою чувства и эмоции в своих подчинен-

¹ Фесенко О.П., Лаухина С.С., Коноваленко И.В. Речевой портрет курсанта военного вуза : монография. Омск: ОАБИИ, Изд-во «Ипполитова», 2018; Фесенко О.П. Фонетическая составляющая речевого портрета современной молодежи (на примере речи курсантов военного вуза) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2018. Т. 17, № 3. С. 91—98; Фесенко О.П. Особенности речевого поведения курсантов военного вуза (на примере учебного дискурса) // Наука и военная безопасность. 2017. № 3 (10). С. 103—107.

² Далецкий Ч.Б. Риторика в Вооруженных Силах Российской Федерации // Предмет риторики и проблемы ее преподавания : материалы первой Всероссийской конференции по риторике. М., 1998. С. 206—215; Кондрашова О.В., Шельдешова И.В. Методика преподавания русского языка в военном авиационном вузе. Краснодар: Изд-во КВВАУЛ, 2018.

³ Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 79.

⁴ Шаменов Б.М., Фесенко О.П. Языковая грамотность курсантов военного вуза: к вопросу о необходимости совершенствования // Молодежь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований : материалы II Всероссийской национальной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. В 4-х частях / отв. ред. Э.А. Дмитриева. 2019. С. 489—491.

ных, передать им профессиональные знания и выработать устойчивые навыки. С другой стороны, такой офицер сам в условиях информационного давления, оказываемого на нашу страну, может оказаться уязвимым для антироссийской пропаганды.

В связи со сказанным представляется целесообразным проводить подобные опросы во всех военных вузах в плановом

порядке и реализовывать мероприятия, во-первых, по организации дополнительных факультативных занятий с курсантами, которые в этом нуждаются, а во-вторых, по реализации просветительской работы с теми, кто не обращает должного внимания на уровень владения государственным языком.

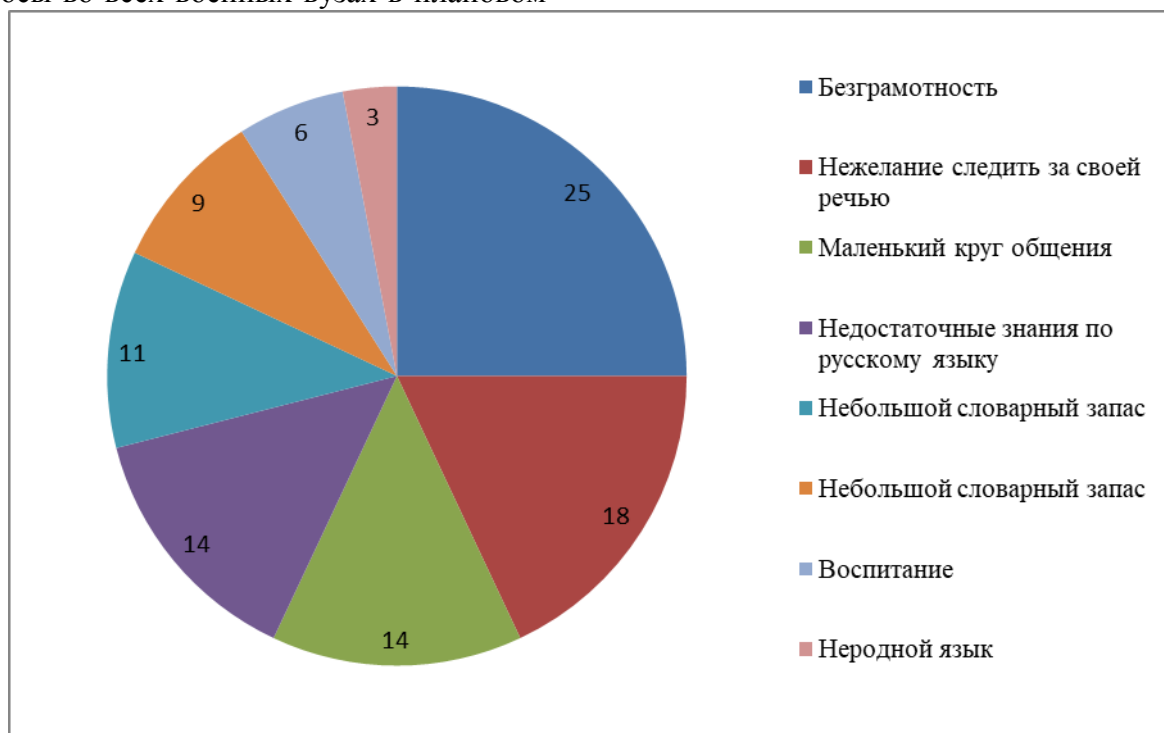

Рис. 1. Причины совершения курсантами речевых ошибок, чел.

2. *Выработка речевых стереотипов, протекающих из военно-профессиональной деятельности.* Поскольку вся деятельность военнослужащего, в том числе и речевая, строго регламентирована и стандартизирована уставами, а общение вне службы ограничено (особенно в процессе обучения в военном вузе), темпы формирования речевых стереотипов достаточно высоки, и уже на первом году обучения в общении курсантов преобладают формулы военного речевого этикета, причем, как правило, использование указанных формул не зависит от ситуации и имеет место и в общении вне профессиональной деятельности. По справедливому мнению некоторых ученых, воздействие «на формирование языковой личности» курсанта «сферы профессиональной деятельности ... оказывается столь существенным, что часто приводит к деформации

стратегий речевого поведения и к раннему формированию культурно-профессиональных стереотипов»¹, а это «в сфере бытового общения с малознакомыми или незнакомыми людьми может выступать в качестве коммуникативного барьера»². Естественно, на речь человека в той или иной степени накладывает отпечаток его профессия, и военная служба оказывает особенно сильное влияние на особенности языка, что нельзя признавать негативным фактором. Однако в ходе подготовки будущих офицеров необходимым пред-

¹ Фесенко О.П., Лаухина С.С., Коноваленко И.В. Речевой портрет курсанта военного вуза: монография. Омск: ОАБИИ, Изд-во «Ипполитова», 2018. С. 142.

² Фесенко О.П. Особенности речевого поведения курсантов военного вуза (на примере учебного дискурса) // Наука и военная безопасность. 2017. № 3 (10). С. 106.

ставляется обращать особое внимание обучающихся на целесообразность гибкого речевого поведения в общении, вырабатывать у них умение и способность быстро менять языковую тактику в зависимости от условий общения и собеседников. Навыки быстрого максимального отказа от профессиональных речевых стереотипов позволят курсанту и офицеру без сложностей поддерживать беседу или вести дискуссию в любой ситуации и аудитории.

3. *Употребление в речи неоправданных заимствований из иностранных языков.* Проблема широкого использования иноязычной лексики в разных видах и формах, когда этого не требует речевая ситуация, является общенациональной. При этом необходимо отметить, что развитие языка — процесс живой, и разумные заимствования иностранных слов, оправданные с точки зрения научно-технического прогресса и культурного обмена, только обогащают и язык, и культуру в целом. Однако засорение русского языка иностранными словами, имеющими синонимы в русском языке, смешение кириллицы с латиницей и другие имеющиеся явления в этой сфере обуславливают вымывание из русского языка элементы, обеспечивающие национальную идентичность и, как следствие, безопасность личности, общества и государства.

В военном вузе курсанты, как и гражданская молодежь, используют заимствования из иностранных языков, однако этот процесс, как правило, приостанавливается по мере вхождения курсанта в профессию. В то же время некоторые военные специальности требуют углубленного изучения иностранных языков, и это порой существенно отражается на речевом портрете курсанта. Так, исследования, проведенные на факультете (разведывательном) Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, в частности, показали, что «в отличие от других представителей молодежи, использование англицизмов в речи курсантов факультета связано не только с активным использованием интернет-ресурсов, компьютерных игр, престижностью знания иностранного языка и активизацией процесса межкультурных

коммуникаций, оно также обусловлено влиянием глубокого изучения иностранных языков в период обучения в вузе»¹. Авторы указанного исследования выявили виды использования иноязычной лексики курсантами и привели следующие примеры, что в обобщенном виде можно представить в виде таблицы.

На первый взгляд, результаты исследования не подразумевают никаких проблемных моментов, тем более что авторы подчеркивают, например, «высокий дух патриотизма курсантов, целеустремленности, желание достичь высоких целей несмотря на все тяготы курсантской жизни, призыв к проявлению силы воли и характера»², о чем говорят выбранные обучающимися выражения для статуса в социальных сетях. Однако, как представляется, проблема здесь все же существует.

Прежде всего, в данном контексте следует вспомнить о взаимосвязи и взаимозависимости языка и мышления, которые в разных интерпретациях представлены, в частности, в трудах В. фон Гумбольдта³, А.А. Потебни⁴ и др. В современной науке язык и мышление часто представлены как явления разнопорядковые, но влияющие друг на друга⁵. Н.Н. Азарнов писал, что «язык является основополагающими факторами становления человеческой личности, ее сознания и всего ансамбля высших психических функций»⁶. Из сказанного можно сделать лишь один вывод: состояние языка в обществе и государстве непосредственно отражается на культурном и духовном уровнях нации, его деградация разобщает людей, обуславливает отход

¹ Жукова Л.В. Речевой портрет курсанта военного вуза // теория и практика актуальных исследований. 2016. № 13. С. 30.

² Там же. С. 32.

³ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. М.: Прогресс, 1984.

⁴ Потебня, А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989.

⁵ Палкин А.Д. Трактовка взаимосвязи языка и мышления: исторический экскурс // Вестник Московского института лингвистики. 2014. № 2-1. С. 54—65.

⁶ Азарнов Н.Н. Совместная деятельность и язык как факторы становления высшей ступени развития психики личности // Высшее образование сегодня. 2021. № 5. С. 44.

молодого поколения от традиционных ценностей, стимулирует презрительное от-

ношение к образованию, а затем — к обществу и государству.

Таблица 1

Употребление курсантами иноязычной лексики

Вид использования иноязычных конструкций	Примеры использования
Переключение с родного языка на один из изучаемых иностранных.	У меня билет 27 числа на 5 o'clock. У меня родители live отдельно. Yes конечно. Типо это, Happy New Year. Это good
Запись англицизмов при помощи кириллицы.	Сэнькю вери матч. Сенькю большое. Он бог. Точнее год! (от англ. 'God').
Употребление клишированных английских и немецких фраз во внеаудиторное время в рамках коммуникативной ситуации «курсант — преподаватель».	Hello, Mam! How are you? Guten Morgen, Frau Lektorin!
Образование неологизмов путем прибавления английских суффиксов и окончаний к русскому корню для достижения юмористического эффекта	Спешел форсиз ноу вопросиз. Ноу, просто долго объяснешен.
Транслитерация имени и фамилии латиницей и изречения на иностранном языке на странице в социальных сетях.	True love has no happy end, true love – has no end at all. Never give up!

Возникает вопрос о том, существует ли опасность изменения ментальности человека, самой сущности его личности в процессе изучения иностранных языков. Научных изысканий на эту тему мало, но существующие не могут не вызывать интерес. Так, исследование, проведенное в 2008 г., дало следующие результаты:

1. Из принявших участие в анкетировании 100 «человек, обучающихся на разных курсах факультета иностранных языков Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова ... только 35 % хотели бы снова родиться казахами, 24 % — русскими, 6 % ответили, что хотели бы родиться американцами, 4 % — англичанами, 23 % хотели бы принадлежать к другой национальности, например, к испанцам, немцам, французам, грекам»¹.

2. «Среди студентов колледжа г. Ноябрьска ... желание родиться в другой стране (Англии, США) высказало 68 % опрошиваемых, свыше 80 % желают выехать за пределы России!»².

3. Предпочтение в сфере культуры (музыка, литература, кулинария) студенты вуза и колледжа отдавали в пользу зару-

бежных стран, причем и те, кто проявил патриотизм и ответил на вопрос о сохранении национальности в случае гипотетической возможности родиться вновь положительно.

4. На вопрос о влиянии иностранного языка на их мировоззрение 87 % ответили положительно.

Автор исследования делает вывод о том, «что при изучении иностранного языка языковая личность студента меняется под воздействием культуры страны изучаемого языка, ... что студенты начинают видеть себя в рамках двух культур, т.е. они соотносят себя с этносом своих предков, с одной стороны, но с другой стороны, они ощущают себя и носителями другой культуры»³.

В рамках рассматриваемой проблемы приведенные выше результаты заставляют задуматься о том, как обеспечить сохранение языковой личности, ментальности, этнического статуса будущего офицера, изучающего в рамках военной профессии иностранные языки. Думается, прежде всего необходимо глубокое исследование влияния иностранных языков на курсантов военных вузов в сравнении с гражданскими учебными заведениями для дальнейшего анализа и выработки конкретных предложений.

¹ Шаброва Н.С. К проблеме трансформации языковой личности студента при обучении иностранному языку // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 6. С. 77.

² Там же.

³ Там же. С. 78.

Как представляется, существует острая необходимость изучения состояния русского языка в современной российской армии (в первую очередь в области подготовки будущих офицеров) как объекта национальной безопасности и выработки мер по планомерному и эффективному внедрению в армейскую среду принципов качественного владения устной и письменной речью.

В качестве конкретных предложений можно сформулировать следующие:

1. Внедрить практику статистических исследований с последующим научным обобщением состояния русского языка в курсантской среде.

2. Предусмотреть факультативные занятия по повышению речевой грамотности курсантов всех курсов.

3. Ввести дополнительные дисциплины по русскому языку, культуре речи и военному красноречию на выпускных курсах военных вузов.

4. Периодически проводить курсы повышения квалификации по русскому языку и культуре речи для преподавателей, офицеров, иных сотрудников военных вузов, вступающих в коммуникацию с курсантами.

Библиография

1. Авилов, Р.С. От солдатской безграмотности к революциям: низкий образовательный уровень нижних чинов как одна из причин Русской революции 1917 г. / Р.С. Авилов // Вестник РУДН. Серия: История России. — 2017. — Т. 16. — № 1. — С. 7—19.

2. Азарнов, Н.Н. Совместная деятельность и язык как факторы становления высшей ступени развития психики личности / Н.Н. Азарнов // Высшее образование сегодня. — 2021. — № 5. — С. 41—45.

3. Безугольный, А.Ю. Опыт строительства Вооруженных Сил СССР: национальный аспект (1922—1945 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук / А.Ю. Безугольный. — М., 2019.

4. Волкова, И.В. Российское военное строительство на фоне милитаризации стран союзников и противников и его испытание войной / И.В. Волкова // Вестник РУДН. Серия: История России. — 2019. — Т. 18. — № 1. — С. 11—30.

5. Далецкий, Ч.Б. Риторика в Вооруженных Силах Российской Федерации / Ч.Б. Далецкий // Предмет риторики и проблемы ее преподавания : материалы первой Всероссийской конференции по риторике. — М., 1998. — С. 206—215.

6. Жукова, Л.В. Речевой портрет курсанта военного вуза / Л.В. Жукова // Теория и практика актуальных исследований. — 2016. — № 13. — С. 26—39.

7. Кондрашова, О.В. Методика преподавания русского языка в военном авиационном вузе / О.В. Кондрашова, И. В. Шельдешова. — Краснодар : Изд-во КВВАУЛ, 2018. — 169 с.

8. Палкин, А.Д. Трактровка взаимосвязи языка и мышления: исторический экскурс / А. Д. Палкин // Вестник Московского института лингвистики. — 2014. — № 2-1. — С. 54—65.

9. Потехня, А.А. Слово и миф / А.А. Потехня. — М.: Правда, 1989.

10. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. — М.: Наука, 1988.

11. Рудник, С.Н. Всесословная воинская повинность, русское общество и грамотность новобранцев в России / С. Н. Рудник // Петербургский исторический журнал. — 2016. — № 1. — С. 14—25.

12. Фесенко, О.П. Особенности речевого поведения курсантов военного вуза (на примере учебного курса) / О. П. Фесенко // Наука и военная безопасность. — 2017. — № 3 (10). — С. 103—107.

13. Фесенко, О.П. Речевой портрет курсанта военного вуза : монография / О.П. Фесенко, С.С. Лаухина, И.В. Коноваленко. — Омск : ОАБИИ, Изд-во «Ипполитова», 2018. — 171 с.

14. Фесенко, О.П. Фонетическая составляющая речевого портрета современной молодежи (на примере речи курсантов военного вуза) / О.П. Фесенко // Вестник Волгоградского государственного университета. — Серия 2, Языкознание. — 2018. — Т. 17. — № 3. — С. 91—98. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.9>

15. Шаброва, Н.С. К проблеме трансформации языковой личности студента при обучении иностранному языку / Н.С. Шаброва // Вестник Адыгейского государственного университета. — Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2008. — № 6. — С. 76—79.

16. Шаменов, Б.М. Языковая грамотность курсантов военного вуза: к вопросу о необходимости совершенствования / Б.М. Шаменов, О.П. Фесенко // Молодежь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований : материалы II Всероссийской национальной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. В 4-х частях / отв. ред. Э.А. Дмитриева. — Комсомольск-на-Амуре, 2019. — С. 489—491.

Понятие, причины и источники информационных угроз: формально-правовой контекст

© Аулов Владимир Константинович,
кандидат юридических наук, доцент, судья в отставке, научный сотрудник Военного университета Минобороны России

Аннотация. Автор на основе семантического анализа терминов «информационная угроза», «угроза информационной безопасности Российской Федерации» предлагает объяснение правовой реальности конкретно-правового проявления такого рода угроз путем экстраполяции положений п. 57 Стратегии национальной безопасности на устоявшиеся категории правового института юридической ответственности.

Ключевые слова: национальная безопасность России, военная безопасность, угроза информационной безопасности Российской Федерации, информационные угрозы, информационная безопасность.

The concept, causes and sources of information threats: the formal legal context

© Aulov V.K.,
is a researcher at the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Candidate of Law, associate professor, retired judge

Abstract. The author, based on the semantic analysis of the terms "information threat", "threat to the information security of the Russian Federation", offers an explanation of the legal reality of the concrete legal manifestation of such threats by extrapolating the provisions of paragraph 57 of the National Security Strategy to the established categories of the legal institution of legal responsibility.

Keywords: national security of Russia, military security, threat to information security of the Russian Federation, information threats, information security.

Раскрытие юридической абстракций «угроза» методом военного права и в формально-правовом, и в содержательном, и в функциональном аспектах в целом находится на достаточной высоте для отраслевой юридической науки уровня.

Причина этому — масштабное присутствие данной правовой категории в системе негативных санкций, предусмотренных действующим законодательством. Речь идет о правовом институте юридической ответственности и о процедурах, связанных с привлечением к тому или иному виду юридической ответственности.

Достаточно отметить, что в 70 диспозициях статей УК РФ «угроза» является конструктивным элементом состава пре-

ступления¹. К этому следует прибавить и такие варианты понимания термина законодателем, как способ совершения преступления, способ осуществления принуждения, обстоятельство, исключающее преступность деяния, отягчающее или смягчающее наказание². Показатель частотности использования термина «угроза» в КоАП РФ несколько ниже. Двадцать четыре диспозиции статей данного кодекса предусматривают административное наказание за действия, которые можно квалифицировать как угрозу.

¹ Данные приводятся на 11 февраля 2022 г.

² Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. С. 10.

Объему вовлечения в правовой оборот термина «угроза» соответствует и высокая интенсивность работы органов военной юрисдикции по квалификации конкретных обстоятельств в качестве таковой. Оценка осуществляется, главным образом, в ходе исследования доказательств противоправных деяний, совершенных субъектами воинских правоотношений в рамках уголовных дел, дисциплинарного производства (в отношении лиц, перечисленных в ч. 1 ст. 2.5 КоАП РФ) и дел об административных правонарушениях. Сочетание распространенности термина и интенсивности правоприменительной практики позволило сформировать единообразное понимание сущностных параметров термина «угрозы» на основе устоявшихся правовых позиций судебной практики и практики прокурорского реагирования.

В информационном противоборстве единый подход к дефинированию термина «угроза» до настоящего времени отсутствует. Экстраполировать же устоявшиеся подходы к объективизации понятия «информационная угроза» на понятийное поле этого вида борьбы не представляется возможным по изложенным ниже причинам.

Первое: институционализация информационного противоборства как подотрасли военного права и дифференциация названной правовой категории «информационная угроза» от смежных, по сути, только начинается. В то время, как некоторые информационные угрозы (большей частью с использованием юридических технологий) возникли еще на стадии правовой формализации юридической конструкции российского федерализма¹.

В Военной доктрине Союзного государства, утратившей силу 4 ноября 2021 г., термин «информационное противоборство» характеризовал основные общие

черты современной войны в связке с качественным прилагательным «активный»².

В Военной доктрине Российской Федерации (2000 г.) обострение информационного противоборства оценивалось одним из факторов, определяющих военнополитическую обстановку (п. 2)³. Следующая по хронологии Военная доктрина Российской Федерации (2010 г.) рассматривала усиление роли информационного противоборства в качестве характерной черты военных конфликтов (подп. «г» п. 12)⁴.

В действующей Военной доктрине Российской Федерации понятие «информационное противоборство» традиционно упоминается при постановке задачи по развитию его сил и средств (подп. «в» п. 46)⁵ — точно так же, как и в утратившей силу Военной доктрине 2010 г. (подп. «в» п. 41). Кроме того, семантическая конструкция «информационное противоборство» присутствует и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации — все в том же контексте необходимости развития сил и средств информационного противоборства (подп. 10 п. 57)⁶.

Подобная локализация термина в документах стратегического планирования не позволяет определить правовые параметры информационных угроз методом буквального толкования.

Второе обстоятельство — юридико-технические особенности легитимации в военно-правовом тезаурусе термина «информационная угроза».

² Постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства от 26 декабря 2001 г. № 8 «О Военной доктрине Союзного государства».

³ Указ Президента Российской Федерации от 21 апреля 2000 г. № 706 «Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации».

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации».

⁵ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

¹ Аулов В.К., Туганов Ю.Н. Криминологическая политика Российской Федерации: концепция судебной реформы и мировая юстиция // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 5. С. 624—636.

До определенного момента термин «угроза» вообще не встречается в актах Президента Российской Федерации, посвященных информационной безопасности. Данный термин отсутствует и в тексте Указа Президента Российской Федерации от 6 октября 1998 г. № 1189 «О мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации в сфере международного информационного обмена», и в тексте пришедшего ему на смену в 2004 г. одноименного документа¹. Не было упомянутого термина и во всех пяти редакциях Указа Президента Российской Федерации от 17 марта 2008 г. № 351 «О мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации при использовании информационно-телекоммуникационных сетей международного информационного обмена»².

Полноценная легитимация термина «информационная угроза» начинается со второго раздела первой главы, утратившей в настоящее время силу Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, которая (2000 г.)³. Раздел, посвященный раскрытию основных понятий, в этой Доктрине отсутствует. Соответственно смысл названного термина не формализован: в тексте присутствует только лишь анализ видов и источников «угроз информационной безопасности Российской Федерации».

Современная политико-правовая парадигма, лежащая в основе понимания того же самого термина, несколько иная. В

подп. «б» п. 2 действующей Доктрины информационной безопасности Российской Федерации одновременно присутствует и развернутое наименование, и условное обозначение одного и того же юридического феномена⁴. При этом норма сформулирована таким образом, что угроза информационной безопасности Российской Федерации рассматривается тождественной «информационной угрозе». При этом игнорируются очевидным образом не совпадающие друг с другом содержательные параметры каждого синонима.

Иными словами, основной недостаток предметного поля, сформированного составным термином «информационная угроза» и производными от него лексическими конструкциями, является контекстная многозначность. Фактически речь идет о многозначности предиката «информационная», которое ситуативно может пониматься и как притяжательное (угроза кому? — информации), и как относительное (угроза чем? — информацией) прилагательное.

В рамках одного политико-правового документа подобный способ сокращения дефиниции особых коллизий не порождает. Тем не менее, правовая проблематика, связанная с устранением информационных угроз, значительно усложняется.

В частности, возможность использования двух составных терминов как равнозначных затрудняет понимание таких формулировок как «информационные угрозы развития новых цифровых рынков» (буквально — угрозы информационной безопасности Российской Федерации развития новых цифровых рынков)⁵, «информационные угрозы ЕАЭС» (буквально — угрозы информационной безопасности

¹ Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2004 г. № 611 «О мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации в сфере международного информационного обмена».

² Указ Президента Российской Федерации от 17 марта 2008 г. № 351 «О мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации при использовании информационно-телекоммуникационных сетей международного информационного обмена» в редакции Указов Президента Российской Федерации от 21 октября 2008 г. № 1510; от 14 января 2011 г. № 38; от 01 июля 2014 г. № 483; от 25 июля 2014 г. № 529; от 22 мая 2015 г. № 260.

³ Утверждена Президентом Российской Федерации 9 сентября 2000 г. № Пр-1895.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».

⁵ Макаруч Т.А., Уметбаев М.Р. Информационные угрозы развития новых цифровых рынков на базе on-Line торговых площадок в условиях цифровой экономики // Труды 5-ой Межд. науч. конф. «Технологическая перспектива в рамках Евразийского пространства: новые рынки и точки экономического роста». 2019. С. 270—272.

Российской Федерации ЕАЭС»)¹, «информационные угрозы цифрового социума» (буквально — угрозы информационной безопасности Российской Федерации цифрового социума)², «информационная безопасность субъекта Российской Федерации»³ и т.п. Порождаемая при этом правовая неопределенность усугубляется еще и многозначность термина «информация».

Вследствие этого в одних публикациях информационная угроза толкуется как угроза, исходящая от информации⁴, в других — как угроза целостности имеющейся информации⁵. Некоторые авторы рассматривают оба варианта одновременно⁶.

¹ Волконский В.А., Прасолов В.И. Актуальные информационные угрозы ЕАЭС в системе обеспечения национальной и экономической безопасности // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник : матер. XIX Национ. науч. конф. с межд. уч. М., 2020. С. 223—224.

² Бешенков С.А., Яламов Г.Ю. Информационные угрозы цифрового социума // Педагогическая информатика. 2020. № 2. С. 114—124.

³ Шугаева И.В. Оценка угроз информационной безопасности субъекта Российской Федерации // Ученые заметки ТОГУ. 2018. Т. 9. № 3. С. 1364—1368.

⁴ Шишина Е.А. Информационные угрозы как угроза национальной безопасности Российской Федерации: постановка проблемы // Сб. матер. межд. науч.-практ. конф. «Правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: история и современность». 2020. С. 165—171; Царелунга Д.Г. Информационные угрозы психическому развитию человека // Сб. матер. Всерос. студен. конвент «Инновация». 2016. С. 442—446.

⁵ Колосов С.В. Роль управленческих решений в подготовке летного состава для выполнения поставленных задач: психология, информационные «угрозы» // Сб.: науч. ст. межд. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы современных наук. инновационные тенденции развития». Челябинск, 2015. С. 61—65; Каратунова Н.Г. Информационные угрозы в программном обеспечении // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2016. № 2—3 (70—71). С. 155—159.

⁶ Кузнецова О.В. Правовое регулирование информационных отношений: теоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2004. С. 18. См. также: Туганов Ю.Н., Журавлев С.И. Актуальные вопросы правового регулирования организации представления военнослужащими сведений о размещении общедоступной информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Право в

Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 10. С. 18—20.

Таким образом можно констатировать наличие очевидного системного дефекта п. «б» ст. 2 Доктрины, который имеет недопустимо высокий уровень риска разрушения всего семантического поля информационного противоборства. Стоит еще раз подчеркнуть: в Доктрине обе лексические конструкции воспринимаются как тождественные и взаимозаменяемые. На самом деле эти понятия далеко не идентичны по смыслу. Более того, в Доктрине лексическая единица «информационная угроза» вовсе лишена какого-либо самостоятельного смыслового наполнения, так как является условным знаком другого термина.

Не исключено, что все эти обстоятельства заставляют законодателя не придерживаться строго терминологии, используемой в Доктрине при дефинировании угроз в информационной сфере. Например, результатом изменений в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» стало внедрение в п. 4 ч. 13 ст. 14.1 термина «перечень угроз безопасности, актуальных при обработке биометрических персональных данных, их проверке и передаче информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица»⁷. Далее по тексту идут отсылки к «использованию средств защиты информации, позволяющих обеспечить безопасность персональных данных от угроз, определенных в соответствии с названным выше пунктом». В ч. 1 ст. 15.3 того же Федерального закона речь идет об «информации, которая создает угрозу», с последующим перечислением объектов, которым такая информация может нанести ущерб.

Сходный юридико-технический прием использован законодателем и в п. 11 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке», где

Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 10. С. 18—20.

⁷ Речь идет об изменениях, внесенных Федеральным законом от 29 декабря 2020 г. № 479-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

среди прочих предоставленных органам внешней разведки полномочий говорится о защите своих сил, средств и информации от противоправных действий и угроз. Отсутствует термин «информационные угрозы» и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400.

Действуя параллельно с Доктриной, Стратегия оперирует базовым термином «угроза национальной безопасности» (подп. 5 п. 5 акта стратегического планирования). Для конкретизации термина применительно к информационной безопасности, используется произвольная от базовой формулировка: «угроза информационной безопасности Российской Федерации». Окружающие ее правовой контекст не оставляет сомнений в однозначности толкования сущностных признаков этого вида угроз (подп. 2 п. 57 Стратегии).

Таким образом, примененный законодателем юридико-технический прием создания юридической конструкции понятия «угроза» в информационной сфере, выглядит предпочтительней, чем-то же самое многомысленное понятие Доктрины.

При таких обстоятельствах универсальное объяснение правовой реальности конкретно-правового проявления угроз информационной безопасности Российской Федерации предлагается осуществить экстраполяцией положений п. 57 Стратегии на устоявшиеся категории правового института юридической ответственности.

При принятии этого допущения за исходную аксиому в системно-деятельностной модели правового обеспечения информационного противоборства угрозами информационной безопасности будут умышленные и неосторожные деяния (действия или бездействие), которые препятствуют:

1) формированию безопасной среды оборота достоверной информации, повышению защищенности информационной инфраструктуры Российской Федерации и устойчивости ее функционирования;

2) развитию системы

прогнозирования, выявления и предупреждения угроз информационной безопасности Российской Федерации, определения их источников, оперативной ликвидации последствий реализации таких угроз;

3) предотвращению деструктивного информационно-технического воздействия на российские информационные ресурсы (включая объекты критической информационной инфраструктуры Российской Федерации);

4) созданию условий для эффективного предупреждения, выявления и пресечения преступлений и иных правонарушений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий;

5) повышению защищенности и устойчивости функционирования единой сети электросвязи Российской Федерации, российского сегмента сети «Интернет», иных значимых объектов информационно-коммуникационной инфраструктуры, а также установлению контроля России за их функционированием;

6) снижению количества утечек информации ограниченного доступа и персональных данных, а также уменьшению количества нарушений, установленных российским законодательством требований по защите такой информации и персональных данных;

7) предотвращению и (или) минимизации ущерба национальной безопасности, связанного с осуществлением иностранными государствами технической разведки;

8) обеспечению защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина при обработке персональных данных, в том числе с использованием информационных технологий;

9) укреплению информационной безопасности Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, а также разработчиков и изготовителей вооружения, военной и специальной техники;

10) развитию сил и средств

информационного противоборства;

11) противодействию использованию информационной инфраструктуры Российской Федерации экстремистскими и террористическими организациями, специальными службами и пропагандистскими структурами иностранных государств для деструктивного информационного воздействия на граждан и общество;

12) совершенствованию средств и методов обеспечения информационной безопасности на основе применения передовых технологий, включая технологии искусственного интеллекта и квантовых вычислений;

13) обеспечению приоритетного использования в информационной инфраструктуре Российской Федерации российских информационных технологий и оборудования, отвечающих требованиям информационной безопасности, в том числе при реализации национальных проектов (программ) и решении задач в области цифровизации экономики и государственного управления;

14) укреплению сотрудничества Российской Федерации с иностранными партнерами в области обеспечения информационной безопасности, в том числе в целях установления международно-правового режима обеспечения безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий;

15) доведению до российской и международной общественности достоверной информации о внутренней и внешней политике Российской Федерации;

16) развитию взаимодействия органов публичной власти, институтов гражданского общества и организаций при осуществлении деятельности в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации.

Что касается причин и источников информационных угроз, то, согласно п. 57 Стратегии, достижение цели обеспечения информационной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики.

Исходя из этого, следующим по значимости направлением совершенствования правового обеспечения информационного противоборства может стать ограничение государственной политики в области информационного противоборства от смежных политических процессов — прежде всего государственной политики в области обеспечения информационной безопасности и государственной политики по защите информации.

Поставленную задачу предлагается разрешить методом военного права при включении в системно-деятельностную модель правового обеспечения информационного противоборства теоретической конструкции изложенных ниже дефиниций, находящихся друг с другом в логической взаимосвязи и политико-правовом единстве:

— источник внешних угроз информационной безопасности — политика в области информационного противоборства субъектов политической конкуренции с Российской Федерацией;

— источник внутренних угроз информационной безопасности — необоснованные решения при реализации внутренней государственной политики Российской Федерации;

— причина внешних угроз информационной безопасности — стремление субъектов политической конкуренции к уничтожению российской государственности;

— причина внутренних угроз информационной безопасности — стремление находящихся на территории Российской Федерации субъектов правоотношений к уничтожению российской государственности.

Библиография

1. Аулов, В.К. Криминологическая политика Российской Федерации: концепция судебной реформы и мировая юстиция / Ю.Н. Туганов, В.К. Аулов // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15. — № 5. — С. 624—636.
2. Бешенков, С.А. Информационные угрозы цифрового социума / С.А. Бешенков, Г.Ю. Яламов // Педагогическая информатика. — 2020. — № 2. — С. 114—124.

3. Волконский, В.А. Актуальные информационные угрозы ЕАЭС в системе обеспечения национальной и экономической безопасности / В.А. Волконский, В.И. Прасолов // Сб.: Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегод.: матер. XIX Национ. науч. конф. с межд. уч. — М., 2020. — С. 223—224.

4. Каратунова Н.Г. Информационные угрозы в программном обеспечении / Н.Г. Каратунова // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. — 2016. — № 2-3 (70-71). — С. 155—159.

5. Колосов С.В. Роль управленческих решений в подготовке летного состава для выполнения поставленных задач: психология, информационные «угрозы» / С.В. Колосов // Сб.: науч. ст. межд. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы современных наук. инновационные тенденции развития». — Челябинск, 2015. — С. 61—65.

6. Крашенинников, А.А. Угроза в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Крашенинников. — Казань, 2002.

7. Кузнецова, О.В. Правовое регулирование информационных отношений: теоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / О.В. Кузнецова. — М., 2004.

8. Макаручук, Т.А. Информационные угрозы развития новых цифровых рынков на базе on-Line торговых площадок в условиях цифровой

экономики / Т.А. Макаручук, М.Р. Уметбаев // Тр. 5-ой Межд. науч. конф. «Технологическая перспектива в рамках Евразийского пространства: новые рынки и точки экономического роста». — 2019. — С. 270—272.

9. Туганов, Ю.Н. Актуальные вопросы правового регулирования организации представления военнослужащими сведений о размещении общедоступной информации в информационно - телекоммуникационной сети «Интернет» / Ю.Н. Туганов, С.И. Журавлев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2017. — № 10. — С. 18—20.

10. Царелунга, Д.Г. Информационные угрозы психическому развитию человека / Д.Г. Царелунга // Сб. матер. Всерос. студен. Конф. «Инновация». — 2016. — С. 442—446.

11. Шишина, Е.А. Информационные угрозы как угроза национальной безопасности Российской Федерации: постановка проблемы / Е.А. Шишина // Сб. матер. межд. науч.-практ. конф. «Правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: история и современность». — 2020. — С. 165—171.

12. Шугаева, И.В. Оценка угроз информационной безопасности субъекта Российской Федерации / И.В. Шугаева // Ученые заметки ТОГУ. — 2018. — Т. 9. — № 3. — С. 1364—1368.

Социально-правовые аспекты безопасности военной службы в системе национальной безопасности Российской Федерации

© Кириллов Николай Петрович,
кандидат социологических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры социологии
ФГКВОУ ВО «Военный университет имени
князя Александра Невского» Министерства
обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье рассмотрены социально-правовые аспекты безопасности военной службы (БВС) в системе национальной безопасности Российской Федерации и особенности их раскрытия в рамках учебного процесса высших военных учебных заведений Министерства обороны с учетом требований Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г.

Ключевые слова: безопасность военной службы; безопасность жизнедеятельности; военнослужащий; личность, человек; защищенность личности, общества, государства.

Socio-legal aspects of the security of military service in the national security system Of the Russian Federation

© Kirillov N.P.,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Senior Lecturer of the Department of Sociology of the
Alexander Nevsky Military University of the Ministry of
Defense of the Russian Federation

Annotation. The article considers the socio-legal aspects of the security of military service (MEN) in the national security system of the Russian Federation and the specifics of their disclosure in the educational process of higher military educational institutions of the Ministry of Defense, taking into account the requirements of the National Security Strategy of the Russian Federation 2021.

Keywords: security of military service; life safety; serviceman; personality, person; security of personality, society, state.

Сегодня в России суть безопасности жизнедеятельности (БЖД) заключается в защите не только самого института государства и его важнейших элементов, а в большей степени — состоянии защищенности личности и общества. Необходимо отметить, что сама личность характеризуется основным объектом, подлежащем защите со стороны не только общества, но и государства. При этом личность является ведущим компонентом триединой системы «личность-общество-государство»¹.

Об этом свидетельствует существующая в настоящее время и активно действующая система нормативно-правовых документов, закладывающих методологические и методические основы для изучения теоретических основ важнейшей проблемы современности — вопросов безопасности.

К ним можно отнести комплекс основополагающих документов: *Конституцию Российской Федерации (ст. 83)*, *Федеральный закон «О безопасности»*, ежегодные послания Президента Российской Федера-

¹ Безопасность жизнедеятельности : учебник / А.А. Солдатов, Н.П. Кириллов, М.Ю. Мартынова и

др. М.: Российский государственный социальный университет, 2019.

ции Федеральному Собранию Российской Федерации, Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации. На их базе разработаны и действуют подзаконные акты: указы Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, приказы, инструкции, распоряжения и иные нормативные акты министерств и ведомств России.

Одним из ведущих документов, регулирующих процесс безопасности жизнедеятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации, являются Общевоинские уставы Вооруженных Сил, регламентирующие жизнь и быт военнослужащих, а также порядок их взаимоотношения между собой и повседневную деятельность. Об этом свидетельствует гл. 7 УВС ВС РФ, детально регламентирующая процесс обеспечения безопасности военной службы (БВС) в современных условиях.

Суть данного процесса заключается не только в содержании в полку (в т.ч. подразделении) безопасных условий военной службы, но и порядка ее несения, обеспечивающих высокую защищенность всего личного состава, а также в отдельности каждого военнослужащего как личности. Важное место здесь занимает защищенность местного населения, принадлежащего ему имущества, а также окружающей его среды от воздействия негативных и опасных факторов военной службы, возникающих в процессе повседневной жизнедеятельности полка (подразделения). А этот процесс, как показывают научные исследования и практика жизни, во многом зависит не только от военной организации, но и от системы безопасности, созданной в государстве и обществе. Для ее углубленного и детального изучения в рамках подготовки специалистов в высших военных учебных заведениях согласно требованиям ФГОСЗ++ введена учебная дисциплина «Безопасность жизнедеятельности», которая по своей природе носит системообра-

зующий и интегрирующий характер¹. Поэтому военные вузы в рамках изучения данной дисциплины должны учитывать при переходе к освоению безопасного поведения в сфере обороны страны эти обстоятельства.

Логика данного анализа представлена автором в структурно-логической модели исследования социально-правовых аспектов БВС в системе национальной безопасности Российской Федерации (в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации 2021 г.), которая отражена на рис. 1.

Объем статьи не позволяет автору проанализировать все компоненты данной модели, поэтому сосредоточим внимание читателей на основных проблемах, затрудняющих процесс её реализации.

Теоретическая база безопасности включает в себя: понятийный аппарат, предназначенный для рассмотрения вопросов обеспечения безопасности, их описания и рассмотрения этих явлений в данной сфере; методы и способы комплексного анализа, описания, а также прогнозирования опасностей и угроз, имеющих различную природу; классификацию различных негативных и опасных факторов, влияющих на явления и процессы в системах жизнедеятельности; принципы и методы формирования начальных (исходных) показателей, а также норм безопасности создаваемым и существующим элементам систем безопасности; способы и методы системы управления показателями системы безопасности на базе проводимого мониторинга существующих опасностей и угроз, а также выбора и определения наиболее реальных мер и способов защиты от негативных процессов; основы разработки требований по вопросам безопасности в деятельности сотрудников из различных систем и населения в области общественной безопасности, продовольственной, информационной, социальной,

¹ Кириллов Н.П. Социологическая концепция институционализации социально-экологического управления в Вооруженных Силах Российской Федерации // Социальная политика и социология. 2013. № 6-2 (101). С. 7—24.

экономической, транспортной безопасности, а также безопасности личности.

Социально-правовые аспекты безопасности военной службы в системе национальной безопасности Российской Федерации (в соответствии с СНБ-2021)

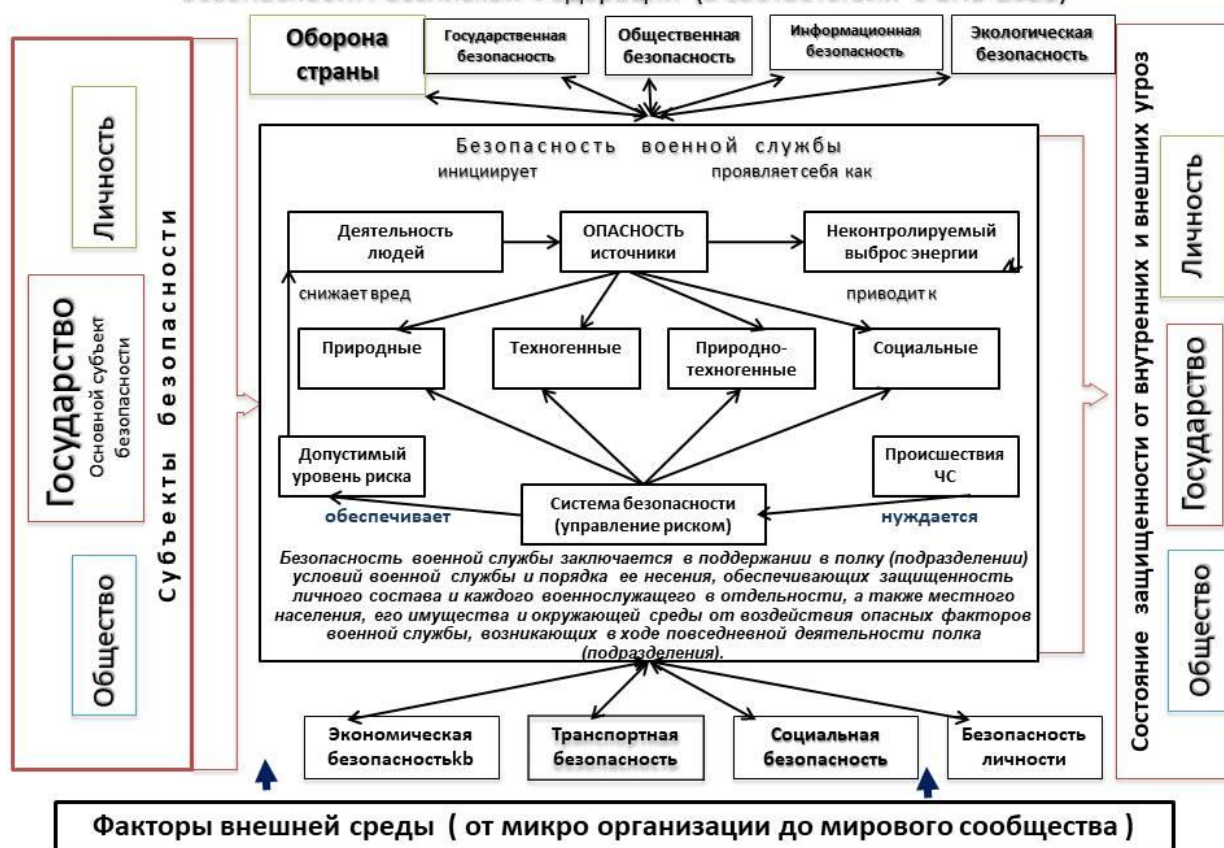

Рис. 1. Социально-правовые аспекты БВС в системе национальной безопасности России (в соответствии с СНБ-2021)

Это логика сегодняшней жизни российского военнослужащего, которая может привести к формированию «духовных скрепов» нашего общества, где главным действующим механизмом выступает личность военнослужащего.

В этом случае личность военнослужащего рассматривается нами как активный объект и субъект социальной действительности, играющий решающую роль в системе обороны страны и безопасности жизнедеятельности российского общества и государства. Учитывая вышеизложенное, в рамках оптимизации и повышения эффективности курса «Безопасность жизнедеятельности» в высших учебных заведениях Российской Федерации полагаем целесообразным усилить теоретико-методологический блок дисциплины, раскрывающий ее мировоззренческое значе-

ние и диалектическую взаимосвязь с другими дисциплинами в вопросах безопасности, преподаваемых в вузах. Кроме того, целесообразно углубить знания обучаемых в области безопасности жизнедеятельности через раскрытие сущности процесса защищенности системы личность-общество-государство от внутренних и внешних угроз, в том числе и в чрезвычайных ситуациях и военных конфликтах¹.

Как известно, любой процесс нуждается в управлении. Это полностью относится и к процессу управления социально-правовыми аспектами БВС. Он представляет собой непрерывный целенаправленный циклический процесс воздействия ор-

¹ Бондаренко В.Ф., Кириллов Н.П. Социально-экологическое управление военной организацией: вопросы теории и практики // Социальная политика и социология. 2012. № 5 (83). С. 13—27.

гана управления на объект для оптимального преобразования ресурсов в требуемый уровень социальной безопасности. Его содержательная часть включает в себя планомерный непрерывный процесс поступления и анализа информации о состоянии безопасности объекта (объект управления), а также подготовки, принятия и реализации управленческих решений по осуществлению мероприятий, направленных на обеспечение требуемого уровня социальной безопасности¹. По своей природе он идентичен процессу управления социотехническими системами с участием людей как объектов и субъектов управления, называемых системами менеджмента. Это даёт нам право предположить, что система, принципы, функции, методы, формы и контуры управления БЖД во многом схожи с общей системой управления безопасностью военной службы

БВС, органично вписываясь в систему национальной безопасности Российской Федерации, в нашем случае является центральным, связующим звеном между всеми видами безопасности, определенными в данном случае Стратегией-2021. По своей природе безопасность, в том числе и БВС постоянно разрабатывает механизмы по обеспечению защищенности основных объектов безопасности от основных видов угроз, которые на данный момент наиболее характерны для них. В нашем случае они определены государством и включают в себя государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности.

Опуская вопросы рассмотрения сущности и содержания указанных видов безопасности, остановимся проблемах БВС. Следуя логике данного подхода при определении сущности, структуры и содержания процесса БВС, целесообразно отметить, что в условиях армейской деятельности главным механизмом эффективности его осуществления будет система управления.

Особенности военной службы отличаются особой системой формализации

отношений между военнослужащими. Однако они ни в коем случае не исключают из системы взаимодействия военнослужащих комплекс неформальных отношений, играющих особую роль в демократизации военно-социальных отношений БВС. Исходя из данного утверждения, общими условиями обеспечения БВС в полку (подразделении) являются создание условий для поддержания воинской дисциплины, как социального явления, основанного на строгом и точном соблюдении военнослужащим порядка и правил, которые установлены соответствующими законодательными актами, уставами Вооруженных Сил, а также приказами командиров и начальников различных уровней. Дисциплина базируется на осознанном поведении каждым военнослужащим при выполнении воинского долга, а также повышении своей личной ответственности при защите своей Родины².

Важным элементом системы БВС является эффективность процесса по обеспечению удовлетворительного морально-психологического состояния, военнослужащих, а также состояние его здоровья. Характер служебно-боевой деятельности военнослужащих нередко вызывает у них разные психические состояния. Если они относятся к положительным состояниям, вызывающим положительные эмоции, которые способствуют повышению эффективности деятельности военнослужащего, то это способствует положительному процессу БВС. Отрицательные состояния, которые затрудняют процесс жизнедеятельности военнослужащего, должны быть тщательно проанализированы всеми командирами и начальниками, ибо они несут в себе потенциальную угрозу жизни и здоровью воина. Специфика и особенность пограничной обстановки, которая влияет на процесс, под воздействием которого генерируются те или иные психические состояния, как правило, складываются из различных факторов внутренней и внешней среды полка (подразделения). В их структуре мы выделяем наличие разного рода опасности, климатические и времени

¹ Там же.

² Бондаренко В.Ф., Кириллов Н.П. Указ. соч.

суток условия, место нахождения и т.д. При этом мы должны понимать, что характер деятельности современного военнослужащего не может быть эффективной без осознанной высокой личной ответственности за защиту своего Отечества.

Таким образом, БВС как составная часть безопасности Российской Федерации, в качестве объектов и субъектов безопасности объективно воспринимает управляющее воздействие системы личность-общество-государство, которые выступают как объект и субъект безопасности. Реализуя в процессе своего функционирования их требования, субъект БВС посредством своей деятельности обеспечивает необходимый уровень состояния защищенности личности военнослужащего, подразделения, полка от внутренних и внешних угроз.

В федеральных государственных организациях, которые осуществляют подготовку учащихся (кадров) в интересах обороны (безопасности) государства, а также обеспечения процесса законности и правопорядка, особенности организации учебного процесса в области БЖД устанавливается федеральным государственным органом, в ведении которого находятся соответствующие организации.

Руководствуясь данным положением и с учетом требований универсальной компетенции УК-8. «Способен создавать и поддерживать в повседневной жизни и в профессиональной деятельности безопасные условия жизнедеятельности для сохранения природной среды, обеспечения устойчивого развития общества, в том числе при угрозе и возникновении чрезвычайных ситуаций и военных конфликтов» Минобороны России постоянно разрабатывает механизмы по обеспечению защищенности основных объектов безопасности от основных видов угроз, которые на данный момент наиболее характерны для них. В нашем случае в роли данных механизмов выступают индикаторы достижения данной универсальной компетенции УК-8.

Среди них выделяются:

— УК-8.1 — выявление опасных и вредных факторов профессиональной деятельности;

— УК-8.2 — обеспечение повседневной деятельности подразделения, в том числе при угрозе возникновения чрезвычайных ситуаций и военных конфликтов;

— УК-8.3 — оказание первой помощи при ранениях, травмах, отравлениях, острых заболеваниях, несчастных случаях, катастрофах и поражении ОМП с использованием табельных и подручных средств;

— УК-8.4 — знание особенностей военного конфликта, этапов его зарождения и развития, технологии урегулирования, применение полученных знаний в профессиональной деятельности.

По мнению автора, в новых образовательных стандартах от повторения известных аксиом, предусматривающих защиту от природных и техногенных опасностей и угроз, среднее и высшее образование должно перейти к сосредоточению своего внимания на вопросах освоения культуры безопасности в сферах семейных отношений, национальной безопасности, продовольственной сфере, информационной, экономической, транспортной безопасности, криминальной составляющей. С этими проблемами защиты и выживания граждане современного российского общества сталкиваются гораздо чаще, чем с негативными природными явлениями и техногенными опасностями и катастрофами. Поэтому главным направлением в курсе БЖД должна стать, прежде всего, забота об охране и укреплении здоровья человека, его безопасности в нравственном, культурологическом, экономическом, психологическом, правовом и других аспектах. Именно данные показатели создают условия для обеспечения удовлетворительного морально-психологического состояния личного состава, а также состояния здоровья военнослужащих¹.

Центральным звеном в решении проблемы разработки теории изучения и прак-

¹ Кириллов Н.П. Экопсихологический подход и модель образовательной среды // Актуальные проблемы техногенной и экологической безопасности : Сборник научных трудов. М., 2010. С. 243—254.

тики преподавания дисциплины БЖД в вузах Российской Федерации является совершенствование российского законодательства, заключающееся в четком законодательном определении категории «безопасность».

В редакцию действующего Федерального закона «О безопасности» рекомендуется внести изменения, касающиеся понятий безопасности и её объектов. Внимание целесообразно уделить категории «безопасность», как центральному звену, от решения которого во многом зависит научное, теоретическое и практическое решение проблемы безопасности в нашей стране.

Важным является вывод об особом социоприродном характере действующей компетенции УК-8, определяющей приоритетность форм действий экологического и социального воздействия в целях обеспечения БЖД личности, общества и государства.

Центральным звеном редакции компетенции УК-8 должен выступать необходимый уровень значимых потребностей личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии, в том числе и в чрезвычайных ситуациях и военных конфликтах. Такая интерпретация компетенции УК-8 носит характер актуальности, законности, конкретности, логичности и измеряемости, поскольку она позволяет разработать и применить конкретную систему индикаторов в категории «уровень».

Актуально обстоит вопрос о вводе в состав ныне существующих научно-методических советов по дисциплине БЖД, которые созданы в основном в технических вузах Российской Федерации, представителей социально-гуманитарного направления: философов, политологов, социологов, юристов, экономистов и т.д. Это будет способствовать процессу гуманизации содержания данной дисциплины.

Полученные выводы о коррекции и обновлении содержания вопросов, связанных с методологическими подходами к изучению учебной дисциплины БЖД в системе высшего образования, которые представлены в данном исследовании, с особой остротой подчеркивают необходи-

мость дальнейшей её проработки как науки и учебной дисциплины. В её основу должен быть положен биосоциальный подход к изучению процессов, происходящих не только в России, но и в мировом сообществе, на что нацеливает Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2021 г.

Библиография

1. Безопасность жизнедеятельности : учебник / А.А. Солдатов, Н.П. Кириллов, М.Ю. Мартынова и др. — М.: Российский государственный социальный университет, 2019. — 556 с.
2. Бондаренко, В.Ф. Социально-экологическое управление военной организацией: вопросы теории и практики / В.Ф. Бондаренко, Н.П. Кириллов // Социальная политика и социология. — 2012. — № 5 (83). — С. 13—27.
3. Кириллов, Н.П. Социологическая концепция институционализации социально-экологического управления в Вооруженных Силах Российской Федерации / Н.П. Кириллов // Социальная политика и социология. — 2013. — № 6-2 (101). — С. 7—24.
4. Кириллов, Н.П. Экопсихологический подход и модель образовательной среды / Н.П. Кириллов // Актуальные проблемы техногенной и экологической безопасности : Сборник научных трудов. — М., 2010. — С. 243—254.

Современные проблемы и перспективы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации

© Корякин Виктор Михайлович,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Гражданское право, международное частное право и гражданский процесс» Российского университета транспорта, профессор 25 кафедры Военного университета Минобороны России

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на фундаментальный научный труд «Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации», увидевший свет в конце 2021 г., подготовленный коллективом авторов под эгидой ведущего военно-научного центра России — Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации. В научном труде всесторонне и комплексно проанализированы современные и прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации, их влияние на жизнедеятельность российского общества, региональную и пространственную безопасность государства в XXI в. По итогам проведенного анализа авторами определены основные направления совершенствования системы национальной безопасности Российской Федерации, разработаны предложения военно-политическому руководству страны по применению превентивных мер нейтрализации прогнозируемых вызовов и угроз национальной и международной безопасности с использованием всего спектра имеющихся и перспективных сил и средств российского государства.

Ключевые слова: национальная безопасность; военная безопасность; вызовы и угрозы национальной безопасности; нейтрализация военных угроз.

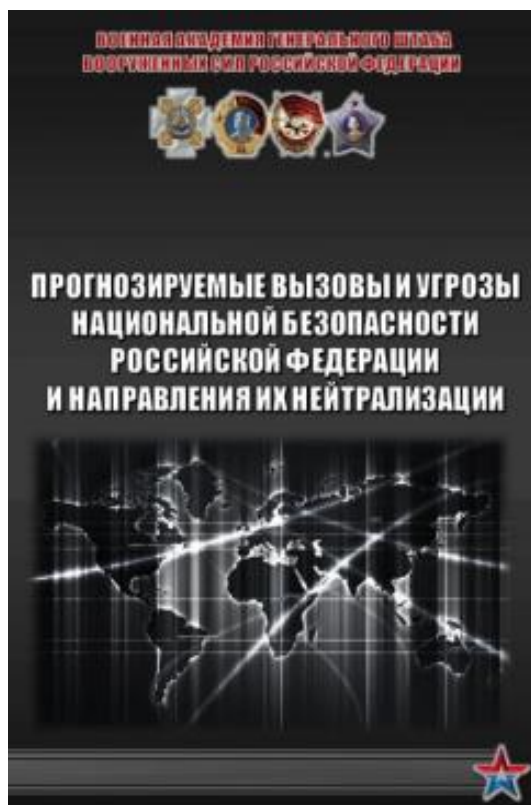
Modern problems and prospects of ensuring the national security of the Russian Federation

© Koryakin V.M.,

Doctor of Law, Professor, Head of the Department "Civil Law, International Private Law and Civil Procedure" of the Russian University of Transport, Professor 25 of the Department of the Military University of Mines of Russia

Annotation. The article is a review of the fundamental scientific work "Projected challenges and threats to the national security of the Russian Federation and the directions of their neutralization", published at the end of 2021, prepared by a team of authors under the auspices of the leading military scientific center of Russia - the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation. The scientific work comprehensively and comprehensively analyzes the current and projected challenges and threats to the national security of the Russian Federation, their impact on the life of Russian society, regional and spatial security of the state in the XXI century. Based on the results of the analysis, the authors identified the main directions for improving the national security system of the Russian Federation, developed proposals to the military and political leadership of the country on the use of preventive measures to neutralize the predicted challenges and threats to national and international security using the full range of available and promising forces and means of the Russian state.

Keywords: national security; military security; challenges and threats to national security; neutralization of military threats.

В канун нового 2022 г. в издательстве Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) вышло научное издание, в котором представлены результаты новейших исследований в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, осуществленные под общим научным руководством Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации¹. Напомним, что согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, *национальная безопасность Российской Федерации* — это состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-

¹ Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / под общей ред. А.С. Коржевского. М.: Изд-во РГГУ, 2021.

экономическое развитие страны. В свою очередь, *национальные интересы Российской Федерации* — объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии.

В книге отмечается, что современный мир переживает период глубоких перемен, следствием которых является формирование полицентричной системы международных отношений. Под влиянием существующих и перманентно возникающих обстоятельств она постоянно усложняется, становится все более динамичной. В мире складываются новые центры экономического и политического влияния, происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение в Азиатско-Тихоокеанский регион. Сокращаются возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике. Отчетливо проявляются многообразие и своеобразие национальных культур и мировых цивилизаций, множественность и вариативность моделей развития организованных социальных систем и систем государственного и военного управления.

Изменения в мире и их динамика сопровождаются военными конфликтами разной интенсивности, неконтролируемым ростом сепаратизма, экстремизма и неонацизма, разрастанием и распространением международного терроризма. Насаждаемый в мировом пространстве «управляемый хаос» является следствием политики США и их союзников, проводимой ими в интересах сохранения всеми возможными способами своего доминирующего положения в мире.

Циничный экспорт «цветных революций» и насильственная смена неугодных политических режимов осуществляются США и их союзниками в нарушение норм международных права, с пренебрежением норм морали. При этом насильственное воздействие на «неугодные» государства США осуществляют не только путем открытого применения военной силы, но и с применением комплексных мер непрямого воздействия при неявном (скрытом) использовании национальных (коалиционных) вооруженных сил. Наглядным под-

тверждением этого являются события в соседней с нами Украине, что вынудило российское руководство принять адекватные, в том числе, военные меры по защите наших граждан, проживающих в Донбассе.

Внешнеполитический курс США и стран Западной Европы в своей основе отражает глубокую враждебность их политических элит в отношении Российской Федерации. Реагируя на политику силовой реализации национальных интересов США и их союзников по НАТО, Российская Федерация рассматривает ее как основной источник вызовов и угроз своей национальной безопасности. В современном геополитическом пространстве реальные и потенциальные вызовы и угрозы национальной безопасности России имеют чрезвычайно разнообразные формы. Они имеют не только военный характер, но и все больше смещаются в невоенную сферу, приобретают комплексный, гибридный характер. Обеспечение национальной безопасности остается одной из главных задач военно-политического руководства Российской Федерации, качественное решение которой во многом определяет жизнеспособность, благополучие, стабильность и перспективы развития российского общества в XXI в. Особое значение в решении этих проблем имеют оценка и прогнозирование вызовов и угроз национальной безопасности.

Необходимым фактором решения этой задачи является анализ и прогнозирование современных вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации¹, выработка мер и направлений по их нейтрализации. Специфика современного мирового развития, необходимость проведения комплексного анализа вызовов и угроз по отдельным сферам жизнедеятельности российского общества, регионам и пространствам России, предопределили решение руководства Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил

Российской Федерации о привлечении к разработке рецензируемого научного труда известных российских теоретиков и практиков, осуществляющих свою деятельность в области международной и национальной безопасности, не только в военных, но и гражданских высших образовательных учреждениях и научно-исследовательских организациях.

Итогом совместной плодотворной работы авторского коллектива стали научные разработки в области безопасности личности, общества и государства, выводы и предложения военно-политическому руководству Российской Федерации, профильным министерствам и ведомствам по нейтрализации прогнозируемых вызовов и угроз национальной безопасности, представленные в главах и параграфах научного труда. Научный труд предназначен для органов государственной власти и военного управления, профессорско-преподавательского состава, научных работников, адъюнктов, аспирантов и докторантов высших учебных заведений Минобороны России и Минобрнауки России, а также экспертов и специалистов, занимающихся проблемами обеспечения международной и национальной безопасности.

Структурно научная монография «Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации» состоит из 4 глав, в которых логически последовательно раскрывается замысел научного исследования современных проблем национальной безопасности России.

В *первой главе* «Особенности современного мироустройства и его влияние на национальную безопасность России в краткосрочной и среднесрочной перспективе» дана развернутая характеристика современной военно-политической обстановки в мире и ее влияния на систему международной и национальной безопасности, показаны современные тенденции развития системы международных отношений. Здесь же дано научное описание современных форм межгосударственного противоборства и их влияния на национальную безопасность Российского государства. Отдельно рассмотрены нацио-

¹ Угроза национальной безопасности — совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам Российской Федерации (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации).

нальные интересы как основа деятельности российского государства в XXI в.

Вторая глава научного труда посвящена анализу и прогнозам развития вызовов и угроз безопасности в самых разнообразных сферах жизнедеятельности российского общества в XXI в.: в международной, политической, экономической, военной, оборонно-промышленной, информационной, социальной, транспортной, энергетической, экологической, культурной, духовно-нравственной сферах, в сферах науки и образования, здравоохранения, в демографической сфере. Важно отметить, что в данном разделе книги не только констатируются соответствующие вызовы и угрозы, но и дается прогностическая оценка динамики их развития, а также научно представлены обоснованные рекомендации по их сдерживанию и нейтрализации.

Научному анализу современных и прогнозируемых вызовов и угроз региональной и пространственной безопасности Российской Федерации посвящена *третья глава* рецензируемого исследования.

Последовательно рассмотрены вызовы и угрозы:

- в приграничном и трансграничном пространствах;
- в сухопутном пространстве;
- в морском пространстве;
- в воздушном пространстве;
- в космическом пространстве;
- в кибернетическом пространстве;
- в Западном регионе;
- в Ближневосточном регионе;
- в Центрально-Азиатском регионе;
- в Дальневосточном регионе;
- в Арктическом регионе;
- в Каспийском и Черноморском регионах;
- в регионах Междуморья¹ и Восточного Средиземноморья.

В той же главе отдельно проанализированы вопросы международного контроля над вооружениями как фактора обеспечения безопасности в глобальном

¹ *Междуморье* — это геостратегический проект объединения под польским руководством стран, расположенных между Балтийским морем на севере и Черным и Адриатическим морями на юге. (С. 456 рецензируемой монографии).

пространстве, а также проблемы военного присутствия России как инструмента обеспечения пространственной и региональной безопасности государства. При этом под *военным присутствием* в рецензируемом научном труде понимаются военно-политические меры, предпринимаемые государством за пределами своей территории для предотвращения военной опасности и других угроз национальной безопасности. С точки зрения военной науки понятие «военное присутствие» определяется как реальное размещение регулярных войск государства за рубежом на краткосрочной или долгосрочной основе². Именно этот способ обеспечения национальной и региональной безопасности Российской Федерации намерена применить в отношении Донецкой и Луганской народных республик.

Заключительная *четвертая глава* научного труда именуется «Система национальной безопасности России: направления совершенствования и нейтрализации вызовов и угроз в XXI веке». В ней проанализирована современная система национальной безопасности Российской Федерации и представлены перспективы ее трансформации, сформулированы основные направления нейтрализации прогнозируемых вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации. Отдельно рассмотрена парадигма национальной идеи как фактора обеспечения и укрепления национальной безопасности Российской Федерации. В качестве таковой предлагается сформулированная Президентом Российской Федерации единственная объединяющая Россию идея *патриотизма*. По словам Президента России, идея патриотизма не идеологизирована, не связана с работой партии или какой-то иной общественной структуры. Патриотизм — это магнитный стержень, вокруг которого индивиды складываются в общность и обруч, который предупреждает ее рассыпание и на отдельные кластеры и обособляет от других подобных образований. Иными словами, патриотизм исполняет функции идентификации, консолида-

² Указ соч. С. 483.

ции, мобилизации и мотивации, благодаря чему миллионы людей действуют как один, внося свой вклад в развитие и укрепление страны.

Учитывая профиль и направленность журнала «Военное право», особый интерес представляют положения 4-й главы рецензируемого издания, касающиеся правовых мер по обеспечению обороны и безопасности Российской Федерации. В данной части исследования обоснованно констатируется существенная роль мер правового характера, которые формируют правовое поле в сфере обеспечения военной безопасности. Это деятельность государственных и негосударственных институтов, субъектов по подготовке законов, положений, договоров, соглашений и других правовых актов, на основании которых осуществляется регулирование в сфере межгосударственных и внутригосударственных отношений в целях гарантированного предотвращения возможной агрессии и надежной защиты национальных интересов государства. Авторами данного раздела обосновываются ряд конкретных предложений по корректировке военного законодательства в части, касающейся совершенствованию правового обеспечения коалиционного антитеррористического сотрудничества в формате ОДКБ.

Заслуживает полной поддержки высказанное в монографии суждение о том, что, к сожалению, российские законодатели отказались от практики правового регулирования деятельности вооруженных сил специальным законом. Как известно, Федеральным законом от 7 марта 2005 г. № 15-ФЗ внесены изменения в п. 5 ст. 10 Федерального закона «Об обороне», исключившие указание на специальный федеральный закон, устанавливающий пра-

вовые основы деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации. Комплексный характер данного закона мог бы решить многие существующие теперь правовые противоречия и пробелы. В части привлечения вооруженных сил с использованием вооружения не по их предназначению этот закон исключил бы необходимость «точной правовой реконструкции» законодательства в сфере обороны и безопасности. Поэтому мы поддерживаем вывод о необходимости возвращения к первоначальной идее Закона об обороне о том, что деятельность Вооруженных Сил Российской Федерации должна регулироваться специальным законом (как это сделано в отношении иных структурных элементов военной организации государства — Росгвардии, органов федеральной службы безопасности, органов внешней разведки, спасательных воинских формирований и др.).

По обоснованному мнению авторского коллектива, подготовленный научный труд, основное содержание которого рассмотрено в настоящей статье, не является совершенным и завершенным творческим продуктом, и должен стать предметом научных дискуссий по обозначенной проблематике. От оперативности и качества проведения дальнейших научных исследований в области обеспечения национальной безопасности во многом зависит дальнейшее поступательное развитие Российской Федерации в XXI веке.

Библиография

Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / под общей ред. А.С. Коржевского. — М.: Изд-во РГГУ, 2021. — 562 с. ISBN 978-5-7281-3057-4

Ограничения прав человека в рамках административно-правовых режимов обеспечения пограничной безопасности в государствах постсоветского пространства

© Свиных Евгений Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент
© Яковлев Максим Анатольевич,
юрист

Аннотация. Авторы раскрывают результаты проведенного сравнительно-правового исследования ограничений прав человека в рамках административно-правовых режимов обеспечения пограничной безопасности в государствах постсоветского пространства. Последовательно описываются применяемые законодателями указанных государств ограничения, являющиеся элементами режима государственной границы, пограничного режима, режима в пунктах пропуска через государственную границу. На основе анализа выявленных ограничений прав человека сделаны теоретические выводы и сформулированы предложения по совершенствованию отечественного законодательства.

Ключевые слова: права человека, пограничная безопасность, режим государственной границы, пограничный режим, режим в пунктах пропуска через государственную границу.

Restrictions on human rights within the framework of administrative and legal regimes for border security in the post-Soviet States

© Svininyh E.A.,
Doctor of legal sciences, Associate professor
© Yakovlev M.A.,
lawyer

Abstract. The authors reveal the results of a comparative legal study of human rights restrictions as components of special legal regimes to ensure border security in the post-Soviet states. Consistently describes the restrictions applied by the legislators of these states, which are elements of the regimen of the state border, the border regimen and the regimen at the state border check-points. Based on the analysis of the identified restrictions on human rights, theoretical conclusions are made and proposals for improving Russian legislation are formulated.

Keywords: human rights; border security; the regimen of the state border; the border regimen; the regimen at the state border check-points.

В целях обеспечения своей пограничной безопасности¹ все государства —

¹ Под ней принято понимать состояние защищенности политических, экономических, информационных, гуманитарных и иных интересов личности, общества и государства на государственной границе и в пограничном пространстве (См.: Модельный закон о пограничной безопасности / принят в г. Санкт-Петербурге 28 октября 2010 г. постановлением 35-10 на 35-ом пленарном заседании Межпарлам. Ассамблеи государств-участников СНГ) : ст. 2 // Информ. бюллетень. Межпарлам. Ассамблеи

бывшие республики СССР (далее — государства постсоветского пространства) применяют ограничения прав человека. Зачастую эти правовые средства являются элементами содержания специальных административно-правовых режимов: режима государственной границы, пограничного режима, режима в пунктах через государственную границу (далее вместе — ад-

государств-участников Содружества Независимых Государств. 2011. № 49. С. 113—144).

министративно-правовые режимы обеспечения пограничной безопасности).

Административно-правовые режимы обеспечения пограничной безопасности в государствах постсоветского пространства схожи. Это объясняется использованием при формировании правовых основ охраны государственной границы одного источника — Закона СССР от 24 ноября 1982 г. «О государственной границе СССР» (далее — Закон о государственной границе СССР). Именно в нем содержались положения о рассматриваемых нами режимах¹. Появление данных режимов — результат длительного развития советского законодательства об охране государственной границы. Эффективность режимных ограничений была подтверждена их применением на практике. Кроме того, на этапе своего становления государства, образовавшиеся после прекращения существования СССР, применяли систему пограничной охраны, организованную еще в советские годы. В силу изложенных обстоятельств заимствование уже опробованного нормативного материала стало для указанных государств оптимальным способом быстрого создания собственного законодательства об охране государственной границы.

В настоящее время в законах о государственной границе большинства государств постсоветского пространства² про-

¹ См.: Закон о государственной границе СССР : ст. 8, 23, 26.

² См.: О государственной границе Азербайджанской Республики : закон Азербайджанской Республики от 9 дек. 1991 г. № 13 : гл. II—III ; О государственной границе : закон Республики Армения от 20 ноября 2001 г. № НО-265 : гл. 3—5 (далее — Закон «О государственной границе Республики Армения»); О Государственной границе Республики Беларусь : закон Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. № 419-3 : гл. 5—7; О государственной границе Республики Грузия : закон Республики Грузия от 17 июля 1998 г. № 1536 : ст. 12, 26, 30; О Государственной границе Республики Казахстан : закон Республики Казахстан от 16 января 2013 г. № 70-V : гл. 3—5; О Государственной границе Кыргызской Республики : закон Кыргызской Республики от 16 мая 2015 г. № 98 : гл. 3—5; О государственной границе Латвийской Республики : закон Латвийской Республики от 12 ноября 2009 г. :

должают сохраняться обособленные комплексы правовых норм, формирующие административно-правовые режимы обеспечения пограничной безопасности. При чем законоположения в целом подчинены единой логике. Исключение составляет Закон Эстонии от 30 июня 1994 г. «О государственной границе»³. В него были внесены существенные изменения в целях приведения национального законодательства в соответствие с правовыми стандартами Европейского Союза (ЕС), закрепленными, в частности, в Шенгенском кодексе о границах⁴.

Единство логики изложения нормативного материала в законах о границах государств постсоветского пространства позволяет нам провести сравнение вышеупомянутых режимов. Сравнительно-правовое исследование будет направлено на установление различий в ограничениях прав человека в рамках указанных режимов. Это позволит оценить ограничения с

гл. II—IV; О государственной границе Литовской Республики и ее охране : закон Литовской Республики от 9 мая 2000 г. № VIII-1666 : гл. 2—4 (далее — Закон «О государственной границе Литовской Республики»); О государственной границе Республики Молдова : закон Республики Молдова от 4 ноября 2011 г. № 215 : гл. IV—VI (далее — Закон «О государственной границе Республики Молдова»); О Государственной границе Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 1 августа 1997 г. № 481 : гл. 3—5 (далее — Закон «О Государственной границе Республики Таджикистан»); О Государственной границе Туркменистана : закон Туркменистана от 4 мая 2013 г. № 389-IV : ст. 9, 21, 26 (далее — Закон «О Государственной границе Туркменистана»); О государственной границе Республики Узбекистан : закон Республики Узбекистан от 20 августа 1999 г. № 820-I : гл. II—IV. — URL: <https://lex.uz/docs/31168> (далее — Закон «О государственной границе Республики Узбекистан»); О государственной границе Украины : закон Украины от 4 ноября 1991 г. № 1778-XII : гл. II—III (далее — Закон «О государственной границе Украины»).

³ См.: О государственной границе : закон Эстонии от 30 июня 1994 г.

⁴ См.: Regulation (EU) 2016/399 of the European Parliament and of the Council of 9 March 2016 on a Union Code on the rules governing the movement of persons across borders (Schengen Borders Code) // Official Journal of the European Union № L 77. — 23.03.2016. — P. 1.

точки зрения их соразмерности. В последующем результаты исследования могут стать основой для работы по совершенствованию института ограничений прав человека в целях обеспечения пограничной безопасности.

1. Ограничения прав человека в рамках режима государственной границы. Содержание административно-правовых режимов обеспечения пограничной безопасности в разных государствах может различаться. По этой причине при определении предмета сравнения примем за основу содержание режима государственной границы, установленное в ст. 7 Закона о Государственной границе Российской Федерации. Данный режим включает в себя совокупность следующих правил: содержания государственной границы; пересечения государственной границы лицами и транспортными средствами; перемещения через государственную границу грузов, товаров и животных; пропуска через государственную границу лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных; ведения на государственной границе либо вблизи нее хозяйственной, промысловой и иной деятельности; разрешения с иностранными государствами инцидентов, связанных с нарушением указанных правил.

Первоначально рассмотрим предусмотренную в рамках режима государственной границы возможность *ограничения права частной собственности* на земельные участки, расположенные вблизи государственной границы. Эти участки отводятся в пределах полосы местности, устанавливаемой для содержания государственной границы и контроля за соблюдением ее режима. В законодательстве ряда государств для обозначения данной полосы применяются специальные наименования: «полоса крепления государственной границы», «рубеж обозначения государственной границы» и др.¹ В рамках насто-

ящей статьи предлагается использовать термин «земельная полоса для содержания государственной границы».

Зачастую земельная полоса для содержания государственной границы является частью пограничной полосы. Последняя имеет более широкое функциональное назначение и может состоять из нескольких полос (зон)². Режим пограничной полосы относится к пограничному режиму, но в отдельных государствах (в частности, в Республике Казахстан и Кыргызской Республике) — к режиму государственной границы.

Государства по-разному определяют размер земельной полосы для содержания государственной границы (см. табл. 1). Как правило, ширина этой полосы не превышает несколько десятков метров.

В Российской Федерации размер земельной полосы для содержания государственной границы на законодательном уровне не определен (ч. 3 ст. 8 Закона «О Государственной границе Российской Федерации»). Норма отвода полосы определена постановлением Правительства Российской Федерации, которое не было официально опубликовано³.

В государствах постсоветского пространства не сложилось единого подхода по вопросу о правовом титуле, на котором органам пограничной охраны предоставляются земельные участки в пределах рассматриваемой земельной полосы. В Азербайджанской Республике, Республиках Казахстан, Таджикистан, Узбекистан и на Украине такие участки предоставляются в бессрочное (постоянное) пользование, в

государственной границы (абз. 21 ч. 1 ст. 1, 24 Закона «О Государственной границе Республики Беларусь»). В Республике Узбекистан устанавливается полоса очистки границы (ст. 6 Закона «О государственной границе Республики Узбекистан»).

² См.: Закон «О государственной границе Республики Армения» : ст. 9, 21; Закон «О государственной границе Республики Грузия» : п. «д» ст. 2, п. 6 ст. 25; Закон «О государственной границе Латвийской Республики» : ст. 13; Закон «О Государственной границе Республики Казахстан» : абз. 2 п. 3 ст. 12, п. 2 ст. 13.

³ См.: постановление Правительства Российской Федерации от 6 марта 1998 г. № 289.

¹ Например, согласно ст. 3 Закона «О государственной границе Республики Молдова» выделяются пограничный коридор и полоса охраны государственной границы. В законодательстве Республики Беларусь выделяется полоса крепления

Республиках Армения и Туркменистан — на праве безвозмездного пользования, в Литовской Республике и Республике Молдова — в пользование на неограниченный срок.

Ряд государств постсоветского пространства устанавливает государственную собственность на земельные участки в пределах полосы для содержания государственной границы (Латвийская и Литовская Республики, Республики Грузия и Молдова). В законодательстве Латвийской Республики допускается изъятие земельных участков, расположенных в пределах зоны мониторинга пограничных знаков и патрульной тропы, для публичных нужд. В Кыргызской Республике также допускается принудительное изъятие земельных участков, примыкающих к государственной границе, в целях защиты национальной и пограничной безопасности. На Украине предпринимаются меры по выкупу или принудительному отчуждению земельных участков шириной 30—50 м вдоль линии государственной границы на суше, вдоль берега украинской части пограничной реки, озера или другого водохранилища¹.

В российском законодательстве нет ограничений оборотоспособности земельных участков вблизи государственной границы. В то же время законодатель определил, что в интересах надлежащего содержания государственной границы пограничным органам отводится земельная полоса. До июля 2007 г. она отводилась в бессрочное (постоянное) пользование. Данное право является производным от права государственной (муниципальной) собственности.

Поэтому, если земельный участок находится в частной собственности, требуется предварительно принудительно изъять выбранный пограничными органами земельный участок для государственных

нужд. Специалисты указывают на многочисленные сложности процедуры изъятия².

В силу своей чрезмерности изъятие земельного участка у частного собственника — крайняя мера обеспечения публичного интереса в содержании государственной границы. На наш взгляд, оптимальной формой ограничения права частной собственности является сервитут, так как обременение им земельного участка не лишает собственника прав владения, пользования и распоряжения участком (п. 2 ст. 274 ГК РФ). В Российской Федерации данная форма применяется пограничными органами на практике³.

Такой элемент режима государственной границы, как правила пропуска через государственную границу лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных предполагает *ограничение права на свободу передвижения и личную неприкосновенность*.

Так, при осуществлении пограничного контроля должностные лица подразделений пограничного контроля пограничных органов могут реализовывать полномочия, связанные с ограничением права на личную неприкосновенность. К примеру, они вправе осуществлять задержание и личный досмотр лиц, в отношении которых имеются основания подозревать их в нарушении режима государственной границы, режима в пунктах пропуска, доставление таких лиц в распоряжение подразделений пограничного контроля пограничных органов или иные места для выяснения обстоятельств нарушения⁴.

² См.: Насыров Д.В. О некоторых проблемах обеспечения безопасности в пограничной сфере, связанных с правовым режимом использования земель, находящихся в пограничной зоне // Военное право. 2012. № 2. С. 183.

³ См., например: решение Пыталовского районного суда от 24 февраля 2014 г. по делу № 2-7/2014 (2-418/2013).

⁴ См., например: Административный регламент Федеральной службы безопасности Российской Федерации по исполнению государственной функции по осуществлению пограничного контроля в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации : утв. приказом ФСБ России от 8 ноября 2012 г. № 562 : п. 6.

¹ См.: О решении Совета национальной безопасности и обороны Украины от 30 июля 2021 г. «Об отдельных вопросах реализации государственной политики в сфере защиты государственной границы» : указ Президента Украины от 18 августа 2021 г. № 367/2021.

Обратим отдельное внимание на существующую практику ограничения права на свободу передвижения путем проведения дополнительных мероприятий пограничного контроля. Например, на Украине, в Республике Молдова и Литовской Республике пограничный контроль осуществляется в соответствии с процедурами контроля двух линий: первой и второй¹. Если контроль первой линии представляет собой меры по проверке в минимально необходимом объеме с целью определения наличия законных оснований для пересечения государственной границы физическими лицами, транспортными средствами и перемещения через него грузов, то контроль второй линии — это меры по дополнительному изучению законных оснований для пересечения государственной границы². Положения о контроле второй линии были заимствованы вышеупомянутыми государствами из Шенгенского кодекса о границах, в п. 13 ст. 2 которого раскрывается понятие «проверка второй линии».

Ограничение права на свободу экономической деятельности является одним из элементов режима государственной границы почти во всех государствах постсоветского пространства. Как правило, осуществление хозяйственной и иной деятельности на государственной границе требует разрешения органов пограничной

охраны³ или их предварительного уведомления⁴. Осуществление некоторых видов деятельности (к примеру, охоты вблизи государственной границы⁵) запрещено. В Латвийской Республике и Республиках Туркменистан и Узбекистан запрещено осуществлять в пределах полосы государственной границы (полосы очистки, пограничной полосы) практически любую деятельность, за рядом исключений⁶. В Республике Молдова, по общему правилу, разрешена только деятельность за пределами 15-метровой полосы охраны государственной границы⁷.

В большинстве государств в целях недопущения переноса заразных болезней через государственную границу может быть запрещено или ограничено содержание и выпас скота в установленной карантинной (профилактической) полосе⁸.

2. Ограничения прав человека в рамках пограничного режима. В научной литературе предлагается понимать под пограничным режимом систему правил, ре-

¹ См.: О пограничном контроле : закон Украины от 5 ноября 2009 г. № 1710-VI : ст. 9; Об утверждении Порядка проведения подразделениями органов охраны государственной границы Государственной пограничной службы Украины процедуры осуществления контроля второй линии иностранцев и лиц без гражданства при въезде в Украину : приказ МВД Украины от 14 мая 2018 г. № 392; Об утверждении Инструкции по проведению анализа рисков в Государственной пограничной службе Украины : приказ МВД Украины от 11 декабря 2017 г. № 1007; Закон «О государственной границе Республики Молдова» : ст. 21 ; Положение о пограничном контроле : утв. приказом начальника Государственной пограничной службы при МВД Литовской Республики от 31 января 2012 г. № 4—116 : п. 247—248.11.

² См., например: Закон Украины от 5 ноября 2009 г. № 1710-VI «О пограничном контроле» : п. 6—8 ч. 1 ст. 1; Закон «О государственной границе Республики Молдова» : абз. 6, 7 ст. 3.

³ См.: Закон «О государственной границе Азербайджанской Республики» : ст. 18; Закон «О Государственной границе Республики Беларусь» : ст. 34; Закон «О Государственной границе Республики Казахстан» : ст. 25; Закон «О Государственной границе Кыргызской Республики» : ст. 13; Закон «О государственной границе Украины» : ст. 24.

⁴ См.: Правила режима и охраны государственной границы / утв. ордонансом Правительства Грузии от 30 декабря 2013 г. № 386 : п. 2 ст. 28; Закон «О Государственной границе Республики Таджикистан» : ст. 14.

⁵ См.: Закон «О Государственной границе Республики Казахстан» : п. 4 ст. 25; Правила пограничного режима и режима пограничной полосы Кыргызской Республики : утв. постановлением Правительства Кыргызской Республики от 4 апреля 2016 г. № 172 : п. 41; Закон «О государственной границе Республики Молдова» : п. 2 ст. 26.

⁶ См.: Закон «О государственной границе Латвийской Республики» : ст. 14—14¹; Закон «О Государственной границе Туркменистана» : ст. 23¹; Положение о пограничном режиме на территории Республики Узбекистан : п. 38.

⁷ См.: Закон «О государственной границе Республики Молдова» : п. 1 ст. 25.

⁸ В Российской Федерации положения о карантинной полосе являются элементом пограничного режима (ст. 19 Закона «О государственной границе Российской Федерации»).

гламентирующих порядок въезда (прохода) в пограничную зону, временного там пребывания, передвижения лиц и транспортных средств, учета и содержания маломерных судов, выхода их в море и российскую часть вод пограничных рек, озер и иных водоемов, а также хозяйственной, промысловой, исследовательской и иной деятельности в пограничной зоне, российской части вод пограничных рек, озер и иных водоемов, во внутренних морских водах и территориальном море Российской Федерации¹.

Для определения пространственных пределов действия правил пограничного режима в законодательстве большинства государств постсоветского пространства используются категории «пограничная полоса» и «пограничная зона». Пограничная полоса является, как правило, составной частью пограничной зоны. Это полоса местности, прилегающая к государственной границе или земельной полосе для содержания государственной границы. В ее пределах действуют более строгие ограничения по сравнению с общими правилами пограничного режима.

Размеры пограничной полосы и пограничной зоны в государствах постсоветского пространства различны (см. табл. 2). В отношении своих водных объектов государства используют различные подходы. Эти объекты либо включаются в состав пограничной зоны², либо на них распространяется пограничный режим, но в состав пограничной зоны они не включаются³. В ряде государств для водных про-

странств предусмотрен самостоятельный административно-правовой режим обеспечения пограничной безопасности⁴, третьих — они не охватываются действием какого-либо режима⁵.

В Российской Федерации пределы пограничной зоны законодательно не определены. Они, как и участки (районы) внутренних вод Российской Федерации, в пределах которых устанавливается пограничный режим, определяются федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области безопасности⁶. Составной частью пограничной зоны является пятикилометровая полоса местности вдоль государственной границы на суше, морского побережья Российской Федерации, российских берегов пограничных рек, озер и иных водных объектов и на островах на указанных водных объектах (далее — пятикилометровая полоса местности). Эта полоса может расширяться до рубежа инженерно-технических сооружений в случаях, если он расположен за ее пределами.

Согласно Закону «О Государственной границе Российской Федерации» (абз. 3 подп. 1 ч. 1 ст. 16) в пределах данной полосы действуют правила хозяйственной, промысловой и иной деятельности, проведения массовых общественно-политических, культурных и других мероприятий.

На уровне подзаконных нормативных правовых актов для пятикилометровой полосы местности определены специальные правила въезда (прохода), временного пребывания и передвижения лиц и транспорт-

¹ См.: Хандожко В.Э. Теоретико-правовые аспекты установления пограничных зон и пограничных режимов в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 30.

² См.: Закон «О государственной границе Азербайджанской Республики» : ст. 22; Закон «О Государственной границе Республики Беларусь» : абз. 15 ч. 1 ст. 1; Закон «О государственной границе Республики Грузия» : п. 1 ст. 25; Закон «О Государственной границе Республики Таджикистан» : ст. 17; Закон «О государственной границе Республики Узбекистан» : ст. 19; Закон «О государственной границе Украины» : ст. 22.

³ См.: Закон «О Государственной границе Кыргызской Республики» : абз. 2 ч. 2 ст. 19; Закон «О государственной границе Литовской

Республики» (в ред. Закона от 4 июля 2017 г. № XIII-593) : п. 1 ст. 14; Закон «О Государственной границе Российской Федерации» : абз. 1 подп. 2 ч. 1 ст. 16.

⁴ См.: Закон «О Государственной границе Республики Казахстан» : ст. 44; Закон «О государственной границе Латвийской Республики» : ст. 17.

⁵ См.: Закон «О государственной границе Республики Армения».

⁶ См.: Закон «О Государственной границе Российской Федерации» : ч. 5 ст. 16.

ных средств¹. Кроме того, на подзаконном уровне установлен запрет на нахождение в стометровой полосе местности, прилегающей к государственной границе или российским берегам водных объектов² (далее — стометровая полоса местности).

Режимы стометровой и пятикилометровой полос местности могут существовать только как специальные правила пограничного режима. Следовательно, эти правила не могут существовать, если в соответствии с ч. 4 ст. 16 указанного Закона на определенном участке государственной границы не была установлена пограничная зона.

Обращаясь к ограничениям прав человека в рамках пограничного режима, рассмотрим *ограничение права на свободу передвижения*. Это ограничение выражается в установлении требования о необходимости получения пропуска (разрешения) для въезда, пребывания и передвижения в определенных приграничных районах. В редких случаях, к примеру, в Республике Грузия, такое требование законодательно не установлено³.

Как правило, степень ограничения права на свободу передвижения зависит от следующих факторов:

- 1) удаленности приграничного района от государственной границы;
- 2) наличия у лица гражданства государства;
- 3) места постоянного проживания гражданина государства.

Минимальные ограничения права на свободу передвижения установлены на Украине: по общему правилу пропуск требуется всем лицам лишь для въезда и пребывания на территории, расположенной между государственной границей и линией пограничных инженерных сооружений⁴.

Если государства устанавливают ограничение в отношении собственных граждан, то зачастую оно ставится в зависимость от места постоянного проживания граждан. Как правило, граждане, постоянно проживающие в пограничной полосе или пограничной зоне, могут свободно передвигаться в их пределах. Остальные граждане для пребывания в пограничной полосе или пограничной зоне должны получить пропуск (разрешение) либо пройти специальную регистрацию⁵.

Только в пределах пограничной полосы ограничение права на свободу передвижения действует в Республике Армения, Латвийской и Литовской Республиках⁶. При этом в Латвийской Республике пропуск в пограничную полосу не требуется лицам, постоянно проживающим в ее пределах, а в Литовской Республике — также лицам, работающим в пограничной полосе, являющимся собственниками или пользователями объектов недвижимости, расположенных в ней⁷. Заметим, что в

государственной границей и линией пограничных инженерных сооружений, граждан Украины и других лиц : утв. приказом МВД Украины от 4 августа 2017 г. № 686 : п. 1 разд. II.

⁵ См., например: Пограничный режим на государственной границе Республики Армения / утв. постановлением Правительства Республики Армения от 12 мая 2011 г. № 735-н «Об установлении пограничного режима на государственной границе Республики Армения и режима пунктов пропуска через государственную границу» : п. 4, подп. 1 п. 6; Правила пограничного режима и режима пограничной полосы Кыргызской Республики : п. 4, 5, 35; Закон «О государственной границе Республики Молдова» : п. 1 ст. 30; Положение о пограничном режиме на территории Республики Узбекистан : п. 11, 12.

⁶ См.: Закон «О государственной границе Республики Армения» : ст. 22; Закон «О государственной границе Латвийской Республики» : ст. 18, 20; Закон «О государственной границе Литовской Республики» (в ред. Закона от 4 июля 2017 г. № XIII-593) : п. 7 ст. 11, ст. 14. В Латвийской и Литовской Республиках ограничение права на свободу передвижения не установлено в местах, где государственная граница является внутренней границей ЕС.

⁷ См.: Закон «О государственной границе Латвийской Республики» : ст. 18; Закон «О государственной границе Литовской Республики» (в ред. Закона от 4 июля 2017 г. № XIII-593) : п. 4 ст. 14.

¹ См.: Правила пограничного режима : утв. приказом ФСБ России от 7 августа 2017 г. № 454 : подп. «а» п. 2; подп. «а» — «б» п. 3, п. 8.

² Там же : подп. «а» п. 10.

³ См.: Закон «О государственной границе Республики Грузия» : п. 1 ст. 27.

⁴ См.: Положение о пограничном режиме : утв. постановлением Кабинета министров Украины от 27 июля 1998 г. № 1147 : п. 7–8; Порядок въезда и пребывания в местности, которая находится между

Латвийской Республике действует запрет на пребывание в пределах такой части пограничной полосы как полоса государственной границы¹.

При ограничении государствами права на свободу передвижения в пограничной зоне, они, как правило, распространяют его лишь на иностранных граждан и лиц без гражданства². В то же время государства могут ограничивать право своих граждан на передвижение в пограничной полосе. Так, в Республике Таджикистан пропуск для пребывания в пограничной зоне не требуется гражданам этого государства, но им, как и иным лицам, необходимо получить разрешение на въезд, пребывание и передвижение в пограничной полосе³.

В Республике Беларусь в 2009 г. отказались от требования наличия пропуска в пограничную зону, предъявляемого ранее к гражданам Республики Беларусь и постоянно проживающим в Республике Беларусь иностранным гражданам и лицам без гражданства⁴. В то же время требование о необходимости получения всеми физическими лицами пропуска в пограничную полосу осталось неизменным⁵. В Республике Казахстан также пошли на смягчение ограничений. С июня 2020 г. для

въезда в пограничную зону не требуется пропуск не только гражданам Республики Казахстан, но и иностранцам и лицам без гражданства. Пропуска необходимы для перемещения в пограничной зоне лишь иностранцам (жителям приграничных районов сопредельных государств), въехавшим в Республику Казахстан через пункты упрощенного пропуска, если это предусмотрено международными договорами Республики Казахстан с сопредельным государством⁶. При этом, как и в Республике Беларусь, сохранено требование о необходимости получения всеми физическими лицами пропуска в пограничную полосу⁷.

В Российской Федерации, по общему правилу, въезд (проход) в пограничную зону по документам, удостоверяющим личность, и пропускам для въезда (прохода) в пограничную зону осуществляется:

а) гражданами Российской Федерации, следующими в:

— пограничную зону, установленную шириной менее пяти километров, либо в пятикилометровую полосу местности;

— часть пограничной зоны, расположенную за рубежом инженерно-технических сооружений;

б) иностранными гражданами и лицами без гражданства⁸.

Из этого правила сделано ряд исключений, в частности, для случаев наличия у лица регистрации по месту жительства в пределах муниципального района (городского округа), на территории которого установлена пограничная зона.

При пребывании в пограничной зоне Российской Федерации всем лицам запрещается находиться в стометровой полосе местности⁹.

¹ См.: Закон «О государственной границе Латвийской Республики»: ст. 14—14¹.

² См., например: Правила въезда в пограничную зону и производства в ней работ / утв. постановлением Кабинета Министров Азербайджанской Республики от 16 ноября 1992 г. № 560 : п. 1, 3; Пограничный режим на государственной границе Республики Армения / утв. постановлением Правительства Республики Армения от 12 мая 2011 г. № 735-н «Об установлении пограничного режима на государственной границе Республики Армения и режима пунктов пропуска через государственную границу»: п. 4; Закон «О Государственной границе Республики Беларусь»: ч. 3 ст. 37; Закон «О Государственной границе Республики Таджикистан»: ст. 19; Положение о пограничном режиме на территории Республики Узбекистан: п. 42, 47.

³ См.: Закон «О Государственной границе Республики Таджикистан»: ст. 19.

⁴ См.: Закон «О Государственной границе Республики Беларусь»: ч. 1 ст. 37.

⁵ См.: Закон «О Государственной границе Республики Беларусь»: ч. 7 ст. 37.

⁶ См.: Закон «О Государственной границе Республики Казахстан» (в ред. Закона Республики Казахстан от 13 мая 2020 г. № 327-VI): ст. 40—41.

⁷ См.: Закон «О Государственной границе Республики Казахстан» (в ред. Закона Республики Казахстан от 13 мая 2020 г. № 327-VI): п. 2 ст. 24.

⁸ См.: Правила пограничного режима / утв. приказом ФСБ России от 7 авг. 2017 г. № 454 : п. 3.

⁹ См.: Правила пограничного режима / утв. приказом ФСБ России от 7 авг. 2017 г. № 454 : подп. «а» п. 10.

Установление пограничного режима приводит к ограничению не только права на свободу передвижения, но и *права на свободу экономической деятельности*.

В Республике Армения любая деятельность в пограничной полосе, не связанная с охраной государственной границы, по общему правилу, запрещена. На осуществление в пограничной полосе хозяйственной деятельности в ночные часы и темное время суток требуется получение разрешения начальника пограничного отряда¹.

В Азербайджанской Республике по согласованию с органом пограничной охраны осуществляются: проведение различных строительных работ, рубка деревьев, иных работ на участках между государственной границей и рубежом инженерно-технических сооружений; рыбопромысловая деятельность в режимных водах².

В Республике Беларусь, Кыргызской и Литовской Республиках, на Украине с разрешения органа пограничной охраны или иного государственного органа осуществляется хозяйственная и иная деятельность в пределах пограничной полосы (на Украине орган пограничной охраны вправе в необходимых случаях ввести временные ограничения на проведение работ в пограничной зоне³). При этом государства устанавливают запрет на охоту в пограничной полосе (полосе местности между государственной границей и линией инженерных заграждений пограничной охраны), либо требуют предварительно уведомить о ней органы пограничной охраны⁴.

В Республике Молдова разрешение органа пограничной охраны необходимо для осуществления хозяйственной и иной деятельности не только в пограничной полосе, но и пограничной зоне (за исключением населенных пунктов)⁵.

В Республике Таджикистан с разрешения органов пограничной охраны осуществляется хозяйственная, промысловая и иная деятельность, связанная с использованием землями, лесами, недрами, водами в пограничной зоне⁶.

В Российской Федерации, по общему правилу, хозяйственная, промысловая и иная деятельность, связанная с использованием землями, лесами, недрами, водными ресурсами осуществляются:

а) в пограничной зоне, установленной шириной менее пяти километров, в пятикилометровой полосе местности, на островах на пограничных реках, озерах и иных водных объектах или до рубежа инженерно-технических сооружений в случаях, если он расположен за пределами пятикилометровой полосы местности, — на основании разрешения пограничного органа или подразделения пограничного органа;

б) в остальной части пограничной зоны, установленной шириной от пяти и более километров, — с уведомлением пограничного органа или подразделения пограничного органа⁷.

В Республике Узбекистан требуется разрешение на геодезические, топографические, геологические, гидрогеологические, дорожные и иные изыскания, а также

¹ См.: Закон «О государственной границе Республики Армения»: ст. 23.

² См.: Правила въезда в пограничную зону и производства в ней работ / утв. постановлением Кабинета Министров Азербайджанской Республики от 16 ноября 1992 г. № 560 : п. 9; Правила содержания самоходных и несамоходных плавсредств в территориальных и внутренних водах Азербайджанской Республики / утв. постановлением Кабинета Министров Азербайджанской Республики от 16 ноября 1992 г. № 560 : п. 13.

³ См.: Закон «О государственной границе Украины»: ст. 24.

⁴ См.: Правила въезда в пограничную зону и производства в ней работ / утв. постановлением

Кабинета Министров Азербайджанской Республики от 16 ноября 1992 г. № 560 : п. 10 ; Закон «О Государственной границе Республики Беларусь» : ст. 37¹, 40; Правила пограничного режима и режима пограничной полосы Кыргызской Республики : п. 39, 41; Закон «О государственной границе Литовской Республики» (в ред. Закона от 4 июля 2017 г. № XIII-593) : п. 8 ст. 11, п. 1 ст. 14; Закон «О государственной границе Украины» : ст. 24.

⁵ См.: Закон «О государственной границе Республики Молдова» : ст. 25, 33.

⁶ См.: Закон «О Государственной границе Республики Таджикистан» : ст. 20.

⁷ См.: Правила пограничного режима / утв. приказом ФСБ России от 7 авг. 2017 г. № 454 : п. 11.

гидротехнические, мелиоративные и другие работы, связанные с изменением водного режима пограничных рек, озер и иных водоемов, выпас скота, сельскохозяйственные и другие работы как в пределах пограничной полосы, так и в пограничной зоне. В пограничной полосе действует запрет на спортивную и любительскую охоту, лов рыбы, отдых на природе, а также нахождение лиц без какой-либо необходимости¹.

В Республике Казахстан пограничный режим не предусматривает ограничения права на свободу экономической деятельности в пограничной зоне. Для осуществления деятельности в пределах пограничной полосы требуется получить пропуск на въезд и пребывание в ней. В пограничной полосе (полосе местности от внешней границы пограничной полосы до линии инженерно-технических средств органов пограничной охраны) запрещена охота с целью промысла².

В Республике Грузия хозяйственная, коммерческая и научно-исследовательская деятельность осуществляется в пограничной зоне при условии предварительного уведомления органа пограничной охраны. Последний вправе запретить осуществлять такую деятельность, если она наносит ущерб окружающей среде или здоровью человека³.

В Латвийской Республике ограничение установлено только на проведение в пограничной полосе стрельб, взрывных или пиротехнических работ: организаторы должны не менее чем за две недели до начала таких работ согласовывать их подразделением органа пограничной охраны. Установлен запрет на возведение объектов, проведение мелиорационных и ирригационных работ, препятствующих пограничному наблюдению, передвижению должностных лиц и транспортных средств компетентных органов, осуществляющих

пограничный контроль, содержание государственной границы или доступ к объектам пограничного контроля. Использование судов и лодок, рыболовство, купание и другие виды деятельности в режимных водах допускаются только в период времени от восхода до заката солнца⁴.

С целью исключения массовых беспорядков вблизи государственной границы во многих государствах элементом пограничного режима является *ограничение права на свободу мирных собраний*.

Так, в Азербайджанской Республике для проведения массовых общественных мероприятий в пограничной полосе требуется получение соответствующего разрешения⁵. В Республике Беларусь массовые мероприятия проводятся в пограничной зоне с предварительным уведомлением органов пограничной охраны⁶. В Кыргызской Республике проведение общественно-политических, культурных и иных мероприятий в пограничной полосе осуществляется с разрешения органа пограничной охраны, а в пограничной зоне — с разрешения уполномоченного органа в сфере регистрации населения и с уведомлением уполномоченного органа пограничной охраны⁷. В Республике Таджикистан проведение массовых общественно-политических, культурных и других мероприятий в пограничной зоне осуществляется только с разрешения органов пограничной охраны⁸. В Республике Узбекистан органам пограничной охраны разрешено устанавливать в пограничной полосе дополнительные режимные правила прове-

⁴ См.: Закон «О государственной границе Латвийской Республики»: п. 6, 7 ст. 16, п. 1 ст. 17.

⁵ См.: См.: Правила въезда в пограничную зону и производства в ней работ / утв. постановлением Кабинета Министров Азербайджанской Республики от 16 ноября 1992 г. № 560 : п. 10.

⁶ См.: Закон «О Государственной границе Республики Беларусь»: ст. 40.

⁷ См.: Закон «О Государственной границе Кыргызской Республики»: п. 1 ст. 13, п. 1 ст. 20; Правила пограничного режима и режима пограничной полосы Кыргызской Республики : п. 39.

⁸ См.: Закон «О Государственной границе Республики Таджикистан»: ст. 20.

¹ См.: Положение о пограничном режиме на территории Республики Узбекистан : ст. 35, 36.

² См.: Закон «О Государственной границе Республики Казахстан»: ст. 25, п. 2 ст. 39.

³ См.: Закон «О государственной границе Республики Грузия»: ст. 28.

дения культурных и других массовых мероприятий¹.

Проведение общественно-политических, культурных или иных мероприятий в пограничной зоне Республики Казахстан осуществляется с письменным уведомлением ближайшего подразделения органа пограничной охраны². В Латвийской Республике публичные мероприятия в пограничной зоне организуются в соответствии с нормативными актами, регулирующими порядок организации публичных развлекательных и праздничных мероприятий³. В Литовской Республике организаторы обязаны уведомить органы пограничной охраны о подготовке спортивных соревнований, религиозных и культурных мероприятий в пограничной зоне не менее чем за 10 календарных дней до начала мероприятия с указанием времени, продолжительности и места проведения мероприятия⁴. На Украине собрания, митинги, шествия и демонстрации, спортивные, развлекательные и другие массовые мероприятия могут проводиться при условии уведомления органа пограничной охраны не менее чем за 72 часа до начала проведения массовых мероприятий⁵.

В Российской Федерации проведение массовых общественно-политических, культурных и других мероприятий в порядке, во многом совпадающем с установленным для осуществления хозяйственной деятельности⁶. Он был описан нами выше.

3. Ограничение прав человека в рамках режима в пунктах пропуска че-

¹ См.: Закон «О государственной границе Республики Узбекистан»: ст. 22.

² См.: Закон «О Государственной границе Республики Казахстан» (в ред. Закона Республики Казахстан от 13 мая 2020 г. № 327-VI): п. 1 ст. 42.

³ См.: Закон «О государственной границе Латвийской Республики»: п. 3 ст. 16.

⁴ См.: Закон «О государственной границе Литовской Республики» (в ред. Закона от 4 июля 2017 г. № XIII-593): п. 8 ст. 11.

⁵ См.: Положение о пограничном режиме / утв. постановлением Кабинета министров Украины от 27 июля 1998 г. № 1147 «О пограничном режиме»: п. 17.

⁶ См.: Правила пограничного режима / утв. приказом ФСБ России от 7 авг. 2017 г. № 454: п. 11.

рез государственную границу. Данный режим устанавливается в интересах создания необходимых условий для осуществления пограничного, таможенного и иных видов контроля. Ограничения прав человека в его рамках направлены на исключение доступа в пункты пропуска посторонних лиц и незаконного пересечения государственной границы.

Въезд и выезд лиц и транспортных средств на территорию пунктов пропуска осуществляется с разрешения (по пропускам) уполномоченных должностных лиц органов пограничной охраны, иных государственных органов или организаций⁷. Иногда в нормативных правовых актах оговаривается, что это требование распространяется только на случаи въезда в пункты пропуска без цели пересечения государственной границы (например, для осуществления хозяйственной деятельности в пункте пропуска).

В пунктах пропуска передвижение лиц и транспортных средств, перемещение грузов и товаров осуществляется согласно утвержденной схеме. В указанных пунктах устанавливается порядок допуска в помещения и иные места, где осуществляются пограничный и иные виды контроля.

Право на личную неприкосновенность ограничивается в результате установления требования о предъявлении к осмотру и

⁷ См.: Режим пунктов пропуска через государственную границу Республики Армения / утв. постановлением Правительства Республики Армения от 12 мая 2011 г. № 735-н «Об установлении пограничного режима на государственной границе Республики Армения и режима пунктов пропуска через государственную границу»: п. 7; Закон «О Государственной границе Республики Беларусь»: ст. 42; Правила режима и охраны государственной границы / утв. ордонансом Правительства Грузии от 30 дек. 2013 г. № 386: подп. 1 п. 27; Закон «О Государственной границе Республики Казахстан»: ч. 2—3 ст. 32; Правила установления режима в пунктах пропуска через Государственную границу Кыргызской Республики / утв. постановлением Правительства Кыргызской Республики от 14 сент. 2020 г. № 484: п. 17; Закон «О государственной границе Республики Молдова»: ст. 37; Закон «О Государственной границе Республики Таджикистан»: ст. 25; Закон «О Государственной границе Российской Федерации»: ст. 23.

(или) досмотру перемещаемых через государственную границу товаров, а также пересекающих государственную границу транспортных средств¹.

В Азербайджанской Республике, Республиках Армения, Грузия, Таджикистан и Туркменистан режим в пунктах пропуска через государственную границу не предусматривает специальных правил осуществления хозяйственной и иной деятельности в указанных пунктах². В Республиках Беларусь и Молдова хозяйственная деятельность в пунктах пропуска осуществляется на основании разрешений, выдаваемых органом пограничной охраны³. В Республике Казахстан и Кыргызской Республике установлен перечень видов хозяйственной и иной деятельности, осуществляемой в пунктах пропуска⁴. В

¹ См.: Закон «О Государственной границе Республики Беларусь» : ст. 43—44; Закона «О Государственной границе Республики Казахстан» : ст. 34; Правила установления режима в пунктах пропуска через Государственную границу Кыргызской Республики / утв. постановлением Правительства Кыргызской Республики от 14 сент. 2020 г. № 484 : подп. 2 п. 61; Закон «О государственной границе Латвийской Республики» : п. 3 ч. 2 ст. 27; Закон «О государственной границе Литовской Республики» (в ред. Закона от 4 июля 2017 г. № XIII-593) : п. 2 ч. 5 ст. 4; Закон «О государственной границе Республики Молдова» : ч. 6 ст. 38; Закон «О Государственной границе Российской Федерации» : ч. 4 ст. 24.

² См.: Закон «О государственной границе Азербайджанской Республики» : ст. 26; Закон «О государственной границе Республики Армения» : ст. 24; Закон «О государственной границе Республики Грузия» : ст. 30; Закон «О Государственной границе Республики Таджикистан» : ст. 24; Закон «О Государственной границе Туркменистана» : ст. 21.

³ См.: Закон «О Государственной границе Республики Беларусь» : ст. 48; Закон «О государственной границе Республики Молдова» : п. 9 ст. 35.

⁴ См.: Об утверждении перечня видов хозяйственной и иной деятельности, осуществляемой в пунктах пропуска через Государственную границу Республики Казахстан : постановление Правительства Республики Казахстан от 5 окт. 2013 г. № 1057; Перечень видов хозяйственной и иной деятельности в пунктах пропуска через Государственную границу Кыргызской Республики / утв. постановлением Правительства Кыргызской Республики от 14 сент. 2020 г. № 484; Об утверждении перечня видов

Латвийской Республике, по общему правилу, запрещается осуществлять любую деятельность, которая может препятствовать работе органов государственного контроля. Для осуществления в пункте пропуска какой-либо деятельности, которая может повлиять на проводимые в пункте проверки, требуется предварительное уведомление уполномоченных должностных лиц государственных органов⁵. Осуществление некоторых видов деятельности требует письменного согласования с руководителем пункта пропуска⁶.

Заключение.

Проведенное сравнительно-правовое исследование позволяет сделать следующие выводы и предложения.

1. Административно-правовые режимы обеспечения пограничной безопасности в государствах постсоветского пространства предусматривают ограничение следующих основных прав человека:

- права частной собственности;
- права на личную неприкосновенность;
- права на свободу передвижения;
- права на свободу экономической деятельности;
- права на свободу мирных собраний.

2. Распространенной практикой является деление прилегающей к государственной границе территории на полосы (зоны), в которых помимо прочего вводятся ограничения прав человека. Этим полосам (зонам) даются специальные наименования. В пределах каждой из них устанавливается особый правовой режим. В то же время в нескольких полосах (зонах) могут действовать общие правила. Это, с одной стороны, позволяет обеспечить соблюдение принципа нормативной экономии, а с

хозяйственной и иной деятельности, которые могут осуществляться в пределах пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации : распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 907-р.

⁵ См.: Закон «О государственной границе Латвийской Республики» : п. 6 ч. 2, п. 1 ч. 4 ст. 27.

⁶ См., например: Правила режима пункта пропуска через государственную границу / утв. постановлением Кабинета министров Латвийской Республики от 27 июля 2010 г. № 697 : п. 20.

другой — дает возможность самостоятельного введения правовых режимов для определенных видов полос (зон).

Следует реализовать данный подход в российском законодательстве, закрепив в нем следующие виды приграничных районов в зависимости от степени ограничения в них прав человека: полоса содержания государственной границы, пограничная полоса и пограничная зона. Для случаев оборудования пограничными органами рубежа инженерно-технических сооружений нужно предусмотреть возможность введения правоограничений на территории от государственной границы до указанного рубежа. По мере удаления от государственной границы режимные ограничения должны «ослабевать».

В настоящее время в Российской Федерации в составе пограничной зоны выделяются стометровая и пятикилометровая полосы местности. Данные полосы местности не могут существовать, если на приграничной территории не была установлена пограничная зона. Как следствие, в отсутствие пограничной зоны не будут действовать правоограничения, предусмотренные в рамках пограничного режима для указанных полос. Это не всегда соответствует потребностям обеспечения пограничной безопасности. Предложенная нами законодательная дифференциация приграничных районов позволит вводить режимные ограничения в определенных полосах местности вне зависимости от установления пограничной зоны.

3. Во многих государствах законодательно определены максимально возможные размеры полос местности (зон).

Целесообразно воспринять данную практику, определив на уровне федерального закона четкие максимальные пределы пограничной зоны. Кроме того, следует закрепить на законодательном уровне нормы отвода пограничным органам земельной полосы вблизи государственной границы, либо установить их подзаконным нормативным правовым актом при условии его обязательного официального опубликования. Частные собственники и потенциальные приобретатели земельных

участков вблизи государственной границы должны обладать ясной информацией о пределах возможного ограничения их права собственности.

4. В последние десятилетия ряд государств постсоветского пространства отказались от ограничения права на свободу передвижения в приграничных районах или смягчили его.

В условиях осложнения внешнеполитической обстановки полагаем неприемлемым снятие на современном этапе указанного ограничения в Российской Федерации. Вместе с тем допускаем возможность сокращения пространственных пределов его действия в отношении граждан Российской Федерации, постоянно проживающих в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства.

5. В условиях рыночной экономики и отказа от огосударствления всех средств производства целесообразно смягчение существующего в Российской Федерации ограничения права на свободу экономической деятельности в приграничных районах. Необходимо, во-первых, сократить пространственные пределы действия требования о необходимости получения у пограничных органов разрешения на осуществление определенных видов экономической деятельности. Во-вторых, определить на нормативном уровне конкретные виды деятельности, осуществление которых *a priori* препятствует пограничной деятельности, и, как следствие, должно ограничиваться или запрещаться.

Библиография

1. Насыров, Д.В. О некоторых проблемах обеспечения безопасности в пограничной сфере, связанных с правовым режимом использования земель, находящихся в пограничной зоне / Д.В.Насыров // Военное право. — 2012. — № 2. — С. 176—183.

2. Хандожко, В.Э. Теоретико-правовые аспекты установления пограничных зон и пограничных режимов в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / Хандожко Вадим Эдуардович. — М., 2002. — 281 с.

Размеры земельной полосы для содержания государственной границы в государствах
постсоветского пространства

Государство	Ширина земельной полосы для содержания государственной границы	Правовое основание
Азербайджанская Республика	— 5 м вдоль государственной границы; — 30—50 м как в пограничной полосе, так и за ее пределами (для возведения инженерных заграждений, строительства пограничных дорог, мостов и других объектов)	ст. 22 Закона «О государственной границе Азербайджанской Республики»
Республика Армения	Ширина земельной полосы нормативно не определена (законодательно выделена только пограничная полоса шириной до 1 км)	ст. 9, 21 Закона «О государственной границе Республики Армения»
Республика Беларусь	Ширина полосы крепления государственной границы определяется международными договорами Республики Беларусь	ст. 24 Закона «О Государственной границе Республики Беларусь»
Республика Грузия	Ширина земельной полосы нормативно не определена (законодательно выделена только пограничная полоса шириной не более 500 м)	п. «д» ст. 2, п. 2, 6 ст. 25 Закона «О государственной границе Республики Грузия»
Республика Казахстан	Ширина рубежа обозначения государственной границы нормативно не определена. Рубеж оборудуется в пределах пограничной полосы. На полосе действует режим государственной границы. Размер полосы составляет: — 100 м – на участке государственной границы с Российской Федерацией, Кыргызской Республикой, Республикой Узбекистан и Туркменистаном; — 2 000 м – на участке государственной границы с КНР; — до границ рубежа инженерных сооружений и заграждений на вышеуказанных участках, где Пограничной службой Комитета национальной безопасности Республики Казахстан непосредственно вдоль Государственной границы оборудован указанный рубеж	п. 29 ст. 2, п. 3 ст. 12, п. 2 ст. 13 Закона «О Государственной границе Республики Казахстан», п. 1 п. 1 постановления Правительства Республики Казахстан от 16 апреля 2014 г. № 356 ¹
Кыргызская Республика	до 50 м	п. 2 ст. 9 Закона «О Государственной границе Кыргызской Республики»
Латвийская Республика	Полоса государственной границы на внешней границе ЕС включает: — восьмиметровую зону мониторинга пограничных знаков; — двухметровую зону патрульной тропы; — двухметровую зону свободного наблюдения. Полоса государственной границы входит в состав пограничной полосы	ст. 13 Закона «О государственной границе Латвийской Республики», п. 2 Положения об устройстве и содержании зоны государственной границы Латвийской Республики от 3 мая 2016 г. ²
Литовская Республика	не менее 5 м (конкретные границы определяются правительством)	ст. 13 Закона «О государственной границе Литовской Республики» (в ред. Закона от 4 июля 2017 г. № XIII-593) ³
Республика Молдова	Ширина пограничного коридора определяется международными договорами Республики Молдова. Ширина полосы охраны государственной границы	п. 2—3 ст. 6 Закона «О государственной границе Республики Молдова»

¹ См.: Об установлении пределов пограничной полосы, карантинной полосы и пограничной зоны и утверждении перечня приграничных территорий, входящих в пограничную зону, где исключаются или приостанавливаются действия отдельных режимных ограничений : постановление Правительства Республики Казахстан от 16 апр. 2014 г. № 356.

² См.: URL: <https://likumi.lv/ta/id/281958-latvijas-republikas-valsts-robezas-joslas-iekartosanas-un-uzturesanas-noteikumi>.

³ См.: URL: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/1dea548067b411e7827cd63159af616c/asr>.

Государство	Ширина земельной полосы для содержания государственной границы	Правовое основание
	составляет 15 м (в определенных случаях может иметь большую ширину)	
Республика Таджикистан	Ширина земельной полосы законодательно не определена	ч. 3 ст. 8 Закона «О Государственной границе Республики Таджикистан»
Республика Туркменистан	Ширина земельной полосы законодательно не определена ¹	ст. 23 ¹ Закона «О Государственной границе Туркменистана»
Республика Узбекистан	Ширина полоса очистки составляет 5 м ² . Ширина полосы для обустройства государственной границы составляет до 50 м в пределах пограничной полосы ³	ст. 6, 9 Закона «О государственной границе Республики Узбекистан», п. 2, 4 Положения о пограничном режиме на территории Республики Узбекистан ⁴
Украина	30–50 м в пределах пограничной полосы	ст. 22 Закона «О государственной границе Украины»

¹ Конкретные пределы полосы определяются Кабинетом Министров Туркменистана, но не должны выходить за границы полосы пограничного контроля, то есть полосы местности от государственной границы на суше, берегов пограничных рек, озёр и иных водоемов до земельной полосы, отведенной Государственной пограничной службе Туркменистана для размещения инженерно-технических (контрольных) сооружений.

² Предназначена для обозначения линии государственной границы.

³ Режим пограничной полосы включен в пограничный режим. Полоса для обустройства государственной границы определяет тыльную границу пограничной полосы.

⁴ См.: Об утверждении Положения о пограничном режиме на территории Республики Узбекистан : постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 5 июля 2018 г. № 504.

Таблица 2

Размеры пограничной полосы и пограничной зоны в государствах постсоветского пространства

Государство	Размер пограничной полосы	Размер пограничной зоны	Правовое основание
Азербайджанская Республика	до 1 км	Размер пограничной зоны законодательно не определен ¹ (пограничная зона включает в себя пограничную полосу)	ст. 22 Закона «О государственной границе Азербайджанской Республики»; п. 2–3 постановления Кабинета Министров Азербайджанской Республики от 16 ноября 1992 г. № 560 «О мерах по усилению охраны государственной границы Азербайджанской Республики» ²
Республика Армения	до 1 км	до 5 км (пограничная зона включает в себя пограничную полосу)	ст. 21 Закона «О государственной границе Республики Армения»
Республика Беларусь	около 10 км ³	около 30 км ⁴ (пограничная зона не включает в себя пограничную полосу)	абз. 15–16 ч. 1 ст. 1, ст. 36 Закона «О Государственной границе Республики Беларусь»
Республика Грузия	не более 500 м	не более 5 км (в особых случаях – до 30 км) (пограничная зона включает в себя пограничную полосу)	п. «г», «д» ст. 2, п. 6 ст. 25 Закона «О государственной границе Республики Грузия»
Республика Казахстан	На пограничной полосе действует режим государственной границы. Размер полосы составляет: — 100 м — на участке государственной границы с Российской Федерацией, Кыргызской Республикой, Республикой Узбекистан и Туркменистаном; — 2 000 м — на участке государственной границы с КНР; — до границ рубежа инженерных сооружений и заграждений на вышеуказанных участках, где Пограничной службой Комитета национальной безопасности Республики Казахстан непосредственно вдоль государственной границы оборудован указанный рубеж	— в пределах 25 км территории административно-территориальных единиц Республики Казахстан, непосредственно примыкающих к пограничной полосе — на участке государственной границы с КНР с Российской Федерацией, Кыргызской Республикой, Республикой Узбекистан и Туркменистаном; — в пределах территории административно-территориальных единиц Республики Казахстан (районов), непосредственно примыкающих к пограничной полосе — на участке государственной границы с КНР; — в пределах 25 км территории, примыкающей к береговой отмели, – по побережью	п. 1 ст. 39 Закона «О Государственной границе Республики Казахстан»; п. 3 ч. 1 постановления Правительства Республики Казахстан от 16 апреля 2014 г. № 356.

¹ Пограничная зона устанавливается Кабинетом Министров Азербайджанской Республики на территории приграничных районов в пределах, зависящих от местных условий.

² См.: URL: <http://e-qanun.az/framework/16119>.

³ См.: URL: <https://gpk.gov.by/pogranichnaya-zona/>. Конкретные пределы пограничной полосы определяются решениями областных исполнительных комитетов с учетом местных условий по предложениям уполномоченных должностных лиц органов пограничной службы.

⁴ См.: URL: <https://gpk.gov.by/pogranichnaya-zona/>. Конкретные пределы пограничной зоны устанавливаются решениями областных исполнительных комитетов по предложению Государственного пограничного комитета.

Государство	Размер пограничной полосы	Размер пограничной зоны	Правовое основание
		Каспийского моря.	
Кыргызская Республика	На пограничной полосе действует режим государственной границы. Размер полосы составляет: — от 50 до 100 м — на участках, где государственная граница проходит по населенным пунктам или населенные пункты непосредственно примыкают к государственной границе; — от 100 м до 1 км – в местах, где населенные пункты расположены на незначительном удалении от государственной границы; — до 5 км – в малонаселенной или незаселенной местности	до 50 км ¹ (пограничная зона не включает в себя пограничную полосу)	ч. 13, 18 ст. 1, п. 5 ч. 2 ст. 8, ч. 2 ст. 18 Закона «О Государственной границе Кыргызской Республики»; п. 2, 3 Правил пограничного режима и режима пограничной полосы Кыргызской Республики
Латвийская Республика	до 2 км	до 30 км (пограничная зона не включает в себя пограничную полосу)	ст. 15, 19 Закона «О государственной границе Латвийской Республики»
Литовская Республика	Ширина пограничной полосы ² законодательно не определена ³	до 5 км (пограничная зона включает в себя пограничную полосу)	п. 3 ст. 11, п. 1 ст. 12 Закона «О государственной границе Литовской Республики» (в ред. Закона от 4 июля 2017 г. № XIII-593)
Республика Молдова	Пограничная полоса законодательно не предусмотрена	10 км	ст. 3 Закона «О государственной границе Республики Молдова»
Республика Таджикистан	до 2 км	до 25 км (пограничная зона включает в себя пограничную полосу)	ст. 17 Закона «О Государственной границе Республики Таджикистан»
Республика Туркменистан	Ширина пограничной полосы ⁴ законодательно не определена	Территории этрапов и городов с правами этрапа, непосредственно прилегающих к государственной границе	ст. 23, 24 Закона «О Государственной границе Туркменистана»
Республика Узбекистан	Ширина пограничной полосы законодательно не определена	Территория района, города, поселка, кишлака, аула, прилегающих к государственной границе (пограничная зона включает в себя пограничную полосу)	ст. 19 Закона «О государственной границе Республики Узбекистан»; п. 2 Положения о пограничном режиме на территории Республики Узбекистан
Украина	5 км от линии государственной границы, но не менее ширины полосы местности, расположенной в пределах	Размер пограничной зоны ² законодательно не определен ³	ст. 22 Закона «О государственной границе Украины»; п. 1 постановления Кабинета

¹ В законодательстве Кыргызской Республики пограничная зона именуется приграничной территорией.

² В законодательстве Литовской Республики пограничная полоса именуется пограничной охранной зоной.

³ Конкретные границы пограничной полосы утверждаются правительством по представлению министра внутренних дел.

⁴ В законодательстве Республики Туркменистан пограничная полоса именуется полосой пограничного контроля.

Государство	Размер пограничной полосы	Размер пограничной зоны	Правовое основание
	от линии государственной границы до линии пограничных инженерных сооружений ¹		министров Украины от 27 июля 1998 г. № 1147 «О пограничном режиме» ; постановление Кабинета министров Украины от 3 августа 1998 г. № 1199 «О контролируемых приграничных районах»

² В законодательстве Украины пограничная зона именуется контролируемым приграничным районом.

³ Конкретные границы утверждаются Кабинетом министров Украины.

¹ Пограничная полоса устанавливается непосредственно вдоль государственной границы Украины на ее земельных участках или по берегам пограничных рек, озер и других водоемов. Населенные пункты и места массового отдыха населения не включены в пограничную полосу.

Теория и история военного права

Война, как инструмент реализации экономических амбиций

© Грищенко Леонид Леонидович,
доктор юридических наук, кандидат военных наук, профессор, профессор кафедры Управления органами внутренних дел в особых условиях Центра командно-штабных учений Академии управления МВД Росси

© Корабельникова Юлия Леонидовна,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России

Аннотация. В статье делается краткий исторический анализ причин и поводов возникновения и ведения войн от древнего мира до настоящего времени. Рассматривая выгодополучателей от войн, авторы делают выводы о том, что определенные группы и сообщества реализуют в них исключительно, свои экономические интересы. Опираясь на экономическую теорию К. Маркса, в статье раскрываются некоторые причинно-следственные связи, создаваемые в современном обществе, и показываются истоки военной конфронтации в сегодняшнем мире. Делая вывод о том, что основными выгодополучателями от современных войн и вооруженных конфликтов стали представители промышленного и банковского капитала Запада, авторы указывают на искусственное создание противоречий в современном мире. Именно стремление к получению сверхприбылей положено в основу их протекционистской деятельности, через лоббирование своих интересов в политической, духовной, идеологической, демографической, информационной и иных сферах жизни населения во многих странах мира. Формируя угодные политические структуры, олигархат диктует им свои требования, которые реализуются правительствами, в том числе, через инструментарий войны.

Ключевые слова: война, экономические интересы, общество, промышленность, банки, капитал.

War as a tool for the realization of economic ambitions

© Grishchenko L.L.,
Doctor of Law, Candidate of Military Sciences, Professor, Professor of the Department of Management of Internal Affairs Bodies in Special Conditions Center for Command and Staff Exercises of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

© Korabelnikova Y.L.,
Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Annotation. The article provides a brief historical analysis of the causes and causes of the emergence and conduct of wars from the ancient world to the present. Considering the beneficiaries of wars, the authors conclude that certain groups and communities realize their economic interests exclusively in them. Based on the economic theory of Karl Marx, the article reveals some causal relationships created in modern society and shows the origins of military confrontation in today's world. Concluding that the main beneficiaries of modern wars and armed conflicts were representatives of the industrial and banking capital of the West, the authors point to the artificial creation of contradictions in the modern world. It is the desire to obtain superprofits that is the basis of their protectionist activities, through lobbying their interests in political, spiritual,

ideological, demographic, informational and other spheres of life of the population in many countries of the world. Forming pleasing political structures, the oligarch dictates his demands to them, which are implemented by governments, including through the tools of war.

Keywords: war, economic interests, society, industry, banks, capital.

Системный анализ истории показывает, что все войны на нашей планете можно совершенно строго разделить на войны доядерного и ядерного периода. В доядерный период чередование войны и мира на Земле было даже чем-то привычным. Войны практически никогда не прекращались, имели свое развитие с древнейших времен. Основные рубежи смены поколений таких войн совпадают, главным образом, с историческими качественными скачками, которые приводили к появлению новых вооружений, смене форм и способов вооруженной борьбы, а, главное, способствовало развитию средств производства и, в конечном итоге, приводило к смене общественно-экономических формаций.

С незапамятных времен существуют различные теории, пытающиеся объяснить причины войн и конфликтов. Афинский философ Древней Греции, основатель платонической школы мысли Платон (424—347 гг. до н.э.) утверждал, что война является объективным состоянием народов. Ученик Платона древнегреческий философ Аристотель (384—343 гг. до н.э.) считал войну естественным способом приобретения собственности¹.

Военный теоретик древнего Китая У Цзы в своем трактате «Об искусстве ведения войны» утверждал, что «... обычно поднимают войско на войну из-за пяти причин: во-первых — из-за славы; во-вторых — из-за выгоды; в-третьих — из-за накопившихся обид; в-четвертых — из-за внутренних беспорядков; в-пятых — из-за голода»².

Всем хорошо известная Римская империя вела многочисленные войны под предлогами: освобождения греков; просвещения варваров; политического, идеологического престижа; обеспечения своих стратегических интересов. Однако, на протяже-

нии всей истории войн, которые вел Рим, прослеживается устойчивая тенденция на решение экономических задач, которые играли существенную роль в римской политике. Это подтверждается созданием системы грабежа провинций, массовым рабством, спекуляцией зерном и вином, неэквивалентным обменом и откупной системой, вводимой римлянами на захваченной территории. Достаточно привести только перечень территорий, завоеванных римской армией при введении многочисленных войн, начиная с I века до н.э.: Сицилия; Корсика; Сардиния; Предальпийская Галлия; Испания; Африка; Македония; Азия; Британия; Германия; Мавретания; Киренаика³.

В средние века было немало примеров войн, причинами возникновения которых служило честолюбие правителей отдельных государств. Таковыми были практически все войны, развязанные французским королем Людовиком XIV. Австрийский военный теоретик фельдмаршал Раймондо Монтекукколи в своем труде «Главные правила военной науки» (1664 г.) утверждал, что война является способом сохранения и укрепления монархии в отношении как внешнего, так и внутреннего положения⁴.

Известны войны между светскими и религиозными властями (войны мусульманских государств между султанами и халифами, войны в XI в. между императорами и руководителями католической церкви). История помнит крестовые походы, организованные католической церковью под знаменем борьбы против «неверных», освобождения гроба Господня и святой земли (Палестины)⁵, что по факту

¹ Причина войны. URL.: https://bstudy.net/630099/bzhd/prichiny_voyny (дата обращения 01.03.2022).

² Сунь Цзы. «Об искусстве ведения войны» / Пер. с др. кит. Шабан В.А. СПб.: альманах «Ф2», 2008.

³ Махлаюк А.В. Армия Римской империи: Очерки традиций и ментальности. Нижний Новгород, 2000.

⁴ Записки Раймонда графа Монтекукколи или главные правила военной науки. М., 1760. С. 225.

⁵ Киршин Ю.А. Концепция войн и борьбы с международным терроризмом демократических государств. М., 2002. С. 124.

предполагало расширение паствы и ее подчинение определенным интересам.

На этом фоне становится понятным утверждение английского фельдмаршала Бернарда Лоу Монтгомери: «Война может привлекать, потому что она возбуждает, может служить развлечением, к тому же она обещает легкую добычу, несет яркие впечатления и романтику, дисциплину и традиции, самопожертвование и товарищество, обещает престиж в обществе и восхищение женщин»¹.

Несмотря на историческое многообразие теорий происхождения войн, причин их ведения и поводов развязывания, во всех случаях можно выделить три задачи, которые решались субъектами, ведущими войну. Первая: борьба за территорию («Расширение жизненного пространства»²). Вторая: присвоение материальных ценностей. Третья: получение дешевой, а еще лучше бесплатной, рабочей силы, которая бы трудилась на победителя. Как показала практика, именно эти задачи являлись и являются основой для понимания причинно-следственных связей, присущих новой и новейшей истории.

Как известно, к началу XIX столетия сухопутные территории и морские пространства планеты были в основном освоены и поделены между известными монархиями. Среди наиболее влиятельных государств того времени были Англия, Франция, Россия. И именно на это время приходится переход цивилизации к новой общественно-экономической формации — капиталистической.

Научно-техническая революция, начавшаяся еще в конце XVIII в. с изобретения Д. Уаттом парового двигателя, стала мощным движителем развития промышленного производства, которое, в свою очередь, явилось локомотивом для подъема сельского хозяйства. Второй этап научно-технической революции связан с применением в промышленности электри-

чества и химии, изобретением таких важнейших средств связи, как телеграф, телефон, радио, осуществлением передачи электрической энергии на расстояние, созданием синтетических материалов. Именно в это время появляются первые зачатки антагонистических противоречий капиталистического общества (борьба за рынки сбыта и источники сырья), которые привели человечество к двум мировым войнам.

Технологические революции позволили резко увеличить объем и преобразовать характер производства в ряде новых капиталистических государств. Германия, которая одна из первых освоила механические производства и паровой двигатель, быстро перешла от ремесленного производства к машинному. Это дало ей огромные преимущества перед другими странами. Уже к началу XX в. она производила значительную часть мировой промышленной продукции.

Первые годы XX в. стал и для Италии периодом промышленного подъема. В северной Италии, в первую очередь в промышленном «треугольнике» Милан-Генуя-Турин, развивались металлургия, металлообрабатывающая и химическая промышленность, автомобилестроение.

Существенный прорыв в производстве осуществила Япония. В начале XX в. Япония представляла из себя мощную в экономическом плане державу, ориентирующуюся на внешние рынки сбыта. За 1907—1914 гг. в несколько раз выросло производство стали, значительно увеличились объемы производства чугуна, меди, угля. Предприятия Сумито-мо успешно освоили производство алюминия и сплавов цветных металлов. Важным показателем экономического развития Японии стали рост объемов производства и потребления электроэнергии, которая с начала века выросло в шесть раз³.

Именно экономические противоречия между старыми колониальными монархиями (Англия, Франция, Россия) и вновь нарождающимися и динамично развивающимися капиталистическими странами

¹ Монтгомери Б.Л. Краткая история военных сражений. М.: Центрполиграф, 2004. С. 24.

² Герд Шульце-Ронхоф. Существовал ли гитлеровский план завоевания жизненного пространства на востоке? URL.: waldemar-betz.livejournal.com/684473.html (дата обращения 05.03.2022).

³ Экономика Японии в начале XX века. URL.: <https://studopedia.org/8-141710.html> (дата обращения 05.03.2022).

(Германия, Италия, Япония) явились основными причинами Первой мировой войны. Разница в целевых установках данных двух коалиций заключалась в том, что первые пытались удержать уже завоеванное, вторые перераспределить мировое влияние и получить новые источники сырья и рынки сбыта.

Для понимания сути тех, да и современных событий, необходимо обратиться к трудам немецкого философа, социолога, экономиста, общественного деятеля XIX в. К. Маркса («Капитал. Критика политической экономии»). На основе идей английских экономистов Адама Смита и Давида Рикардо о трудовой природе стоимости, К. Маркс разработал теорию прибавочной стоимости как основы развития и выражения отношений наемного труда и капитала и ее распределения. Суть теории прибавочной стоимости заключается в том, что, во-первых, товар способен удовлетворять потребности людей, т.е. обладает потребительной стоимостью; во-вторых, производится для обмена на другие товары, т.е. обладает стоимостью. Именно труд создает стоимость. То есть труд не для себя, а для других, для обмена, для продажи на рынке.

В основе стоимости товара лежит только один источник, один производственный фактор — труд наемных работников. Все товары являются продуктами человеческого труда. Измерителем ценности товаров служат затраты рабочего времени, причем не индивидуальные, а общественно необходимые.

Наемный рабочий получает за свой труд заработную плату. Заработная плата покрывает издержки, необходимые для поддержания и восстановления физических и моральных сил, для нормального функционирования работника. Но заработная плата оплачивает специфический товар — «рабочую силу». Особенность рабочей силы заключается в том, что она имеет свойство создавать продукт (товар), стоимость которого выше стоимости самой рабочей силы, которую наниматель выплачивает наемному работнику.

При этом капиталист, нанимая рабочего, оплачивает его способность к труду и

приобретает право заставить его трудиться сверх того времени, которое требуется рабочему для производства оплаченного ему товара. В результате образуется разница между стоимостью произведенного трудом рабочего товара и стоимостью рабочей силы — заработной платой. Эта разница и представляет собой прибавочную стоимость — часть материализованного в товаре труда рабочего, безвозмездно присваиваемого владельцем.

Но размер заработной платы всех рабочих (предположим в определенном социуме) не покрывает рыночную стоимость товара, вынесенного капиталистом на продажу. В этом случае возникает излишек товара, который не могут приобрести члены социума за выплаченную им заработную плату, что приводит к перепроизводству товаров, а, следовательно, к экономическому кризису. Это стало центральной идеей экономической теории К. Маркса, которая была раскрыта во втором томе Капитала, который вышел в 1885 г. под редакцией Ф. Энгельса. Основным выводом, который был сделан и обоснован учеными, состоит в том, что достижению макроэкономического равновесия и последовательному экономическому росту препятствуют внутренне присущие антагонистическому капиталистическому обществу противоречия — увеличение производства безотносительно к наличию эффективного спроса (коротко, цель капиталиста производить не для потребления, а ради прибыли)¹.

Таким образом, проблема капиталистического общества на рубеже XX столетия заключалась в необходимости реализовать произведенный товар, получить больше источников сырья, расширить производство за счет дешевой рабочей силы. Это было возможно, во-первых, за счет повышения покупательской способности внутри государства, в котором производился товар, либо, во-вторых, расширением рынка сбыта посредством экспансии в другие страны. Первый путь был реализован с использованием технологий по созданию общества потребления. Именно с

¹Блауг М. Путеводитель по «Капиталу». Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994.

развитием средств массовой информации и рекламы возникли мощные средства влияния на сознание миллионов людей. Кино, телевидение, интернет побуждает публику подражать моделям потребления, которые навязываются через фильмы, концерты, разнообразные шоу. Постепенно потребление проникает во все сферы общественной жизни, охватывая частную жизнь каждого человека, влияя, таким образом, на его внутренний мир и на восприятие окружающей действительности. Потребление становится сферой социализации, формирования социальных норм, ценностей, культуры, фокусирует отношения между людьми¹.

Для реализации концепции «общества потребления» активно подключился банковский капитал через кредитование населения. И если в начале прошлого века банковский капитал осуществлял свою кредитную политику внутри своих стран, то к середине XX столетия широкое распространение получают займы и кредитования под гарантии государств. Начинается процесс слияния промышленного и банковского капитала, который достаточно точно в своей работе в 1916 г. «Империализм как высшая стадия капитализма» описал В.И. Ленин. Именно в ней были даны пять основных признаков империализма: превращение конкуренции в монополию; слияние банковского капитала с промышленным и образование финансового капитала; преобладание вывоза капитала над вывозом товаров; раздел мира между монополистическими союзами капиталистов; борьба между «великими державами» за передел уже поделенного мира².

Именно переход от капиталистической системы к империалистической становится причиной антагонистических отношений между промышленными олигархатами, которые управляют политикой государств Антанты и Тройственного союза. Почему

управляют? Потому что, по неоспоримому утверждению Карл фон Клаузевица, «Война есть продолжение политики другими, а именно насильственными средствами»³. Направленность и подчиненность политики раскрыл В.И. Ленин, который доказал, что «политика есть концентрированное выражение экономики»⁴. Дальнейший исторический анализ приводит к пониманию того, что именно война является той питательной средой, которая выводит экономику из кризиса и позволяет олигархату получить баснословные прибыли. Таким образом, экономика формирует политику, политика реализует потребности экономики используя весь наличный инструментарий, вплоть до военного, а война, решая триединую задачу (захват территории, присвоение материальных ценностей, получение дешевой, а еще лучше бесплатной, рабочей силы), питает экономику.

Итог Первой мировой войны известен. Однако, главный выгодополучатель того времени — США — выводится мировыми историками за рамки событий. А ведь именно в новые американские земли европейцы вывезли большую часть своих богатств. Именно на годы Первой мировой войны приходится исход их Европы наиболее ценного продукта — интеллектуального. Практически не пострадавшая промышленность США получила мощную подпитку по тем временам технологического потенциала. Все это позволило Америке осуществлять экономическую и финансовую экспансию в Старый свет, вкладывая в разрушенную экономику Европы колоссальные средства. Все это продолжалось до начала 30-х годов, когда разразился очередной кризис, получивший название «великая депрессия»⁵.

Не изобретая «велосипед», мировые державы, подталкиваемые промышленным и банковским капиталом, начинают подготовку очередной войны. Сам ход исторических событий достаточно исследован.

¹ Ланцев А.О. Становление концепта «Общество потребления» в западной философии. От античности к современности : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2013.

² Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Полное собрание сочинений. Т. 27. С. 425.

³ Клаузевиц К.Ф. О войне. М.: АСТ. 2019.

⁴ Ленин В.И. Политика и экономика. Диалектика и эклектицизм // Полное собрание сочинений. Т. 42. С. 278.

⁵ Гринин Л.Е. Великая депрессия 1929—1933 гг. // Философия и общество. 2009. № 2. С. 184—201.

Однако, среди основных фигурантов, подтолкнувших Европу к войне, называют Германию. Как показывает анализ экономического состояния того времени, а в последующем исход событий, основным выгодополучателем от войны в Европе в 1939—1945 гг. были Соединенные Штаты Америки. Именно промышленники и банкиры США реализовали план Чарльза Дауэса, по которому Веймарская республика получала займы для расчета по репарациям с Англией и Францией, а те, в свою очередь, рассчитывались по долгам с Америкой. Создание и вооружение Третьего Рейха, который вплоть до 1944 г. снабжала и промышленная олигархия США, дорого обошлись миру.

И вновь Америка оказалась с крупной прибылью. Не считая долговые обязательства перед банками США, Великобританией (31.4 млрд. дол.), Францией (3.2 млрд. дол.), СССР (11.3 млрд. дол.), американские промышленники хорошо заработали, реализуя «Программу восстановления Европы» (план Маршалла). Одним из главных достижений США стало признание по итогам Бреттон-Вудской конференции (Нью-Гэмпшир, США) в июле 1944 г. доллара мировой расчетной валютой. Привязанный к золоту курс доллара был в 1971 г. отменен¹. Нетрудно предположить возможные объемы «бумаги», которые вбрасываются в мировую экономику по прихоти и указаниям власти держащих денежно-го станка.

Таким образом, после Второй мировой войны в мире сложилась ситуация, когда США, заняв доминирующее место в группе ведущих капиталистических государств, могло обеспечить своему промышленному и банковскому капиталу достаточно привилегированное положение.

Для объективности необходимо отметить появление после Второй мировой войны на мировой арене мощного соперника запада — СССР, который не только одержал военную победу в Великой Отечественной войне и разгромил квантунскую армию Японии, но и закрыл возмож-

ности по экономической экспансии со стороны англо-саксонских капиталистов в страны восточной Европы. Такое положение некоторое время даже устраивало промышленников и предпринимателей запада. Им хватало территорий и населения попавшего в англо-американскую зону оккупации. Ситуация начала меняться в 1960-е годы. Страны Западной Европы и Япония, закончив послевоенное восстановление, начали значительно опережать США по темпам роста эффективности производства. Доля США в мировом капиталистическом экспорте упала с 33 % в 1947 г. до 15,5 % в 1970 г.

Встал вопрос о выходе из создавшегося положения. Однако, апробированные масштабные военные конфликты, прежде всего в Европе, были сложны для реализации. Во-первых, страны Варшавского договора являлись мощной сдерживающей силой, способной не только противостоять агрессии США, но и навязать противнику свою волю и одержать победу. Во-вторых, с появлением ядерного (термоядерного) оружия терялся смысл реализации задач войны. Объективно ведение ядерной войны лишало победителя искомым трофеев. Территория, зараженная радиацией, становилась на долгие годы не пригодной для проживания и ведения хозяйственной деятельности. Материальные ценности, поверженного противника либо уничтожались в процессе применения мощных средств ядерного поражения, либо не могли быть трофеями вследствие облучения и загрязнения. Рабочая сила, столь необходимая промышленному капиталу агрессора, в основном становилась непригодной для использования на производстве вследствие болезней, полученных от воздействия проникающей радиации².

Временный выход из создавшегося экономического кризиса был найден посредством развязывания и ведения локальных войн без применения ядерного оружия на территориях Кореи (1950—1953 гг.), Вьетнама (1964—1975 гг.), Камбоджи

¹ В 1944 г. в Бреттон-Вудсе (Нью-Гэмпшир, США) решением 44 государств доллар был признан мировой валютой.

² К концу 1945 г. общее количество погибших от онкологических заболеваний и лучевой болезни, составило: от 90 до 166 тыс. человек в Хиросиме и от 60 до 80 тыс. человек — в Нагасаки.

(1967 г.), Сальвадора (1977 г.), Ливана (1982 г.), Гренады (1983 г.), Ливии (1986 г.), Панамы (1989 г.)¹.

Спасительным, хотя в некотором роде достаточно неожиданным в 90-е годы XX в. для мировой олигархии стал стремительный развал социалистического лагеря в восточной Европе. Следует признать, что и здесь не обошлось без внешнего участия. Взяв на вооружение формулу римского сената «разделяй и властвуй» (лат. *divide et impera*), используя имеющийся политический, информационный и идеологический инструментарий ведущих стран запада строители нового порядка активно содействовали процессам разинтеграции в государствах восточной Европы. 8 декабря 1991 г. главы трех республик СССР (Белоруссии, России и Украины) в Беловежской пуще (село Вискули, Белоруссия), констатировали, что СССР прекращает свое существование, объявили о создании Содружества Независимых Государств (СНГ)².

С уходом с политической арены Советского Союза в 90-е годы в мире осталась только одна единственная глобальная военная, политическая и идеологическая суперсила — США, которая через агентов влияния способствовала стремительной экспансии в государства восточной Европы и независимые страны, образовавшиеся на пост советском пространстве.

Получив колоссальные рынки сбыта и значительные запасы природного сырья (скупаемого за бумажные денежные знаки), промышленный и банковский капитал Запада не только вышел из экономического кризиса, но и осуществил прорывы во многих областях науки и техники. Успешное освоение новых территорий вызвало подъем промышленности стран запада и США, открыло банковскому капиталу огромные кредитные линии, обеспечило предпринимателей долгосрочными заказами.

¹ Военные операции США с 1950 по 2014, карта мира, год, место, комментарий (цель/причина). URL.: <https://web.archive.org/web/20150701103100/http://rus.ruvr.ru/images/static/infographycs> (дата обращения 20.02.2022).

² Медведев Р. Советский Союз. Последние годы жизни. М.: Время, 2015.

Не обошли стороной и Россию. Достаточно привести пример иностранного присутствия в некоторых российских экономических составляющих, чтобы понять, какую роль они играли в хозяйственной составляющей страны (см. прил к настоящей статье).

Гром среди ясного неба прозвучал в выступлении Президента Российской Федерации на Мюнхенской конференции по безопасности 10 февраля 2007 г., где он дал объективный анализ созданного США однополярного мира. В частности, В.В. Путин отметил, что однополярный мир «... в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного суверена. И это в конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри. Сегодня мы наблюдаем почти ничем не сдерживаемое, гипертрофированное применение силы в международных делах, военной силы, силы, ввергающей мир в пучину следующих один за другим конфликтов. Мы видим все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права. Больше того, отдельные нормы, да, по сути, чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере – и навязывается другим государствам. В международных делах все чаще встречается стремление решить тот или иной вопрос, исходя из так называемой политической целесообразности, основанной на текущей политической конъюнктуре»³.

Именно с этого времени следует отсчитывать переориентацию США и запада от «ласкового удушения России» к открытой агрессии. В бой были брошены все имеющиеся силы, начиная с экономиче-

³ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. URL.: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения 02.03.2022).

ских санкций, заканчивая информационной интервенцией. Именно на это время приходится масштабное расширение НАТО на восток.

Первые ставки были сделаны на Грузию, где в результате массовых акций протеста с требованиями пересмотра итогов парламентских выборов была осуществлена «революция роз». К власти приведен стипендиат Госдепартамента США, магистр права Колумбийского университета (Нью-Йорк), выпускник Университета Джорджа Вашингтона в Вашингтоне Михаил Саакашвили¹. Именно ему отводилась роль провокатора, который должен был спровоцировать военный конфликт с Россией.

Как показывают уже известные данные, подготовка к войне велась при непосредственном участии Соединенных Штатов и их финансовой поддержки. Сегодня ни для кого не секрет, что война против Южной Осетии, развязанная Грузией 8 августа 2008 г., была санкционирована США, а затем идеологически поддержана с использованием основных западных средств массовой информации. Россию обвинили в непропорциональном применении силы, которая, по оценкам США и Великобритании, выходит за «любые разумные пределы»². Тем не менее, Грузия, как инструмент для создания военного конфликта с Россией, была временно выведена за политические рамки. На очередь была поставлена Украина.

В отдельной статье нет возможности сделать глубокий анализ событий в Украине после майдана 2014 г. Можно предположить, что события последнего времени, в том числе признание независимости ДНР и ЛНР, специальная военная операция станут завершающими в процессе военного противостояния в восточной Европе. Од-

нако, следует полагать, что история конфликтов на мировой арене не будет завершена до тех пор, пока экономика будет диктовать политике военные планы и намерения. Пока политика не станет истинно народной, демократической и справедливой ко всем живущим на планете Земля.

Библиография

1. Блауг, М. Путеводитель по «Капиталу». / М. Блауг // Экономическая мысль в ретроспективе. — М.: Дело, 1994. — 627 с.
2. Гринин, Л.Е. Великая депрессия 1929—1933 гг. / Л.Е. Гринин // Философия и общество. — 2009. — № 2. — С. 184—201.
3. Киршин, Ю.А. Концепция войн и борьбы с международным терроризмом демократических государств / Ю.А. Киршин. — М., 2002.
4. Колобов, О.А. Участие Организации Объединенных Наций в постконфликтном урегулировании в Абхазии и Южной Осетии: оценки эффективности / О.А. Колобов, А.П. Коротышев, Н.А. Минаев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2011. — № 5.
5. Ланцев, А.О. Становление концепта «Общество потребления» в западной философии. От античности к современности : автореф. дис. ... канд. филос. наук / А.О. Ланцев. — Екатеринбург, 2013.
6. Махлаюк, А.В. Армия Римской империи: Очерки традиций и ментальности / А.В. Махлаюк. — Нижний Новгород, 2000. — 240 с.
7. Медведев, Р. Советский Союз. Последние годы жизни / Р. Медведев. — М.: Время, 2015. — 416 с.
8. Монтгомери, Б.Л. Краткая история военных сражений / Б.Л. Монтгомери. — М.: Центрполиграф, 2004.

¹ Михаил Саакашвили: биография, карьера и личная жизнь. URL.: <https://zen.yandex.ru/media/kakprosto.ru/mihail-saakashvili-biografiia> (дата обращения 23.02.2022).

² Колобов О.А., Коротышев А.П., Минаев Н.А. Участие Организации Объединенных Наций в постконфликтном урегулировании в Абхазии и Южной Осетии: оценки эффективности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5.

Прибыль иностранных компаний при осуществлении бизнеса в России за 2020 г.¹

Компания	Полученная выручка в России (млрд руб.)	Доля России в общей выручке % (оценка Forbes)
Japan Tobacco International (JTI)	311.8	21.2
Leroy Merlin	347.2	18.3
Philip Morris International (PMI)	359.5	17.3
Auchan	223	11.5
Metro Cash & Carry	230	10.1
Groupe Renault (включая АвтоВАЗ)	310	8.6
British American Tobacco (BAT)	197	7.3
IKEA	123	7.3
Kia Motors Rus	221.3	6.8
Mars	140	4.7
PepsiCo	252.4	3.4
Hyundai Motor СНГ	176.3	3.1
BMW	179.7	2.4
Nestle	138.4	2.0
Samsung	246	1.7
Toyota	263.9	1.6
Mercedes Benz	191.8	1.4
Apple	266.3	1.3
Huawei	128	1.2
Volkswagen Group	319.7	1.0

¹ Сколько иностранные компании зарабатывают в России. Инфографика. URL.: <https://news.mail.ru/economics/50276620/?frommail=1> (дата обращения 2.03.2022).

От внутренней стражи к войскам национальной гвардии России: периодизация генезиса их юридической службы

© **Рощин Сергей Романович**,
адъюнкт 25 кафедры ФГКВОУ ВО «Военный университет имени Князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье на основании изучения нормативных правовых документов, архивных источников и научно-историографических данных осуществлена периодизация генезиса юридической службы войск национальной гвардии Российской Федерации. Автором последовательно рассматривается научная литература, приводятся адекватные целям и задачам исследования методологические принципы, разрабатываются и применяются критерии осуществленной периодизации. При анализе периодов становления и развития юридической службы на каждом этапе иллюстрируются нормативные правовые основы её деятельности, структура, функции и задачи, а также объем предоставленных полномочий. Отмечается, что в различные временные периоды юридической службы в войсках практически не существовало, однако необходимость решения задач правового обеспечения деятельности, обусловила создание самостоятельных правовых подразделений. На современном этапе юридическая служба войск национальной гвардии Российской Федерации имеет статус юридической службы федерального органа исполнительной власти, где федеральным законом предусмотрена военная служба — Росгвардии. К научной новизне работы относится определение критериев периодизации генезиса юридической службы и выделение этапов становления и развития существования юридической службы с начала существования внутренней стражи Российской Империи по настоящее время, последовательно, без хронологических разрывов. Результаты исследования можно использовать при изучении проблем военного права, а также в педагогическом процессе по военно-правовой специализации.

Ключевые слова: военная служба; юридическая служба; правовая работа; установленные сферы деятельности; правовое обеспечение; периодизация; историографический подход; хронологические рамки.

From the internal Guard to the troops of the National Guard of Russia: periodization of the genesis of their legal service

© **Roshchin S.R.**,
Associate Professor of the 25th Department of the Prince
Alexander Nevsky Military University of the Ministry of
Defense of the Russian Federation

Annotation. In the article, based on the study of normative legal documents, archival sources and scientific and historiographical data, the periodization of the genesis of the legal service of the National Guard troops of the Russian Federation is carried out. The author consistently examines the scientific literature, provides methodological principles adequate to the goals and objectives of the study, develops and applies the criteria for periodization. When analyzing the periods of formation and development of the legal service at each stage, the normative legal foundations of its activities, structure, functions and tasks, as well as the scope of the powers granted are illustrated. It is noted that in various time periods, legal service in the military practically did not exist, however, the need to solve the problems of legal support for activities led to the creation of independent legal units. At the present stage, the legal service of the National Guard troops of the Russian Federation has the status of a legal service of the federal executive authority, where federal law provides for military service — Rosgvardiya. The scientific novelty of the work includes the definition of the criteria for the periodization of the genesis of the legal service and the identification of the stages of the formation and development of the existence of the legal service from the beginning of the existence of the internal guard of the Russian Empire to the present, sequentially, without chronological gaps. The results of the

study can be used in the study of problems of military law, as well as in the pedagogical process of military-legal specialization.

Keywords: military service; legal service; legal work; established spheres of activity; legal support; periodization; historiographical approach; chronological framework.

В последние годы глава государства для совершенствования государственного управления в сфере обеспечения национальной безопасности при реформировании системы публичной власти производит весьма понятный акцент на совершенствование функций и структуры правоохранительных органов¹.

Так, в целях укрепления законности и правопорядка, обеспечения государственной и общественной безопасности, охраны прав и свобод человека и гражданина, решением Президента России² был образован новый силовой федеральный орган исполнительной власти — Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации, которая согласно структуре федеральных органов исполнительной власти³ относится к федеральной службе, руководство деятельностью которой осуществляет Президент России. Также Президентом Российской Федерации постановлено следующее: образовать Росгвардию и преобразовать внутренние войска МВД России в войска национальной гвардии Российской Федерации⁴. Несмотря на то, что в новой редакции подп.

«д¹» ст. 83 Конституции Российской Федерации в качестве подчиненного Президенту Российской Федерации органа Росгвардия не поименована, её социальное бытие детерминировано важностью решения возложенных на неё законом задач⁵.

Непродолжительное время существования данной государственной военной организации, вовсе не означает, что у неё нет истории зарождения, становления и развития. Также у неё имеются предшественники, которые сформировали традиции и организационно-штатную структуру, перенятые Росгвардией в качестве полноценного правопреемника как в историческом, так и нормативном правовом аспектах.

Обращение к историческому опыту не случайно, поскольку изучение процесса становления правовых явлений и органов публичной власти позволяет лучше понять настоящее, сделать правильные выводы, что особенно важно для системы органов правового государства, коим является современная Россия⁶. Основательно отмечается, что историко-правовой анализ является важной составляющей методологии военно-правового исследования⁷.

Поскольку в настоящее время в отношении Росгвардии продолжается период становления структуры и нормативно-правовых основ деятельности, актуальным становится исследование истории, задач и

¹ Асеев А.Г., Большакова В.М., Бабарькин О.В., Наумов П.Ю. О полномочиях Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по оказанию платных услуг: специфика нормативного правового регулирования // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 6 (275). С. 52—57.

² Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации»

³ Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 21 «О структуре федеральных органов исполнительной власти».

⁴ Асеев, А.Г. Большакова В.М., Наумова Л.Ю. Установленные сферы деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: комплексный подход к законодательным пробелам нормативного правового регулирования // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 1 (270). С. 83—89.

⁵ Асеев, А.Г. Большакова В.М., Наумов П.Ю. и др. К новой реформе правоохранительных структур? (Комментарий к проекту закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти») // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 4 (273). С. 79—85.

⁶ Большакова, В.М. Принципы организации судебной системы Российской империи в 1864—1917 гг. // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3 (56). С. 165—170.

⁷ Землин А.И., Корякин В.М. Методология военно-правового исследования. Общая часть : учебник и практикум. М., 2021. С. 33.

организационно-штатной структуры юридической службы Росгвардии, ведь именно она принимает непосредственное участие в нормативном правовом регулировании установленных сфер деятельности.

Также актуальность исследования периодизации генезиса и исторического развития юридической службы войск национальной гвардии продиктована следующими обстоятельствами: а) *во-первых*, необходимостью учета сложившегося (накопленного) исторического опыта для оптимизации функций и построения эффективной организационно-штатной структуры; б) *во-вторых*, необходимостью установления диалектических закономерностей развития юридической службы войск и особенностей взаимного перехода от одних организационно-штатных структур, к другим; в) *в-третьих*, своевременностью учета влияния (воздействия) социально-экономических, идеологических, географических, политических, исторических и материально-технических факторов на деятельность государственных военных структур и их юридических служб; г) *в-четвертых*, современностью требований к эффективному функционированию юридической службы войск и учета в её деятельности временного фактора.

Исследуя генезис юридической службы войск национальной гвардии, для наглядной иллюстрации тенденций исследования данного вопроса, приведем мнения ученых, в публикациях которых анализу подвергалось бытие войск, их обеспечение и нормативное регулирование деятельности.

Так, О.В. Бабарькиным осуществлен анализ деятельности органов государственной власти по осуществлению мероприятий по социальной защите военнослужащих войск НКВД СССР. Он, обращаясь к анализу нормативных правовых актов, регламентирующих меры социальной защиты, указывает на огромную роль государства в поддержке военнослужащих, получивших ранения, травмы и увечья и членов их семей¹.

¹ Бабарькин, О.В. К вопросу о социальной защите военнослужащих войск НКВД СССР в Великой

Лысенков С.Г., анализируя законодательные и иные нормативно-правовые акты, регламентирующие служебно-боевую деятельность внутренних войск на различных этапах их развития раскрыл основные события и факты из истории внутренней и конвойной стражи Российской империи, внутренних войск МВД СССР и современной России².

П.А. Колпаковым раскрыты нормативные акты, определившие основные направления строительства Внутренней стражи Российской империи. Он указывает, что в период с 1811 по 1816 гг., определенный в исследовании как этап становления внутренних войск Российской империи, были изданы нормативные акты, регламентировавшие основные стороны организации и деятельности Внутренней стражи: разрешение кадровых вопросов, возникших как в процессе формирования, так и в ходе активной деятельности Внутренней стражи, вопросов денежного довольствия, формирования организационной структуры, дислокации подразделений и др. Особое внимание автор акцентирует на соотношении позиций Военного министра и Инспектора Внутренней стражи в системе управления внутренними войсками Российской империи³.

Н.Г. Германским определены основные исторические аспекты создания войск внутренней стражи Российской империи и

Отечественной войне // Участие войск НКВД в Великой Отечественной войне (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне): сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18—19 февраля 2015 г. СПб.: Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. С. 16—19.

² Лысенков С.Г., Сидоренко В.П. Внутренние войска: страницы истории. СПб.: Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2001.

³ Колпаков П.А. Становление внутренней стражи Российской империи 1811—1816 гг.: историко-правовой аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-3(60). С. 95—99.

изучены этапы их развития в период командования Е.Ф. Комаровским¹.

П.А. Пономаревым рассматриваются ключевые моменты предпосылок и истории образования войск внутренней стражи. Изложены проблемные моменты деятельности воинских формирований, осуществляющих внутреннюю службу и исполняющих полицейские функции. Он, акцентирует внимание на возникновении исторических условий для проведения реформы военно-охранительной системы страны. Также автор подчеркивает важность этих преобразований, но отмечает о существующих трудностях на начальном этапе их функционирования. В конце формулируются обобщающие выводы о значении образования внутренней стражи и роли её создания².

Ю.А. Марценюк совместно с коллективом авторов, анализируя архивные источники и историческую литературу раскрывают служебно-боевую деятельность при участии войск НКВД СССР в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Авторами показаны примеры мужества и героизма военнослужащих войск при защите Отечества³.

С.М. Штутман повествует о предшественниках современных внутренних войск — внутренней и конвойной страже, их строительстве, кадровом составе, служебно-боевой деятельности. Он показал

роль российских императоров, государственных и военных деятелей в создании и развитии войск охраны правопорядка, обеспечении общественной безопасности государства, весьма подробно говорит о деятельности каждого из тех генералов, которые возглавляли эти войска⁴.

Ранее нами была предпринята попытка периодизации истории становления и развития юридической службы войск национальной гвардии на следующие исторические этапы (периоды):

1. Начальный период (1918—1946 гг.), длившийся от создания войск юрисконсультской части НКВД, их реорганизации на юрисконсультский отдел НКВД до реформирования его в юридическую часть в составе МВД СССР.

2. Советский период (1983—1990 гг.) — введение первой юридической воинской должности — старшего офицера-юрисконсульта.

3. Период становления (1991—1997 г.) — образование организационно-правового отдела в составе штаба ГКВВ МВД России.

4. Период модернизации (1998—2015 гг.) — образование на правах самостоятельного отдела правового обеспечения, который впоследствии был реформирован в правовое управление ГКВВ МВД России.

5. Современный период (с 2016 по настоящее время) — образование правовой службы войск⁵.

Стоит отметить, что предпринятую ранее попытку периодизации истории становления и развития юридической службы войск национальной гвардии можно признать удачной лишь отчасти. Это продиктовано теми обстоятельствами, что, осуществляя периодизацию, не были разработаны и соответственно не применены критерии такой периодизации, а также не выявили закономерности смены этапов и их

¹ Германский Н.Г. Исторические аспекты создания и этапов развития внутренней стражи Российской империи в период командования Е.Ф. Комаровского // Первый командир Отдельного корпуса внутренней стражи России генерал от инфантерии Е.Ф. Комаровский (к 250-летию со дня рождения Е.Ф. Комаровского) : сборник материалов межвузовской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30 октября 2019 г. СПб.: Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2019. С. 12—16.

² Пономарев П.А. Внутренняя стража Российской империи: предпосылки создания и история возникновения // Евразийский юридический журнал. 2018. № 7(122). С. 118—120.

³ Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.): Военно-исторический труд / Ю.А. Марценюк, А. С. Беркутов, А. А. Климов [и др.]. М.: Главное командование внутренних войск МВД России, 2011.

⁴ Штутман С.М. История внутренних войск. Том 1 (1811—1917 гг.) / Под общ. ред. Н.Е. Рогожкина. 2-е изд. доп. М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2013.

⁵ Рошин С.Р. Генезис и тенденции развития юридической службы войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник адъюнкта. 2021. № 1.

причины. Также не был обоснован временной промежуток, который был разделен на соответствующие периоды. В настоящее время возникает необходимость в периодизации истории становления и развития юридической службы войск национальной гвардии за все время существования войск, что обуславливает не только разработку критериев такой периодизации, но также выявление закономерностей смены этапов и их причин.

При этом определенную ценность представляет то, что анализ выявленных периодов позволил прийти к выводу, что развитие правовых подразделений войск национальной гвардии целостно связано, с одной стороны, с особенностями решения юридических задач, с другой — с тенденциями развития нормативного правового регулирования в соответствующих сферах деятельности. Также верным является и суждение о том, что узловыми пунктами развития юридической службы являются реальные исторические периоды в жизни нашего государства и общества, поскольку любая военная организация страны, как и тенденции ее развития, зеркально отражают события, происходящие в это время в обществе в целом¹.

Периодизацию генезиса юридической службы войск целесообразно рассматривать через позиции сравнительного анализа и метода аналогии с общими периодами существования внутренней стражи / войск НКВД / внутренних войск / войск национальной гвардии. Это позволит соотнести данные периодизации как общее и частное, вскрыть их общие закономерности, особенности и специфические характеристики каждой из них.

В историографии войск отмечается, что хронологически их история делится на шесть периодов: 1. Войска правопорядка в дореволюционный период (до 1917 г.). 2. Внутренние войска в годы Гражданской войны и в межвоенный период (1917—1941 гг.). 3. Войска НКВД в годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945 гг.). 4. Внутренние войска в послевоенный период (1945—1991 гг.). 5. Внутренние вой-

ска МВД России (1991—2016 гг.). 6. Войска национальной гвардии Российской Федерации (2016 г. — по настоящее время)².

Мы выделяем следующие критерии, на основании которых осуществлена периодизация генезиса юридической службы войск: экономико-политический критерий; нормативно-правовой критерий; организационно-штатный критерий; структурно-функциональный и статусный критерий.

Их характеристика заключена в следующем. Экономико-политический критерий периодизации означает, что каждый период, как и причины перехода от одного к другому кроются в смене экономической формации и политического устройства государства, содержательными изменениями экономической модели производства и потребления и смены политической структуры общества (политического строя). Нормативно-правовой критерий характеризуется сущностью и особенностями правовых норм, регулирующих деятельность войск и их юридической службы (должностных лиц) на различных этапах исторического развития страны. Смена изучаемых периодов связана и с серьезными изменениями норм права, определяющих статус и основные функции юридической службы. Организационно-штатный критерий означает, что в различные периоды деятельности юридической службы войск она в своем составе имела различные подразделения (должностных лиц), выполняющие задачи правовой работы. Структурно-функциональный критерий означает, что на различных этапах существования юридической службы необходимость выполнения задач правового обеспечения обуславливала и структуру юридических подразделений. Статусный критерий означает, что на различных этапах деятельности юридической службы правовые подразделения (должностные лица) обладали разным правовым, организационно-распорядительным, административно-должностным статусом, от отдельных

² Войска национальной гвардии Российской Федерации. Исторический очерк. Научное издание. Под общ. ред. генерала армии В.В. Золотова. М.: Ред. журнала «На боевом посту», 2018.

¹ Там же.

юрисконсультов, до юридической службы внутренних войск МВД России и юридической службы федерального органа исполнительной власти, где законом предусмотрена военная служба.

Исходя из анализа научной литературы и применения, разработанных в настоящем исследовании критериев периодизации, историю становления и развития юридической службы войск национальной гвардии целесообразно и логично на следующие исторические этапы (периоды): дореволюционный период (1811—1917 гг.); советский период (1917—1983 гг.) (включающий три подпериода: довоенный (1917—1941 гг.); военный подпериод (1941—1945 гг.); послевоенный подпериод (1946—1983 гг.)); начальный период (1983—2016 гг.); современный период (с 2016 г. по настоящее время) — данный период характерен тем, что в отличие от остальных периодов войска национальной гвардии выведены из состава МВД России и переданы в Росгвардию, с момента образования которой юридическая служба наделяется новым для себя правовым статусом — юридической службой федерального органа исполнительной власти, где законом предусмотрена военная служба.

Рассмотрим кратко их содержание и особенности их смены.

С момента создания внутренней стражи (1811 г.), несмотря на то, что данная государственная военизированная структура была призвана решать правоохранительные задачи, в исторических источниках почти не сохранилось упоминаний о том, что в её составе имелись специально уполномоченные юридические подразделения. Анализ научной литературы позволяет сделать вывод, что если и необходимо было решить правовые по своей сущности задачи, то решение таковых возлагалось на отдельных (часто наиболее подготовленных) должностных лиц. Знаковый в истории нашей страны период проведенных Великих реформ (1861—1865 гг.) затронул и организацию внутренней стражи, а также порядок выполняемых ею задач и полномочий. В 1865 г. в состав аппарата министерства внутренних дел вводится юриди-

ческая служба, осуществляющая правовое сопровождение деятельности указанного государственного органа. Немного позднее (в 1868 г.) Указом императора Александра II в МВД создаются юрисконсультские части. В это время в стране утверждаются ценности цивилизованного регулирования общественных отношений, происходит становление принципов организации правовой жизни общества и отправления правосудия. Дальнейшее последовательное проведение в жизнь идей обширной судебной, земской, полицейской и цензурной реформ, привели к тому, что право начинает играть ведущую роль в общественной жизни. Несмотря на указанные позитивные социальные тенденции по становлению правовых институтов страны, в этот период в структуре внутренней стражи также не формируется специальных правовых подразделений, лишь отдельные должностные лица выполняют юридические функции. Такая организация юридической службы войск (за исключением некоторых частных изменений) сохранялась вплоть до 1917 г.

После свержения монархии в марте 1917 г. образованное в основном из представителей партии конституционных демократов Временное правительство провело существенную реорганизацию Министерства внутренних дел. Департамент полиции был упразднен, Отдельный корпус жандармов ликвидирован. Было создано Временное управление по делам общественной полиции и по делам личной и имущественной безопасности граждан, переименованное вскоре в Главное управление по делам милиции и по обеспечению личной и общественной безопасности граждан. В составе Главного управления по делам милиции и по обеспечению личной и общественной безопасности граждан не было специализированного правового подразделения. МВД Временного правительства считало своей основной задачей передачу милиции, как органа охраны пра-

вопорядка, в ведение органов местного самоуправления и городских управ¹.

Комиссары Временного правительства на местах получили указание от МВД «... организовать временную милицию, не стесняясь законами, относившимися к бывшей полиции»².

20 июля 1918 г. была образована юрисконсультская часть НКВД РСФСР, на которую был возложен юридический контроль за подготовкой документов НКВД на предмет их соответствия действующему законодательству и распоряжений высших органов государственной власти, а также урегулирование межведомственных конфликтов.

В связи большим объемом задач численности должностных лиц юрисконсультской части НКВД РСФСР было недостаточно для осуществления правового контроля в наркомате, а также проведения консультаций по различным правовым вопросам, в связи с чем в январе 1919 г. юрисконсультская часть НКВД РСФСР была реорганизована в юридический отдел, который являлся самостоятельным подразделением аппарата НКВД РСФСР.

Это были не последние реорганизации, которые затронули офицеров-юристов в 1919 г., юридический отдел утратил свою самостоятельность и в августе 1919 г. был включен в секретариат НКВД РСФСР.

В 1922 г. при коллегии НКВД РСФСР, было создано консультативное бюро, основными задачами которого были юридический контроль нормативно-правовой деятельности аппарата НКВД РСФСР, а также осуществление юридического консультирования его сотрудников по юридическим вопросам³.

В качестве такого подразделения консультативное бюро просуществовало до второй половины 1946 г.

Знаковым событием стало решение, принятое на V сессии Верховного Совета СССР, которое легло в основу для издания закона СССР от 15 марта 1946 г. «О преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и Советов Народных Комиссаров союзных и автономных республик — в Советы Министров союзных и автономных республик». НКВД СССР был преобразован в Министерство внутренних дел (МВД) СССР, а наркоматы внутренних дел союзных и автономных республик — в министерства. При этом заместителем МВД СССР по войскам стал генерал-полковник А.Н. Аполлонов, который ранее занимал должность начальника Главного управления внутренних войск НКВД СССР.

19 июля 1946 г. министром внутренних дел СССР С.Н. Кругловым подписан приказ № 00706 «О создании юридической части МВД СССР», которым было утверждено положение с соответствующими задачами, установлен порядок обязательного согласования с Юридической частью проектов основных руководящих документов МВД СССР, представляемых руководителям на подпись, а также утвержден штат, при этом сотрудники части подчинялись министру напрямую⁴.

19 июля 1946 г. — день создания юридической части МВД СССР — подлинно нельзя считать датой образования юридической службы войск национальной гвардии, поскольку эти факты напрямую между собой не связаны. Именно по этой причине мы не будем рассматривать преобразования, которые затронули юридическую службу МВД в период с 1946 по 1974 г.

19 февраля 1974 г. издано Положение о юридическом подразделении, старшем

¹ Организация правовой работы: учебное пособие / А.В. Борисов, Ю.Л. Корабельникова, А.А. Косых [и др.]. М.: Академия управления МВД России, 2021.

² Чудакова М.С. Правоохранительные органы России (февраль — октябрь 1917 года) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 6 (12)

³ Скоркин, К.В. НКВД РСФСР, 1917—1923. М., 2008.

⁴ История образования и развития юридической службы Министерства внутренних дел // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. — 2018. [Электронный ресурс]
URL: https://мвд.пф/мвд/structure1/Departamenti/Dogovorno_pravovoj_departament/Istorija_obrazovaniya_i_razvitiya_juridi/ (дата обращения: 21.12.2021).

юрисконсульты в системе МВД СССР, в соответствии с которым правовые подразделения входили в состав секретариатов. В тот период времени перед юрисконсультами ставились задачи по укреплению социалистической законности, борьбе с бесхозяйственностью, улучшению экономической работы, разработке правовых средств сохранности социалистической собственности, обеспечению эффективности договорной работы и пропаганде современного актуального законодательства. В конце 80-х годов был создан отдел правового обеспечения деятельности органов внутренних дел МВД СССР, который стал самостоятельной структурной единицей в аппарате. Деятельность отдела была направлена на совершенствование функционирования всех правовых подразделений, но в первую очередь его работа заключалась в совершенствовании нормотворчества¹.

5 июля 1983 г. в штат секретариата Главного управления внутренних войск МВД СССР была введена первая юридическая воинская должность — старшего офицера-юрисконсульта, именно она в соответствии с приказом Росгвардии от 8 ноября 2017 г. № 472 «Об объявлении дней создания подразделений (служб)» установлена датой создания подразделений правового обеспечения.

Важной исторической вехой в развитии юридической службы Вооруженных Сил, оказавшее влияние на юридическую службу внутренних войск является то, что приказом Министра обороны СССР 1989 г. № 200 введены должности помощников командиров по правовой работе (старших юрисконсультов) в дивизиях, корпусах, эскадрах, армиях, флотилиях. Приказом Министра обороны Российской Федерации 1994 г. № 15 должности помощников командиров по правовой работе введены в бригадах, полках (на кораблях 1-го ранга) и им равных. В июле 1994 г. на военном-юридическом факультете Военной акаде-

мии экономики финансов и права впервые начата подготовка офицеров-юристов по юрисконсультской специализации из числа курсантов.

Следующим этапом развития юридической службы является образование в 1991 г. организационно-правового отдела (в период с 1995 по 1997 г. отдел правового обеспечения), являвшегося структурным подразделением штаба Главного управления внутренних войск МВД России, имеющее в своем составе отделение правовой работы в составе пяти офицеров-юристов. В августе 1997 г. отдел правового обеспечения штаба ГК ВВ МВД России состоял из 16 человек и состоял из отделения правовой работы, группы разработки нормативных документов и группы договорно-претензионной работы и судебной защиты. В январе 1998 г. был создан отдел правового обеспечения, который являлся самостоятельным подразделением ГК ВВ МВД России и состоял из 17 офицеров. 28 июня 1999 г. создается правовое управление ГК ВВ МВД России в количестве 20 человек, состоящее из трех отделов: 1 отдел (правовой работы), 2 отдел (судебной защиты и договорно-претензионной работы), 3 отдел (организационно-правовой)².

Именно в таком качестве и просуществовало правовое управление ГК ВВ МВД России до образования вновь сформированного федерального органа исполнительной власти — Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации.

Рассматривая генезис и тенденции развития юридической службы, нельзя обойти стороной исторический боевой путь офицеров-юристов, приведем для этого один из примеров героизма и мужества, проявленных при выполнении не только повседневных, но и боевых задач.

Так, 13 августа 2012 г. в 7 часов 40 минут при исполнении служебных обязанностей в районе н.п. Майский Республики Северная Осетия — Алания погиб помощник командира полка по правовой работе — начальник группы правового обеспечения 126-го полка 49-й отдельной бригады

¹ Котляр А.И. Генезис и тенденции развития юридической службы Министерства внутренних дел Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. Симферополь. 2018. Т. 4 (70). № 3. С. 24—30.

² Рошин С.Р. Указ. соч.

оперативного назначения Северо-Кавказского регионального командования внутренних войск МВД России капитан юстиции Хабалаев А.В. За мужество и отвагу, смелые и решительные действия, совершенные при исполнении воинского долга в условиях, сопряженных с риском для жизни, он Указом Президента Российской Федерации от 29 июня 2013 г. награжден орденом Мужества (посмертно)¹.

2016 г. является знаковым для становления новых войск — войск национальной гвардии Российской Федерации и созданием центрального органа управления ими — Росгвардии. В состав войск национальной гвардии передаются внутренние войска МВД России и некоторые подразделения МВД России (ОМОН, СОБР, авиация, вневедомственная охрана, подразделения лицензионно-разрешительной работы). Такая кардинальная реформа и образование нового федерального органа исполнительной власти формирует новые вызовы и для подразделений (должностных лиц), выполняющих юридические задачи, кроме того, вместе с переданными подразделениями в состав войск, включаются и новые подразделения юридической службы.

Формируется общая структурная вертикаль организации юридической службы Росгвардии, состоящая из Договорно-правового департамента Росгвардии, правовых подразделений, лиц, замещающих должности по юридической специальности структурных подразделений центрального аппарата Росгвардии, управлений оперативно-территориальных объединений войск национальной гвардии, территориальных органов Росгвардии, управлений соединений, воинских частей, военных образовательных организаций высшего образования и иных организаций войск национальной гвардии².

¹ Бабайцев С.В. Юридическая служба: решение сложных задач малыми средствами // На боевом посту. 2015. № 5. С. 4—6.

² Рощин С.Р. Функциональный анализ деятельности юридической службы войск национальной гвардии Российской Федерации: методология и особенности нормативного правового

Функции юридической службы Росгвардии производны от функций самой Росгвардии. Так в соответствии с п. 1 Положения о Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 510, Росгвардия осуществляет функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, в сфере оборота оружия, в сфере частной охранной деятельности, в сфере частной детективной деятельности и в сфере вневедомственной охраны. Исходя из полномочий правовых подразделений, установленных п. 7 Наставления по правовой работе в войсках национальной гвардии Российской Федерации, юридические подразделения Росгвардии выполняют следующие функции: представительские; охранительные; обеспечительные; координационные; нормотворческие (правотворческие); организационные, разъяснительные, контрольные, методические³.

Следует отметить, что с 2016 г. по настоящее время проделана огромная нормотворческая работа, направленная на правовое регулирование в установленных для Росгвардии сферах деятельности. Были изданы ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие основные стороны деятельности Росгвардии, порядка её обеспечения и предоставления государственных услуг.

Таким образом, исследование периодизация генезиса юридической службы войск национальной гвардии позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, осуществленная периодизация генезиса истории войск и генезиса истории юридической службы как историко-правовые явления соотносятся как общее и особенное, пусть и не обладают характеристиками изоморфности, но имеют гомоформный образ.

регулирования // Военное право. 2021. № 2(66). С. 146—155.

³ Там же.

Во-вторых, в работе выделены и обоснованы следующие критерии, на основании которых осуществлена периодизация генезиса юридической службы войск: экономико-политический критерий; нормативно-правовой критерий; организационно-штатный критерий; структурно-функциональный и статусный критерий.

В-третьих, генезис юридической службы войск в исследовании разделен на следующие исторические этапы (периоды): *дореволюционный период* (1811—1917 гг.); *советский период* (1917—1983 гг.) (включающий три подпериода: довоенный (1917—1941 гг.); военный подпериод (1941—1945 гг.); послевоенный подпериод (1946—1983 гг.)); *начальный период* (1983—2016 гг.); *современный период* (с 2016 г. по настоящее время). В совокупности, осуществленная периодизация генезиса юридической службы войск национальной гвардии позволяет систематизировать научные представления о сущности, структуре, полномочиях, задачах и особенностях функционирования правовых подразделений в единой системе обеспечения деятельности войск с момента их создания по настоящее время.

Библиография

1. Асеев, А.Г. и др. О полномочиях Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по оказанию платных услуг: специфика нормативного правового регулирования / А.Г. Асеев, В.М. Большакова, О.В. Бабарыкин, П.Ю. Наумов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2020. — № 6 (275). — С. 52—57.
2. Асеев, А.Г. Установленные сферы деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: комплексный подход к законодательным пробелам нормативного правового регулирования / А.Г. Асеев, В.М. Большакова, Л.Ю. Наумова [и др.] // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2020. — № 1 (270). — С. 83—89.
3. Бабайцев, С.В. Юридическая служба: решение сложных задач малыми средствами / С.В. Бабайцев // *На боевом посту*. М., 2015. № 5. С. 4—6.
4. Бабарыкин, О.В. К вопросу о социальной защите военнослужащих войск НКВД СССР в Великой Отечественной войне / О.В. Бабарыкин // *Участие войск НКВД в Великой Отечественной войне (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне): сборник научных статей*

Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18—19 февраля 2015 г. / Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. — С. 16—19.

5. Большакова, В.М. Реализация мер правовой и социальной защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей: к проблеме правового регулирования соответствующих обязанностей федеральных судов общей юрисдикции / В.М. Большакова, П.Ю. Наумов, Г.В. Енгибарян, А.А. Лаптев // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. 2021. № 5 (286). С. 83-91;

6. Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.) : Военно-исторический труд / Ю.А. Марценюк, А.С. Беркутов, А. А. Климов [и др.]. — М.: ГК ВВ МВД России, 2011. — 106 с.

7. Войска национальной гвардии Российской Федерации. Исторический очерк : научное издание / под. общ. ред. генерала армии В.В. Золотова. — М.: Ред. журнала «На боевом посту», 2018. — 488 с.

8. Германский, Н.Г. Исторические аспекты создания и этапов развития внутренней стражи Российской империи в период командования Е.Ф. Комаровского / Н. Г. Германский // *Первый командир Отдельного корпуса внутренней стражи России - генерал от инфантерии Е.Ф. Комаровский (к 250-летию со дня рождения Е.Ф. Комаровского) : сборник материалов межвузовской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30 октября 2019 г.* — СПб.: Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2019. — С. 12—16.

9. Землин, А.И. Методология военно-правового исследования. Общая часть : учебник и практикум / А.И. Землин, В.М. Корякин. — М.: Русайнс, 2021. — 226 с.

10. Колпаков, П.А. Становление внутренней стражи Российской империи 1811—1816 гг.: историко-правовой аспект / П.А. Колпаков // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. — 2015. — № 10-3(60). — С. 95—99.

11. Котляр, А.И. Генезис и тенденции развития юридической службы Министерства внутренних дел Российской Федерации / А.И. Котляр // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. — 2018. — Т. 4 (70). — № 3. — С. 24—30.

12. Лысенков, С.Г. Внутренние войска: страницы истории / С.Г. Лысенков, В.П. Сидоренко. — СПб.: Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2001. — 174 с.

13. Организация правовой работы: учебное пособие / А.В. Борисов, Ю.Л. Корабельникова, А.А. Косых [и др.]. — М.: Академия управления МВД России, 2021. — 144 с.

14. Пономарев, П.А. Внутренняя стража Российской империи: предпосылки создания и история возникновения / П.А. Пономарев // Евразийский юридический журнал. — 2018. — № 7(122). — С. 118—120.

15. Рощин, С.Р. Генезис и тенденции развития юридической службы войск национальной гвардии Российской Федерации / С.Р. Рощин // Вестник адъюнкта. — 2021. — № 1.

16. Рощин, С.Р. Функциональный анализ деятельности юридической службы войск национальной гвардии Российской Федерации: методология и особенности нормативного правового регулирования / С.Р. Рощин // Военное право. — 2021. — № 2(66). — С. 146—155.

17. Штутман, С.М. История внутренних войск. Том 1 (1811—1917 гг.) / Под общ. ред. Н.Е. Рогожкина. 2-е изд. доп. — М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2013. — 480 с.

Понятие «кибертерроризм»: теоретико-правовой подход

© Семёнова Ирина Владимировна,
кандидат юридических наук, преподаватель
кафедры конституционного и
административного права Санкт-Петербургского
военного ордена Жукова института войск
национальной гвардии Российской Федерации

Аннотация. В статье проводится анализ понятия кибертерроризм. Поскольку официального трактования, закрепленного на законодательном уровне, еще нет, в научном мире продолжают споры в отношении формирования понятия, определения данного социального явления. Предложено свое определение термина кибертерроризм с учетом криминалистической характеристики преступного деяния.

Ключевые слова: кибертерроризм, преступление, понятие, закон, компьютерные технологии, сеть Интернет, криминалистическая характеристика.

The concept of "cyberterrorism": a theoretical and legal approach

© Semenova I.V.
PhD in Law (Candidate of Juridical sciences) Lec-
turer of the Department of Constitutional and Ad-
ministrative Law Saint-Petersburg Military Order of
Zhukov Institute of National Guard Troops

Abstract. The article analyzes the concept of cyberterrorism. Since there is no official interpretation fixed at the legislative level yet, disputes continue in the scientific world regarding the formation of the concept and definition of this social phenomenon. A definition of the term cyberterrorism is proposed, taking into account the criminalistic characteristics of the criminal act.

Keywords: cyberterrorism, crime, concept, law, computer technology, Internet, forensic characteristics.

В настоящее время информатизация и цифровизация распространена во всех сферах общественной жизни. Компьютеризация осуществляется на всех направлениях деятельности человека: медицинской, социальной, экономической, политический, военной, государственной. Вместе с внедрением интернета увеличивается как количество пользователей, так и преступлений в этой сфере. Особую общественную опасность составляют преступления, связанные с терроризмом, которые совершаются с использованием компьютерных технологий¹.

Одновременно с развитием компьютерных технологий в жизнь общества и

государства вошло явление под названием кибертерроризм. Следует отметить, что это проблема не только нашего государства, она предполагает противопоставление киберпреступников всему обществу. В приложении к Конвенции ООН о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) кибертерроризм был признан международным явлением. Международные акты о правах человека и о преступности определяют кибертерроризм как информационно-электронный терроризм. При этом выделены основные характерные черты, по которым можно квалифицировать данное преступление. Прежде всего, было определено то, что это деятельность как одного индивидуума, так и действия нескольких лиц, объединенных в группу. Деятель-

¹ Диденко А.И. Противодействие кибертерроризму // Отечественная юриспруденция. 2016. № 11 (13).

ность субъектов должна быть направлена на устрашение либо оказание психологического воздействия. Хотелось бы отметить, что устрашение направлено на общество, которое при определенных обстоятельствах может оказать влияние на государственные органы для принятия нужного преступнику решения. В свою очередь, на правительство оказывается воздействие с целью влияния на общество, создавая такие условия, что порождает бы страх и панику у граждан, при этом ориентируя их на определенную модель поведения или для причинения какого-либо вреда¹. Все эти манипуляции осуществляются при помощи сетей или данных, которые относятся к информационно-электронным.

Также ООН обратила внимание на особенности в действиях террористов: действия должны быть умышленно направлены на получение доступа к сведениям, находящимся в электронной форме или перехватить их путем незаконного проникновения в сеть и получения доступа к сведениям. При этом действия террористов должны быть направлены на повреждение цифровой (электронной) информации любыми способами либо путем оказания воздействия на системы защиты информации, техники².

Развитие общества и государства не стоит на месте. Вместе с этим продолжают трансформацию общественные отношения, а на этом фоне развивается преступное сообщество. Научное сообщество не может прийти к общему мнению в понимании такого института, как киберпреступность. Предприняты попытки выделить и такой вид

преступления как «хактивизм», подразумевая под ним действия, направленные на выявление уязвимых мест в операционных системах компьютеров с применением сети интернет³.

Кибертерроризм рассматривается как преступление, совершенное в киберпространстве путем вмешательства в работу компьютеров, программ, сетей, трансформацию информации и иные действия, носящие противозаконный характер, связанные с применением компьютера, интернет-сети и программ⁴.

О хакерстве как отдельном виде преступности упоминается в статье А.Г. Тешевой и И.А. Иванченко, которые отмечают что хакерство имеет схожие черты с кибертерроризмом, а именно с кибератаками, которые совершены через компьютерные сети. При этом авторы указывают на отличие в целях, которые преследуют преступники при совершении противозаконных действий⁵.

Рассмотренные понятия достаточно лаконичны, чтобы полноценно охарактеризовать суть данного явления. Анализируя хакерство и кибертерроризм, ученые не рассматривают технические средства, которые также обладают операционной системой, в результате чего становятся объектами атак хакеров. Рассматриваются действия, направленные на один вид объекта, хотя в настоящее время мобильные устройства, планшеты, ноутбуки, наравне с компьютерами, также являются объектами кибератак. В связи с

¹ Холиков И.В. Международно-правовые аспекты противодействия современным угрозам безопасности // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых "Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права", Оренбург, 22—24 марта 2017 года. — Оренбург: ООО «Первая типография», 2017. С. 5—14.

² Проект всемирной конвенции о гарантиях противодействия кибертерроризму // https://studme.org/354175/informatika/proekt_vsemirn_oy_konventsii_garantiyah_protivodeystviya_kiberterrorizmu

³ Серебренникова А.В. Кибертерроризм: причины и условия // *Colloquium-journal*. 2021. №17 (104). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberterrorizm-prichiny-i-usloviya> (дата обращения: 15.01.2022).

⁴ Яковец Е.Н. Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации // Сборник статей XIX Международной научно-практической конференции, посвященной памяти советского и российского ученого-криминалиста Вениамина Константиновича Гавло, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, заслуженного юриста РФ. Барнаул, 2021. С. 87—99.

⁵ Матвиенко Ю.А. Предупредить — значит вооружить (кибертерроризм вчера, сегодня и завтра) // Информационные войны. 2011. № 2 (18). С. 60—70.

этим целесообразнее говорить не о компьютерах в отдельности, а об устройствах, обладающих операционной системой в целом.

Кибертерроризм рассматривался как комплекс противозаконных действий в информационном пространстве, представляющих собой атаки на компьютерные и телекоммуникационные технологии, направленные на создание угрозы международной и государственной безопасности с целью влияния на решение политических, экономических и иных задач¹.

Ю.А. Матвиенко кибертерроризм предлагает рассматривать как отдельный вид терроризма, который отличается от общепринятого высокотехнологичностью. При этом рассматривает его не просто как действия, а как комплексную публичную акцию или их множественность, которая обладает определенным мотивом, имеющим политический окрас. При этом указываются средства, с помощью которых реализуется атака, — программно-аппаратные средства. В качестве объекта, на который совершается атака, выделяются программное обеспечение и средства вычислительной техники².

Такое понятие более совершенно, поскольку объектом выступает не только компьютер, а применяется более обобщенное понимание объекта преступления. Однако остается непонятным вопрос относительно атак, которые носят политический характер. Если отталкиваться от численности совершенных преступлений в этой сфере, то можно говорить, что основная масса преступлений совершена здесь с целью получения финансовой выгоды. Как правило, хакеры, которые совершают атаки, далеки от политики, и в большей степени стремятся показать миру свою состоятельность свои возможности в киберпространстве, конечно не упуская

при этом свой финансовый интерес, а также возможность иметь «идеологическую»³ направленность. Кибертерроризм, носящий политический характер (например, направленный на подрыв государственного строя), по масштабу нанесенного вреда, по сравнению с общей массой совершенных атак, имеет несравнимо большую значимость. Однако теоретическое определение такого явления, как кибертерроризм, должно носить обобщенный характер, а не рассматриваться в одной плоскости.

Определяя кибертерроризм, необходимо учитывать криминалистическую характеристику преступного деяния, всех его элементов. От четкого понимания каждого из них зависит полнота и всесторонность расследования. Развитие технологического прогресса, а параллельно с ним и преступности в этой сфере является стимулом к изучению такого современного социального явления, усовершенствованию действующего законодательства, регулирующего возникающие общественные отношения в этой сфере путем теоретического познания проблемы и совершенствования понятийного аппарата.

Следует отметить, что законодательного закрепления понятия кибертерроризма нет, однако были предприняты попытки в 2009 г. обозначить существование данного явления в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, где в п. 45 упоминается, что при подготовке кадров, которые будут осуществлять противодействие терроризму, необходимо не пропустить такую специфическую его разновидность как кибертерроризм. Также в 2018 г. семь стран СНГ подписали межгосударственное Соглашение о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере информационных

¹ Малик Е.Н. Кибертерроризм как мировая угроза: вызовы и меры борьбы // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 1 (85). С. 169—173.

² Матвиенко Ю.А. Указ. соч.

³ Тешева А.Г., Иванченко И.А. Понятие и основные элементы криминалистической характеристики кибертерроризма // Colloquium-journal. 2019. № 25-10 (49). С. 30—33

технологий¹. Президент Российской Федерации в 2021 г. в своем ежегодном послании Федеральному Собранию акцентировал внимание на то, что угроза кибертерроризма присутствует в нашей жизни².

Из проведенного анализа следует, что действующее российское законодательство не содержит соответствующего понятийного аппарата. В действующий УК РФ не предпринимаются попытки включения «кибертерроризма» в его состав³.

Вносить предложения по толкованию «кибертерроризма» следует после определения его отличительных черт:

— во-первых, кибертерроризм — производное от терроризма, в связи с этим получается, что это мировоззрение и практика воздействия на определенного субъекта;

— во-вторых, субъект, на которого может быть оказано воздействие. К нему можно отнести физическое (должностное) лицо, представляющее интересы государства, организации (коммерческой, некоммерческой), госкорпорации, а также интересы отдельных физических лиц;

— в-третьих, способ совершения преступлений характеризуется трансконтинентальностью и удаленностью от объекта и предмета совершения преступления;

— в-четвертых, в качестве технического средства совершения преступления используется компьютерная система и интернет-сети, или может быть использовано как инструмент, с помощью которого совершается преступление;

— в-третьих, мотив совершения террористических действий. Он может быть идеологическим, религиозным, политическим, социальным, корыстным или иным, то есть затрагивать любые сферы жизнедеятельности.

Таким образом, кибертерроризм — это противозаконная деятельность, направленная на получение цифровой информации с использованием компьютерной системы и сети Интернет путем оказания психологического воздействия на субъект.

Библиография

1. Диденко, А.И. Противодействие кибертерроризму / А.И. Диденко // Отечественная юриспруденция. — 2016. — №11 (13). .
2. Кулешова, Г.П. Правовые основы противодействия кибертерроризму в России и за рубежом с позиции общественно-политического измерения / Г.П. Кулешова, Е.А. Капитонова, Г.Б. Романовский. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(1).156-165 // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14. — № 1. — С. 156—165.
3. Малик, Е.Н. Кибертерроризм как мировая угроза: вызовы и меры борьбы / Е.Н. Малик // Вестник Прикамского социального института. — 2020. — № 1 (85). — С. 169—173.
4. Матвиенко, Ю.А. Предупредить — значит вооружить (кибертерроризм вчера, сегодня и завтра) / Ю.А. Матвиенко // Информационные войны. — 2011. — № 2 (18). С. 60—70.
5. Тешева, А.Г. Понятие и основные элементы криминалистической характеристики кибертерроризма / А.Г. Тешева, И.А. Иванченко // Colloquium-journal. — 2019. — № 25-10 (49). — С. 30—33.
6. Холиков, И.В. Деятельность Содружества Независимых Государств в сфере военного сотрудничества и обеспечения региональной безопасности / И.В. Холиков, Ш.П. Амонулов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 9(278). — С. 47-56.
7. Холиков, И. В. Международно-правовые аспекты противодействия современным угрозам безопасности / И.В. Холиков // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых "Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права", Оренбург, 22—24 марта 2017 года. — Оренбург: ООО «Первая типография», 2017. — С. 5—14.
8. Яковец, Е.Н. Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации / Е.Н. Яковец // Сборник статей XIX Международной научно-практической конференции, посвященной памяти советского и российского ученого-криминалиста Вениамина Константиновича Гавло, доктора юри-

¹ Холиков И.В., Амонулов Ш.П. Деятельность Содружества Независимых Государств в сфере военного сотрудничества и обеспечения региональной безопасности // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 9(278). — С. 55.

² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 г. // Российская газета, № 87, 22.04.2021.

³ Кулешова Г.П., Капитонова Е.А., Романовский Г.Б. Правовые основы противодействия кибертерроризму в России и за рубежом с позиции общественно-политического измерения // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 1. С. 156—165.

дических наук, профессора, заслуженного деятеля
науки Российской Федерации, заслуженного юри-

ста Российской Федерации. — Барнаул, 2021. —
С. 87—99.

Развитие уголовной ответственности за посягательства на отчуждение части территории российского государства

© Щербак Сергей Иванович,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье представлены результаты исторического анализа развития уголовной ответственности за посягательства на отчуждение части территории российского государства.

Ключевые слова: территориальная целостность; феодальная раздробленность; отчуждение территории государства; уголовная ответственность.

The development of criminal liability for encroachments on the alienation of part of the territory of the Russian state

© Shcherbak S.I.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Abstract. The article presents the results of a historical analysis of the development of criminal liability for encroachments on the alienation of part of the territory of the Russian state.

Key words: territorial integrity; feudal fragmentation; alienation of the territory of the state; criminal liability.

Зарождение и формирование Древнерусского государства и права происходило в суровых условиях борьбы народов и племен за «место под солнцем», граничащей с выживанием. Появление Московского государства связано с обеспечением безопасности, прежде всего русского народа, которая в некоторой степени обеспечивалась природой — огромными, трудно проходимыми лесами и болотами. В условиях того времени, когда численность населения земли была существенно меньше, чем ныне существующие семь миллиардов, народы, ее населявшие, старались избегать близкого, и порой не безопасного соседства друг с другом.

Российское государство впервые в своем территориальном развитии соприкоснулось с иностранным государством в такой степени, что пришлось договариваться об обустройстве линии государственной границы, разделяющей пределы их власти, только в XVIII в. 30 августа 1721 г. в городе Ништадте был заключен мирный договор между Русским царством и Шведским королевством (Ништадтский

мир), завершивший Северную войну 1700—1721 гг. Россия и Швеция вынуждены были учиться жить в новых условиях соседства. В соответствии с мирным договором для обозначения территориального разграничения земли и вод была предусмотрена установка пограничных знаков, обозначающих прохождение линии государственной границы. В договоре описаны с указанием места их нахождения пограничные знаки: камни, столбы, обложенные камнями, скалы, большие сосны и ели, пни — «... так и по всей старинной границе до окончания осьми миль на нижеозначенных горах, камнях, деревьях и на столбах имеются старинные признаки, и при оных и нынешние обеих стран признаки, наземнованы и насечены ...»¹.

До установления этим мирным договором линии государственной границы между Россией и Швецией, предусматривавшей тесное соприкосновение территорий двух государств, использовались по-

¹ Текст договора опубликован в издании «Под стягом России: Сборник архивных документов». М.: Русская книга, 1992.

нятия: дикое поле, засеки и др. С.Н. Бабурин считает, что «строительство крепостей в Европе, засек в России целые столетия оставались главным механизмом, фиксировавшим государственную принадлежность той или иной территории. Складывались границы-зоны, которые со временем эволюционировали в границы-линии»¹. Российское государство до XVIII в. окружала полоса ничейной, нейтральной земли, наличие которой исключало необходимость проводить границы, создавало зону относительной безопасности, исключало территориальные споры между государствами. Несмотря на это, история помнит многочисленные нападения врагов на нашу территорию с целью пограбить население и уйти в свои земли с добычей. Покушений на территорию государства с целью отторгнуть часть его земли как извне, так и изнутри, практически не было. Поэтому, естественно, что отсутствовала необходимость фактически и юридически вести борьбу против отчуждения части территории российского государства. Даже наоборот, в борьбе за выживание русскому населению приходилось оставлять южные территории, исходить из них и переселяться на более безопасные северные.

Исходя из вышеперечисленных обстоятельств, в первых источниках русского права: Русской Правде (1016 г.), Пространной редакции Русской Правды (ок. 1113 г.), Судебниках Ивана III (1497 г.) и Ивана IV (1550 г.), норм, устанавливающих ответственность за посягательство на территориальную целостность государства в форме ее отчуждения, не было. В.М. Редкоус и М.М. Копылов объясняют: «отсутствие такой нормы вполне естественно, так как в то время само государство и право находились в стадии формирования и оформления»². К сожалению, в Древнерусском государстве в XII—XIV

веках происходили обратные процессы. Эти процессы можно назвать процессами деформирования Древнерусского государства, которые негативно влияли на государство и вели к феодальной раздробленности³. Это большой период в истории Русского государства. Официально принято считать, что раздробленность началась после смерти Мстислава Великого в 1132 г. и завершилась в XVI в. Однако фактически раздробленность возникла задолго до этого. Уже в 1054 г., после смерти Ярослава Мудрого, появились первые признаки раздробленности: вспыхнули междоусобицы между пятью его сыновьями, между которыми он разделил власть и каждого из которых наделил своей территорией.

Феодальная раздробленность Древнерусского государства длилась долго и подчас бурно увеличиваясь в масштабах дробления. Если в начальный период раздробленности выделилось 15 княжеств, то в XIII в. их стало 50, а к XIV в. — уже 250. Правомерно ли в этих условиях ставить вопрос о фактическом и юридическом отчуждении части территории государства? По существу, из единого целого выделялись части (удельные княжества). Очевиден прямой ущерб народу и государству — оно ослабевало и было не в состоянии защитить народ. Но, с учетом юридических реалий того времени, все было правомерно. Великий Киевский князь в раннефеодальном государстве в соответствии с суровыми нравами того времени был полноправным хозяином всей земли и имел право ею распоряжаться по своему усмотрению. При этом он исходил не из интересов народа, а с учетом своего понимания справедливости защищал интересы своих детей — не хотел никого из них обидеть и наделал каждого своим уделом. Существовавшая система натурального хозяйства, внешнее влияние⁴, политическая эгоцен-

¹ Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М.: Изд-во Московского университета, 1997. С. 198.

² Редкоус В.М., Копылов М.М. Уголовная ответственность за посягательства на территориальную целостность Российской Федерации. История и современное состояние // Закон и право. 2019. № 9.

³ Феодальная раздробленность — это исторический период в истории Руси, который характеризовался децентрализацией власти, усилением власти в уездных княжествах, стремлением князей к самостоятельной политике.

⁴ В 1354 г. на право быть митрополитом православных русских земель претендовали два

тричность князей, местоположение на геополитической карте позволяли таким удельным княжествам существовать в условиях относительной региональной стабильности.

Несомненно, для единого прежде государства в проводимой великими князьями политике предоставления своим отпрыскам наследуемых уделов¹ был явный вред его территориальной целостности. Но юридических механизмов и политической воли в приостановлении и пресечении этого недальновидного поведения² не было.

Первый письменный прообраз установления государством уголовно-правовых запретов на отчуждение территории мы находим в Боярском приговоре о станичной и сторожевой службе³, принятом в 1571 г. Данный документ предупреждал: «А которые сторожи, не дожидаясь себе смены, с сторожи съедут, а в те поры государевым украинам от воинских людей учинитца война, и тем сторожем от государя, царя и великого князя быти казненным смертью». Такой запрет только отдаленно можно отнести к искомому, но все же цель он преследовал прямую — не допускать риска утраты территории государ-

ства. Суровая мера ответственности предусматривалась к лицам, входившим в состав сторож, которые покинут охраняемую территорию раньше, чем прибудет им смена. Объективная сторона в этом случае определялась как покидание места службы. Норма предполагала наступление вредных последствий — нападение врага на государство и начало войны. Ведь по итогам войны разные могли быть последствия, вплоть до утраты территории.

Н.М. Карамзин обращает еще на один момент, по причине которого не могли правители русской земли издавать строгие запреты на отчуждение территории: «Князь Василий Шемякин Северский отличался доблестию воинскою, был ужасом Крыма, ненавистником Литвы и верным стражем южной России; за что Василий Князь оказывал ему милость и дал город Путивль; но опасался и не любил его, вопервых, помня ужасный характер деда Василиева, а во вторых, зная беспокойный дух внука, смелого, надменного своими достоинствами». (Земли Северские хотя и включили после войны с Литвой в состав Российского государства, однако, они попрежнему имели статус удельных вотчинных земель, и удельный князь Северский мог опять с землями уйти к Литве)⁴.

Последующее развитие правового регулирования уголовной ответственности за отчуждение территории Московского государства связано с принятием в 1649 г. Соборного Уложения. В главе «О государственной чести ...» была предусмотрена ответственность за близкие к аналогичным деяния. Ст. 2 устанавливала ответственность за покушения на завладение Московским государством. Очевидно, что данная статья была введена как следствие попытки посадить на трон Лжедмитрия в начале XVII в.⁵

представителя — русский и литовский, но щедрые литовские подкупы превозмогли, и цареградский патриарх Филофей создал особую Литовскую митрополию на славянской территории, и тем самым способствовал разделению русских земель. См. Иловайский Д.И. Собиратели Руси. М.: ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 54.

¹ Московского князя Ивана Калиту стали называть «собирателем русской земли», поскольку он раздел земли между сыновьями устроил так, чтобы младшим братьям было трудно выйти из повиновения у старшего. Их уделы не представляли особых, сколько-нибудь округленных владений; их волости отчасти окружены владениями старшего брата, отчасти перемешаны с ним. Наконец, уделы их довольно незначительны в сравнении с его частью. (См. там же. С. 34).

² В 1551 г. по инициативе Ивана Грозного состоялся церковный собор в историю вошедший под наименованием Стоглавого. На соборе выступал Иван Грозный. Решая вопрос о монастырских землевладениях собор разрешал монастырям приобретать и продавать земли только с царского дозволения.

³ Акты Московского государства. т. 1, 1571—1634 гг. С. 2—5.

⁴ Карамзин Н.М. История Государства Российского : в 12 т. Т. VII. Подготовка текста В.Б. Муравьева. М.: Моск. рабочий; Слог, 1993. С. 68.

⁵ Н.М. Карамзин пишет: «20 июня 1605 года, в прекрасный летний день, Самозванец вступил в Москву, торжественно и пышно. Был встречен с царскими почестями. Наконец Расстрига в чертогах Иоанновых сел на престол Государей Московских. Приступил к управлению государством до 17 мая 1606 года». Возникает вопрос, вполне риторический:

В установленном запрете отчетливо просматривается объективная сторона — «завладеть и государем быть», «рать збирать», «помочь всячески чинить государевым недругам». Субъективная сторона — «злое умышление». Мера наказания, соответствующая деянию, — «казнити смертию». В ст. 3 определялось: «А будет кто царьского величества недругу город здаст изменою, или кто царьского величества в города примет из ыных государств зарубежных людей для измены же, а същется про то допряма, и таких изменников казнити смертию же»¹. В.М. Редкоус и М.М. Копылов выражают сомнение относительно мотива преступления. Они полагают, что «речь в данном случае идет, скорее, о государственной измене, посягательстве на власть царя, на самодержавие, т.е. о мятеже с целью захвата власти, а не территории»². Можно согласиться с их мнением, но следует уточнить, что наличие жестоко караемых запретов все же оказывало сдерживающее воздействие на попытки посягать на территорию или сдавать ее врагу.

В XVIII в. основным источником уголовного права являлись Воинские Артикулы 26 апреля 1715 г.³ Прямое уголовно-правовое запрета на посягательство и отчуждение территории формирующейся империи в нем не усматривается. Возможно, это связано с тем, что государство вело активную политику по упрочению и больше было озабочено готовностью военной организации к отпору врага.

Близкими по направленности на обеспечение территориальной целостности являются внесенные в Артикулы запреты на совершение таких деяний, как измена, бунт, возмущение, сдача крепости врагу. Глава пятнадцатая также устанавливает жесткие запреты на капитуляцию перед

врагом, призывы к сдаче в плен, тайную и опасную переписку с неприятелем, при этом предусматриваются последствия — «ежели оная измена великой вред причинит войску, землям, городу или государю». Вполне вероятно, что замысел законодателя охватывал наступление последствий в форме захвата противником части территории, возврат которой потребует немалых сил и средств государства (вред).

Наряду с введением довольно жестких санкций, что типично для военных действий, артикул 123 пятнадцатой главы устанавливал смягчение: «притчины, которых ради комендант, офицеры и салдаты извинены быть могут, когда крепость здастся:

(1) Крайней голод, когда ничего не будет, чем человек питаться может, имея наперед всевозможную в пище бережность;

(2) Когда аммуниции ничего не останется, которая також со всякою бережью трачена;

(3) Когда людей так убудет, что оборонитися весьма не в состоянии будут (а во всю осаду оборонялися храбро) сикурсу получить не могут, и что крепости уже по всем видам удержать будет невозможно;

(4) Однако ж сии пункты суть тем, кои особливого указа не имеют.

А которые имеют указ до последнего человека оборонятися, то никакой нужды ради не капитулировать с неприятелем, и крепости не отдавать»⁴.

Подводя итог, отметим, что военная организация создается, и правила поведения устанавливаются для того, чтобы беречь суверенитет и территориальную целостность государства. Следовательно, предназначение Артикул воинских в целом направлено на безопасность государства и его территории. Характер санкций подтверждают это суждение.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее — Уложение) принималось с учетом как российского, так и иностранного опыта правотворче-

являются ли его действия попыткой отчуждения территории русского государства?

¹ Российское законодательство X—XX веков. Т. 3. М., 1988. С. 197.

² Редкоус В.М., Копылов М.М. Указ. соч.

³ Законодательство периода становления абсолютизма // Российское законодательство X—XX вв. : в 9 т. Т. 4. Отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986.

⁴ Законодательство периода становления абсолютизма // Российское законодательство X—XX вв. : в 9 т. Т. 4.

ства. Уложение отличается большей юридической проработанностью и детализацией запретов. В нем впервые мы обнаруживаем установление уголовной ответственности за посягательство на отчуждение территории государства.

Согласно ст. 275 второй главы «О бунте против власти верховной и о государственной измене» Уложения к государственной измене относится деяние: «когда кто-либо умыслит предать государство или какую-либо часть оно другому государю или правительству». Во второй части статьи предусмотрена уголовная ответственность за подстрекательство иностранного государства к агрессии против России: «когда подданный российский будет возбуждать какую-либо иностранную державу к войне или иным неприязненным действиям против России»¹.

Уголовное уложение в редакции 1903 г. в ст. 100 третьей главы «О бунте против Верховной власти и о преступных деяниях против Священной Особы Императора и Членов Императорского Дома» устанавливало ответственность в виде смертной казни за насильственное посягательство на изменение в России установленного законом образа правления и за отторжение от России какой-либо ее части². Была предусмотрена ответственность за приготовление и посягательство на отторжение. Также наказуемым объявлялось участие в сообществе, созданном для совершения преступления, предусмотренного ст. 100.

Таким образом, в условиях назревания социальных протестов и внешних угроз, мы видим озабоченность властей российского государства сохранением территориальной целостности, которая проявилась в установлении ответственности за несхранность территории.

С победой в 1917 г. в России социалистической революции, с ее направленностью на построение нового общества на основе коммунистической идеологии,

наступил правовой вакуум, особенно в уголовно-правовой сфере. Только в 1922 г. был принят УК РСФСР. В нем, в ст. 58 предусматривалась следующая диспозиция и санкция: «Организация в контрреволюционных целях вооруженных восстаний или вторжения на советскую территорию вооруженных отрядов или банд, а равно участие во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре и на местах или насильственно отторгнуть от РСФСР какую-либо часть ее территории, или расторгнуть заключенные ею договоры карается высшей мерой наказания и конфискацией всего имущества...».

Ст. 59 предусматривала ответственность за подстрекательство иностранных государств к агрессии против РСФСР. В ней говорилось, что «сношение с иностранными государствами с целью склонения их к вооруженному вмешательству в дела республики, объявлению ей войны или организацию военной экспедиции ... карается наказаниями, предусмотренными ч. 1 ст. 58 УК». Вполне очевидно, что война может завершиться территориальными потерями. Также предусматривалась ответственность за участие в организации, создающейся в целях совершения преступлений, направленных на отчуждение части территории государства.

УК РСФСР, принятый в 1926 г., в основном сохранил преемственность норм УК РСФСР 1922 г. в части ответственности за отчуждение части территории государства (ст. 58.2 и ст. 58.3 УК РСФСР). Данные деяния характеризовались контрреволюционной направленностью³.

³ Ст. 58.1 УК РСФСР контрреволюционным признавало всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти Рабоче-Крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п. Контрреволюционным признавалось также и такое действие, которое, не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных целей,

¹ Российское законодательство X—XX вв. Т. 6. С. 276.

² Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Изд. В.П. Анисимова, 1903. С. 43.

В 1960 г. была принята новая редакция УК РСФСР. Эту редакцию отличает большая лаконичность и универсальность в изложении составов преступлений по сравнению с предыдущими, в том числе преступлений, направленных на отчуждение части территории государства. Причинами стали: усиление мощи государства, создание благоприятного внешнего окружения, ослабление деструктивных сил внутри государства и др. По-видимому, законодатель счел не обязательным выделение отдельного, самостоятельного состава преступления. Вместе с тем, деяния, в том числе посягающие на территориальную неприкосновенность, предусматривались и относились к группе особо опасных государственных преступлений (ч. 1 гл. 1).

Непосредственно умышленное деяние, направленное на причинение ущерба территориальной целостности государства, охватывалось ст. 64 УК РСФСР, которая именовалась «Измена Родине»¹, и имела следующее содержание: «Измена Родине, то есть деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб государственной независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи СССР: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, а равно заговор с целью захвата власти, наказуется лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или смертной казнью с конфискацией имущества».

Ст. 72 УК РСФСР 1960 г. предусматривала ответственность за организацион-

ную деятельность, направленную к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации. Особый интерес представляет ст. 73 с точки зрения определения объекта преступного посягательства — «другое государство трудящихся». В целях защиты территориальной целостности образованных после Великой Отечественной войны социалистических стран, статья предусматривала: «В силу международной солидарности трудящихся особо опасные государственные преступления, совершенные против другого государства трудящихся, наказываются соответственно по статьям 64—72 настоящего Кодекса».

Применительно к исследуемому вопросу обращает на себя внимание ст. 263 УК РСФСР 1960 г. «Самовольное оставление поля сражения или отказ действовать оружием». События завершённой 15 лет назад Великой Отечественной войны выявили многие слабые места в обеспечении безопасности государства. Одним из них явилось самовольное оставление поля сражения во время боя или отказ во время боя действовать оружием, чреватые продвижением врага и завладением обороняемой нашими войсками территорией, что близко по смыслу с отчуждением территории.

Подводя промежуточный итог, отметим, что в УК РСФСР 1960 г. в прямой постановке норм, предусматривающих ответственность за отчуждение территории государства, не содержалось.

Таким образом, анализ источников уголовного права разных временных периодов российской истории даёт представление о динамике процессов правового регулирования уголовной ответственности за посягательства на отчуждение части территории государства, и позволяет выявить некоторые тенденции. Очевидна зависимость появления и конкретизации данных правовых норм от наличия внешнего недружественного окружения, пытающегося разжечь внутренние волнения, территориальные претензии, приближение внешних границ блока НАТО к границам России и ряда других обстоятельств. В условиях благоприятного внешнего окружения

тем не менее, заведомо для совершившего его, содержит в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции. Изменой Родине признавались действия, совершенные гражданином СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории.

¹ Под Родиной в УК РСФСР понималась не РСФСР, а значительно большее пространство — СССР.

(страны организации Варшавского договора), усиления мощи государства и контроля над силами, вынашивающими деструктивную направленность, их актуальность утрачивалась, и законодатель считал не обязательным выделение самостоятельного состава преступления в виде запрета отчуждения части территории.

Действующий в настоящее время УК РФ изначально с момента его принятия в 1996 г. содержал нормы, максимально охватывающие все общественно опасные сферы частной, общественной и государственной жизни. Вместе с тем в нем отсутствовали положения, которые бы прямо устанавливали преступность деяний по нарушению территориальной целостности Российской Федерации в форме ее отчуждения.

Специалисты отмечают, что некоторые статьи Особенной части УК РФ, обеспечивают охрану территориальной целостности России¹. Так, ответственность за посягательство на территорию путем угрозы силой или путем ее применения изначально была установлена в статьях: 278 — «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти»; 279 — «Вооруженный мятеж»; 280 — «Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации»; 353 — «Планирование, подготовка и развязывание агрессивной войны» и 354 — «Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны».

По мнению автора, следует обратить внимание еще на одну статью УК РФ. Со дня его принятия ответственность за нарушение неприкосновенности государственной границы Российской Федерации, а, следовательно, и ее территории, определена в ст. 323 УК РФ «Противоправное изменение Государственной границы Российской Федерации»². Суровая правда

жизни заключается в том, что практически отсутствуют факты умышленного посягательства на государственную границу в форме изъятия, перемещения или уничтожения пограничных знаков в целях ее противоправного изменения. Таких случаев за годы действия данной нормы насчитывается единицы. Однако представляется, что потенциал правовой нормы, как и потенциал других правовых средств необходимо более полно использовать для обеспечения территориальной целостности государства, устраняя возникающие разночтения и двойные смыслы.

Начиная с 1996 г. вокруг России и внутри нее происходили бурные события, на которые органам власти необходимо было реагировать, в том числе, и уголовно-правовыми средствами. С 1 января 1997 г. в действующий УК РФ было внесено более 250 изменений и дополнений. Столь значительное количество правок текста УК РФ говорит скорее о его недостатках, чем о достоинствах. В.В. Лунеев в 2009 г. отмечал, что «уголовная политика за последние 10 лет была ситуационной, неустойчивой, не имеющей сколько-нибудь внятной стратегии и научно-прогностического обоснования. Изменения и дополнения в Уголовный кодекс носили лоскутный, рефлексивный, коррупционный или «пожарный» характер³.

Примечательно, что в последнее десятилетие в УК РФ были внесены важные для обсуждаемого вопроса дополнения.

В 2002 г. статью 280 переименовали. Вместо «Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации» она стала именоваться «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности». В 2014 г. с учетом использования средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных се-

¹ Степанов В.В., Струков А.В. Проблемы разрешения конкуренции составов преступлений экстремистской направленности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 1, январь-март.

² Щербак С.И. Нарушение территориальной целостности Российской Федерации посредством противоправного изменения Государственной

границы Российской Федерации как проявление экстремизма // Военное право. 2020. № 5 (63). С. 177—184.

³ Лунеев В.В. Роль мониторинга криминальных реалий в механизме совершенствования уголовного законодательства // Мониторинг уголовно-правовой политики Российской Федерации. М., 2009. С. 55.

тей, в том числе сети Интернет для публичных призывов, внесли соответствующие изменения в часть вторую.

В 2013 г. УК РФ дополнили новой целевой статьей 280.1 «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации». Специалисты заметили, что «предлагаемое дополнение уголовного закона согласуется с логикой законодателя, выделившего публичные призывы к действиям, направленным на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, в отдельный состав преступления, хотя эти деяния в целом охватывались «Публичными призывами к экстремистской деятельности» (ст. 280 УК)¹. Видимо необходимость существования двух близких по смыслу редакций объясняется тем, что в ч. 1 ст. 280.1 предусмотрена возможность применения административной ответственности к виновному за впервые совершенное деяние, а в случае повторного аналогичного деяния, совершенного в течение одного года, возможно привлечение к уголовной ответственности (административная преюдиция).

В 2020 г. в рамках реализации поправки к Конституции Российской Федерации² в УК РФ внесена ст. 280.2 «Нарушение территориальной целостности Российской Федерации». Данная статья предусматривает уголовную ответственность за действия, направленные на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, в том числе, в форме отчуждения части территории, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. 278, 279 и 280.1 УК РФ. Таким образом, данная статья по сути является общей по отношению к перечисленным специальным. К настоящему времени нет сведений о практике ее применения.

В то же время вносимые новые дополнения в УК РФ порождают некоторые вопросы.

Анализируя диспозицию ст. 280.2 УК РФ, невольно задумываешься о том, кто может быть субъектом данного преступления? Очевидно, что этот субъект не может быть физическим лицом, поскольку возникает вопрос: каким способом он может совершить отчуждение части территории Российской Федерации?

Ранее В.В. Лунеев отмечал неустойчивость уголовной политики государства. Большое количество изменений и дополнений, внесенных в УК РФ, свидетельствует о нестабильности правового массива норм. В перспективе мы должны стремиться к тому, чтобы законы были постоянными и неизменными. Отсутствие стабильности уголовного закона, как отмечает А.Э. Жалинский, оказывает негативное влияние на его справедливость и эффективность и обуславливает «отсутствие единой правоприменительной практики, усиление неопределенности и соответственно коррупциогенности действующего законодательства»³.

Вместе с тем, жизнь не стоит на месте. Проводятся научные исследования, направленные на поиск вариантов решения обеспечения территориальной неприкосновенности. За год до внесения в УК РФ статьи 280.2 в 2019 г. в журнале «Закон и право» В.М. Редкоус и М.М. Копылов опубликовали статью «Уголовная ответственность за посягательства на территориальную целостность Российской Федерации. История и современное состояние». В ней авторы на основе изучения нормативных актов, действовавших в нашей стране в разные периоды истории в качестве источников уголовного права и норм современного уголовного закона, представляют свою точку зрения на перспективы уголовной ответственности за посягательства на территориальную целостность Российской Федерации. По итогам прове-

¹ Редкоус В.М., Копылов М.М. Указ. соч.

² Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

³ Жалинский А.Е. К вопросу об инструментальной оценке справедливости и эффективности мер уголовной ответственности // Уголовное право и современность : Сб. статей. Вып. 2. М., 2009. С. 15.

денного исследования они выявили пробелы в уголовном законе в части наличия нормы об ответственности за посягательство на территориальную целостность Российской Федерации в форме отчуждения ее части, и, возможно, научно предвосхитили включение соответствующей статьи в Конституцию Российской Федерации, и ее дальнейшее развитие в Российском законодательстве.

Осмысливая значимость и необходимость установления уголовно-правового запрета на отчуждение части территории государства, логично исходить из формулы: всякое государство только тогда чего-нибудь стоит, когда оно умеет защищать свою территорию. Выявленная автором зависимость показывает, что в условиях наличия внешних и внутренних угроз государству вероятность установления уголовно-правового запрета на отчуждение части территории государства в российском законодательстве возрастает; при наличии благоприятного внешнего окружения и усиления мощи государства, утрачивается.

Библиография

1. Бабурин, С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы / С.Н. Бабурин. — М.: Изд-во Московского университета, 1997. — 480 с.
2. Жалинский, А.Е. К вопросу об инструментальной оценке справедливости и эффективности мер уголовной ответственности / А.Е. Жалинский // Уголовное право и современность : Сб. статей. — М., 2009. — Вып. 2.
3. Лунеев, В.В. Роль мониторинга криминальных реалий в механизме совершенствования уголовного законодательства / В.В. Лунеев // Мониторинг уголовно-правовой политики Российской Федерации. — М., 2009.
4. Редкоус, В.М. Уголовная ответственность за посягательства на территориальную целостность Российской Федерации. История и современное состояние / В.М. Редкоус, М.М. Копылов // Закон и право. — 2019. — № 9.
5. Степанов, В.В. Проблемы разрешения конкуренции составов преступлений экстремистской направленности / В.В. Степанов, А.В. Струков // Вестник Пермского университета. Юридические науки». 2015. — Вып. 1, январь-март.
6. Щербак, С.И. Нарушение территориальной целостности Российской Федерации посредством противоправного изменения Государственной границы Российской Федерации, как проявление экстремизма / С.И. Щербак // Военное право. 2020. — № 5 (63). — С. 177—184.

Военно-административное право

Правовое регулирование деятельности военного духовенства на основе опыта духовно-нравственного воспитания в зарубежных странах

© **Беляев Николай Николаевич**,

кандидат юридических наук, Академия ФСО России

© **Пашков Владимир Иванович**,

кандидат политических наук, Академия ФСО России

Аннотация. В статье представлены материалы организационного устройства и правовой регламентации деятельности представителей духовенства в вооруженных силах зарубежных стран. Описаны основные функции, задействованные при этом ресурсы, а также приведена попытка выделения положительных и отрицательных черт, особенностей, возможных к применению или необходимых дополнительного внимания для недопущения в Вооруженных Силах Российской Федерации, иных воинских формированиях. Проведенная работа дала возможность предложить, с учетом исторического опыта духовного просвещения военнослужащих в России, направления функциональной оптимизации деятельности священнослужителей в Вооруженных Силах Российской Федерации, с целью повышения правосознания, снижения напряженности на межэтнической и духовно-нравственной почве, как следствие, повышения эффективности выполняемых функций и реализуемых мероприятий по обеспечению безопасности и обороноспособности страны.

Ключевые слова: духовно-нравственная работа, религиозные организации, право на вероисповедание, военная служба, военное духовенство.

Legal regulation of the activities of the military clergy based on the experience of spiritual and moral education in foreign countries

© **Belyaev N.N.**,

Ph.D., Academy FSP of Russia,

© **Pashkov V.I.**,

Ph.D., Academy FSP of Russia

Abstract: the article presents the materials of the organizational structure and legal regulation of the activities of representatives of the clergy in the armed forces of foreign countries. The main functions, the resources involved in this are described, and an attempt is made to highlight positive and negative features, features that can be used or need additional attention to prevent in the Armed Forces of the Russian Federation, other military formations. The work carried out made it possible to propose, taking into account the historical experience of spiritual education of military personnel in Russia, directions for functional optimization of the activities of clergy in the Armed Forces of the Russian Federation, in order to increase legal awareness, reduce tensions on interethnic and spiritual and moral grounds, as a result, increase the effectiveness of the functions performed and measures implemented to ensure the security and defense of the country.

Keywords: spiritual and moral work, religious organizations, the right to worship, military service, military clergy.

Исследование духовного и нравственного воспитания военнослужащих проведем, исследуя вначале идеи верного служения русских воинов, заложенные ранее на вере православной, царю и Отечеству.

В царском периоде (вторая половина XVI—XVIII в.) благодаря вере, русский народ выдерживал голод, болезни, нападения врагов и при этом не падал духом, уповая всегда на Бога. Православная вера влияла на формирование сознания русского воинства и помогала военачальникам смело и мудро руководить в сражениях, что и подтвердилось в Куликовской битве 1380 г. под руководством великого князя Дмитрия Донского (1350—1389 гг.). В указанном периоде в процессе воспитания у воинов вырабатывались такие качества, как любовь к ближнему, преданное служение Отечеству, дисциплинированность, исполнительность, мужество, надежность, святость.

С созданием армии в полках приступили к работе институты военного духовенства. В воинском уставе русской армии (1716 г.) определялась богослужebная деятельность военного духовенства, введены отдельные главы «О священнослужителях», в которых определялись их права и обязанности. С 1721 г. центральным органом управления церковными делами стал Святейший Правительственный синод, который предоставил полномочия епархиям назначать в полки священников. Эти священники должны были быть благонаправленного поведения и готовыми к работе с воинами.

В Морском уставе (1720 г.) священнослужителям рекомендовалось служить примером для экипажа корабля, быть всегда трезвыми, вести святую жизнь, совершать ежедневные богослужения, развивать у личного состава религиозные чувства. А офицеры и матросы должны были с уважением относиться к священнику и присутствовать на общей молитве¹.

¹ Григорьев А.Б. Вера и верность. Очерки из истории отношений Русской Православной Церкви и Российской армии. М.: Кучково поле, 2005. С. 226.

При Петре I в России утвердился текст воинской присяги. Военную присягу воин принимал в залог верности перед Святым Евангелием, с Крестом Господним, у своего войскового знамени.

А.В. Суворов в основу своей воспитательной системы ставил веру, надежду и любовь к Богу. «Дух необходимо укреплять в православной вере, безверное войско учить, что перегорелое железо точить», — говорил он². Русский воин знал твердо, что ему нужна крепкая вера для поддержания его боевого духа. Убеденный, что помощь идет свыше, А.В. Суворов говорил: «Молись Богу, от Него победа!».

П.С. Нахимов все сражения начинал с молебнов и после победы над противником в его присутствии служились заупокойная литургия по погибшим воинам и благодарственные молебны³.

В период царствования Павла I и Александра I происходили изменения в церковном управлении и военной сфере. Император Павел I повелением от 9 мая 1800 г. утвердил должность обер-священника Армии и Флота⁴. С этого момента он подчинялся Святейшему Синоду и получил право управлять военным духовенством. 13 октября 1858 г. при императоре Александре II вместо должности обер-священника армии и флота была утверждена должность — главный священник армии и флота⁵.

При анализе деятельности религиозных организаций во взаимоотношениях с вооруженными силами рассмотрим опыт зарубежных стран с различными конфессиями, в частности, моноконфессиональных: Норвегии, Греции, Израиля, а также поликонфессиональных — США, Германии и Великобритании. На основе положи-

² Савинкин А.Е. Христолюбивое воинство: Православная традиция русской армии. М.: Военный университет, 1997. С. 85.

³ Григорьев А.Б. Указ. соч. С. 324.

⁴ Тажиев А.К. Морально-психологическая подготовка военнослужащих Русской Армии в первой половине XIX века: историческое исследование : дис... канд. ист. наук. М., 2008. С. 152.

⁵ Там же.

тельного опыта, а также определив отрицательные проявления, предложим свое видение взаимодействия религиозных общин с органами исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба.

Норвегия — одна из стран, в которой религия законодательно связана с государством. Большинство населения страны состоит в государственной лютеранской церкви, где порядка 80 % церквей принадлежат государственной церкви Норвегии. В связи с обострением международной обстановки и увеличения числа беженцев и мигрантов из «неблагополучных» стран на второе место по числу приверженцев религии вышел ислам.

В Норвегии учрежден Корпус военных священников¹, существующий как самостоятельная структура с подчинением в административных вопросах министру обороны. К основным обязанностям относятся проведение обрядов, церемоний, как и любого приходского священника, а также задачи, определяемые спецификой военной службы. Состав корпуса включает штаб, священников родов вооруженных сил, гарнизонных священников. Помимо религиозных обрядов, профилактики суицидального поведения, консультации военнослужащих по вопросам нравственности, личных и служебных взаимоотношений, капелланы организуют и проводят «час капеллана», «религиозные дни», индивидуальные пастырские беседы. Работа по морально-этическому воспитанию военнослужащих, проводимая с определенной периодичностью, есть оценка морально-духовного состояния личного состава с составлением соответствующих отчетов и докладов, а также иная работа свойственная воспитательным и идеологическим подразделениям, относит на второй план духовное начало и духовно-просветительскую миссию.

К положительной стороне в организации работы Корпуса военных священников можно отнести его подчиненность по ду-

ховным вопросам вышестоящему священноначалию, при этом выполняемые административные функции негативно отражаются на качестве духовно-просветительской деятельности.

По статистическим данным в *Греции*, около 97 % населения страны исповедуют православие, поэтому в вооруженных силах страны духовенство представлено исключительно этим течением². Православная Церковь Греции носит статус государственной, военные священники могут иметь воинские звания, служат во всех родах войск и выполняют свои обязанности в рамках государственной структуры национальной обороны страны.

Функции, выполняемые священнослужителями в вооруженных силах Греции, включают проведение культовых обрядов, воспитательной, досуговой и просветительской деятельности среди военнослужащих. Помимо этого, священники активно участвуют в разрешении семейных вопросов, а также противодействию проникновению сект, иных радикальных течений в вооруженные силы.

Особенностью вооруженных сил Греции является исключительный состав военнослужащих из числа православных верующих. В связи с этим упрощается организация работы священнослужителей в вооруженных силах, построение иерархической структуры и подчиненности по духовной линии. С другой стороны, государственная подчиненность церкви накладывает свои отрицательные политические и административные отпечатки на деятельность священнослужителей в повседневной духовной и просветительской работе с военнослужащими.

Организация военного духовенства *Израиля* из-за отсутствия разделения церкви и государства схожа с Грецией и в некоторой степени — Норвегией. Вооруженные силы Израиля — это моноэтническая система, основанная исключительно на иудеях.

¹ Овчаров О.А. Проблемы правовой работы по совершенствованию деятельности военного духовенства и пути их реализации с учетом опыта Норвегии // Военное право. 2018. № 3 (49). С. 289.

² Овчаров О.А. Правовые основы деятельности военного духовенства Греции и Израиля (вопросы совершенствования правовой работы) // Военное право. 2018. № 3 (49). С. 270.

Организация и общее руководство деятельностью военных священнослужителей лежит на Главном военном раввине, который был основан в 1948 г. вместе с вооруженными силами Израиля. Как и в Греции, раввины проходят службу во всех видах и родах вооруженных сил.

Деятельность военных раввинов направлена на поддержание воинской дисциплины и морально-психологического состояния личного состава вооруженных сил, удовлетворение духовных нужд военнослужащих. Основные функции военных раввинов заключаются в организации и проведении религиозных обрядов, праздников и обычаев, прием и беседы с офицерами и солдатами. Созданы и эффективно функционируют ряд средств пропаганды и массовой информации, типографии для производства книг и наглядной агитации.

В то же время реализуется политика государства «армия государства Израиль — еврейская армия», направленная на всестороннюю поддержку решений руководства страны. При этом священнослужители иных верований кроме иудаизма к личному составу не допускаются, нередки случаи дискриминации личного состава по религиозным признакам. В основе воспитания военнослужащих лежит принцип «око за око»¹.

В США священнослужители проходят службу в различных ветвях вооруженных сил США с момента санкционирования Конгрессом найма армейских капелланов в 1791 г. В настоящее время численность капелланов в вооруженных силах США составляет более 5 000 человек (состоящих из более 3000 действующих и находящихся в резерве). К основным обязанностям относят организацию и проведение религиозных служб и консультирование личного состава из числа верующих военнослужащих. Помимо этого, на военных капелланов, находящихся в зонах вооруженного конфликта, возложена задача по налаживанию взаимодействия с местными представителями духовенства и религиозных организаций, с целью недопу-

щения и предотвращения спорных ситуаций на религиозной почве.

Основная масса военных капелланов в вооруженных силах США представлена протестантской церковью, при этом имеются и представители иных конфессий (баптисты, иудеи, буддисты, а также мусульмане), но их доля в общей массе малозначительна. Высшим органом, на который возложены функции руководства и координации деятельности военных капелланов, является Совет по делам капелланов. Финансирование деятельности военных капелланов происходит из военного бюджета, с приравниванием статуса капеллана относительно их прав и привилегий к офицерскому званию. В распоряжении священнослужителей находятся свои средства массовой информации и пропаганды, а подготовка кадров производится в специализированных учебных заведениях.

Структура аппарата военных капелланов США состоит из управления главных капелланов видов вооруженных сил, отделы главного капеллана командования в армиях, корпусах, дивизиях и бригадах, а также капелланов воинских частей и их помощников.

В вооруженных силах Германии священнослужители представляют католическую и евангелистскую церкви. Финансирование деятельности военных капелланов в армии Германии ведется из государственного бюджета. Руководство осуществляют соответственно католический и евангелистский военные епископы, которые подчиняются непосредственно министру обороны. К исполнительным органам капелланской службы в бундесвере относятся управление католического военного епископа и управление евангелистской церкви по делам бундесвера. Священнослужители в армии Германии относятся к государственными служащим, должны иметь соответствующее гражданство, высшее теологическое образование и не менее трех лет опыта работы в приходах, а также пройти курсы специальной подготовки и испытательный срок. В связи с большим числом военнослужащих, которые исповедуют ислам в стране, ведутся дебаты о необходимости приема на службу

¹ Там же. С. 276.

военных имамов, но в настоящий момент, в том числе и по политическим мотивам, это не реализовано.

К числу основных задач военных капелланов вермахта, как и в других армиях, помимо организации и проведения ритуальных богослужений, обрядов и бесед, поддержания морально-психологического состояния военнослужащих, входит организация досуга, паломничество, а также участие в работе различных советов при командовании частей по вопросам морали и курирование деятельности организаций, созданных верующими военнослужащими. По численности на 1 500 военнослужащих приходится один капеллан. Основной упор в их деятельности — это духовная работа с верующими, патриотическое воспитание военнослужащих лежит в поле зрения офицеров.

В вооруженных силах *Великобритании* представители духовенства насчитывают более 300 человек. При этом на регулярные войска приходится только треть от общей массы священнослужителей, остальные заняты в работе с резервистами и в кадетских корпусах. По представительству религий подавляющее число капелланов принадлежат христианской религии, имеются священнослужители, исповедующие ислам, индуизм, буддизм и др. По мере необходимости вооруженные силы обращаются к гражданским капелланам, чтобы удовлетворить потребности религиозных меньшинств. Солдатам, исповедующим ислам, предоставляются отдельные комнаты для совершения молитв, составляется отдельный рацион питания.

Основное предназначение священнослужителей, помимо духовной миссии, — просветительская работа среди военнослужащих направленная на информирование о различных религиях с целью воспитания уважения к ним¹, а также создания условий по сплочению воинского коллектива на основе религиозной терпимости.

¹ Айсин К.Н. Военное капелланство (На примере США и Великобритании) // Вестник РГГУ. 2012. С. 254—260.

На основе рассмотренного материала о военном духовенстве в зарубежных странах можно выделить ряд особенностей:

а) в странах с моноконфессиональной системой вероисповедания в вооруженных силах происходит ущемление прав верующих иных конфессий;

б) в зарубежных странах, где военные священнослужители тесно связаны с организационно-управленческой структурой государства и военного управления, с одной стороны, реализуется единая государственная политика по морально-психологическому воспитанию военнослужащих, с другой, — на священнослужителей ложится груз административных функций, при которых снижается качество духовно-нравственной работы.

Духовно-нравственное воспитание военнослужащих в современной России имеет первостепенное значение наряду с их профессиональным совершенством. Это связано со сложностью воспитания молодого поколения, переоценкой в обществе духовных ценностей и обращением к историческому наследию². О высокой роли, которую религия играла и играет в воспитании воинов, неоднократно свидетельствовали такие прославленные военачальники, как А. Невский, А.В. Суворов, М.И. Кутузов, М.И. Драгомиров, Ф.Ф. Ушаков, Г.К. Жуков и др.

По утверждению самих военнослужащих, в религии они находят поддержку в трудные минуты, видят в ней источник духовных сил, добра, любви и уважения к окружающим. Повышение внимания к религии можно объяснить участием военнослужащих в боевых действиях в горячих точках, возрастающим грузом нерешенных социально-экономических и бытовых трудностей, а также утратой частью из них жизненных ориентиров и надежды на скорое решение своих проблем с помощью государства³.

² Пашков В.И. Духовно-нравственное воспитание военнослужащих в традициях и портретах полководцев русской армии в 18-начале 20 в. М.: Горизонт. 2021. С. 28.

³ Петрий П.В. Синергия общества и армии в аксиологическом пространстве современной России. М., 2013. С. 309—310.

Военная служба — это единственная профессия, объективно предполагающая необходимость в определенных условиях физического уничтожения живой силы противника. Религиозное оправдание (объяснение) насилия помогает военнослужащим избежать страха, сильных нервных стрессов, морально укрепляет силы и уверенность в правильности действий.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации (ст. 14) Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

В настоящее время в штат соединений армии и флота введены должности помощников командиров по работе с верующими военнослужащими. При этом в решении вопросов взаимодействия следует учитывать другие религиозные конфессии, традиционные для России, такие, как ислам, буддизм. Пренебрежение ими могут вызвать откровенно болезненную реакцию. Например, председатель Совета муфтиев России муфтий Равиль Гайнутдин в своей книге пишет: «Нас всерьез беспокоит то, что некоторые руководители Министерства обороны своими односторонними и непродуманными действиями расшатывают армию, ведут ее к расколу по национальному и религиозному признакам, противопоставлению православия всем другим религиям. Ведь только РПЦ имеет договор с Министерством обороны о сотрудничестве. Появились первые православные храмы и священники в армии. Такая линия Министерства вызывает недоумение и множество вопросов у граждан. Разве армия наша состоит только из православных?»¹.

Основными задачами рассматриваемых должностных лиц являются организация и проведение обрядов, церемоний, духовно-просветительская работа, патриотическое и духовно-нравственное воспитание

военнослужащих, профилактика правонарушений и укрепление правопорядка.

В то же время имеет место быть недостаточная подготовка офицеров в работе с верующими военнослужащими, выраженная в незнании основ вероучений религиозных конфессий, их культа, особенностей психологии сторонников и требований, которые предъявляет к подчиненным их вера в отношении воинской службы.

Это некоторое «невежество» может стать причиной невольного оскорбления религиозных чувств верующих военнослужащих, возникновения конфликтов в воинских коллективах на религиозной почве, невыполнения верующим военнослужащим того или иного приказа, уклонения верующих военнослужащих от исполнения ими обязанностей военной службы. Решение этой проблемы видится в подготовке военных кадров к работе с верующими военнослужащими.

Необходимо учитывать осложнение межконфессиональных отношений. Их ухудшение может иметь негативные последствия в воинских коллективах, в которых служат представители различных вероисповеданий. Недопущение этого — прямая обязанность руководителей воинских коллективов.

К тому же, несмотря на догматические установки о невмешательстве религии в политические процессы, некоторые священнослужители не остаются в стороне от политической жизни общества и, занимаясь духовным окормлением военнослужащих, они поддерживают те или иные политические силы. Представляется, что офицеры должны принимать меры по недопущению подобных проявлений со стороны работников культа, проводить работу разъяснительного характера по предотвращению втягивания военнослужащих вверенных им частей в конфликты на религиозной почве. Для плодотворной работы и реализации рассматриваемых задач необходимо иметь соответствующий уровень подготовки и четкое представление предметной области, что невозможно без соответствующего образования и выверенного курса со стороны государственно-го и военного руководства при постоянном

¹

https://bstudy.net/761723/filosofiya/armiya_religiya_v_ospitate-lnyy_potentsial_religii_rol_robotov_verusochimi_voen_nosluzaschimi#gads_btm

взаимодействии с представителями духовенства.

О.А. Овчаров предлагает к внедрению систему военного духовенства при непосредственном руководстве патриаршего наместника¹. Основа системы видится в создании главного управления военного духовенства, в которое войдут штатные военные священники, при полном обеспечении со стороны Министерства обороны России.

Принимая во внимание, что в армии поликонфессиональной России важно не проигнорировать полифоничность религиозных убеждений христиан, мусульман, буддистов, иудеев и др., важнейшая задача командиров, воспитателей — обеспечение мира и согласия в духовной жизни воинского коллектива. Это требует определенной религиозоведческой подготовки военных кадров, знания основных требований и предписаний различных религиозных конфессий, особенно отражения в тех или иных учениях проблем военной службы, воинского долга и защиты Отечества. При этом необходима и помощь самой церкви.

Принимая во внимание накопленный опыт взаимодействия конфессий и Вооруженных сил Российской Федерации, а также рассмотренного ранее опыта подобного взаимодействия в зарубежных странах, возможно предложить свое видение развития системы взаимодействия духовенства и органов исполнительной власти, где предусмотрена военная служба. Предложение это заключается в следующем: при наличии в воинской части значительного числа военнослужащих с различным вероисповеданием (например, христиане и мусульмане) имеется необходимость в принятии на военную службу представителей различных конфессий. Либо использовать имеющиеся в регионах конфессиональные системы под общим руководством специально подготовленных представителей отделов по работе с личным составом или воспитательной работы. Подготовку со-

трудников указанных подразделений возможно было бы организовать, например, в Военном университете Министерства обороны России, при всестороннем сотрудничестве и содействии с представителями основных религиозных конфессий.

С учетом того, что с одной стороны имеется возможность организации работы по нескольким направлениям (христианство, мусульманство, буддизм, иудаизм), а с другой стороны финансирование этой деятельности осуществляется за счет бюджета (материальное, жилищное, медицинское), на наш взгляд было бы возможным ввести соответствующую должность по связям с конфессиями. Предлагаемые должностные лица проводили бы просветительскую работу среди личного состава, рассказывая об основных принципах религий, их особенностях. Деятельность должностных лиц должна строиться на уважении каждой из имеющихся в подразделении религий и их представителях, дружбе и взаимопомощи. Если военнослужащие будут знать и понимать особенности, основы и правила, на которых базируются представленные религии, им будет проще найти общий язык с сослуживцами и снизить количество негативных проявлений. Кроме этого, проводимая работа будет управляемой и целостной, т.е. не будет перекоса в сторону какой-либо религии с ущемлением прав других верующих. При этом одну из основ работы составляла бы координация с представителями религиозных организаций, имеющихся в регионе. Последнее, в свою очередь, устраним имеющееся несоответствие во внутренних правилах христианских церквей. Согласно 83 правилу Святых Апостолов: «Епископ, или пресвитер, или диакон, в воинском деле упражняющийся и хотящий удержать обоим, то есть, римское начальство и священную должность: да будет извержен из священного чина. Ибо кесарю кесареви, и Богу Богу». Это положение связано с выполнением обязанностей по защите с оружием в руках своего Отечества, как следствие, с пролитием крови и убийством, что несовместимо со служением Богу.

¹ Овчаров О.А. Проблемы правовой работы по совершенствованию деятельности военного духовенства и пути их решения с учетом опыта Норвегии // Военное право. 2018. № 3 (49). С. 294.

Использование рассмотренного опыта России и зарубежных стран в воспитательной работе военных кадров принесет немало положительного. Но необходимо заметить, что практические шаги в этом плане должны быть взвешенными, за что выступают и армия, и сама церковь.

Библиография

1. Айсин, К.Н. Военное капелланство (на примере США и Великобритании) / К.Н. Айсин // Вестник РГГУ. Серия: философия, социология, искусствоведение. — 2012. — № 17(97). — С. 254—261.
2. Григорьев А.Б. Вера и верность. Очерки из истории отношений Русской Православной Церкви и Российской армии. — М.: Кучково поле, 2005.
3. Овчаров, О.А. Правовые основы деятельности военного духовенства Греции и Израиля (вопросы совершенствования правовой работы) / О.А. Овчаров // Военное право. — 2018. — № 3 (49). — С. 213—220.
4. Овчаров, О.А. Проблемы правовой работы по совершенствованию деятельности военного духовенства и пути их реализации с учетом опыта Норвегии // Военное право. — 2018. — № 3 (49). — С. 289—295.
5. Пашков, В.И. Духовно-нравственное воспитание военнослужащих в традициях и портретах полководцев русской армии в 18-начале 20 в. / В.И. Пашков. — М.: Горизонт, 2021.
6. Петрий, П.В. Синергия общества и армии в аксиологическом пространстве современной России / П.В. Петрий. — М., 2013.
7. Савинкин, А.Е. Христолюбивое воинство: Православная традиция русской армии / А.Е. Савинкин. — М.: Военный университет, 1997.
8. Тажиев, А.К. Морально-психологическая подготовка военнослужащих Русской Армии в первой половине XIX века: историческое исследование : дис. ... канд. ист. наук / А.К. Тажиев. — М., 2008.

**Социально-правовой аспект влияния ухудшения
эпидемиологической ситуации в связи с новой
коронавирусной инфекцией COVID-19 в России на
численность группировки сил (средств) Единой
государственной системы предупреждения и
ликвидации чрезвычайных ситуаций**

© **Вотченко Ирина Артуровна,**

кандидат юридических наук, доцент, профессор
кафедры кадрового, правового и
психологического обеспечения Академии
Государственной противопожарной службы
МЧС России

© **Александрова Наталья Геннадьевна,**

кандидат юридических наук, доцент кафедры
кадрового, правового и психологического
обеспечения Академии Государственной
противопожарной службы МЧС России

© **Козлова Анастасия Валерьевна,**

слушатель института подготовки руководящих
кадров Академии Государственной
противопожарной службы МЧС России

Аннотация. В статье изложены социальные и правовые предпосылки изменения действующего законодательства, показан принципиальный расчет снижения группировки сил Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (далее – РСЧС России) в период развития чрезвычайной ситуации биолого-социального характера.

Ключевые слова: коронавирусная инфекция, правовое регулирование, «особые условия», чрезвычайная ситуация биолого-социального характера, группировка сил, уязвимость, математическое моделирование.

Socio-legal aspect of the impact of the deterioration of the epidemiological situation due to the new coronavirus infection COVID-19 in Russia on the number of forces (means) grouping Unified State system of prevention and liquidation of emergency situations

© **Votchenko I.A.,**

Professor of the Academy of the Ministry of
Emergency Situations of Russia , Candidate of Legal
Sciences

© **Alexandrova N.G.,**

Associate Professor of the Academy of the Ministry
of Emergency Situations of Russia , Candidate of
Legal Sciences

© **Kozlova A. V.,**

a student of the Training Institute of the Academy of
the Ministry of Emergency Situations of Russia

Abstract: The article outlines the social and legal prerequisites for changing the current legislation, shows the principal calculation of the reduction of the grouping of forces of the Unified State System for the

Prevention and Liquidation of Emergency Situations (hereinafter referred to as the Russian Emergencies Ministry) during the development of a biological and social emergency.

Keywords: coronavirus infection, legal regulation, "special conditions", biological and social emergency, grouping of forces, vulnerability, mathematical modeling.

Появление новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в 2020 г. и признание ее Всемирной организацией здравоохранения пандемией, положило начало экстренному реагированию со стороны российского законодательства на внесение изменений в правовые институты, связанные с управлением в кризисных ситуациях — чрезвычайные ситуации, осуществление служебной деятельности в особых условиях, введение карантинных ограничений и т.п.

Различным проблемным вопросам в сфере российского законодательства, вытекающим из возникновения описанной ситуации, в том числе, связанных с необходимостью качественной расстановки сил силовых ведомств России в целях надлежащего выполнения ими задач, посвящено большое количество научных трудов российских ученых¹, что свидетельствует об актуальности рассматриваемой темы.

Несмотря на сложные условия, в 2020 г. в Российской Федерации состоялся всенародный референдум по внесению поправок в Основной Закон государства — Конституцию Российской Федерации, где немалое место занимают вопросы, связанные с осуществлением государством соци-

альных функций. В 1993 г. Основной закон закрепил, что «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» (ст. 2). И, в первую очередь, граждане Российской Федерации имеют неотчуждаемые, естественные права на жизнь и охрану здоровья.

Поправки, официально закрепленные в Конституции Российской Федерации, закономерно повлекли за собой внесение огромного количества изменений в действующие законы и подзаконные нормативные правовые акты. Трансформация социальной ситуации стала триггером для создания принципиально новых правовых институтов различного уровня. За прошедший с начала пандемии период проделана огромная правотворческая работа, урегулировано достаточное количество вновь возникших общественных отношений, связанных как напрямую с воздействием на общество государственных ограничений, так и с появлением нового формата служебной деятельности для ряда правоохранительных и силовых структур. И здесь очень важен фактор времени, будем ли мы иметь «догоняющее или опережающее правовое регулирование»².

Необходимость издания различных нормативных правовых и правовых актов, рассмотрения различных проблемных вопросов также затронула и Федеральную противопожарную службу МЧС России (далее — ФППС).

В 2020 г. нами было внесено предложение о необходимости закрепления дефиниции «особые условия» в российском законодательстве в следующей формулировке:

«Особые условия — комплексный правовой режим, введенный компетент-

¹ См. напр.: Сидоркин А.И., Ирошников Д.В., Землин А.И., Корякин В.М., Ларина Л.Ю. Правовое обеспечение транспортной безопасности в России. Москва, 2021; Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных вызовов и угроз // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 116—120; Харитонов С.С. О правовом регулировании новых подходов в военном строительстве с учетом международной обстановки // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 113—116; Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Наделение иммунитетом военнослужащих и распределение юрисдикции между государствами в соглашениях о статусе сил // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 8 (289). С. 74—85.

² Тихомиров Ю.А. Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 5—16.

ным органом публичной власти, качественно влияющий на выполнение личным составом ФПС задач по предназначению и требующий проведения особых организационно-управленческих, материально-технических мероприятий и мероприятий по дополнительной охране здоровья и жизни личного состава ФППС».

Мы считаем, что отсутствие законодательно закрепленного определения понятия «особые условия» и, соответственно, деятельности в этих «особых условиях» экстренных, оперативных, аварийных служб, служб жизнеобеспечения и т.д., является существенным правовым пробелом.

Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. 400, закрепила, что достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной, в том числе, на «комплексное развитие правоохранительных органов, специальных служб, подразделений пожарной охраны и аварийно-спасательных формирований в соответствии с решаемыми ими задачами, повышение уровня их технической оснащенности, усиление социальной защищенности их сотрудников, совершенствование системы профессиональной подготовки специалистов в области обеспечения государственной и общественной безопасности»¹. Например, в целях реализации данных указаний были расширены полномочия некоторых российских силовых ведомств².

¹ Вотченко И.А., Калайдов А.Н., Давыдов Д.В. О необходимости закрепления понятия «особые условия» в Российском законодательстве // Материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной Всемирному дню гражданской обороны «Гражданская оборона на страже мира и безопасности», секция № 1 «Проблемы гражданской обороны».

² См. напр.: Александрова Н.Г., Кириченко Н.С. Полномочия военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии в рамках кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях расширены // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 3 (260). С. 19—25.

В целом, кризис как циклическое системное явление, присущ любому государству и обществу, он оказывает прямое воздействие на состояние правовой сферы. Правовое регулирование в особых условиях (введение военного положения, чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации, контртеррористической операции — это особые правовые режимы)³, это ряд ограничительных, с одной стороны, и ряд сберегающих, с другой стороны, мер. Меры оберегающего воздействия должны распространяться на те категории граждан, которые в силу своих профессий обязаны выступать на переднем фланге борьбы с негативным явлением, в том числе с пандемией как с видом чрезвычайной ситуации. К таким категориям должны относиться не только медицинские работники, но и личный состав Минобороны России, МВД России, ФСБ России, МЧС России и других силовых ведомств, который в условиях особого правового режима исполняет в полном объеме свои служебные (должностные, специальные) обязанности.

В целях снижения воздействия чрезвычайных ситуаций необходимо оценивать возможность уменьшения численности группировки РСЧС России при воздействии различных факторов, в том числе в период ухудшения эпидемической обстановки. Понимание, насколько быстро идет снижение численности действующего в работах личного состава, может помочь принять руководству оптимальное решение для достижения поставленных задач. Для предсказания развития чрезвычайных ситуаций необходимы научные модели.

³ См. например, федеральные конституционные законы от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» и от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», федеральные законы от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности», от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ст. 11 «Правовой режим контртеррористической операции»).

Построение математической модели осуществлялось на основе реальных данных.

Модель, описывающая снижение численности группировки, имеет основные параметры:

1. Общие расчеты и модель снижения работающего населения в период ухудшения эпидемической обстановки.

2. Данные о населении, возрастные характеристики и плотность населения.

3. Коэффициент, учитывающий заболеваемость работоспособного населения.

$$W_1 = \frac{Q_p \cdot 0,8(Z_{c1} + O_{c1} + S_{c1} + K_{c1})}{T_{\text{рабр}} \cdot T_{\text{суб}}}$$

$$W_2 = 1,18 \cdot W_1 = W_1 + 0,18 W_1$$

$$W_{n+1} = 1,18 W_n = W_n + 0,18 W_n$$

$$M = (W_{n+1} \cdot 100) / W_{\text{общ}}, \text{ где:}$$

W_1	–	Количество людей, выбывших из состава РСЧС в 1-й день
W_2	–	Количество людей, выбывших из состава РСЧС во 2-й день
W_n	–	Количество людей, выбывших из состава РСЧС в n-й день наблюдений
W_{n+1}	–	Количество людей, выбывших из состава РСЧС на прогнозируемую дату
Q_p	–	Количество людей группировки РСЧС субъекта РФ
Z_c	–	Количество людей заболевших в субъекте РФ
O_c	–	Количество людей на обсервации в субъекте РФ
S_c	–	Количество людей на самоизоляции в субъекте РФ
K_c	–	Количество людей на карантине в субъекте РФ
$T_{\text{рабр}}$	–	Количество рабочего населения РФ
$T_{\text{общр}}$	–	Общее население РФ
$T_{\text{суб}}$	–	Количество населения в субъекте РФ
M	–	Доля снижения группировки РСЧС субъекта в (%)
$W_{\text{общ}}$	–	Общее количество численности группировки РСЧС субъекта РФ
W	–	Количество людей, выбывших из состава РСЧС
n	–	Количественный показатель дня, рассчитываемого периода
$n+1$	–	Количественный показатель последнего дня расчётного периода
0,8	–	Коэффициент учитывающий заболеваемость работоспособного населения
0,18	–	Коэффициент, который исчисляется из статистических данных заболеваемости на территории РФ

Формула, записанная в упрощенном формате, позволяет использовать для расчета офисные программы, установленные на автоматизированных рабочих местах, и не требует специального программного обеспечения.

При исследовании процессов, влияющих на снижение численности группировки сил РСЧС, рассматривалось население в целом. При этом население условно разделялось на три типа:

1. Здоровые
2. Находящиеся на карантине/самоизоляции/обсервации
3. Заболевшие.

Также учитывалось, что случайные контакты людей первого типа приводят к

переходу в категорию 2, при наихудшем развитии ситуации осуществлялся переход в группу 3.

Для корректного расчета необходимо избегать двойного учета личного состава, т.е. каждый человек должен быть отнесен только к одному типу.

Более систематическим способом изучения процессов, влияющих на снижение численности группировки РСЧС в период ухудшения эпидемической обстановки, является построение SIR-модели (Susceptible, Infected, Recovered) и изучение пространства параметров модели.

На данный момент показана принципиальная возможность моделирования

снижения численности группировки РСЧС с использованием эпидемических моделей.

На наш взгляд, внесение описанных изменений в законодательство, а также применение предлагаемых расчетов позволит повысить качество и эффективность задач, выполняемых Федеральной противопожарной службой МЧС России.

Библиография

1. Александрова, Н.Г. Полномочия военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии в рамках кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях расширены / Н.Г. Александрова, Н.С. Кириченко // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 3 (260). — С. 19—25.
2. Бароян, О.В. Моделирование и прогнозирование эпидемий гриппа для территории СССР / О.В. Бароян, Л.А. Рвачев, Ю.Г. Иванников. — М.: ИЭМ им. Н.Ф. Гамалеи, 1977. — 546 с.
3. Вотченко, И.А. О необходимости закрепления понятия «особые условия» в Российском законодательстве / И.А. Вотченко, А.Н. Калайдов, Д.В. Давыдов // *Материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной Всемирному дню гражданской обороны «Гражданская оборона на страже мира и безопасности»*, секция № 1 «Проблемы гражданской обороны».
4. Йетс, Кит. Математика жизни и смерти. — М.: «Бмбора», 2020. — 350 с.
5. Кудашкин, А.В., Мельник, Н.Н. Наделение иммунитетом военнослужащих и распределение юрисдикции между государствами в соглашениях о статусе сил / А.В. Кудашкин, Н.Н. Мельник // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 8 (289). — С. 74—85.
6. Сидоркин, А.И. Правовое обеспечение транспортной безопасности в России : монография / А.И. Сидоркин, Д.В. Ирошников, А.И. Землин, В.М. Корякин, Л.Ю. Ларина. — М., 2021.
7. Тихомиров, Ю.А. Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы / Ю.А. Тихомиров // *Журнал российского права*. — 2020. — № 4. — С. 5—16.
8. Харитонов, С.С. О правовом регулировании новых подходов в военном строительстве с учетом международной обстановки / С.С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 12 (293). — С. 113—116.
9. Холиков, И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных вызовов и угроз / И.В. Холиков // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 12 (293). — С. 116—120.

О необходимости правовой регламентации применения новых методов управления воинскими формированиями

© Глухов Евгений Александрович,
полковник юстиции, кандидат юридических
наук, доцент, ФГКВОУ ВО «Военный
университет имени Князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматриваются существующие недостатки методов военного управления, а также новые тенденции управления войсками в связи с совершенствованием средств обработки информации. Вносятся предложения о совершенствовании управленческой деятельности в воинских структурах и ее регламентации.

Ключевые слова: децентрализация, военное управление, вертикальная иерархия, сетцентризм, единоначалие, оперативность решений, системы АСУ, координация и взаимодействие.

On the need for legal regulation of the use of new methods of management of military formations

© Glukhov E.A.,
Colonel of Justice, Candidate of Legal Sciences, As-
sociate Professor, Federal State Educational Institu-
tion of Higher Education "Military University
named after Prince Alexander Nevsky" Ministry of
Defense of the Russian Federation

Abstract. The article examines the existing shortcomings of military management methods, as well as new trends in the management of troops in connection with the improvement of information processing tools. Proposals are made to improve management activities in military structures and its regulation.

Keywords: decentralization, military administration, vertical hierarchy, network centrism, unity of command, efficiency of decisions, automated control systems, coordination and interaction.

История военного искусства подтверждает, что даже начальное значительное преимущество в личном составе и вооружении при отсутствии превосходства в управлении приводит к поражению¹.

В научной литературе по военной тематике совершенно справедливо указывается на существующие в современной Российской армии такие дефекты военного управления как:

— централизация управления нормативно ограничивает «степень свободы» объекта управления. Так, оперативные и боевые задачи войскам ставятся сверху вниз по подчиненности. Получив задачу, командир, согласно требованиям существующих уставных документов, обязан принять решение о способах выполнения задачи, доложить его своему начальнику и только после утверждения решения вышестоящим начальником он может поставить задачи своим подчиненным. Подобный же подход практикуется и в вопросах выполнения мероприятий повседневной деятельности: основным документом, легализующим проведение почти любого занятия,

¹ Иванец В.М., Лукьянчик В.Н., Мельник В.Н. Особенности организации управления войсками в операциях с учетом динамики информационных процессов при переходе на военные сетевые технологии // Военная мысль. 2020. № 7. С. 90—101.

является составленный по установленной форме и утвержденный у соответствующего начальника (а в ряде случаев, еще и предварительно согласованный с другими должностными лицами) план¹. Естественно, такой порядок негативно отражается на оперативности управления, а порой ставит под срыв и выполнение самого задуманного мероприятия;

— в иерархических организационных структурах цикл управления осуществляется последовательно в каждом звене управления. Поэтому увеличение количества промежуточных звеньев снижает оперативность управления, увеличивает время прохождения управляющей и отчетной информации по вертикали управления. Уменьшение же уровней управления приводит к снижению управляемости в целом, поскольку вынуждает воинского руководителя взаимодействовать лично с большим количеством подчиненных и разноплановых структур и должностных лиц. Кроме того, выход из строя командного узла иерархической организационной структуры создает предпосылки к нарушению устойчивости и непрерывности управления²;

— уставные документы не только не предписывают привлекать подчиненных к разработке планирующих документов (как на период подготовки, так и на выполнение разовых мероприятий) интересоваться проблемами и чаяниями с мест, но и даже обосновывать каким-либо образом их. При этом такого рода планирующие документы, направляемые в подчиненные структуры, становятся обязательными для исполнения.

Указанные планы могут разрабатываться вышестоящим штабом, в том числе без учета интересов и пожеланий подчиненных органов военного управления, что не противоречит требованиям нормативных правовых актов о планировании дея-

тельности. Естественно, такой подход отрицательно сказывается на эффективности управления всей структуры.

В современных условиях технический прогресс значительно увеличил скорости сбора, обработки и передачи информации, что привело к возможности резкого сокращения времени работы командиров и штабов при реализации цикла управления. Новые средства добывания, сбора, обработки и отображения информации, связи и другие технические средства, особенно автоматизированные системы управления, создают объективные и вполне реальные предпосылки и возможности для резкого повышения оперативности и качества управления. Однако они могут быть реализованы только в том случае, если в соответствии с ними будут изменяться и совершенствоваться организационные формы и методы работы командования и штабов³.

Реализация закона зависимости форм и способов решения задач от применяемых средств породила концепцию сетецентрического управления, разработанной сотрудниками Пентагона в конце прошлого века⁴. Причем термин «сетецентризм» применим не только к содержанию боевых действий, но и к самому методу обработки информации субъектом управления и принятия управленческих решений, как в условиях соприкосновения с противником, так и в повседневной обстановке мирного времени.

Под самосинхронизацией американскими специалистами понимается способность военной структуры самоорганизовываться снизу, а не изменяться в соответствии с указаниями сверху. Организационная структура частей и подразделений, формы и методы выполнения ими боевых задач, как ожидается, будут видоизменяться по своему усмотрению, но в соответствии с потребностями вышестоящего командования. Жесткая иерархическая си-

¹ Глухов Е.А. Планы ради планов ... или о содержании и объемах личного планирования // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2015. № 7. С. 104—110.

² Алексеев П.Н., Баранов Р.П. Новая парадигма управления войсками (силами) // Военная мысль. 2021. № 5. С. 50—58.

³ Савченко В.Ф. Теория военного управления: история и современность // Военная мысль. 2007. № 11. С. 50—58.

⁴ Department of Defense // The implementation of Network Centric Warfare. Washington D.C. 2005. P. 23—37.

стема военного управления сменится гибкой сетевой: подчиненные войска получают свободу в выборе методов действий, а организационно-штатная структура войска будет постоянно меняться, «приспосабливаться» к требованиям обстановки¹.

Сетецентризм позволяет существующий с давних времён принцип сосредоточения сил и средств на решающем направлении трансформировать в принцип сосредоточения усилий каждого участника выполнения задачи, добиться синергетического эффекта за счёт организации взаимодействия между ними. В результате этого потенциал задействованного в выполнении задачи воинского формирования не тождествен простому суммированию потенциалов отдельных своих элементов, а превышает эту сумму. Практика армии США показывает, что применение сетецентризма приводит к децентрализации управления и резкому возрастанию роли каждого субъекта, что неминуемо меняет теорию и практику управления².

Классическая сетецентрическая система управления имеет несколько уровней принятия решений различными субъектами управления на основе взаимного обмена информацией, причем она позволяет подчиненным командирам самим формулировать и решать оперативные задачи на основе «всеобщей осведомленности» и понимания «намерения командира».

В нашей стране в рамках строительства Вооруженных Сил также активно ведутся работы по созданию единого информационного пространства и обмена управленческой информацией между различными воинскими структурами различных военных министерств и ведомств, а также органами власти субъектов Российской Федерации. В качестве примера можно

привести Национальный центр управления обороной Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (НЦУО), который координирует деятельность систем управления всех военных ведомств и органов государственной власти в интересах обороны. Как заявил начальник НЦУО генерал-полковник М. Мизинцев, «Национальный центр объединил в единую систему межведомственного взаимодействия более 70 федеральных органов исполнительной власти, органы власти всех субъектов Российской Федерации, более 1,3 тыс. госкорпораций и предприятий оборонно-промышленного комплекса, что позволило в разы повысить оперативность принятия решений по критически важным вопросам»³.

Однако в данном аспекте нормативно-правовое обеспечение новых технологий управления отстает от собственно их практического внедрения в деятельность войска. В частности, основной принцип построения военной организации государства — принцип единоначалия — девальвирует развитие управленческих связей по горизонтали.

В сфере военно-служебных отношений привычным и естественным является управление, основанное на власти, на возможности принуждения. Императивный метод воинских правоотношений опирается на «силовое» начало субъекта управления, т.е. на возможность заставить, наказать, принудить и т.п. Как правило, данный метод реализуется посредством отдачи приказов подчиненному, которые обязательны для исполнения последним и подкреплены угрозой применения юридических санкций за их неисполнение.

Согласно мотивационной теории ожидания исполнительская дисциплина строится на ожидании людей, что они будут наказаны, если не подчинятся полученным приказам.

Таким образом, высказанный еще в советские годы постулат о том, что «власть

¹ Сурма И.В., Анненков В.И., Карпов В.В., Моисеев А.В. «Сетецентрическое управление»: современная парадигма развития систем управления в вооруженных силах ведущих держав мира // Национальная безопасность. 2014. № 2. С. 317—327.

² Скоков С.И. Сетецентрическая система управления Вооруженными Силами и необходимые меры по ускорению развития АСУ войсками (силами) // Вестник Академии военных наук. 2014. № 1. С. 52—54.

³ Создание Национального центра управления обороной в разы сократило время принятия решений // Официальный сайт Минобороны России https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12251278@egNews (дата обращения: 15.02.2022).

есть сила, способная подчинять, а утрата этого качества вызывает паралич власти со всеми вытекающими отсюда последствиями»¹, не утратил своей актуальности и сегодня. Во всяком случае, для сферы правоотношений в области обороны государства и военной деятельности.

Без отношений власти-подчинения, без силы приказа довольно непросто запустить механизм деятельности воинских должностных лиц. Поэтому, конечно же, координацию деятельности всех организаций, задействованных для решения задач в области обороны, со стороны НЦУО следует расценивать как позитивный шаг. Вместе с тем, не обладание у НЦУО властными полномочиями (по крайней мере, в открытых документах эти полномочия не прописаны) по отношению к иным силовым ведомствам может снизить эффективность руководства и координации деятельности с его стороны.

В современных условиях, например, штабы, начальники служб разных воинских формирований не имеют полноценных возможностей решения вопросов по своим направлениям без выхода на старшего руководителя. Так, не предусмотрен обмен ни разведывательной, ни иной оперативной информацией штабами соседних воинских частей различной подчиненности. И если, к примеру, радиотехнический батальон ПВО замечает и ведет воздушную цель противника, несущую угрозу для войск, то все равно доклад о цели идет вверх по команде, обязанности уведомлять о ней иные органы военного управления командир данного батальона не имеет. Соседние же войска, даже при надлежащей работе всей вертикали органов военного управления, получают информацию об угрозе воздушной цели от своего командования с существенным опозданием. Между тем, успех отдельного боя, отдельной операции в XXI в. решают буквально секунды.

Хотя необходимо отдать должное тому, что вводимая в военных ведомствах система электронного документооборота позволяет обмениваться информацией

должностным лицам, не подчиненным друг другу, что называется, «по горизонтали»². Однако в этом случае также недостаточно четко с юридической точки зрения регламентирован вопрос относительно обязательности либо необязательности каких-либо действий на основе полученной информации.

Генерал армии М. Гареев справедливо утверждал, что система управления может быть эффективной только в том случае, если будет развиваться не только по вертикали, но и по горизонтали. Это означает, в частности, при соблюдении в целом принципа единоначалия, предоставление существенно больших прав штабам, начальникам родов войск, служб. Они должны решать многие вопросы самостоятельно, согласуя их с общевойсковым штабом и между собой³.

В централизованных системах управления существует и организационная проблема иного вида. При крайне ограниченном времени и быстром развитии событий вышестоящий командир уже не в состоянии лично рассматривать и решать все важнейшие вопросы боевой подготовки и повседневной деятельности, тем более по вопросам узкой специализации. Даже при наличии у него средств автоматизации управления.

Довольно доступно и вместе с тем полно проиллюстрировал данную проблему на примере управления подразделением в боевой обстановке генерал-майор В.М. Буренок.

«Невзирая на наличие у каждого военнослужащего и каждой боевой машины средств связи для обмена информацией с командиром, — пишет указанный автор, — взаимодействие между командиром и подчиненными даже на уровне подразделения происходит крайне медленно и неэффективно. В бою информация от бойца или боевой машины к командиру и обрат-

² См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 24 июля 2021 г. № 1264 «Об утверждении Правил обмена документами в электронном виде при организации информационного взаимодействия».

³ Гареев М.А. Система военного управления // Военно-промышленный курьер. 2004. 28 января.

¹ Манов Г.Н. О понятии государства. Проблемы исторического материализма. Душанбе. 1967. С. 83.

но передается голосом через радиостанцию либо в виде текстового файла (фотографии). Иногда имеется возможность трансляции видеоизображения.

В существующей системе на основе единоначалия, когда поток информации идет от каждого бойца или боевой машины на командный пункт к командиру, тот должен непрерывно оценивать обстановку (интегрируя получаемую от каждого солдата и командира структурного подразделения информацию), учитывать и оценивать вновь выявленные силы и средства противника, наличие и состояние своих средств поражения, на основе анализа данной информации принимать решение на уничтожение целей, исходя из наличия и взаимного расположения целей и средств поражения, опасности целей и т.п. При этом, не забывая отчитываться перед вышестоящим штабом и получать от него новые задачи, согласовывая свои дальнейшие действия.

В позиционной войне, когда солдаты находятся в окопах, ведут оборонительный бой малой интенсивности, командир подразделения может справиться с выполнением такого интенсивного алгоритма управления. Но, по взглядам военных специалистов, позиционная война в современных условиях — это исключение из правил, правилом же являются скоротечные, маневренные, интенсивные боевые действия. В этих условиях обстановка меняется ежесекундно и решение командира, принятое всего через несколько минут после получения исходной информации, уже не будет эффективным, поскольку к тому моменту уже переместятся цели и средства поражения, меняется их техническое состояние, количество и тип оставшихся у бойца и на военной технике боеприпасов и т.п.

Естественно, для принятия верного решения необходима достоверная информация, однако в военном деле ее получение априори затруднено противником, и вычлнять необходимые данные воинский руководитель вынужден на основе анализа множества косвенных сведений. А с увеличением объема поступающей информации увеличивается и время ее обработки,

анализа, учета всех факторов для принятия решения.

Таким образом, в условиях непрерывного потока больших объемов информации командир физически не может лично принять быстрое и адекватное решение. Следовательно, простое совершенствование отдельных элементов экипировки военнослужащего и средств коммуникации боевых машин не сможет существенно повлиять на эффективность действий подразделения. Успех вооруженной борьбы в огромной степени зависит от объединения усилий всех имеющихся воинских формирований, согласованности целей, задач, средств и способов их действий.

Значит, нужна система управления, которая могла бы в автоматическом режиме принимать развединформацию от каждого бойца и каждого технического средства подразделения (БМП, БТР, БПЛА, артиллерийской системы и т.д.), интегрировать ее, идентифицировать объекты противника, определять их опасность, производить целеуказание своим техническим средствам и подчиненным с учетом их взаимного расположения, технического состояния, наличия и типа средств поражения.

Командир в этом случае превращается в наблюдателя, который должен вмешиваться в процесс управления боем только в критических случаях»¹.

По мнению американских военных, озвученных на панельной дискуссии Defense One Tech Summit 17 июня 2020 г., самым важным элементом на поле боя будущего будут не ракеты, пули или роботы, а данные и возможность собирать их из любой точки и отправлять туда, где они должны быть². Сбор, обобщение, анализ, оценка данных обстановки и представление информации о подчиненных силах и средствах и о противнике должны проис-

¹ Буренок В.М. Искусственный интеллект в военном деле // Арсенал Отечества. 2021. № 3.

² Artificial Intelligence, Warfighters Form Enhanced Partnership on Battlefield // URL: <https://www.defense.gov/Explore/News/Article/Article/2222999/artificial-intelligencewarfighters-form-enhanced-partnership-on-battlefield/> (дата обращения: 15.02.2022).

ходить в близком к реальному времени. Это условие выполнимо при переходе от существующих вертикальных связей управления к связям, основанным на глобальных сетевых АСУ войсками (силами) и оружием, систем с применением искусственного интеллекта (ИИ). Такого рода компьютерные программы в скором времени должны будут взять на себя функции рутинной обработки информации и подготовки проектов решений. Уже известно о разработке подобных систем в интересах ВВС США компаниями «Локхид-Мартин» и «Харрис».

Следовательно, уже сегодня необходимо разрабатывать нормативные правовые акты относительно регламентации деятельности воинских должностных лиц, взаимодействующих с системами АСУ и ИИ (операторами и командирами), принятия ими решений на основе предложений компьютерных программ, оснований ответственности за неверные решения, а также за вред третьим лицам.

Здесь же следует отметить, что создаваемые на военное время системы управления не могут слаженно и эффективно работать без отработки такого рода деятельности уже в мирное время. А принципы сетецентризма применимы не только к боевой обстановке. Поэтому уже в мирное время необходимо разработать систему законодательства о регулировании взаимоотношений органов военного управления и их должностных лиц в условиях сетецентрической организации войск (сил) и тренировать, готовить органы управления к выполнению возложенных на них обязанностей, максимально приближенных к реальной деятельности. В частности, необходимо регламентировать властные полномочия командиров (начальников) по отношению к приданным им на определенное время воинским формированиям, компетенцию по принятию решений и более детально предусмотреть возможность отхода от жестко установленных в различных уставах и наставлениях стандартов действий при проявлении инициативы.

В заключение следует напомнить, что достижение целей обороны страны должно осуществляться в рамках реализации воен-

ной политики путем совершенствования военной организации государства, форм применения и способов действий Вооруженных Сил Российской Федерации. Согласно п. 35 Военной доктрины Российской Федерации повышение эффективности и безопасности функционирования системы государственного и военного управления является одной из основных задач военной организации государства.

Армия, которая не идет в ногу с развитием военно-правовой теории, пребывает в плену отживших стереотипов, не умеет правильно прогнозировать новые явления и делать из них практические выводы — обречена на стагнацию.

Библиография

1. Алексеев, П.Н. Новая парадигма управления войсками (силами) / П.Н. Алексеев, Р.П. Баранов // Военная мысль. — 2021. — № 5. — С. 50—58.
2. Буренок, В.М. Искусственный интеллект в военном деле / В.М. Буренок // Арсенал Отечества. — 2021. — № 3. — С. 2—11.
3. Гареев, М.А. Система военного управления / М.А. Гареев // Военно-промышленный курьер. — 2004. — 28 января.
4. Глухов, Е.А. Планы ради планов ... или о содержании и объемах личного планирования / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2015. — № 7. — С. 104—110.
5. Иванец, В.М. Особенности организации управления войсками в операциях с учетом динамики информационных процессов при переходе на военные сетевые технологии / В.М. Иванец, В.Н. Лукьянчик, В.Н. Мельник // Военная мысль. — 2020. — № 7. — С. 90—101.
6. Манов, Г.Н. О понятии государства. Проблемы исторического материализма / Г.Н. Манов. — Душанбе. 1967.
7. Савченко, В.Ф. Теория военного управления: история и современность / В.Ф. Савченко // Военная мысль. — 2007. — № 11. — С. 50—58.
8. Скоков, С.И. Сетецентрическая система управления Вооруженными Силами и необходимые меры по ускорению развития АСУ войсками (силами) / С.И. Скоков // Вестник Академии военных наук. — 2014. — № 1. — С. 52—54.
9. Сурма, И.В. «Сетецентрическое управление»: современная парадигма развития систем управления в вооруженных силах ведущих держав мира / И.В. Сурма, В.И. Анненков, В.В. Карпов, А.В. Моисеев // Национальная безопасность. — 2014. — № 2. — С. 317—327.

Годовые праздники в Вооруженных Силах Российской Федерации

© **Зайков Денис Евгеньевич**,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское право, международное частное право и гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта

Аннотация. Установление и проведение годовых праздников в Вооруженных Силах Российской Федерации является неотъемлемой составляющей работы военно-патриотической направленности, имеющей своей целью воспитание военнослужащих в духе преданности Отечеству, верности воинскому долгу, боевым традициям и укрепления войскового товарищества. В статье через призму исторического и сравнительно-правового анализа рассматриваются особенности развития регламентации института годовых праздников в советский и современный периоды, а также проблемы его правового регулирования и применения в Вооруженных Силах.

Ключевые слова: годовой праздник, знаменательная дата, воинская часть, корабль, профессиональный праздник.

Annual holidays in the Armed Forces of the Russian Federation

© **Zaikov D.E.**,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law, Private International Law and Civil Procedure of the Law Institute of the Russian University of Transport

Annotation. The establishment and holding of annual holidays in the Armed Forces of the Russian Federation is an integral part of the work of a military-patriotic orientation, aimed at educating military personnel in the spirit of devotion to the Fatherland, loyalty to military duty, combat traditions and strengthening military comradeship. The article examines through the prism of historical and comparative legal analysis the peculiarities of the development of the regulation of the institute of annual holidays in the Soviet and modern periods, as well as the problems of its legal regulation and application in the Armed Forces of the Russian Federation.

Key words: annual holiday, significant date, military unit, ship, professional holiday.

Одним из распространенных видов праздничных дат, отмечаемых в Вооруженных Силах Российской Федерации, являются годовые праздники, устанавливаемые в ознаменование одного из знаменательных событий в истории воинской части, военной организации, органа военного управления (далее — воинская часть).

Годовые праздники имеют длинную историю своего существования.

Так, Положение о порядке установления и проведения годовых праздников, введенное в действие приказом Министра обороны СССР 1974 г. № 188 (далее — Положение 1974 г.), определяло, что годо-

вые праздники устанавливаются и проводятся с целью воспитания военнослужащих в духе социалистического патриотизма и интернационализма, верности военной присяге и боевым традициям Вооруженных Сил СССР, любви к своей части, оружию и боевой технике, мобилизации личного состава на успешное выполнение планов боевой и политической подготовки, укрепление воинской дисциплины, поддержание постоянной боевой готовности.

Годовые праздники устанавливались соединениям¹, полкам, отдельным батальонам, дивизионам, авиаэскадрильям, кораблям 1, 2 и 3 рангов, дивизионам кораблей 4 ранга, военно-учебным заведениям, научно-исследовательским и научно-испытательным институтам и полигонам, другим воинским частям, организационная структура или численность которых соответствует полку или отдельному батальону².

Согласно п. 3 Положения 1974 г. годовой праздник устанавливался в ознаменование одной из следующих дат:

— дня формирования воинской части (днем формирования считается дата, указанная в приказе по части о ее формировании);

— дня подъема Военно-морского флага при вступлении корабля в строй;

— дня награждения воинской части орденом СССР;

— дня присвоения воинской части почетного наименования;

— дня преобразования воинской части в гвардейскую;

— дня одержанной воинской частью победы в боях с врагами Родины;

— первого дня заступления воинской части на боевое дежурство.

Важной особенностью, повышающей значимость годового праздника, являлось то, что его установление осуществлялось приказом Министра обороны СССР.

Особое внимание Положение 1974 г. уделяло подготовке к проведению годового праздника, в период которой проводились беседы об истории воинской части, ее боевом пути и о выдающихся подвигах, совершенных военнослужащими, устраивались вечера воспоминаний участников боев и ветеранов части, организовывались

выставки по истории и боевому пути воинской части. Накануне дня годового праздника, проводимого в ближайший к установленной дате нерабочий день, организовывалось торжественное собрание личного состава с докладом об истории воинской части, выступлением участников боев и ветеранов части, а также отличников боевой и политической подготовки.

В день годового праздника проводились парад воинской части (там, где это возможно) и соревнования по военно-прикладным и другим видам спорта; на кораблях Военно-Морского Флота производился торжественный подъем флага.

Дальнейшее развитие правового регулирования порядка установления и проведения годовых праздников нашло закрепление в приложении № 5 «Годовой праздник воинской части (корабля)» Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 14 декабря 1993 г. № 2140³ (далее — УВС ВС РФ 1993 г.).

Годовой праздник воинской части (корабля) проводился в целях воспитания военнослужащих в духе преданности Отечеству, верности воинскому долгу, боевым традициям и укрепления войскового товарищества. Дата проведения годового праздника устанавливалась главнокомандующим видом Вооруженных Сил Российской Федерации (начальником рода войск) в ознаменование одного из памятных дней в истории воинской части (корабля):

— дня формирования;

— дня подъема Военно-морского флага при вступлении корабля в строй;

— дня награждения орденом;

— дня присвоения почетного наименования или наименования «гвардейская»;

— дня знаменательной победы, одержанной в бою с врагами Отечества;

— первого дня заступления на боевое дежурство.

Годовой праздник проводится в ближайший к установленной дате выходной день, в который воинская часть выстраивалась с Боевым Знаменем и оркестром.

¹ Если знаменательная дата, в честь которой устанавливается годовой праздник, едина для всех воинских частей, входящих в состав соединения. Воинским частям, входящим в состав соединения, самостоятельные годовые праздники не устанавливались.

² Воинским частям и учреждениям менее отдельного батальона годовые праздники устанавливались при условии, что они награждены орденами СССР или имеют почетные наименования.

³ Утратил силу с 1 января 2008 г.

Перед ее строем в кратких выступлениях командир воинской части, другие военнослужащие и ветераны рассказывали о боевой истории части, достижениях в мирное время, воинская часть проходила торжественным маршем. Допускалось вместо построения воинской части накануне годового праздника проведение торжественного собрания.

В день годового праздника осуществлялись торжественные культурные и спортивно-массовые мероприятия; на корабле проводился торжественный подъем Военно-морского флага¹.

Стоит отметить, что одновременно с УВС ВС РФ 1993 г. вопросы установления и проведения годовых праздников на Военно-Морском Флоте регламентировались Корабельным Уставом Военно-Морского Флота, утвержденным приказом Главнокомандующего Военно-Морским Флотом от 1 сентября 2001 г. № 350, который содержал аналогичное правовое регулирование с отдельными особенностями флотской службы.

Так, приказом Главнокомандующего Военно-Морским Флотом от 18 сентября 2007 г. № 506 в честь победы русского флота в Наваринском морском сражении 1827 года 8 октября установлен годовой праздник День командира корабля Военно-Морского Флота².

¹ Другие войска также имели соответствующее правовое регулирование. См., напр.: Положение о порядке установления и проведения годовых праздников во внутренних войсках МВД России, утвержденное приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 20 января 1997 г. № 39. При этом данный правовой акт содержал примечательную норму о том, что юбилеи соединения (воинской части) могут отмечаться только с разрешения Министра внутренних дел Российской Федерации при наличии особо выдающихся достижений соединения (воинской части) в истории нашего государства, в развитии и укреплении внутренних войск в день 50, 100-летия и далее через каждые 50 лет со дня ее формирования. В этом чувствуется влияние Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 декабря 1958 г. № 1361 «О наведении порядка в праздновании юбилеев», объявленного приказом Министра обороны СССР 1959 года № 9.

² URL:https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12387614@egNews (дата обращения: 15.01.2022).

Однако указанная знаменательная дата не является годовым праздником в связи с несоответствием условиям для его установления, а представляет собой профессиональный праздник.

Согласно п. 2 Правил установления профессиональных праздников и памятных дней, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 20 января 2000 г. № 84³, профессиональные праздники устанавливались исключительно указами Президента Российской Федерации.

Указом Президента Российской Федерации от 31 мая 2006 г. № 549 «Об установлении профессиональных праздников и памятных дней в Вооруженных Силах Российской Федерации» в целях возрождения и развития отечественных воинских традиций, повышения престижа военной службы и в знак признания заслуг военных специалистов в решении задач обеспечения обороны и безопасности государства были установлены профессиональные праздники в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Таким образом, неверная классификация знаменательной даты привела к необоснованному установлению профессионального праздника День командира корабля приказом Главнокомандующего Военно-Морским Флотом.

Вместе с тем, УВС ВС РФ, утвержденный Указом Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495, не только не регламентировал порядок установления годовых праздников, но даже не предусмотрел такого понятия. Это привело к тому, что образовался пробел в правовом регулировании рассматриваемых отношений, который требовал своего устранения.

На решение данной проблемы ушло более 10 лет.

Подпунктом 26.1 п. 10 Положения о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082, Министр обороны Российской Федерации наделен правом определять порядок установления годовых праздников органов военного управления,

³ Утр. силу с 31 июля 2013 г.

объединений, соединений, воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации¹.

Во исполнение указанной нормы приказом Министра обороны Российской Федерации от 6 декабря 2021 г. № 729 определен Порядок установления годовых праздников органов военного управления, объединений, соединений, воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации, который предусмотрел ряд отличительных особенностей регламентации рассматриваемых отношений.

Во-первых, Порядок урегулировал только отношения установления годовых праздников, не затрагивая вопросы их проведения². Такой подход обусловлен буквальным толкованием предоставленных Положением Министру обороны Российской Федерации полномочий. Отсутствие в Порядке ограничений при проведении годовых праздников, как и примерного перечня праздничных мероприятий, в полной мере возлагает ответственность за организацию празднования такой знаменательной даты на командира воинской части.

Во-вторых, Порядок отказался от указания целей установления годовых праздников, что, как представляется, несколько уменьшило его воспитательную и нравственную составляющую и не позволяет оценить значимость годовых праздников и отводимую им роль Министерством обороны Российской Федерации.

В-третьих, предложения по установлению годового праздника принимаются на офицерском собрании (общем собрании лиц гражданского персонала³). Они явля-

ются основаниями для подготовки командиром воинской части ходатайства об установлении годового праздника, в котором указываются: действительное наименование воинской части и знаменательное событие, в честь которого предлагается установить годовой праздник. К ходатайству прилагаются проект приказа об установлении годового праздника, протокол заседания офицерского собрания (общего собрания лиц гражданского персонала) с предложением об установлении годового праздника, директивы, приказы, выписки из исторического формуляра (журнала, справки) и иные документы, подтверждающие знаменательное событие.

Тем самым согласованное мнение личного состава признано наиболее весомой и заслуживающей доверие оценкой важности знаменательных событий в истории воинской части.

В-четвертых, дана градация полномочий по установлению годовых праздников:

— Министром обороны Российской Федерации — для центральных органов военного управления;

— заместителями Министра обороны Российской Федерации, главнокомандующими видами Вооруженных Сил, командующими войсками военных округов, Северным флотом, родами войск Вооруженных Сил — для подчиненных воинских частей.

В-пятых, Порядком определен открытый перечень знаменательных событий в истории воинской части, в ознаменование которых может быть установлена дата проведения годового праздника:

- день формирования;
- день награждения государственной наградой;
- день присвоения почетного наименования;
- день подъема Военно-морского флага Российской Федерации при вступлении корабля в строй;
- день знаменательной победы в бою с врагами Отечества;

¹ Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2020 г. № 744 «О внесении изменения в Положение о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082».

² За исключением указания о том, что годовой праздник проводится в ближайший к установленной дате выходной день.

³ Необходимость учета позиции лиц гражданского персонала свидетельствует о повышении их роли и значимости в деятельности Вооруженных Сил, а также учитывает сложившуюся тенденцию увеличения их числа в личном составе Вооруженных Сил, а также появление военных

организаций, комплектуемых исключительно работниками.

— первый день заступления на боевое дежурство;

— иные знаменательные события.

Вместе с тем, одновременно появились и предпосылки наличия проблем правоприменения Порядка.

Так, Министерством обороны в апреле 2021 г. подготовлен проект указа Президента Российской Федерации «Об утверждении Корабельного устава Военно-Морского Флота». Статьями 605 и 606 проекта устава предусмотрено правовое регулирование установления и проведения годовых праздников кораблей (соединений). Причем определены не предусмотренные Порядком цель и особенности проведения годового праздника, а также различаются виды памятных дней (в Порядке они именуются знаменательными датами)

в истории корабля (соединения), в ознаменование которых может быть установлен годовой праздник.

Принятие указа Президента Российской Федерации в представленной редакции приведет к частичному противоречию с нормами Порядка, что обусловит необходимость внесения в Порядок соответствующих изменений.

Как представляется, наиболее целесообразным способом разрешения указанной ситуации является исключение из проекта указа Президента Российской Федерации положений, регулирующих вопросы установления и проведения годовых праздников кораблей (соединений) в целях урегулирования таких отношений исключительно Порядком.

Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по вопросам осуществления медицинского освидетельствования военнослужащих на состояние опьянения

© **Кайнов Владимир Иванович,**

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

© **Шеншин Виктор Михайлович,**

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России

Аннотация. В статье рассматриваются правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по вопросам осуществления медицинского освидетельствования военнослужащих на состояние опьянения. Отмечается, что только при наличии всех предусмотренных законом признаков состава административного правонарушения лицо, его совершившее, может быть привлечено к административной ответственности. Проведено разграничение смежных составов административных правонарушений и уголовно-правовых деяний в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: Верховный Суд Российской Федерации, правовая позиция, медицинское освидетельствование, состояние опьянения, военнослужащий.

Legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation on the implementation of medical examination of military personnel for intoxication

© **Kainov V.I.,**

Professor of the Department of State and Legal Disciplines North-Western branch of FGBOUVO "Russian State University of Justice", Doctor of Law, Professor

© **Shenshin V.M.,**

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law St. Petersburg State Fire Service EMERCOM of Russia, PhD in Law, Associate Professor

Abstract. The article discusses the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation on the implementation of medical examination of military personnel for intoxication. It is noted that only if there are all the signs of the composition of an administrative offense provided for by law, the person who committed it can be brought to administrative responsibility. The differentiation of related structures of administrative offenses and criminal acts in the area under consideration is carried out.

Key words: Supreme Court of the Russian Federation, legal position, medical examination, state of intoxication, soldier.

Согласно ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации судебная власть в современной России осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. В контексте заявленной проблематики данная статья посвящена вопросам привлечения виновных лиц — военнослужащих к административной ответственности за совершенное ими правонарушение и осуществления в отношении их, в случае необходимости, медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Административное правонарушение встречается в многочисленных сферах деятельности субъектов административного права, в том числе и в области дорожного движения¹. Ответственности за нарушения Правил дорожного движения посвящена отдельная гл. 12 КоАП РФ. В соответствии со ст. 24.1 КоАП РФ задачами производства по делам об административных правонарушениях являются, в частности, всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела, разрешение его в соответствии с законом. Вследствие этого, одним из проблемных моментов, при определении состава правонарушения, предусмотренного ст. 12.26 КоАП РФ, является квалификация действий водителя транспортного средства, отказавшегося от прохождения освидетельствования на состояние опьянения.

Согласно ст. 26.1 КоАП РФ в числе иных обстоятельств по делу об административном правонарушении выяснению подлежат: наличие события администра-

тивного правонарушения; виновность лица в совершении административного правонарушения; обстоятельства, исключающие производство по делу об административном правонарушении; иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность (ч. 1 ст. 2.1 КоАП).

Административным правонарушением в области безопасности дорожного движения следует считать противоправное, виновное действие (бездействие) участника дорожного движения или должностного лица, призванного обеспечивать его безопасность, за которое гл. 12 КоАП установлена административная ответственность.

Под составом административного правонарушения следует понимать совокупность признаков, необходимых и достаточных для признания деяния административным правонарушением. Наличие состава административного правонарушения в том или ином деянии является основанием для наступления административной ответственности за его совершение. К элементам состава административного правонарушения относят: объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону. Управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, и передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения, влекут административную ответственность по ст. 12.8 КоАП РФ, а невыполнение водителем транспортного средства требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения — по ст. 12.26 КоАП.

Объектом правонарушения, предусмотренного ст. 12.26 КоАП, являются общественные отношения в области безопасности дорожного движения. Отказ водителя от выполнения законных требований уполномоченного должностного лица

¹ Назарова И.С., Шеншин В.М. Невыполнение водителем транспортного средства требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения: особенности правоприменения // Право в Вооруженных Силах — военнопредметное обозрение. 2017. № 12 (245). С. 15—25; Мелешко П.Е., Харитонов С.С. О рассмотрении военным судом жалоб на судебные постановления по делам об административных правонарушениях (по материалам военно-судебной практики) // Военное право. 2021. № 6 (70). С. 112—121; Фатеев К.В., Харитонов С.С., Шанхаев С.В. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: Комментарии и судебная практика. М., 2011.

либо медицинского работника о прохождении такого освидетельствования образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.26 КоАП, и может выражаться как в форме действий, так и в форме бездействия, свидетельствующих о том, что водитель не намерен проходить указанное освидетельствование, в частности предпринимает усилия, препятствующие совершению данного процессуального действия или исключают возможность его совершения, например отказывается от прохождения того или иного вида исследования в рамках проводимого медицинского освидетельствования (абз. восьмой п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 КоАП»).

Обязательным признаком состава правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 12.26 КоАП РФ, является установление того факта, что водитель, не выполнивший законное требование уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, не имеет права управления транспортными средствами либо лишен права управления транспортными средствами. Данная норма предусматривает ответственность за квалифицированный состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ.

Субъектом административного правонарушения является водитель транспортного средства — военнослужащий воинской части или сотрудник правоохранительного органа.

Согласно п. 1.2 Правил дорожного движения под водителем понимается лицо, управляющее транспортным средством, независимо от того, имеется ли у него право управления транспортными средствами всех категорий или только определенной категории либо такое право отсутствует вообще. Отсутствие у водителя такого права не выводит его из разряда субъектов

административных правонарушений, предусмотренных гл. 12 КоАП РФ.

По смыслу ч. 2 ст. 12.26 КоАП РФ в качестве субъекта правонарушения рассматривается лицо, которое не имеет права управления транспортным средством, но тем не менее в нарушение установленных требований осуществляющее управление транспортным средством, которому предъявлено требование о прохождении медицинского освидетельствования.

Субъективная сторона административного правонарушения — это психическое отношение субъекта (физического лица) к противоправному действию (бездействию) и его последствиям. Обязательным признаком субъективной стороны является вина субъекта административного правонарушения, которая может быть как в форме умысла, так и в форме неосторожности.

Субъективная сторона рассматриваемого административного правонарушения определяется и характеризуется исключительно наличием в действиях виновного прямого умысла. Административное правонарушение признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало противоправный характер своего действия (бездействия), предвидело его вредные последствия и желало наступления таких последствий (прямой умысел) или сознательно их допускало либо относилось к ним безразлично (косвенный умысел).

С учетом изложенного хотелось бы подытожить, что только при наличии всех предусмотренных законом признаков состава административного правонарушения лицо, его совершившее, может быть привлечено к административной ответственности. В контексте заявленной проблематики данной статьи, вполне логично возникает вопрос об основаниях и порядке направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения.

Обратимся к первоисточнику, т.е. к Правилам дорожного движения. Согласно п. 2.3.2 Правил дорожного движения водитель транспортного средства обязан по требованию должностных лиц, уполномоченных на осуществление федерального

государственного надзора в области безопасности дорожного движения, проходить освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения.

Медицинское освидетельствование как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях применяется при наличии достаточных оснований полагать, что лицо, управляющее транспортным средством, находится в состоянии опьянения. Вместе с тем, отказ от прохождения освидетельствования на состояние опьянения не образует «автоматически» состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.26 КоАП. В силу п. 2.7 Правил дорожного движения водителю запрещается управлять транспортным средством в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного), под воздействием лекарственных препаратов, ухудшающих реакцию и внимание, в болезненном или утомленном состоянии, ставящем под угрозу безопасность движения.

Определение факта нахождения лица в состоянии опьянения при управлении транспортным средством осуществляется посредством его освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и (или) медицинского освидетельствования на состояние опьянения, проводимых в установленном порядке (абз. 2 п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 20).

В силу ч. 1.1 ст. 27.12 КоАП лицо, которое управляет транспортным средством соответствующего вида и в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что это лицо находится в состоянии опьянения, подлежит освидетельствованию на состояние алкогольного опьянения в соответствии с ч. 6 данной статьи. Доказательством наличия у водителя состояния опьянения является составленный уполномоченным должностным лицом в установленном законом порядке акт освидетельствования на состояние алкогольного опьянения.

Согласно ч. 6 ст. 27.12 КоАП РФ освидетельствование на состояние алкогольно-

го опьянения и оформление его результатов осуществляются в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Правила освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 26 июня 2008 г. № 475. Согласно п. 3 указанных Правил освидетельствования достаточными основаниями полагать, что водитель транспортного средства находится в состоянии опьянения, является наличие одного или нескольких следующих признаков: запах алкоголя изо рта; неустойчивость позы; нарушение речи; резкое изменение окраски кожных покровов лица; поведение, не соответствующее обстановке.

В соответствии с требованиями приведенных выше норм направление на медицинское освидетельствование должно осуществляться должностным лицом не только при наличии у лица признаков опьянения, но и при наличии обстоятельств, перечисленных в п. 10 Правил освидетельствования: при отказе от прохождения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения; при несогласии с результатами освидетельствования на состояние алкогольного опьянения; при наличии достаточных оснований полагать, что водитель транспортного средства находится в состоянии опьянения, и отрицательном результате освидетельствования на состояние алкогольного опьянения.

Таким образом, КоАП РФ и Правилами освидетельствования установлены основания направления водителя на медицинское освидетельствование на состояние опьянения: из указанных норм следует, что направлению водителя на медицинское освидетельствование на состояние опьянения предшествует предложение уполномоченного должностного лица о прохождении освидетельствования на состояние алкогольного опьянения.

При этом состав административного правонарушения, предусмотренного статьей 12.26 КоАП РФ, составляют действия лица, выразившиеся в отказе от выполнения законного требования сотрудника полиции о прохождении именно медицинского освидетельствования на состояние опьянения, проводимого в медицинских организациях, имеющих лицензию на осуществление медицинской деятельности с указанием соответствующих работ и услуг.

Весьма актуальным остается также вопрос о разграничении смежных составов административных правонарушений. Это имеет не только научное, но и большое практическое значение. При этом ее следует забывать, что «При рассмотрении дел об административных правонарушениях в сфере дорожного движения мировые судьи нередко сталкиваются с целым рядом проблемных вопросов, влияющих как на квалификацию административного правонарушения, так и на порядок производства по делу, требующих отдельного законодательного урегулирования»¹.

Состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.26 КоАП, является формальным и образуется в случае отказа водителя, управляющего транспортным средством с признаками опьянения, от выполнения законного требования сотрудника полиции о прохождении освидетельствования для установления его состояния. При этом наличие либо отсутствие опьянения у лица, привлекаемого к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ, значения для квалификации правонарушения не имеет.

Должностными лицами органов ГИБДД действия водителей, управляющих транспортными средствами, в ряде случаев необоснованно квалифицируются по статье 12.26 КоАП РФ «Невыполнение водителем требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения». В соответствии с право-

вой позицией Верховного Суда Российской Федерации, сформулированной в п. 20 Постановления Пленума от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», если при рассмотрении дела будет установлено, что протокол об административном правонарушении содержит неправильную квалификацию совершенного правонарушения, судья может переквалифицировать действия (бездействие) лица на другую статью, предусматривающую состав правонарушения, имеющий единый родовый объект посягательства, при условии, что это не ухудшает положения лица, в отношении которого возбуждено дело, и не изменяет подведомственности его рассмотрения.

В таком же порядке может быть решен вопрос о переквалификации действий (бездействия) лица при пересмотре постановления и (или) решения по делу об административном правонарушении, вступивших в законную силу. Поскольку санкцией ч. 2 ст. 12.26 КоАП РФ для лиц, которые совершили административное правонарушение, предусмотренное указанной нормой, и к которым может быть применено административное наказание в виде административного ареста, предусмотрен более строгий вид административного наказания по сравнению с административным наказанием, предусмотренным санкцией ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ, переквалификация действий лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, с ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ на ч. 2 ст. 12.26 КоАП РФ повлечет ухудшение положения названного лица, а потому не может быть произведена.

В соответствии с п. 13 указанного выше Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации в случае, когда лицо не имеет права управления транспортными средствами либо ранее лишено такого права за совершение иного, помимо предусмотренного ч. 1 ст. 12.8 или ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ, административного правонарушения (например, за оставление в нарушение Правил дорожного дви-

¹ Соколов А.Ю., Шевчук Г.А. Некоторые проблемы рассмотрения мировыми судьями дел об административных правонарушениях в области дорожного движения // Российский судья. 2009. № 11. С. 11—14.

жения места дорожно-транспортного происшествия), управляет транспортным средством в состоянии опьянения либо не выполнило законное требование уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, его действия следует квалифицировать соответственно по ч. 3 ст. 12.8 КоАП либо ч. 2 ст. 12.26 КоАП РФ. Дополнительная квалификация действий лица по ч. 1 либо по ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ в указанном случае не требуется.

Если находящийся в состоянии опьянения водитель, имея право управления определенными категориями (подкатегориями) транспортных средств, управляет транспортным средством иной категории (подкатегории), то его действия подлежат квалификации соответственно по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния, и по ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ в связи с управлением транспортным средством в отсутствие соответствующего права.

Действия (бездействие) водителя, подвергнутого административному наказанию за совершение административного правонарушения по ч. 1 или 3 ст. 12.8 или ст. 12.26 КоАП РФ, управлявшего транспортным средством в состоянии опьянения либо не выполнившего законное требование уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, образуют состав преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, поскольку одним из элементов объективной стороны состава этого уголовно наказуемого деяния является тот факт, что лицо в момент его совершения подвергнуто административному наказанию за совершение указанных административных правонарушений. С учетом этого дополнительная квалификация действий лица по ст. 12.8 или 12.26 КоАП РФ не требуется.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в том случае, если у этого водителя отсутствует право управления транспортными средствами либо не истек срок назначенного ему административного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами, он подлежит также

привлечению к административной ответственности соответственно по ч. 1 или 2 ст. 12.7 КоАП РФ.

При рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 12.26 КоАП РФ, мировой судья в обязательном порядке должен их проверять наличие законных оснований для направления водителя на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, а также соблюдения установленного порядка направления на медицинское освидетельствование.

В силу правовой позиции, приведенной в абз. 7 п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 20, следует учитывать, что невыполнение уполномоченным должностным лицом обязанности предложить водителю предварительно пройти освидетельствование на состояние алкогольного опьянения является нарушением установленного порядка направления на медицинское освидетельствование, за исключением случаев нахождения водителя в беспомощном состоянии (тяжелая травма, бессознательное состояние и другое), когда для вынесения заключения о наличии или об отсутствии состояния опьянения требуется проведение специальных лабораторных исследований биологических жидкостей.

В силу ч. 2 ст. 27.12 КоАП РФ отстранение от управления транспортным средством соответствующего вида, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, направление на медицинское освидетельствование на состояние опьянения осуществляются должностными лицами, которым предоставлено право государственного надзора и контроля за безопасностью движения и эксплуатации транспортного средства соответствующего вида в присутствии двух понятых либо с применением видеозаписи. В случае применения видеозаписи для фиксации совершения процессуальных действий, за исключением личного досмотра, эти процессуальные действия совершаются в отсутствие понятых, о чем делается запись в соответствующем протоколе либо акте освидетельствования на состояние алко-

гольного опьянения. Материалы, полученные при совершении процессуальных действий с применением видеозаписи, прилагаются к соответствующему протоколу либо акту освидетельствования на состояние алкогольного опьянения (ч. 6 ст. 25.7 КоАП РФ). Установленное законом требование о применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении с участием понятых или с применением видеозаписи является одной из гарантий обеспечения прав лица, привлекаемого к административной ответственности, с целью исключения любых сомнений относительно полноты и правильности фиксирования в соответствующем протоколе или акте содержания и результатов проводимого процессуального действия.

Изложенная в абз. 5 п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 20 позиция указывает на то, что при оценке видеозаписи на предмет ее достоверности и допустимости необходимо учитывать ее непрерывность, полноту (обеспечивающую в том числе визуальную идентификацию объектов и участников проводимых процессуальных действий, аудиофиксацию речи) и последовательность, а также соотносимость с местом и временем совершения административного правонарушения, отраженными в иных собранных по делу доказательствах.

В силу требований ч. 1 ст. 25.7 КоАП РФ в случаях, предусмотренных КоАП, должностным лицом, в производстве которого находится дело об административном правонарушении, в качестве понятого может быть привлечено любое не заинтересованное в исходе дела совершеннолетнее лицо. Число понятых должно быть не менее двух. «Среди участников производства по делам об административных правонарушениях важную роль играют понятые, выступающие одними из гарантов правильности непосредственного восприятия при производстве процессуальных действий тем или иным должностным лицом обстоятельств и фактов, имеющих значе-

ние для дела, надлежащего их отражения в соответствующем протоколе»¹.

В соответствии с ч. 2 ст. 25.7 КоАП РФ в случаях, предусмотренных гл. 27 и ст. 28.1.1 КоАП РФ, обязательно присутствие понятых или применение видеозаписи. Понятой удостоверяет в протоколе своей подписью факт совершения в его присутствии процессуальных действий, их содержание и результаты. В случаях, когда понятые не привлекались, а видеозапись отсутствует, представленные при разбирательстве документы могут рассматриваться в соответствии с ч. 3 ст. 26.2 КоАП РФ как доказательства, полученные с нарушением закона.

Так, в Постановлении Верховного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2016 г. № 56-АД16-1 по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ, в отношении В.П. Богданова указано, что, как усматривается из материалов дела, 2 ноября 2014 г. инспектором ДПС в отношении В.П. Богданова применены меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении в виде отстранения от управления транспортным средством и направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения. Согласно соответствующим протоколам при совершении данных действий не было обеспечено участие понятых. В ходе производства по делу В.П. Богданов и его защитник З.М. Яловенко заявляли об отсутствии понятых при применении мер обеспечения производства по делу к В.П. Богданову, указывали на то, что применение видеозаписи не было предусмотрено, поскольку Федеральный закон от 14 октября 2014 г. № 307-ФЗ в момент совершения правонарушения не вступил в законную силу. Более того, фиксация совершения процессуальных действий с применением видеозаписи не отражена инспектором ДПС в соответствующих

¹ Аникин И.А. Участие понятых при проведении дорожно-патрульной службой ГИБДД МВД России мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2015. № 7. С. 75—78.

протоколах. При таких обстоятельствах протокол об отстранении от управления транспортным средством и протокол о направлении на медицинское освидетельствование следует признать недопустимыми доказательствами по делу, как полученные с нарушением требований КоАП РФ. Установленный КоАП РФ и указанными выше Правилами порядок направления на медицинское освидетельствование соблюден не был, требования названного Кодекса при возбуждении в отношении В.П. Богданова данного дела об административном правонарушении нарушены. Судом постановлено, что обжалуемые судебные акты, вынесенные в отношении В.П. Богданова по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ, отменить, производство по данному делу об административном правонарушении прекратить на основании п. 4 ч. 2 ст. 30.17 КоАП РФ.

В случае необходимости понятой может быть опрошен в качестве свидетеля в соответствии со ст. 25.6 КоАП РФ. На фоне усиления ответственности водителей за совершение правонарушений в состоянии опьянения сторона защиты зачастую ходатайствует о допросе в качестве свидетелей понятых — участников данных административно-процессуальных процедур. При этом при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 12.26 КоАП РФ, имеют место случаи, когда на вопрос о состоянии водителя в момент составления процессуальных документов понятые поясняли, что водителя они не видели, он находился в патрульном автомобиле, его отказ от прохождения освидетельствования не слышали, поверили на слово сотрудникам ДПС о том, что у водителя имелись признаки опьянения и имел место его отказ от освидетельствования, после чего подписали процессуальные документы.

Также имеют место случаи, когда понятые дают противоречащие друг другу пояснения; не помнят последовательность проведенных административно-процессуальных процедур. «Таким образом, участие понятых требует от должностного лица грамотных и последова-

тельных действий, исключая формальный подход к исполнению служебных обязанностей. Следует, при наличии возможностей, привлекать к участию в административных процедурах понятых и одновременно применять видеозапись, что может служить дополнительным доказательством по рассматриваемым делам. Данные действия позволят избежать не объективности, формализма, коррупционной составляющей при правоприменительной практике сотрудников полиции. Особенно рекомендуем одновременное использование видеозаписи и привлечение понятых при применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, за которые предусмотрено наказание в виде лишения права управления транспортными средствами, поскольку данная категория правонарушений рассматривается в судах и чаще остальных правонарушений подлежит обжалованию».

Таким образом, следует сделать вывод о том, что медицинское освидетельствование на состояние опьянения применяется при наличии достаточных оснований полагать, что лицо, управляющее транспортным средством, находится в состоянии опьянения. Отказ водителя от прохождения медицинского освидетельствования при незаконности требования инспектора ДПС о его прохождении и соблюдении вышеуказанных требований не может влечь административную ответственность по ст. 12.26 КоАП РФ.

Библиография

1. Аникин, И.А. Участие понятых при применении дорожно-патрульной службой ГИБДД МВД России мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях / И.А. Аникин // Административное право и процесс. — 2015. — № 7.
2. Мелешко, П.Е. О рассмотрении военным судом жалоб на судебные постановления по делам об административных правонарушениях (по материалам военно-судебной практики) / П.Е. Мелешко, С.С. Харитонов // Военное право. — 2021. — № 6 (70). — С. 112—121.
3. Назарова, И.С. Невыполнение водителем транспортного средства требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения: особенности правоприменения / И.С. Назарова, В.М. Шеншин // Право в

Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2017. — № 12 (245).

4. Соколов, А.Ю. Некоторые проблемы рассмотрения мировыми судьями дел об административных правонарушениях в области дорожного движения / А.Ю. Соколов, Г.А. Шевчук // Российский судья. — 2009. — № 11.

5. Фатеев, К.В. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика / К.В. Фатеев, С.С. Харитонов, С.В. Шанхаев. — М.: За права военнослужащих, 2011. — 332 с.

О некоторых тенденциях развития законодательства в области оборота оружия

© Назарова Ирина Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и административного права факультета (командного) Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации

Аннотация. В представленном исследовании резюмируется, что развитие современного законодательства в сфере оборота оружия позволяет сделать вывод о том, что оно не стоит на месте. Законодателями и правоприменителями регулярно вносятся изменения и дополнения в нормативные правовые акты, направленные на регулирование общественных отношений, связанных с защитой прав и свобод человека и гражданина, подвергающихся нарушениям со стороны пользователей того или иного вида оружия.

Ключевые слова: войска национальной гвардии, должностное лицо, контроль (надзор), Росгвардия, медицинское освидетельствование, оружие, права и свободы.

On some trends in the development of legislation in the field of arms trafficking

© Nazarova I.S.,

Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Faculty (command) St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor

Abstract. The presented study summarizes that the development of modern legislation in the field of arms trafficking allows us to conclude that it does not stand still. Legislators and law enforcement agencies regularly make amendments and additions to regulatory legal acts aimed at regulating public relations related to the protection of human and civil rights and freedoms that are subject to violations by users of a particular type of weapon.

Key words: national guard troops, official, control (supervision), Rosgvardiya, medical examination, weapons, rights and freedoms.

Актуальность темы исследования обусловлена особой значимостью вопросов правового регулирования оборота оружия для российского общества и государства. На данное обстоятельство обращают внимание ученые, которые справедливо отмечают, что происходящие в последнее время события, связанные с оборотом оружия, показывают необходимость кардинального пересмотра общественных отношений в

указанной сфере¹. Некоторые попытки совершенствования нормативной правовой базы уже предприняты законодателем,

¹ Фаисханов Р.Р., Шеншин В.М. Совершенствование нормативно-правового регулирования контроля, осуществляемого Росгвардией, над деятельностью частных охранных организаций // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 52—54; Мумладзе М.А. Разграничение полномочий и взаимодействие Росгвардии и МВД России при осуществлении контроля в сфере оборота оружия и частной охранной деятельности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 2 (32). С. 168—171.

указанные аспекты будут рассмотрены в настоящей статье.

Председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин предложил возобновить контроль за оборотом гражданского оружия и патронов органами МВД России¹. Сейчас контрольно-лицензионную деятельность осуществляют подразделения Росгвардии².

Указанное предложение А. Бастрыкина связано с серией трагических происшествий в учебных заведениях, в ходе которых были расстреляны учащиеся и преподаватели. По его словам, «в связи с рядом резонансных происшествий Следственный комитет выступил с инициативами, которые сейчас находятся на этапе межведомственного обсуждения. В целях ужесточения контроля за оборотом и использованием гражданского оружия предложено восстановить процедуру осуществления органами внутренних дел контрольных функций за оборотом оружия и патронов».

Предложение вернуть лицензионно-разрешительную систему в структуру МВД связано с более широкими оперативно-розыскными возможностями, которыми наделена полиция по сравнению с Росгвардией. Оперативные работники могут получать информацию о готовящихся преступлениях с применением гражданского зарегистрированного оружия и эти преступления предотвращать. В то время как должностные лица Росгвардии преимущественно правомочны осуществлять контроль правильности хранения и сроков регистрации.

По нашему мнению, передавать обратно в МВД России полномочие по кон-

тролю за оборотом гражданского оружия и патронов не следует. Для более успешной реализации указанного полномочия целесообразно в образовательных организациях Росгвардии начать соответствующую подготовку сотрудников в указанном направлении. Высказанная точка зрения подтверждается внесенным в 2022 г. изменением в Положение о Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации³. Так, подпунктом 31¹ п. 9 Положения Росгвардия наделена таким полномочием, как определение порядка разработки и утверждения программы развития федеральных государственных образовательных организаций высшего образования, находящихся в ведении Росгвардии.

Обратим внимание, что в юридической науке высказывалось о том, что «должностных лиц указанного федерального органа исполнительной власти следует наделить компетенцией по осуществлению одной из форм предварительного расследования — дознания по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 203, 222, частями второй — шестой, 222.1, 222.2, 223 частями первой — третьей, 223.1, 224, 225, 226 УК РФ. В этой связи образовательные организации высшего образования Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, могли бы успешно осуществлять подготовку соответствующих специалистов»⁴.

После событий, произошедших в ряде городов России, директор Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации⁵ отметил необходимость ужесточения гражданского оборота оружия, выдачи медицинских справок для получения лицензии на приобретение оружия исключительно государственными учреждениями. Обращено внимание на намерение Росгвардии и Минздрава Рос-

¹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rg.ru/2022/01/13/bastrykin-predlozhit-peredat-funkcii-kontrolia-za-oborotom-oruzhie-vnov-mvd.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

² Гонтаренко И.А., Шеншин В.М. Особенности осуществления федерального государственного контроля (надзора) в сфере оборота оружия войсками национальной гвардии // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 10. С. 10—17; Назарова И.С., Шеншин В.М. К вопросу нормативно-правового регулирования контроля (надзора) в сфере оборота оружия // Право в Вооруженных силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 12 (269). С. 19—25.

³ Указ Президента РФ от 30 сентября 2016 г. № 510 «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации».

⁴ Шеншин В.М. О недостаточности полномочий Росгвардии в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности // Современное общество и право. 2021. № 6(55). С. 129—135.

⁵ Далее по тексту — Росгвардия.

сии по ускорению законодательной регламентации электронного взаимодействия с медицинскими учреждениями по вопросам выдачи медицинских справок. Претенденты на получение оружия, по словам В. Золотова, должны проходить психологическое тестирование, организационно-правовые основы проведения которого должны находиться в ведении Минздрава России. Прохождение «курса молодого бойца» перед получением охотничьего билета станет обязательным¹. Выдача оружия должна осуществляться гражданам по достижении 21 года, отметил руководитель ведомства².

Реакция на данную проблему уже произошла. Так, при рассмотрении законопроекта о внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии», депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации предлагалось включить в нормативные правовые акты положения следующего содержания: «Если у владельца оружия во время медицинских осмотров, освидетельствований или при оказании медицинской помощи обнаружат заболевание, при котором нельзя иметь оружие, сведения об этом передадут в ЕГИСЗ. Кроме того, о данном факте медицинские организации проинформируют Росгвардию, как и о медицинских заключениях об отсутствии противопоказаний к владению оружием (п. 1, 3 ст. 2 проекта)»³. На сегодняшний день данные положения приобрели форму федерального закона, вступившего в законную силу с 1 марта 2022 г.⁴

В соответствии с данным законом с 1 марта 2022 г. установлен порядок прохождения медицинского освидетельствования

на наличие медицинских противопоказаний к владению оружием. Медицинское освидетельствование на наличие медицинских противопоказаний к владению оружием будет проводиться медицинскими организациями государственной и муниципальной систем здравоохранения в отношении граждан Российской Федерации, впервые приобретающих оружие на основании лицензии, граждан, награжденных оружием, граждан, являющихся владельцами оружия (за исключением граждан Российской Федерации, проходящих службу в государственных военизированных организациях и имеющих воинские звания либо специальные звания или классные чины юстиции⁵), по месту их жительства (пребывания).

Граждане, являющиеся владельцами оружия, приобретенного на основании лицензии на приобретение оружия, проходят медицинское освидетельствование на наличие медицинских противопоказаний к владению оружием не реже одного раза в пять лет.

Перечень заболеваний, при наличии которых противопоказано владение оружием, устанавливается Правительством Российской Федерации.

Медицинское освидетельствование на наличие медицинских противопоказаний к владению оружием осуществляется за счет средств граждан.

По результатам проведения медицинского освидетельствования на наличие медицинских противопоказаний к владению оружием в случае отсутствия у гражданина заболеваний, при наличии которых противопоказано владение оружием, и отсутствия в организме наркотических средств, психотропных веществ и их метаболитов медицинской организацией оформляется медицинское заключение в виде электронного документа, подписанного с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи медицинским работ-

¹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/65566>

² [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/news/1463016/#ixzz6uxdfXP8i>

³ Проект Федерального закона № 1172610-7 (<https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172610-7>)

⁴ Федеральный закон от 2 июля 2021 № 313-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и статьи 79 и 91.1 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Федеральный закон вступил в силу с 1 марта 2022 г.

⁵ Шеншин В.М. О некоторых вопросах межведомственного взаимодействия МВД России и Росгвардии при осуществлении контрольно-надзорной деятельности за оборотом оружия // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 4 (49). С. 109—114.

ником и медицинской организацией. Медицинское заключение размещается в реестре документов, который ведется в ЕГИСЗ. Информация об оформленных медицинских заключениях передается в Росгвардию.

Срок действия медицинского заключения об отсутствии медицинских противопоказаний к владению оружием для получения лицензии на приобретение оружия составляет один год со дня его оформления.

В случае выявления у гражданина, являющегося владельцем оружия, при проведении медицинских осмотров или медицинских освидетельствований либо при оказании ему медицинской помощи заболеваний, при наличии которых противопоказано владение оружием, медицинская организация уведомляет об этом владельца оружия и оформляет сообщение о наличии оснований для внеочередного медицинского освидетельствования и об аннулировании действующего медицинского заключения об отсутствии медицинских противопоказаний к владению оружием (при его наличии). Указанное сообщение формируется в форме электронного документа и передается в Росгвардию.

При поступлении такого сообщения территориальный орган Росгвардии незамедлительно изымает у гражданина лицензию на приобретение, экспонирование или коллекционирование оружия, разрешение на его хранение и ношение или хранение и использование, оружие и патроны к нему до проведения внеочередного медицинского освидетельствования, но не более чем на два месяца.

В случае не оформления медицинского заключения или уклонения от внеочередного медицинского освидетельствования, право на владение и использование оружия аннулируется.

Также в Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» внесены корреспондирующие изменения, регламентирующие порядок информационного взаимодействия медицинских организаций и Росгвардии по обмену сведениями о владельцах оружия и резуль-

татах их медицинских освидетельствований.

Приказом Минздрава России от 1 февраля 2022 г. № 44н установлено, что с 1 марта 2022 г. вступают в силу поправки в приказы Минздрава России по вопросам выявления у граждан, являющихся владельцами оружия, заболеваний, при наличии которых противопоказано владение оружием. В соответствии с Федеральным законом от 2 июля 2021 г. № 313-ФЗ внесены поправки, которыми предусмотрено, что в случае выявления у гражданина, являющегося владельцем оружия, при проведении медицинских осмотров или освидетельствований либо при оказании ему медицинской помощи заболеваний, при наличии которых противопоказано владение оружием, медицинская организация уведомляет об этом владельца оружия и оформляет сообщение о наличии оснований для внеочередного медицинского освидетельствования и об аннулировании действующего медицинского заключения об отсутствии медицинских противопоказаний к владению оружием (при его наличии). Поправки внесены, в том числе, в Порядок оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения, Порядок оказания медицинской помощи по профилю «психиатрия-наркология», Порядок проведения профилактического медицинского осмотра и диспансеризации определенных групп взрослого населения¹.

Граждане, впервые получающие охотничий билет, будут обязаны предварительно проходить обучение. Так, для претендентов на получение указанного документа предлагается ввести условие о прохождении ими обучения требованиям охотничьего минимума и последующую проверку на их знание. Речь идет о правилах охоты, требованиях техники безопасности при ее

¹ Приказ Минздрава России от 1 февраля 2022 г. № 44н «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства здравоохранения Российской Федерации по вопросам выявления у граждан, являющихся владельцами оружия, заболеваний, при наличии которых противопоказано владение оружием» (зарегистрировано в Минюсте России 9 февраля 2022 г. № 67206)

осуществлении, а также основах биологии диких животных. Помимо этого, предлагается включить в Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» требование в части предоставления лицом на этапе проверки полученных им знаний выписки о результатах медицинского освидетельствования, предусмотренного ст. 6.1 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии». Соответствующий законопроект¹ внесен в Госдуму.

В нем содержится указание на то, что обязанность по предоставлению выписки не рассчитана на физических лиц, проходящих службу в государственных военизированных организациях и имеющих воинские звания, специальные звания или классные чины юстиции. Указанной категории лиц достаточно будет иметь при себе документы, подтверждающие прохождение ими службы в соответствующей организации и наличие их звания или чина.

В пояснительной записке к законопроекту отмечается, что в 2019 г. выявлено около 52 тыс. нарушений в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов. При этом минимальное количество несчастных случаев на охоте с 2015 г. не опускается ниже 40 в год, достигая в отдельные годы показателей в 58 (2019 г.) и 60 (2016 г.) случаев².

Напомним, сегодня в соответствии с ч.1 ст. 21 Закона об охоте для получения охотничьего билета лицу достаточно обла-

дать гражданской дееспособностью, не иметь непогашенной или неснятой судимости за совершение умышленного преступления, а также ознакомиться с требованиями охотничьего минимума, утвержденными приказом Минприроды России от 30 июня 2011 г. № 568. По мнению авторов законопроекта, подобная процедура не гарантирует приобретение гражданином минимального необходимого ему для осуществления охоты набора знаний и навыков, о чем свидетельствует приведенная выше статистика. Предлагаемая дата вступления в силу поправок — 1 сентября 2022 г.³

Анализ нормативных правовых актов, принятых в последнее время различными ведомствами, показывает, что, например, Минздрав России издал приказ от 26 ноября 2021 г. № 1104н, в соответствии с которым медицинские заключения для владения оружием будут выдаваться по новым правилам⁴. В частности, с 1 марта 2022 г. сроком на 6 лет введен новый порядок медицинского освидетельствования на наличие противопоказаний к владению оружием.

Отметим, что рассматриваемый приказ учитывает законодательные поправки, по которым процедура медицинского освидетельствования будет проводиться только государственными или муниципальными медицинскими организациями по месту жительства (пребывания) граждан. Помимо проверки наличия в организме претендента наркотических средств, психотропных веществ и их метаболитов такому гражданину предстоит пройти психиатрическое освидетельствование.

¹ С текстом законопроекта № 10309-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и материалами к нему можно ознакомиться на официальном сайте Госдумы (<https://sozd.duma.gov.ru/bill/10309-8>).

² Шеншин В.М. Применение механизма «регуляторной гильотины» при реформировании контрольно-надзорной деятельности Росгвардии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 1. С. 178—186; Фаисханов Р.Р., Шеншин В.М. Особенности взаимодействия подразделений лицензионно-разрешительной системы Росгвардии при выполнении возложенных на них задач // Военное право. 2019. № 6. С. 97—103.

³ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.garant.ru/news/1492580/#ixzz7AiqhGANH>

⁴ Приказ Минздрава России от 26 ноября 2021 г. № 1104н «Об утверждении порядка проведения медицинского освидетельствования на наличие медицинских противопоказаний к владению оружием, в том числе внеочередного, и порядка оформления медицинских заключений по его результатам, форм медицинского заключения об отсутствии медицинских противопоказаний к владению оружием и медицинского заключения об отсутствии в организме наркотических средств, психотропных веществ и их метаболитов».

Заключения по результатам освидетельствования формируются в электронном виде и размещаются в соответствующем федеральном реестре, который ведется в единой системе в сфере здравоохранения. Информация об оформленных медицинских заключениях передается в Росгвардию. Также предусмотрено проведение внеочередного медицинского освидетельствования при выявлении у владельца оружия в ходе медицинских осмотров или медицинских освидетельствований либо при оказании ему медицинской помощи заболеваний, при наличии которых противопоказано владение оружием.

Медицинское заключение для получения лицензии на приобретение оружия действует 1 год со дня его выдачи. Владельцы оружия проходят медицинское освидетельствование за свой счет не реже 1 раза в 5 лет¹.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о серьезном подходе судей к рассматриваемой проблеме. Так, Верховный Суд Российской Федерации отказался пересматривать дело об аннулировании в полном объеме лицензии на осуществление медицинской деятельности, выданной той частной медицинской организации, которая оформила медицинское заключение об отсутствии медицинских противопоказаний к владению оружием «борскому стрелку» (молодой человек впоследствии оформил лицензию, приобрел оружие, убил из него троих и застрелился сам, притом не исключается, что он замыслил устроить шутинг в колледже)².

Врач-психиатр, который осматривал гражданина на «комиссии на оружие» и не выявил психического расстройства, обвиняется по ст. 293 УК РФ.

Опираясь исключительно на это обстоятельство, территориальный орган Росздравнадзора России обратился в суд с заявлением об аннулировании лицензии в

связи с грубым нарушением лицензионных требований, повлекшим человеческие жертвы. В качестве лицензионного нарушения Росздравнадзор указал на следующее:

— врач-психиатр медицинского центра (в данном случае надзорный орган рассматривал его как должностное лицо) допустил формальное медицинское освидетельствование «стрелка», в частности, психиатром не были выявлены психические расстройства поведения освидетельствуемого, при наличии которого противопоказано владение оружием, в результате чего последний получил лицензию на приобретение охотничьего огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, а затем на хранение и ношение гладкоствольного длинноствольного оружия;

— медицинская организация в лице своей комиссии внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности не провела мероприятий по указанному контролю, или, во всяком случае, не представила достаточные доказательства их проведения.

Суды всех инстанций согласились с надзорным органом и аннулировали медицинскую лицензию, выданную центру, в полном объеме (то есть не только в части проведения медицинских освидетельствований, но вообще по всем услугам), так как:

— продолжение лицензиатом медицинской деятельности представляет угрозу общественным интересам и жизни/здоровью граждан;

— поскольку формальный медосмотр, ненадлежащее исполнение должностным лицом центра своих обязанностей позволили получить «стрелку» лицензию на приобретение, ношение и хранение огнестрельного оружия, которое было использовано им для совершения преступления, в результате которого наступила смерть потерпевших лиц;

— при этом перечисленные обстоятельства явились следствием отсутствия соблюдения порядка осуществления внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности.

¹ Шеншин В.М. Нормативно-правовое регулирование деятельности подразделений лицензионно-разрешительной работы территориальных органов Росгвардии в сфере оборота оружия. Белгород: ООО «Эпицентр», 2020.

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2021 г. № 301-ЭС21-23340

Верховный Суд Российской Федерации отказал медицинскому центру в рассмотрении дела, отметив, что именно отсутствие соблюдения медицинским центром порядка осуществления внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности повлекло ненадлежащее исполнение должностным лицом общества своих обязанностей, что позволило получить преступнику лицензию на приобретение, ношение и хранение огнестрельного оружия, а затем использовать его для совершения убийств.

В соответствии с ч. 5 ст. 220 ТК РФ пунктом 9 ст. 34 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», п. 14 ч. 2 ст. 14, ч. 3 ст. 24, подп. 2 ч. 1 ст. 37 и ч. 7 ст. 46 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», подп. 5.2.17, 5.2.55, 5.2.65 и 5.2.87 п. 5 Положения о Министерстве здравоохранения Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 608, планируется утвердить изменения, вносимые в приказы Минздрава России по вопросам выявления у граждан, являющихся владельцами оружия, заболеваний, при наличии которых противопоказано владение оружием. Данный приказ вступил в силу 1 марта 2022 г.

Приказа разработан в целях приведения положений указанных нормативно-правовых актов в соответствие с Федеральным законом от 2 июля 2021 г. № 313-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и статьи 79 и 91.1 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», которым вносятся существенные изменения в процедуру медицинского освидетельствования на наличие медицинских противопоказаний к владению оружием.

Проект приказа Минздрава России «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства здравоохранения Российской Федерации по вопросам выявления у граждан, являющихся владельцами оружия, заболеваний, при наличии которых противопоказано владение оружием» вно-

сит изменения в Порядок проведения обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров работников, предусмотренных ч. 4 ст. 213 ТК РФ, утвержденный приказом Минздрава России от 28 января 2021 г. № 29н, Порядок оказания медицинской помощи взрослому населению при заболеваниях глаза, его придаточного аппарата и орбиты, утвержденный приказом Минздрава России от 12 ноября 2012 г. № 902н, Порядок оказания медицинской помощи по профилю «психиатрия-наркология» и Порядок диспансерного наблюдения за лицами с психическими расстройствами и (или) расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ, утвержденный приказом Минздрава России от 30 декабря 2015 г. № 1034н, Порядок оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения, утвержденный приказом Минздрава Российской Федерации от 17 мая 2012 г. № 566н, а также Порядок проведения профилактического медицинского осмотра и диспансеризации определенных групп взрослого населения, утвержденный приказом Минздрава от 27 апреля 2021 г. № 404н.

Федеральный закон № 313-ФЗ предусматривает проведение внеочередного медицинского освидетельствования в случае выявления у гражданина, являющегося владельцем оружия, при проведении медицинских осмотров или медицинских освидетельствований либо при оказании ему медицинской помощи заболеваний, при наличии которых противопоказано владение оружием. Проектом приказа вносятся соответствующие изменения в вышеуказанные приказы Минздрава России.

Продолжая раскрывать новшества в сфере оборота оружия, следует указать на то, что приказом Минтранса России от 16 августа 2021 г. № 275 с 1 марта 2022 г. вводятся в действие федеральные авиационные правила «О воздушной перевозке оружия и патронов». Устанавливается, в числе прочего, порядок оформления, доставки, загрузки на борт (выгрузки с борта) воздушного судна багажа, содержащего оружие и патроны, багажа, содержащего

оружие и патроны, принадлежащие трансферным пассажирам, выдачи оружия в аэропорту назначения. В приложении к данному приказу приведен рекомендуемый образец акта приемки оружия и патронов на период полета воздушного судна. Указанный приказ действует до 1 марта 2028 г.¹

Федеральным законом от 29 ноября 2021 г. № 387-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» предусматривается, что полученное гражданами Российской Федерации, уволенными и увольняемыми из государственных военизированных организаций с правом ношения военной формы одежды, боевое холодное клинковое оружие (кортики) не будет подлежать регистрации в Росгвардии или ее территориальном органе и на него не потребуются получение разрешения на хранение и ношение оружия.

В соответствии с новым законом по заявлению указанных лиц руководители государственных военизированных организаций и уполномоченные ими другие должностные лица этих организаций передают для пожизненного хранения и ношения с военной формой одежды боевое холодное клинковое оружие (кортики), выданное им в период прохождения военной службы. Сравните с действующей редакцией ч. 5 ст. 19 Закона об оружии: руководители государственных военизированных организаций, в которых предусмотрена военная служба, имеют право передавать такое оружие некоторым категориям граждан Российской Федерации.

Полномочиями по установлению перечня моделей данного оружия наделяется Правительство Российской Федерации. Федеральный закон вступает в силу с 30 ноября 2022 г.²

Таким образом, анализ изменений российского законодательства в области оборота оружия, проведенный с учётом результатов правоприменительной практики, позволяет обозначить следующие тенденции развития правотворчества: более эффективное взаимодействие различных ведомств в процессе реализации требований нормативных правовых актов; усиление требований, предъявляемых законодателем к потенциальным владельцам оружия; совершенствование форм контроля за хранением оружия. Исследование современного законодательства в сфере оборота оружия, позволяет сделать вывод о его динамичном характере. Законодателями и правоприменителями регулярно вносятся изменения и дополнения в нормативные правовые акты, направленные на регулирование общественных отношений, связанных с защитой прав и свобод человека и гражданина. Данные изменения свидетельствуют о совершенствовании правового регулирования общественных отношений в сфере оборота оружия. Тем более это важно применительно к военной сфере.³ Выявленные тенденции развития нормотворчества свидетельствуют о более чётком, детализированном подходе законодателя к решению вопросов правовой регламентации правоотношений в рассматриваемой сфере.

Библиография

1. Гонтаренко, И.А. Особенности осуществления федерального государственного контроля (надзора) в сфере оборота оружия войсками национальной гвардии / И.А. Гонтаренко, В.М. Шеншин // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2018. — № 10.
2. Мумладзе, М.А. Разграничение полномочий и взаимодействие Росгвардии и МВД России при осуществлении контроля в сфере оборота оружия и частной охранной деятельности / М.А. Мумладзе // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. — 2016. — № 2 (32).
3. Назарова, И.С. Противодействие экстремизму: основной понятийно-категориальный аппа-

¹ Приказ Минтранса России от 16.08.2021 № 275 «Об утверждении Федеральных авиационных правил «О воздушной перевозке оружия и патронов» // www.pravo.gov.ru

² [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.garant.ru/news/1506498/#ixzz7DsHVBGTL>

³ См. подробнее: Харитонов С.С., Шарапов С.Н. Уголовная ответственность за незаконный оборот оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: не любые изменения к лучшему // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2021. № 3 (284).

рат / И.С. Назарова, В.М. Шеншин. — Белгород, 2020.

4. Назарова, И.С. К вопросу нормативно-правового регулирования контроля (надзора) в сфере оборота оружия / И.С. Назарова, В.М. Шеншин. // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 12 (269). — С. 19—25.

5. Фаисханов, Р.Р. Особенности взаимодействия подразделений лицензионно-разрешительной системы Росгвардии при выполнении возложенных на них задач / Р.Р. Фаисханов, В.М. Шеншин // Военное право. — 2019. — № 6.

6. Фаисханов, Р.Р. Совершенствование нормативно-правового регулирования контроля, осуществляемого Росгвардией, над деятельностью частных охранных организаций / Р.Р. Фаисханов, В.М. Шеншин // Российская юстиция. — 2020. — № 9.

7. Харитонов, С.С. Уголовная ответственность за незаконный оборот оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: не любые изменения к лучшему / С.С. Харитонов, С.Н. Шарапов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 3 (284). — С. 36—45.

8. Шарапов, С.Н. Дезертирство с оружием: основания криминализации, вопросы квалификации и проблемы законодательной конструкции / С.Н. Шарапов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2007. — № 5.

9. Шеншин В.М. Нормативно-правовое регулирование деятельности подразделений лицензионно-разрешительной работы территориальных органов Росгвардии в сфере оборота оружия / В.М. Шеншин. — Белгород: ООО «Эпицентр», 2020. — 80 с.

10. Шеншин В.М. О недостаточности полномочий Росгвардии в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности / В.М. Шеншин // Современное общество и право. — 2021. — № 6(55).

11. Шеншин В.М. О некоторых вопросах межведомственного взаимодействия МВД России и Росгвардии при осуществлении контрольно-надзорной деятельности за оборотом оружия / В.М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. — 2020. — № 4 (49).

12. Шеншин В.М. Применение механизма «регуляторной гильотины» при реформировании контрольно-надзорной деятельности Росгвардии / В.М. Шеншин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2021. — № 1.

Отдельные аспекты правомерности применения оружия при исполнении специальных обязанностей военной службы

© **Фартуков Дмитрий Николаевич**,
кандидат социологических наук, старший
преподаватель кафедры уголовного процесса и
криминалистики Саратовского военного ордена
Жукова Краснознаменного института войск
национальной гвардии Российской Федерации,
подполковник юстиции,

© **Чукин Дмитрий Сергеевич**,
старший преподаватель кафедры уголовного
процесса и криминалистики Саратовского
военного ордена Жукова Краснознаменного
института войск национальной гвардии
Российской Федерации, подполковник юстиции

Аннотация. В статье анализируются положения нормативных правовых актов, регламентирующих основание и порядок применения оружия военнослужащими при несении службы в карауле. Констатируется наличие правовой неопределенности в отдельных аспектах, касающихся правомерности применения оружия часовым. Даются рекомендации по корректировке действующего законодательства.

Ключевые слова: применение оружия, несение караульной службы, часовой, правомерность применения оружия, уголовная ответственность, необходимая оборона, правовая неопределенность.

Certain aspects of the legality of the use of weapons in the performance of special duties of military service

© **Fartukov D.N.**,
Candidate of Social Sciences, Senior Lecturer of the
Department of Criminal Procedure and
Criminalistics of the Saratov Military Order of
Zhukov of the Red Banner Institute of the National
Guard of the Russian Federation, Lieutenant Colonel
of Justice

© **Chukin D.S.**,
Senior Lecturer of the Department of Criminal
Procedure and Criminalistics of the Saratov Military
Order of Zhukov of the Red Banner Institute of the
National Guard of the Russian Federation,
Lieutenant Colonel of the Institute

Summary. The article analyzes the provisions of regulatory legal acts regulating the basis and procedure for the use of weapons by military personnel in the performance of special duties in the guard. It is stated that there is legal uncertainty in certain aspects concerning the legality of the use of weapons by sentries. Recommendations on the adjustment of the current legislation are given.

Key words: the use of weapons, guard duty, sentry, the legality of the use of weapons, criminal liability, necessary defense, legal uncertainty.

Вопросы правомерности применения оружия военнослужащими при исполнении обязанностей военной службы на сегодняшний день занимают одно из центральных мест в научных исследованиях, поскольку, несмотря на то, что рассматриваемые аспекты достаточно детально регулируются действующим законодательством, анализ и сопоставление отдельных нормативных установлений выявляют пробелы, позволяющие инвестировать смысл правовой нормы и вопреки тому предназначению, которое вкладывает в нее законодатель, привлекать к ответственности лиц, добросовестно исполняющих свои обязанности¹.

Поэтому, несмотря на обилие научных изысканий, посвященных вопросам правомерности указанных выше обстоятельств, авторы считают необходимым рассмотреть проблему, обусловленную правовой природой ситуации, которую образует применение оружия часовым, в целях устранения правовой неопределенности, и как следствие этого, реализации принципа справедливости².

В соответствии со ст. 25 УВС ВС РФ несение службы в карауле относится к исполнению специальных обязанностей. Для исполнения специальных обязанностей военной службы военнослужащие могут наделяться дополнительными правами на

применение оружия, что находит свое отражение в нормах УГиКС ВС РФ.

Рассматривая вопросы порядка применения оружия часовым, в первую очередь, на наш взгляд, необходимо акцентировать внимание на особенностях правового статуса данного лица и основании наступления ответственности за нарушение им предписаний УГиКС ВС РФ.

В соответствии со ст. 115 УГиКС ВС РФ лица, виновные в нарушении правил несения караульной службы, привлекаются к ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Ст. 204 УГиКС ВС РФ, раскрывающая содержание неприкосновенности часового, накладывает на неопределенный круг лиц обязанность беспрекословно выполнять требования часового, определяемые его службой. Таким образом, можно говорить об определенных функциях, которые выполняет часовой.

В уголовном законодательстве аналогичное указание на функции мы можем встретить при определении понятия представителя власти как должностного лица, закрепленное в ст. 318 УК РФ. Так, согласно примечанию к указанной статье, к представителю власти относится должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости.

Акцентируя внимание на порядке применения оружия часовым, следует отметить, что, например, ст. 212 УГиКС ВС РФ детально определяет порядок действий часового в различных ситуациях, которые он должен выполнить перед тем, как ему будет предоставлено право на применение оружия.

В связи с этим уместно обратиться к положениям ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий). Одним из его видов, согласно п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», являются действия должностного лица, которые могут быть совершены только при

¹ Корякин В.М. Применение оружия, специальных средств и физической силы военнослужащими при выполнении служебных задач по обеспечению законности и правопорядка // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2016. № 53(225). С. 24—33; Фартуков Д.Н., Чукин Д.С. Законотворческие проблемы терминологической неопределенности применения военнослужащими оружия при выполнении служебно-боевых задач // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 5(286). С. 72—78; Щербак С.И. О порядке применения оружия и боевой техники при охране государственной границы Российской Федерации в воздушном пространстве // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 2(283). С. 3—9.

² Глухов, Е.А. Законность, справедливость и целесообразность толкования законодательства военно-судебными органами // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2011. № 9(171). С. 63—71;

наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте. К таковым действиям, на наш взгляд, в полной мере относится применение часовым оружия в нарушение алгоритма, закрепленного, в частности, в ст. 212 УГиКС, что, при наступлении последствий, указанных в ст. 286 УК РФ, будет выступать в качестве основания для привлечения военнослужащего к уголовной ответственности.

В соответствии со ст. 153 УГиКС, подготовка к несению службы в карауле проводится в три этапа: подбор и распределение личного состава; изучение требований руководящих документов; практическая отработка различных вводных.

Из этого вполне логично вытекает, что к третьему этапу подготовки караула должен допускаться военнослужащий, не только изучивший положения УГиКС ВС РФ, но который, в первую очередь, понимает суть изученных им положений и, как следствие этого, умеет применить полученные знания во время практического занятия, с отработкой действий всех лиц караула на постах в различных условиях обстановки.

Таким образом, военнослужащий, заступающий в караул, должен знать и правильно понимать те нормативные предписания, которые будет реализовывать на практике, поскольку от этого напрямую будет зависеть правомерность его действий. Между тем, анализ положений нормативных правовых актов, в частности ст. 212 УГиКС ВС РФ, позволяет, на наш взгляд, констатировать, что отдельные ее положения носят неопределенный характер.

В соответствии со ст. 13 УВС ВС РФ условия и порядок применения оружия военнослужащими определяются данным Уставом, УГиКС ВС РФ и УВП ВС РФ.

Устав не устанавливает, каким конкретно образом происходит применение оружия, определяя лишь общие требования и ограничивая условия, при которых его применять запрещается (например, в отношении беременных женщин, детей, инвалидов и пр.). Также УГиКС ВС РФ, определяя порядок применения оружия часовым, не указывает, куда именно дол-

жен целиться и стрелять часовой: в конечности, чтобы обездвижить посягающего, либо в жизненно важные органы. Однако, нам думается, что право на применение оружия не безусловно, а должно иметь определенные ограничения, то есть при имеющейся возможности избежать тяжких последствий (например, смерти), таковая возможность часовым должна быть использована.

Для понимания того, где лежат границы правомерности применения оружия часовым, необходимо в первую очередь установить правовую природу обстоятельств, в которых он действует, открывая огонь по лицу в случае его проникновения (попытки проникновения) на пост.

Поскольку в результате применения оружия часовым он посягает на наиболее существенные блага человека — право на жизнь и на здоровье, формально часовой совершает уголовно наказуемое деяние. Но поскольку делает он это для общественно-полезной цели — охраны порученного ему поста, можно с уверенностью утверждать, что на него распространяются положения гл. 8 УК РФ, регламентирующие институт обстоятельств, исключающих преступность деяния. Однако напрямую об этом в Общевоинских уставах, и в УГиКС ВС РФ, в частности, не говорится, что порождает, на наш взгляд, правовую неопределенность в данном вопросе. Таким образом, применение оружия часовым даже в рамках ст. 212 УГиКС, может образовывать состав уголовно наказуемого деяния¹.

Ст. 13 УВС ВС РФ определяет случаи применения военнослужащим оружия в состоянии необходимой обороны, но невыполнение требований часового невооруженным лицом в рамках ст. 212 УГиКС ВС РФ, следуя буквальному толкованию данной статьи, к ним не относится.

Между тем, анализ ст. 37 УК РФ позволяет констатировать, что несение служ-

¹ Чукин Д.С. Правовые коллизии в части регулирования права военнослужащего войск национальной гвардии Российской Федерации на причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 2(259). С. 86—91.

бы часовым распространяются на ситуацию необходимой обороны — то есть защиты охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства.

Таким образом, по мнению авторов, применение часовым оружия в рамках ст. 212 УГиКС образует состояние необходимой обороны. Ч. 2 ст. 37 УК РФ определяет, что защита от посягательства, не сопряженного с насилием (что имеет место быть в случае, когда невооруженное лицо пересекает запретную границу поста), признается правомерной, если не было допущено превышения пределов необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства.

По смыслу приведенных выше законоположений, право на причинение вреда при применении оружия часовым является не безусловным, и открывать огонь в данном случае необходимо, стараясь минимизировать вредные для посягающего лица последствия, то есть целясь не в жизненно важные органы, а стремится лишь исключить его проникновение на пост.

Однако, при этом не следует забывать о том, что лицо, намеревающееся проникнуть на пост, может иметь при себе скрытое взрывное устройство, что также необходимо учитывать часовому при применении оружия.

Кроме того, ст. 212 УГиКС ВС РФ определяет порядок действий часового в том случае, если лицо, которое назвалось начальником караула (помощником начальника караула, разводящим), окажется *неизвестным*: часовой должен предупредить его окриком «Стой, стрелять буду», а при невыполнении этого требования — применить по нему оружие.

При этом, что понимается под термином «неизвестный», Устав не определяет. По смыслу, который вкладывается в данный термин, неизвестный — это тот, которого не знают, который не знаком человеку. Между тем, представиться начальником караула может и лицо, которое часовой знает — его сослуживец, знакомый, и пр.

При этом, буквальное толкование ст. 212 УГиКС уже не отнесет этих лиц к *неизвестным*, и, таким образом, основания для действий часового так, как это определено в статье, будут отсутствовать, то есть он *не обязан* будет применять по ним оружие.

Таким образом, налицо технико-юридическая нестыковка положений ст. 212 УГиКС ВС РФ: с одной стороны, она определяет круг лиц, которых (в присутствии которых) часовой может допустить на пост: начальник караула, его помощник, разводящий, а с другой стороны, их расширяет.

Аналогичный круг указан и в ст. 207 УГиКС, согласно которой, часовой обязан не допускать к посту никого, кроме начальника караула, помощника начальника караула, своего разводящего и лиц, которых они сопровождают.

Проведенное авторами социологическое исследование показало, что из 20 военнослужащих (продолжительность военной службы которых составляла, в среднем, двадцать календарных лет), опрошенных на предмет знания положений ст. 212 УГиКС ВС РФ, 19 указали вместо термина «неизвестный» «таковым не является».

В связи с этим, авторами был проведен исторический анализ возникновения понятия «неизвестный» в Общевоинских уставах, который позволяет говорить, что впервые оно появилось в советском законодательстве в 1950 г., когда приказом Министра обороны СССР был введен в действие Устав гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Союза ССР. В последующем этот термин использовался во всех дальнейших уставах, регулирующих порядок несения караульной службы.

Между тем, как отмечалось выше, использование термина «неизвестный» для целей ст. 212 УГиКС представляется не вполне корректным.

Таким образом, итоги проведенного исследования вопросов правомерности применения оружия часовым позволяют констатировать наличие технико-юридических неточностей, в связи с чем авторы предлагают следующее.

1. Дополнить УГиКС ВС РФ положением, в соответствии с которым на часовой при исполнении специальных обязанностей распространяются положения УК РФ о необходимой обороне.

2. Внести изменения в ст. 212 УГиКС ВС РФ, исключив термин «неизвестный» и включив вместо него термин «таковым не является».

Библиография

1. Глухов, Е.А. Законность, справедливость и целесообразность толкования законодательства военно-судебными органами / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2011. — № 9(171). — С. 63—71.

2. Корякин, В.М. Применение оружия, специальных средств и физической силы военнослужащими при выполнении служебных задач по обеспечению законности и правопорядка / В.М. Корякин // Право в Вооруженных

Силах — военно-правовое обозрение. — 2016. — № 53(225). — С. 24—33.

2. Фартуков, Д.Н. Законотворческие проблемы терминологической неопределенности применения военнослужащими оружия при выполнении служебно-боевых задач / Д.Н. Фартуков, Д.С. Чукин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 5(286). — С. 72—78.

3. Чукин, Д.С. Правовые коллизии в части регулирования права военнослужащего войск национальной гвардии Российской Федерации на причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление / Д.С. Чукин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 2(259). — С. 86—91.

4. Щербак, С.И. О порядке применения оружия и боевой техники при охране государственной границы Российской Федерации в воздушном пространстве / С.И. Щербак // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 2(283). — С. 3—9.

Перспективы внедрения комплексной системы объективного контроля за огнестрельным оружием

© Цуканов Андрей Сергеевич,
заместитель начальника отдела вооружения и боеприпасов Центра вооружения и индивидуальной бронезащиты Научно-исследовательского института специальной техники Федерального казенного учреждения «Научно-производственного объединения «Специальная техника и связь» МВД России.

Аннотация. В статье рассматривается перспектива применения разработанной системы автоматизированного контроля гражданского и служебного оружия при помощи спутниковых навигационных систем, в комплексе с введением зон безопасности для потенциально уязвимых социальных объектов. Данное решение позволит исключить несанкционированный доступ лиц с легальным зарегистрированным огнестрельным оружием на указанные объекты и обеспечит правоохранительные органы надежным источником систематизируемой и архивируемой учетной информации о перемещениях и применениях рассматриваемой категории оружия.

Ключевые слова: гражданское и служебное оружие, зоны безопасности, легальный оборот, объективный контроль, огнестрельное оружие, потенциально уязвимые социальные объекты, преступления, спутниковые навигационные системы, сигнал тревоги.

Prospects for the introduction of an integrated system of objective control over firearms

© Tsukanov A.S.,
Deputy Head of the Armament and Ammunition Department of the Center for Armament and Individual Armor Protection of the Research Institute of Special Equipment of the Federal State Institution «Scientific and Production Association «Special Equipment and Communications» of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Abstract. The article discusses the prospect of using the developed system of automated control of civilian and service weapons using satellite navigation systems, in combination with the introduction of security zones for potentially vulnerable social facilities. This solution will allow to exclude unauthorized access of persons with legally registered firearms to these facilities and will provide law enforcement agencies with a reliable source of systematized and archived accounting information about the movements and applications of the category of weapons in question.

Keywords: civilian and service weapons, security zones, legal turnover, objective control, firearms, potentially vulnerable social objects, crimes, satellite navigation systems, alarm.

Несмотря на широкое использование спутниковых навигационных систем (далее — СНС) с применением в различных сферах жизнедеятельности общества, до настоящего времени их потенциал не использовался в

объективном контроле за оборотом огнестрельного оружия. Развитие технологий последних лет уже в настоящее время позволяет рассматривать возможность обеспечения объективного контроля при помощи СНС за

перемещением и применением огнестрельного оружия. На наш взгляд, наиболее перспективным и актуальным направлением для внедрения объективного контроля оружия является зарегистрированное огнестрельное гражданское и служебное оружие (далее — ГСО) находящееся в обороте у населения. На теоретическом уровне с применением методов сопоставления с существующими сходными по принципу работы системами нами разработана и предложена к внедрению система автоматизированного контроля легального огнестрельного

оружия. Работа системы автоматизированного контроля гражданского и служебного оружия (далее — АКГСО) обеспечивается при помощи СНС и представляет собой комплекс взаимодействующих между собой элементов: электронного датчика-накопителя, мобильного пульта контроля, стационарного пульта контроля, сервиса эксплуатационного обслуживания, сервера регионального мониторинга, центрального сервера мониторинга. Места расположения электронных датчиков накопителей в оружии нами предложены на (рис. 1).

Рисунок 1. Размещение датчика-накопителя спутниковой навигации:
1 – в прикладе; 2 – в рукояти; 3 – на корпусе оружия.

Принцип работы системы АКГСО нами подробно описан в ранее опубликованных материалах¹. Цель внедрения АКГСО состоит в обеспечении правоохранительных органов системой с возможностью оперативного предотвращения преступлений и решения при расследовании уголовных дел таких криминалистических задач, как установление времени, и географических координат применения легального оружия. На основании проведенного анализа находящихся в

открытом доступе статистических данных управления по организации лицензионно-разрешительной работы МВД России о преступлениях, совершенных с применением огнестрельного оружия за 2013—2015 годы², и сделанных на его основе арифметических расчетов, из зарегистрированного огнестрельного оружия ежегодно совершается от 6,5 до 8,6 % преступлений.

К сожалению, приведенная статистика прошлых лет показывает явную тенденцию к возрастанию рассматриваемых преступлений, о чем свидетельствуют происходящие с постоянной периодичностью трагические события, орудием совершения которых являлось находящиеся в легальном обороте огнестрельное оружие, в том числе и гражданское нарезное. Негативными примерами может служить целый ряд случаев преступного применения

¹ Цуканов А.С. Концепция автоматизированного контроля гражданского и служебного огнестрельного оружия // Всероссийская межвузовская конференция «Теория и практика общественного развития в свете современного научного знания». Гуманитарно-социальный институт. 2017. С. 278—282; Цуканов, А.С. Перспективы использования спутниковых навигационных систем в объективном контроле гражданского и служебного оружия // Международный круглый стол «Сотрудничество в сфере экспертной деятельности»: сб. научн. трудов : научное электронное издание. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. С. 176—180.

² Интернет-ресурс: <https://shmel-99.livejournal.com/154521.html>? Дата обращения 23.01.2022.

гражданского стрелкового оружия, в том числе:

— 2014 г., 3 февраля, г. Москва. Убит учитель и несколько полицейских¹;

— 2018 г., 17 октября, г. Керчь. Убито 19 человек, среди которых преподаватели и студенты²;

— 2021 г., 11 мая, школа г. Казань³. В результате стрельбы бывшего ученика этой школы погибло 9 человек и больше 20 пострадали;

— 2021 г. 20 сентября, г. Пермь⁴. Девятнадцатилетний студент Пермского государственного университета открыл в вузе стрельбу, в результате чего было убито 6 человек и 28 пострадали.

При этом следует отметить, что приведенный перечень событий не является исчерпывающим, приведено лишь наиболее «нашумевшие», резонансные случаи преступного использования гражданского огнестрельного оружия. Сказанное ещё раз подтверждает актуальность рассматриваемой проблемы и обосновывает острейшую необходимость разработки современной эффективной системы безопасности населения от противозаконного применения огнестрельного оружия, особенно нарезного.

В настоящей статье, посвящённой объективному контролю за движением огнестрельного гражданского и служебного оружия, мы не рассматриваем не менее проблемные вопросы использования огнестрельного оружия при совершении терро-

ристических актов, которые, к сожалению, также имеют место в жизни не только российского общества, но и других государств, поскольку это тема заслуживает более совсем другого исследования. Кроме того, имеется немало интересных работ, так или иначе посвящённых проблемным вопросам борьбе с террористическими актами на различных объектах народного хозяйства, в том числе и на объектах транспортной инфраструктуры⁵.

В продолжение рассмотрения внедрения контроля за гражданским и служебным огнестрельным оружием, отметим, что в целях создания наиболее эффективного средства объективного контроля гражданского стрелкового оружия, помимо системы автоматизированного контроля гражданского и служебного оружия (АКГСО), в комплексе с её внедрением должен быть разработан потенциальный перечень мер по защите возможно уязвимых социально значимых объектов инфраструктуры государства от несанкционированного применения на них рассматриваемых видов оружия. На основании изложенного полагаем вполне обоснованным и действительно актуальным внесение предложения о правовом закреплении системы зон безопасности, для потенциально уязвимых социальных объектов на основе сформированной и функционирующей базы данных Единого государственного реестра недвижимости.

Принцип работы предложенного нами комплекса системы зон безопасности и АКГСО основывается на внесении в сер-

¹ Однажды в Москве: как подросток впервые устроил стрельбу в школе. Интернет-ресурс: <https://www.rbc.ru/politics/26/12/2014/549a9b939a794710fb26882d> Обращение 31.01.2022.

² Крымский расстрел: как стало возможно массовое убийство в Керчи. Интернет-ресурс: <https://www.rbc.ru/society/17/10/2018/5bc735ff9a79474fb52b0ddc> Дата обращения 02.02.2022.

³ Трагедия в Казани: как «тихий студент» готовил нападение и кем были его жертвы. Интернет-ресурс: <https://www.cosmo.ru/lifestyle/society/tragediya-v-kazani-kak-tihiy-student-gotovil-napadenie-i-kem-byli-ego-zhertvy/> Дата обращения 10.02.2022.

⁴ Стрельба в университете Перми. Что важно знать — РБК. Интернет-ресурс: <https://www.rbc.ru/society/20/09/2021/614890c09a794797fc8aa575> Дата обращения 11.02.2022.

⁵ Суденко В.Е. Террористический акт: понятие, квалификация // Противодействие экстремизму и терроризму : материалы Международной научно-практической конференции. 2017. С. 189—192; Суденко В.Е. Правовое обеспечение антитеррористической защищённости мореплавания // Военное право. 2017. № 4 (44). С. 33—36; Суденко В.Е. Особенности осмотра объектов железнодорожного транспорта по факту террористического акта // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3 (69). № 1. С. 185—190; Суденко, В.Е. Террористический акт и диверсия на железнодорожном транспорте: дифференциация понятий и содержания // Транспортное право и безопасность. 2017. № 7 (19). С. 7—15.

веры системы объективного контроля электронной информации, о географических координатах потенциально уязвимых социальных объектов. Данное решение позволит обеспечить эффективные меры по предотвращению нахождения огнестрельного оружия на территориях социальных объектов, включенных в зону безопасности. В качестве потенциально уязвимых социальных объектов для внесения в систему зон безопасности нами предлагается рассмотреть — детские и учебные заведения, больницы, театры, музеи, здания органов законодательной и судебной власти и т.п. Перечисленные объекты предлагаем нормативно закрепить в статусе «зон безопасности» путем внесения в реестр, утверждаемый муниципальными властями субъектов Российской Федерации.

Работа системы обеспечивается за счет автоматического объективного контроля перемещения огнестрельного гражданского и служебного оружия, оснащенного датчиками спутниковой навигации. Все перемещения находящегося в легальном обороте огнестрельного оружия отмечаются на мониторе оператора пульта обслуживаемой территории (закрепленной зоны ответственности) в виде электронного маячка с построением в реальном времени трека-маршрута перемещения оружия с электронным датчиком накопителем на электронной локации (например, на ГУГЛ карте). При прохождении оружия через зоны контроля территорий, внесенных в реестр «зон безопасности», происходит срабатывание сигнала тревоги у оператора пульта контроля, с автоматическим дублированием архивируемой тревожной информации в оперативные подразделения группы немедленного реагирования правоохранительных органов.

Внедрение комплекса из АКГСО и системы зон социальной безопасности позволит предотвратить тяжкие и особенно трагические последствия преступлений, связанных с применением зарегистрированного огнестрельного гражданского и служебного оружия, а также окажет неоценимую помощь экспертам-

криминалистам в решении криминалистических и судебно-баллистических задач, связанных с применением огнестрельного оружия. Благодаря предложенной системе, по ее систематизируемым и архивируемым данным в виде постоянно пополняемого оперативного учета органов внутренних дел Российской Федерации, экспертным подразделениям будет обеспечен доступ к служебной информации о перемещениях ГСО с возможностью синхронизации производства выстрелов по времени с их отображением на картографических локациях. При этом уполномоченные сотрудники оперативных подразделений смогут при помощи мобильных пультов контроля получать доступ к данным объективного контроля перемещения гражданского и служебного оружия в реальном времени для проведения предупредительно-профилактических оперативно-розыскных мероприятий.

Нельзя не затронуть и возможное сопротивление предлагаемым мерам безопасности со стороны отдельных должностных лиц, а также средств массовой информации, ссылками на дороговизну реализации предлагаемых нововведений. Однако вряд ли можно сопоставить стоимость предлагаемых решений с жизнями погибших людей, в том числе подростков и молодых лиц.

В целом комплекс позволит своевременно принимать профилактические меры, исключит скрытое перемещение ГСО на объекты, включенные в зону безопасности, обеспечит своевременное реагирование правоохранительных органов на потенциальную опасность и предотвратит противоправное применение оружия.

Библиография

1. Суденко, В.Е. Особенности осмотра объектов железнодорожного транспорта по факту террористического акта / В.Е. Суденко // Учёные записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2017. — Т. 3 (69). — № 1. — С. 185—190.
2. Суденко, В.Е. Правовое обеспечение анти-террористической защищённости мореплавания / В.Е. Суденко // Военное право. — 2017. — № 4 (44). — С. 33—36.
3. Суденко, В.Е. Террористический акт и диверсия на железнодорожном транспорте: диффе-

ренциация понятий и содержания / В.Е. Суденко // Транспортное право и безопасность. — 2017. — № 7 (19). — С. 7-15.

4. Суденко, В.Е. Террористический акт: понятие, квалификация / В.Е. Суденко // Противодействие экстремизму и терроризму : Материалы Международной научно-практической конференции. — 2017. — С. 189—192.

5. Цуканов, А. С. Концепция автоматизированного контроля гражданского и служебного огнестрельного оружия / А.С. Цуканов // Всероссийская межвузовская конференция «Теория и практи-

ка общественного развития в свете современного научного знания». Гуманитарно-социальный институт. — 2017. — С. 278—282.

6. Цуканов, А. С. Перспективы использования спутниковых навигационных систем в объективном контроле гражданского и служебного оружия // Международный круглый стол «Сотрудничество в сфере экспертной деятельности»: сб. научн. трудов: научное электронное издание. — М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. — С. 176—180.

Военные аспекты гражданского и трудового права

Основания и порядок отнесения защитных сооружений гражданской обороны к федеральной, региональной и муниципальной собственности

© Беда Наталия Валентиновна,
старший преподаватель кафедры кадрового,
правового и психологического обеспечения
Академии Государственной противопожарной
службы МЧС России

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы оснований и порядка отнесения защитных сооружений гражданской обороны к федеральной, региональной и муниципальной собственности. Четкое определение критериев разграничения отнесения указанных объектов к ведению соответствующих уровней власти влияет на недопущение споров по их принадлежности, на вопросы обслуживания данных объектов в целях их постоянного функционирования.

Ключевые слова: гражданская оборона, защитные сооружения, федеральная собственность, региональная собственность, муниципальная собственность.

Grounds and procedure for assigning civil defense protective structures to federal, regional and municipal property

© Beda N.V.,
senior lecturer of Academies of the Ministry of
Emergency situations of Russia

Abstract: the article discusses the issues of the grounds and procedure for assigning civil defense protective structures to federal, regional and municipal property. A clear definition of the criteria for distinguishing the attribution of these objects to the jurisdiction of the relevant levels of government affects the prevention of disputes over their ownership, on the maintenance of these objects for their permanent functioning.

Keywords: civil defense, defensive structures, federal property, regional property, municipal property

Важным элементом безопасности и одной из важнейших функций государства является оборона. Укрепление обороны является одним из национальных интересов Российской Федерации и стратегические национальные приоритетов (п. 25 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400).

Одним из элементов организации обороны нашего государства является планирование и осуществление мероприятий по гражданской и территориальной обороне (подп. 9 ст. 2 Федерального закона «Об

обороне»). Гражданская оборона является важной составляющей национальной безопасности и обороноспособности страны. Гражданская оборона представляет собой систему мероприятий по подготовке к защите и по защите населения, материальных и культурных ценностей на территории Российской Федерации от опасностей, возникающих при ведении военных действий или вследствие этих действий, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Актуальность рассматриваемых вопросов по-прежнему не снижается, о чем свидетель-

ствуют научные труды российских ученых¹.

К основным задачам в области гражданской обороны и мероприятиям, направленным на их решение, относится предоставление населению средств индивидуальной и коллективной защиты.

В свою очередь для решения этой задачи необходимо выполнение следующих мероприятий:

1) строительство, поддержание в состоянии постоянной готовности к использованию по назначению и техническое обслуживание защитных сооружений гражданской обороны и их технических систем;

2) приспособление в мирное время и при приведении гражданской обороны в готовность к ее ведению и в ходе ее ведения в военное время заглубленных помещений и других сооружений подземного пространства для укрытия населения;

3) подготовка в мирное время и строительство при приведении гражданской обороны в готовность к ее ведению и в ходе ее ведения в военное время быстровозводимых защитных сооружений гражданской обороны с упрощенным внутрен-

ним оборудованием и укрытий простейшего типа;

4) обеспечение укрытия населения в защитных сооружениях гражданской обороны;

5) накопление, хранение, освежение и использование по назначению средств индивидуальной защиты населения;

6) обеспечение выдачи населению средств индивидуальной защиты и предоставления средств коллективной защиты в установленные сроки;

7) приспособление в мирное время метрополитенов для укрытия населения с учетом опасностей мирного и военного времени, наличия защитных сооружений гражданской обороны и планируемых мероприятий по гражданской обороне и защите населения.

Обслуживание и поддержание в надлежащем состоянии объектов гражданской обороны осуществляется соответствующими органами власти (федеральными, региональными или муниципальными) в ведении которых данные объекты находятся.

При этом важное значение играет точное разграничение принадлежности данных объектов к соответствующему виду собственности.

1. Основания отнесения защитных сооружений гражданской обороны к федеральной, региональной и муниципальной собственности.

В соответствии с п. 1 ст. 18 Федерального закона от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне» обеспечение мероприятий по гражданской обороне и защите населения, осуществляемых федеральными органами исполнительной власти, является расходным обязательством Российской Федерации. Согласно требованиям ст. 7 указанного Закона федеральные органы исполнительной власти в пределах своих полномочий и в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, определяют перечни организаций, обеспечивающих выполнение мероприятий по гражданской обороне.

Защитные сооружения гражданской обороны, закрепленные на соответствующем

¹ См. напр.: Заворотный А.Г., Калайдов А.Н., Неровных А.Н., Подставков В.П. Основы гражданской защиты : учебник. В 2 ч. М., 2021. Часть 1. Основы гражданской обороны; Корякин В.М. Вопросы участия Минобороны России в обеспечении транспортной безопасности // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 6 (263). С. 24—32; Харитонов С.С. К основам правового регулирования обеспечения экологической безопасности Вооруженных сил России // Военно-юридический журнал. 2019. № 10. С. 11—13; Milovanovic A., Kholikov I. The role of national research institutes of occupational health of Serbia and Russia in fighting COVID-19 // Сборник научных трудов по результатам II Международного научного форума. М. ЮИ РУТ (МИИТ), 2021. С. 47—52; Беда Н.В. Организационно-правовые проблемы организации и проведения мероприятий в области гражданской обороны в образовательных учреждениях // Гражданская оборона на страже мира и безопасности : Материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной Всемирному дню гражданской обороны. В 3-х частях. Сост.: М.В. Алешков, А.Г. Заворотный, Ю.А. Апарина [и др.]. М., 2020. С. 139—142.

щем вещном праве за федеральными органами власти и подведомственными им организациями для выполнения ими мероприятий по гражданской обороне, относятся к федеральной собственности.

Пунктом 2 ст. 18 Закона о гражданской обороне предусмотрено, что обеспечение мероприятий регионального уровня по гражданской обороне, защите населения и территорий субъектов Российской Федерации является расходным обязательством субъекта Российской Федерации. На основании п. 3 ст. 18 Закона о гражданской обороне, защите населения и территорий муниципального округа является расходным обязательством муниципального образования.

Учитывая вышеизложенное, отнесение защитных сооружений гражданской обороны к региональной или муниципальной собственности осуществляется на основании соответствующего решения, принятого субъектом Российской Федерации.

Вместе с тем, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 1993 г. № 2284 «О Государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» приватизация защитных сооружений гражданской обороны запрещена.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 апреля 1994 г. № 359 «Об утверждении Положения о порядке использования объектов и имущества гражданской обороны приватизированными предприятиями, учреждениями и организациями» (далее — постановление № 359) утвержден Договор о правах и обязанностях в отношении объектов и имущества гражданской обороны, а также выполнение мероприятий гражданской обороны.

Таким образом, предполагается, что защитные сооружения гражданской обороны должны быть переданы акционерным обществам, созданным путем реорганизации в форме преобразования федеральных государственных унитарных предприятий, в ведении которых находились такие сооружения, по договорам о

правах и обязанностях. Соответственно такие защитные сооружения гражданской обороны также продолжают оставаться в федеральной собственности и предоставляются в пользование акционерным обществам в установленном постановлением № 359 порядке.

Вместе с тем, согласно постановлению Верховного Совета Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга» защитные сооружения гражданской обороны не были включены в перечни объектов собственности, подлежащих разграничению.

В соответствии с Постановлением ВАС РФ от 26 января 2010 г. № 12757/09 о рассмотрении представления первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации и заявления Территориального управления Федерального агентства по управлению государственным имуществом в городе Санкт-Петербурге о пересмотре в порядке надзора постановления Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 2 июля 2009 г. по делу № А56-19531/2007 Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Росимуществом принято решение о том, что все защитные сооружения гражданской обороны находятся в федеральной собственности до момента их передачи в установленном порядке в собственность субъекта Российской Федерации (муниципальную собственность), в том числе и в случаях, когда здания, в которых расположены защитные сооружения гражданской обороны, были ранее переданы в собственность субъектов Российской Федерации или муниципальную собственность.

2. Порядок отнесения защитных сооружений гражданской обороны к федеральной, региональной и муниципальной собственности.

В соответствии с требованиями ст. 7 Закона о гражданской обороне федеральные органы исполнительной власти в пределах своих полномочий и в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, определяют перечни организаций, обеспечивающих выполнение мероприятий по гражданской обороне. Согласно ст. 8 Закона о гражданской обороне органы государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органы местного самоуправления самостоятельно в пределах границ муниципальных образований создают и поддерживают в состоянии постоянной готовности к использованию защитные сооружения гражданской обороны.

В соответствии с п. 9 постановления Правительства Российской Федерации от 29 ноября 1999 г. № 1309 «О порядке создания убежищ и иных объектов гражданской обороны» (далее — Постановление № 1309):

1) федеральные органы исполнительной власти:

— по согласованию с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации определяют общую потребность в объектах гражданской обороны для организаций, находящихся в сфере их ведения;

— организуют создание объектов гражданской обороны;

— принимают в пределах своей компетенции нормативные акты по созданию объектов гражданской обороны, доводят их требования до сведения указанных организаций и контролируют их выполнение;

— осуществляют контроль за созданием объектов гражданской обороны и поддержанием их в состоянии постоянной готовности к использованию;

— ведут учет существующих и создаваемых объектов гражданской обороны;

2) органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления на соответствующих территориях:

— определяют общую потребность в объектах гражданской обороны;

— в мирное время создают, сохраняют существующие объекты гражданской обороны и поддерживают их в состоянии постоянной готовности к использованию;

— осуществляют контроль за созданием объектов гражданской обороны и поддержанием их в состоянии постоянной готовности к использованию;

— ведут учет существующих и создаваемых объектов гражданской обороны.

При определении потребности в защитных сооружениях гражданской обороны целесообразно использовать Методические рекомендации МЧС России по определению готовности защитных сооружений гражданской обороны к приему укрываемых и обеспеченности ими установленных категорий населения от 9 октября 2020 г. № 2-4-71-21-11. Обеспеченность защитными сооружениями гражданской обороны определяется на основании анализа соответствия общей вместимости таких сооружений, имеющих в наличии, их требуемой вместимости, определяемой с учетом п. 3 и 4 постановления № 1309.

Для принятия обоснованного решения органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления об отнесении защитных сооружений гражданской обороны к региональной или муниципальной собственности должна быть выполнена достоверная оценка потребности в них на соответствующих территориях с учетом требований указанных выше нормативных правовых актов. При этом следует исходить из того, что установленные категории населения, нуждающиеся в использовании указанных сооружений и расположенных в пределах соответствующих субъектов Российской Федерации или муниципальных образований, должны укрываться в защитных сооружениях гражданской обороны, отнесенных к собственности этих административно-территориальных образований.

В рамках проводимой работы по разграничению права собственности на защитные сооружения гражданской обороны в Российской Федерации Росимуществом (его территориальными органами) во взаимодействии с главными управлениями МЧС России по субъектам Российской

Федерации уточнен перечень таких сооружений, находящихся в государственной казне Российской Федерации в силу закона и подлежащих оформлению в собственность Российской Федерации для федеральных нужд, с учетом дополнительной потребности организаций федеральной формы собственности.

В настоящее время в соответствии с Федеральным законом от 30 апреля 2021 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» Росреестром разрабатывается формуляр декларации об объекте, которая будет являться основанием для постановки защитных сооружений гражданской обороны на государственный кадастровый учет и регистрации права собственности Российской Федерации в упрощенном порядке.

Учитывая изложенное, в целях реализации полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области гражданской обороны ими формируются перечни защитных сооружений гражданской обороны, согласованные с главными управлениями МЧС России по субъектам Российской Федерации и с территориальными органами Росимущества, которые подлежат регистрации органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления.

При этом, в случае утрате расчетных защитных свойств ограждающих и несущих строительных конструкций, если восстановление их технически невозможно или экономически нецелесообразно, в связи с новым строительством, реконструкцией, техническим переоснащением зданий и сооружений, при отсутствии организаций, которым возможна передача защитных сооружений гражданской обороны в опера-

тивное управление, хозяйственное ведение, и потребности в них на данной территории для защиты населения, а также при фактическом отсутствии таких сооружений по учетному адресу, защитные сооружения гражданской обороны могут быть сняты с учета в соответствии с Правилами эксплуатации защитных сооружений гражданской обороны, утвержденными и введенными в действие приказом МЧС России от 15 декабря 2002 г. № 583

Исходя из изложенного, четкое определение принадлежности защитных сооружений гражданской обороны к федеральной, региональной или муниципальной собственности играет важную роль в системе обеспечения гражданской обороны населения нашего государства.

Библиография

1. Беда, Н.В. Организационно-правовые проблемы организации и проведения мероприятий в области гражданской обороны в образовательных учреждениях / Н.В. Беда // Гражданская оборона на страже мира и безопасности : Материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной Всемирному дню гражданской обороны : в 3-х частях. Сост.: М.В. Алешков, А.Г. Заворотный, Ю.А. Апарина [и др.]. — 2020. — С. 139—142.
2. Заворотный, А.Г. Основы гражданской защиты : учебник. В двух частях / А.Г. Заворотный, А.Н. Калайдов, А.Н. Неровных, В.П. Подставков, — М., 2021. Часть 1. Основы гражданской обороны.
3. Корякин, В.М. Вопросы участия Минобороны России в обеспечении транспортной безопасности / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 6 (263). — С. 24—32.
4. Харитонов, С.С. К основам правового регулирования обеспечения экологической безопасности Вооруженных сил России / С.С. Харитонов // Военно-юридический журнал. — 2019. — № 10. — С. 11—13.
5. Milovanovic, A. The role of national research institutes of occupational health of Serbia and Russia in fighting COVID-19 / A. Milovanovic, I. Kholikov // Сборник научных трудов по результатам II Международного научного форума. — М.: ЮИ РУТ (МИИТ), 2021. — С. 47—52.

Правовые аспекты отстранения лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации от работы в связи с отказом от прохождения вакцинации от коронавирусной инфекции COVID-19

© **Мартиросян Владислав Сергеевич**,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой трудового права, гражданско-го и арбитражного процесса Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье, рассматриваются правовые аспекты, отстранения лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации от работы, в связи с отказом от прохождения вакцинации от коронавирусной инфекции COVID-19. На основе анализа нормативных правовых актов в сфере иммунопрофилактики инфекционных болезней, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, ведомственных актов Министерства обороны Российской Федерации делается вывод о дифференцированном подходе к отстранению от работы лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации.

Ключевые слова: отстранения от работы без сохранения заработной платы, отказ от вакцинации, гражданский персонал Вооруженных Сил Российской Федерации, медицинские противопоказания к вакцинации против COVID-19, вакцинация личного состава, федеральные государственные служащие, ограничительные и карантинные меры.

Legal aspects, dismissal of civilian personnel of the Armed Forces of the Russian Federation from work, in connection with the refusal to undergo vaccination against coronavirus infection COVID-19

© **Martirosyan V.S.**,
Head of the Department of Labor Law, Civil and Arbitration Procedure of the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor

Annotation. The article discusses the legal aspects of the removal of civilian personnel of the Armed Forces of the Russian Federation from work, in connection with the refusal to undergo vaccination against the coronavirus infection COVID-19. Based on the analysis of regulatory legal acts in the field of immunoprophylaxis of infectious diseases, sanitary and epidemiological welfare of the population, departmental acts of the Ministry of Defense of the Russian Federation, a conclusion is made about a differentiated approach to the dismissal of civilian personnel of the Armed Forces of the Russian Federation.

Keywords: suspension from work without pay, refusal to vaccinate, civilian personnel of the Armed Forces of the Russian Federation, medical contraindications for vaccination against COVID-19, vaccination of personnel, federal civil servants, restrictive and quarantine measures.

Рост российской экономики по оценкам Росстата на фоне пандемии коронавируса снизился в 2020 г. на 3,1 %. Объем внутреннего валового продукта в 2020 г. в

номинальном выражении составил 106,6 трлн руб.

Динамика ВВП в указанный период складывалась в результате падения потребительского внутреннего спроса на 5 % в

годовом показателе и увеличением экспорта услуг и товаров. В то же время импорт сократился на 13,7 % по сравнению с экспортом, который уменьшился на 5,1 %.

Пандемийный кризис и карантинные меры сократили добавленную стоимость в отраслях экономики, напрямую связанных с обслуживанием населения: рестораны и гостиницы (минус 24,1 %), культура и спорт (минус 11,4 %), транспортные предприятия (минус 10,3 %), прочие услуги населению (минус 6,8 %)¹.

На этом фоне покупательная способность населения сократилась особенно в сфере услуг.

С началом введения карантинных ограничений многие работодатели воспользовались правовой нормой, содержащейся в абз. 8 ч. 1 ст. 76 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ), которая предусматривает отстранение от работы не только в случаях, предусмотренных в ТК РФ, но и в других федеральных законах и иных нормативных правовых актах.

Из ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» следует, что отсутствие прививки, в том числе от коронавирусной инфекции, влечет отказ в принятии на работу либо отстранение работника от трудовой деятельности, связанной с большим риском заболевания инфекционными болезнями.

В случае возникновения угрозы массового заражения инфекцией коронавируса главные государственные санитарные врачи и их заместители в субъектах Российской Федерации могут согласно подп. 6 п. 1 ст. 51 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» принимать постановления о проведении прививок в целях профилактики заболевания граждан по эпидемиологическим показаниям. Из п. 2 ст. 11 указанного закона следует, что любые профилактические прививки проводятся добровольно.

Согласно ст. 1 указанного закона коронавирус (COVID-19) — это тяжелое инфекционное заболевание человека с высоким уровнем летальности и инвалидности, с активным распространением среди населения (эпидемия).

Также в упомянутой статье закона приведено понятие ограничительных и карантинных мер: это особый режим медицинских, санитарных, ветеринарных, административных мер, которые нацелены на не распространения инфекции, предусматривающий специальный режим экономической деятельности государства, связанный с ограниченным передвижением грузов, товаров, транспорта, животных, населения внутри страны и за ее пределами.

Согласно приказу Минздрава России от 21 марта 2014 г. № 125н «Об утверждении национального календаря профилактических прививок и календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям» прививка от коронавируса внесена в обязательный перечень прививок национального календаря профилактических прививок. В порядке реализации данного приказа в июле 2021 г. Роструд издал письмо, в котором обосновал необходимость отстранения работника от работы, если он в отсутствие медицинского отвода от прививки откажется ее делать². В частности, в нем указано, что отказавшегося от прививки работника организация вправе отстранить от работы без сохранения заработной платы. Данное правило, по мнению Роструда, должно распространяться, в том числе, и на работников, работающих удаленно (дистанционно).

В письме Роструда предусмотрена процедура отстранения работника от работы. Если работник без уважительной причины отказывается от вакцинации работодателю необходимо издать приказ об отстранения работника от работы без сохранения ему заработной платы. Форма приказа в данном случае может быть разрабо-

¹ Подробнее на РБК: <https://www.rbc.ru/economics/01/02/2021/6017e1819a7947cb98f23f95>.

² Письмо Федеральной службы по труду и занятости от 13 июля 2021 г. № 1811-ТЗ.

тана работодателем самостоятельно. В приказе необходимо указать фамилию, имя, отчество, должность работника, срок и основания, по которым он отстраняется от работы. При этом до принятия приказа необходимо получить от работника письменный отказ от вакцинации. С приказом об отстранении от работы работника подлежит ознакомить под подпись. Дата, сроки, период отстранения от работы зависит от решения Главного государственного санитарного врача субъекта Российской Федерации. Работники, работающие удаленно, также подлежат обязательной вакцинации, если у них нет противопоказаний к прививке. Перевод работника на дистанционную работу не является альтернативой отстранению.

Как указано в данном письме, оно не является правовым актом, следовательно, носит рекомендательный характер.

В Вооруженных Силах Российской Федерации по вопросу вакцинации от коронавирусной инфекции действует постановление Главного государственного санитарного врача Минобороны России от 18 июня 2021 г. № 129.

Согласно п. 1 данного постановления, вакцинации подлежат следующие категории граждан:

1) все категории военнослужащих, проходящие военную службу по призыву и контракту, а также лица, призванные на военную службу (военные сборы), не завершившие вакцинацию до призыва;

2) работники, осуществляющие свою трудовую деятельность в организациях и у индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность на объектах Минобороны России, в том числе работники подрядных и аутсорсинговых компаний, в сфере общественного питания и военной торговли; бытового и коммунального обслуживания; обеспечения транспортного; фельдъегерско-почтовой связи; образования, санаторно-курортного обеспечения и военного здравоохранения; выставочных, просветительских мероприятий; патриотического воспитания молодежи (детей), культурно-досугового

обслуживания и духовного воспитания; физкультурно-оздоровительных комплексов;

3) федеральные государственные гражданские служащие и гражданский персонал органов военного управления Минобороны России, подведомственные им воинские части и организации.

Вакцинация не распространяется на лиц, имеющих медицинские противопоказания к вакцинации против COVID-19.

В Вооруженных Силах Российской Федерации действуют подготовленные авторским коллективом Главного военно-медицинского управления Министерства обороны Российской Федерации, утвержденные заместителем Министра обороны Российской Федерации Т.В. Ивановым методические рекомендации от 8 октября 2021 г. «стандарт диагноста и лечения от новой коронавирусной инфекции (COVID-19) у военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации».

Необходимо отметить, что указанные методические рекомендации, действуют исключительно в отношении военнослужащих и не распространяются на лиц гражданского персонала что, по нашему мнению, ущемляет права лиц гражданского персонала, как неотъемлемой части личного состава армии и флота.

Также вызывает определенный интерес складывающаяся судебная практика в области отстранения от трудовой деятельности работников, отказавшихся проходить вакцинацию от коронавирусной инфекции.

Так, гражданка Ю.Ю. Бактимирова обратилась в Магаданский городской суд с иском к областному государственному автономному учреждению культуры «Магаданская областная универсальная научная библиотека имени А.С. Пушкина» (далее — ОГАУК «МОУНБ им. А.С. Пушкина») о признании приказа об отстранении от работы незаконным, взыскании оплаты вынужденного прогула, компенсации морального вреда.

Основанием для принятия приказа об отстранении от работы, послужил отказ

работника о прохождении вакцинации от коронавирусной инфекции. Ю.Ю. Бакмирова пыталась получить медицинский отвод от прививки, однако имеющиеся у нее заболевания не включены в перечень заболеваний, в связи с наличием которых противопоказана вакцинация против COVID-19.

В результате рассмотрения гражданского дела Магаданский городской суд встал на сторону работника и признал приказ об отстранении от работы незаконным, а также обязал выплатить заработную плату, которая ей была начислена, но не выплачена, а также компенсацию морального вреда за вынужденный прогул в размере 10 000 руб.¹

Н.А. Соколов обратился с иском в Пролетарский районный суд г. Тулы к АО «Щегловский вал» и просил признать незаконным его отстранение от работы приказом ответчика от ДД.ММ.ГГГГ и отменить приказ как не основанный на законе, обязать АО «Щегловский вал» допустить его к работе, взыскать с ответчика АО «Щегловский вал» в пользу истца неполученный заработок с ДД.ММ.ГГГГ по день допуска к работе, исходя из величины среднемесячного заработка, компенсацию за задержку выплаты заработной платы, компенсацию морального вреда в размере двух среднемесячных заработков.

Будучи ознакомленным с приказом о необходимости 100 % вакцинации работников компании, в судебном заседании Н.А. Соколов пояснил, что решение об отказе от вакцинации было принято им по личным причинам.

Дистанционно также Н.А. Соколов не мог выполнять трудовую деятельность, поскольку предприятие занимается производством продукции.

Суд посчитал, что отстранение от выполнения трудовых обязанностей работников, не прошедших вакцинацию от новой коронавирусной инфекции (COVID-19), в условиях пандемии необходимо для

защиты здоровья, а зачастую, и жизни каждого члена трудового коллектива и не может расцениваться как нарушение конституционных и трудовых прав истца. Оно соотносится с характером и степенью общественной опасности новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и является разумным сдерживающим средством временного и защитного характера, необходимым для снижения риска инфицирования, обеспечения коллективного иммунитета.

Поскольку работник АО «Щегловский вал» Н.А. Соколов добровольно отказался от обязательной профилактической прививки против новой коронавирусной инфекции (COVID-19) без уважительной причины, работодатель АО «Щегловский вал» ДД.ММ.ГГГГ издал оспариваемый приказ об его отстранении от работы правомерно².

Р.А. Акимов обратился с иском в Заднепровский районный суд города Смоленска к АО «Объединенная вагоноремонтная компания» о признании незаконным приказа от ДД.ММ.ГГГГ в части отстранения истца от работы, возложении на ответчика обязанности по допуску Акимова к работе в качестве слесаря по ремонту оборудования тепловых сетей 5 разряда в обособленном подразделении г. Смоленск, взыскании среднего заработка за время вынужденного прогула, начиная с ДД.ММ.ГГГГ по день восстановления на работе, компенсации морального вреда в размере 50 000 руб. Также просил возместить расходы на оплату услуг представителя в размере 2 500 руб.

В отношении работодателей установлена обязанность при отсутствии профилактических прививок отказать в приеме на работу или отстранить от работы по правилам ст. 76 ТК РФ (абз. 4 п. 2 ст. 5 Федерального закона от 17 сентября 1998 года № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней») тех работников, для которых

¹ Решение Магаданского суда Магаданской области. Гражданское дело № 2-2731/2021 от 29 октября 2021 г.

² Решение Пролетарского районного суда г. Тулы. Гражданское дело № 2-1928/2021 от 29 сентября 2021 г.

вакцинация является обязательной в силу постановления Правительства Российской Федерации от 15 июля 1999 г. № 825¹. Данный перечень включает двенадцать пунктов, среди которых работы в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, а также работы, выполнение которых связано с риском заболевания инфекционными болезнями. В период распространения новой коронавирусной инфекции дополнений в данный перечень в установленном порядке не внесено. Работа по ремонту тепловых сетей в котельной к такому перечню не относится. На этом основании суд города Смоленска встал на сторону работника и отменил незаконный приказ об отстранении от работы Р.А.Акимова

Как видно из анализа судебной практики, суды выносят неоднозначные решения, принимают решения исходя из конкретных обстоятельств дела, принимают сторону как работника, так и работодателя.

Ст. 142 ТК РФ предусматривает ответственность работодателя за задержку в случае невыплаты заработной платы и иных положенных работнику сумм более чем на 15 дней. В рамках данной ответственности работодателя у работника существует следующая гарантия: в случае задержки сумм, указанных в ст. 142 ТК РФ, работник имеет право после письменного уведомления работодателя, приостановить работу до момента выплаты причитающихся сумм.

Однако данная гарантия, согласно указанной статье, не распространяется на работников, осуществляющих трудовую деятельность в органах и организациях Вооруженных Сил Российской Федерации и приравненных к ним категорий граждан, государственных служащих.

Аналогичные запреты содержатся в ст. 413 ТК РФ, которая не допускает проведение забастовок в органах и организациях Вооруженных Сил Российской Федерации и в других приравненных к ним структурах.

Указанные запреты подчеркивают значимость для государства Вооруженных Сил и их состояние постоянной боеготовности. В контексте данного вывода автору представляется логичным применение по аналогии указанных принципов и в вопросе отстранения от работы лиц гражданского Вооруженных Сил Российской Федерации.

С одной стороны, отстранения от работы лиц гражданского персонала, не прошедших вакцинацию (ревакцинацию), будут способствовать не распространению коронавирусной инфекции среди личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации, с другой стороны отстранение (массовое отстранение) лиц гражданского персонала будет подрывать боеготовность отдельного структурного подразделения, армии и флота в целом.

Таким образом, в результате исследования автор приходит к следующему выводу, что тема отстранения от работы лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, не прошедших вакцинации (ревакцинации) от коронавирусной инфекции, в полной мере не изучена и требует дальнейшего осмысления.

Правовые нормы, предусмотренные в ст. 76 ТК РФ, в Вооруженных Силах Российской Федерации требуют дифференцированного подхода и не должны применяться в воинских частях постоянной боевой готовности. Указанные в ст. 76 ТК РФ правовые нормы в случае необходимости и наличия оснований, подлежат применению во вспомогательных частях и организациях, в военно-учебных заведениях, в компаниях, обслуживающих объекты Минобороны России (подрядные и аутсорсинговые компании, предприятия общественного питания и военной торговли) и т.д.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 15 июля 1999 г. № 825 «Об утверждении перечня работ, выполнение которых связано с высоким риском заболевания инфекционными болезнями и требует обязательного проведения профилактических прививок».

**Конституционный Суд Российской Федерации
защитил права работников, утративших возможность
выполнять свои трудовые функции в связи с их
передачей на исполнение третьему лицу по договору
аутсорсинга**

© Сандырева Елена Вячеславовна,
аспирант Российского университета транспорта

Аннотация. Статья представляет собой комментарий к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 20 января 2022 г. № 3-П, которым была проверена конституционность ст. 74 и п. 7 ч. 1 ст. 77 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ). Смысл спорной ситуации заключался в том, что заявитель был уволен с работы по инициативе работодателя в связи с существенными изменениями условий труда, вызванными передачей выполняемой им работы на исполнение сторонней организации по договору аутсорсинга. В связи с отказом работника перейти на другую работу, в том числе связанную с переездом в другую местность, он был уволен в связи с изменением условий труда, а не в связи с сокращением численности или штата работников, на чем он настаивал. Конституционный Суд, рассмотрев материалы дела, признал оспариваемые нормы ТК РФ не противоречащими Конституции Российской Федерации, однако встал на защиту трудовых прав работника, поскольку он должен был быть уволен именно по сокращению штатов, и обязал суды общей юрисдикции пересмотреть данное дело с учетом выявленного конституционно-правового смысла.

Ключевые слова: трудовой договор; расторжение трудового договора; аутсорсинг; условия труда.

**The Constitutional Court of the Russian Federation has defended
the rights of employees who have lost the ability to perform their la-
bor functions in connection with their transfer to a third party un-
der an outsourcing contract**

© Sandyreva E.V.,
postgraduate student of the Russian University of
Transport

Annotation. The article is a commentary on the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 3-P dated January 20, 2022, which verified the constitutionality of Article 74 and paragraph 7 of Part 1 of Article 77 of the Labor Code of the Russian Federation (Labor Code of the Russian Federation). The meaning of the disputed situation was that the applicant was dismissed from work at the initiative of the employer due to significant changes in working conditions caused by the transfer of the work performed by him to a third-party organization under an outsourcing contract. Due to the refusal of the employee to switch to another job, including those related to moving to another locality, he was dismissed due to a change in working conditions, and not due to a reduction in the number or staff of employees, which he insisted on. The Constitutional Court, having considered the case materials, recognized the contested norms of the Labor Code of the Russian Federation as not contradicting the Constitution of the Russian Federation, but defended the labor rights of the employee, since he had to be dismissed precisely because of staff reduction, and obliged the courts of general jurisdiction to review this case taking into account the revealed constitutional and legal meaning.

Keywords: employment contract; termination of employment contract; outsourcing; working conditions.

В последние годы получила широкое распространение практика передачи работодателями на основании гражданско-правовых договоров отдельных (как правило, непрофильных для данного работодателя) видов работ (бухгалтерские, юридические, маркетинговые, клининговые, IT-разработки и др.) на выполнение третьим лицам, которые специализируются на осуществлении соответствующей деятельности. Такая форма организации хозяйственной деятельности имеет место и в военных организациях, где на аутсорсинг передаются услуги по организации питания военнослужащих, содержание и уборка помещений и территории воинских частей, сбор и вывоз бытовых отходов, стирка белья и др. Эта тема получила определенное освещение на страницах военно-правовых изданий¹.

Немного предыстории. В начале 80-х гг. появляется новое понятие «аутсорсинг», что в переводе с английского языка означает использование внешнего источника и/или ресурса. Понятие аутсорсинга стало употребляться на Западе только в начале 80-х гг. прошлого столетия, хотя сама идея аутсорсинга как метода производственной кооперации и высокой технологии управления в промышленности зародилась еще в середине XIX в. относятся к периоду «великого противостояния» двух великих менеджеров — Генри Форда (1863—1947) и Альфреда Слоуна-мл. (1875—1966) и возглавляемых ими гигантов автомобильной промышленности — компаний Ford и General Motors².

В настоящее время договор аутсорсинга получил довольно широкое применение. Однако легального определения данного термина в

законодательстве не имеется. Заметим, что отечественные и зарубежные экономисты так же, как и юристы, не пришли к единому и общепринятому подходу в толковании этого понятия³. На практике это нередко выливается в конфликты, в судебные споры, о чем нам уже приходилось писать⁴.

Возникают и трудовые споры, ведь передаваемые на исполнение третьему лицу функции выполнялись штатными работниками организации. Что с ними делать: предлагать другую работу? Или увольнять?

Именно такая ситуация произошла с гражданином А.А. Пешковым, который работал в филиале ФКУ «Центр по обеспечению деятельности Казначейства России» по Мурманской области в качестве рабочего по комплексному обслуживанию и ремонту зданий на основании трудового договора, заключенного 30 октября 2015 г. В связи с передачей третьему лицу (индивидуальному предпринимателю) на основании государственного контракта ранее выполняемых работодателем А.А. Пешкова функций по организации и обеспечению оказания услуг по эксплуатационно-техническому обслуживанию зданий (помещений) Управления Федерального казначейства по Мурманской области заявителю было вручено уведомление об изменении условий заключенного с ним трудового договора, а именно условия о месте его работы. В качестве нового места работы А.А. Пешкову на выбор были предложены два места работы. При этом изменения трудовой функции заявителя не предполагалось.

Поскольку с таким изменением условий трудового договора А.А. Пешков не согласился, а от предложенных ему иных

¹ Каменная Н.А., Корякин В.М. Аутсорсинг по военному: некоторые вопросы ответственности сторон контракта на оказание услуг, выполнение работ // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2010. № 10. С. 84—88; Сурков А.Н. Правовые особенности «аутсорсинга» в Вооруженных Силах Российской Федерации // Военное право. 2012. № 4. С. 138—151.

² Сандырева Е.В., Доронина Л.А. Аутсорсинг и аутстаффинг в деятельности кадровой службы // Кадровик. 2020. № 5. С. 116—125.

³ Сандырева Е.В. Некоторые подходы к классификации разновидностей аутсорсинга как способа организации предпринимательской деятельности // Вестник Юридического института МИИТ. 2021. № 3 (35). С. 17—25.

⁴ Корякин В.М., Сандырева Е.В. Некоторые выводы из арбитражно-судебной практики по делам, связанным с участием военных организаций в аутсорсинговых отношениях // Военное право. 2022. № 1. С. 173—184.

вакантных должностей отказался, он был уволен с работы по основанию, предусмотренному п. 7 ч. 1 ст. 77 ТК РФ (отказ от продолжения работы в связи с изменением определенных сторонами условий трудового договора).

Заявитель обратился в суд с требованием об изменении формулировки основания увольнения на п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (сокращение численности или штата работников организации) и компенсации морального вреда. Решением Оленегорского городского суда Мурманской области от 13 августа 2020 г., оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Мурманского областного суда от 5 ноября 2020 г., в удовлетворении исковых требований заявителя было отказано. Определением судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 31 марта 2021 г. названные судебные акты оставлены без изменения. В передаче кассационной жалобы А.А. Пешкова для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отказано определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2021 г., оснований не согласиться с которым не усмотрел и заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации, о чем заявитель был уведомлен письмом от 22 июля 2021 г.

Учитывая указанные судебные акты, А.А. Пешков обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с просьбой проверить конституционность примененных в его деле норм трудового законодательства, поскольку они, по его мнению, нарушают его трудовые права.

Конституционный Суд, рассмотрев материалы дела, отметил, что если выполнение передаваемых третьему лицу работ ранее производилось лицами, состоящими в трудовых отношениях с данным работодателем (одним или несколькими его работниками), то заключение им гражданско-правового договора (государственного контракта) об их выполнении с третьим лицом предполагает фактическое изъятие

их из сферы его самостоятельного хозяйствования и как следствие — исключение их из находящейся под управлением и контролем работодателя сферы применения наемного труда, что, в свою очередь, влечет за собой исчезновение у него потребности в дальнейшем использовании труда указанных работников в рамках тех трудовых функций, которые были возложены на них в силу заключенных с ними трудовых договоров. Одновременно это означает и действительную утрату работодателем возможности предоставить каждому из таких работников работу в соответствии с трудовым договором — в том же месте и по той же должности, профессии, специальности или квалификации (работу конкретного вида).

Иными словами, заключение работодателем договора аутсорсинга по общему правилу исключает и продолжение работником, обеспечивавшим выполнение передаваемых третьему лицу видов работ, своей прежней работы, поскольку его трудовая функция, определенная трудовым договором, объективно не может быть сохранена.

Это актуально и в той ситуации, когда на выполнение третьему лицу работодателем передаются отдельные виды работ, осуществляемые расположенным вне места его нахождения обособленным структурным подразделением, в то время как деятельность самого обособленного структурного подразделения при этом не прекращается. Однако даже если в таком случае должность работника данного подразделения, обеспечивавшего выполнение передаваемых третьему лицу видов работ, формально и сохраняется в штатном расписании работодателя, он все равно фактически утрачивает возможность обеспечить реальную занятость этого работника в указанном подразделении посредством предоставления ему работы по трудовой функции, предусмотренной заключенным с ним трудовым договором.

Вместе с тем передача работодателем отдельных видов работ на выполнение третьему лицу по договору аутсорсинга, объективно препятствующая продолже-

нию своей прежней работы ранее обеспечивающими их выполнение работниками, не может сама по себе служить достаточным основанием для признания возникновения у данного работодателя эффекта изменения организационных или технологических условий труда, вызвавших необходимость изменения работодателем условий трудовых договоров с этими работниками в порядке, предусмотренном ст. 74 ТК РФ: исходя из буквального смысла ее части первой такого рода изменение организационных или технологических условий труда предполагает сохранение в сфере самостоятельного хозяйствования данного работодателя тех видов работ, которые и составляют содержание трудовых функций выполняющих их работников, определенных заключенными с ними трудовыми договорами.

Таким образом, в силу передачи конкретных видов работ из сферы самостоятельного хозяйствования работодателя в сферу хозяйствования других лиц у данного работодателя исчезает возможность изменения организационных или технологических условий труда, сопутствующих выполнению соответствующих работ, ввиду отсутствия самих этих работ.

В то же время в такой ситуации работодатель может предложить работнику другую имеющуюся у него работу, которая хотя и соответствует трудовой функции, предусмотренной заключенным с ним трудовым договором, но вместе с тем предполагает иное место ее фактического выполнения, а именно иное обособленное структурное подразделение, расположенное в другой местности (как это имело место в деле заявителя). Очевидно, что для работника, нередко заинтересованного в сохранении конкретного, привычного для него места работы и стабильной занятости, подобное предложение может быть сопряжено, по меньшей мере, с дополнительными организационными трудностями и финансовыми расходами, вызванными не только изменением транспортной доступности новой работы, но и необходимостью смены места жительства самого работника и членов его семьи, поиска жилья и учре-

ждений дошкольного и общего образования для его детей по новому месту жительства и т.д.

В связи с этим законодатель и отнес изменение места работы (включая обособленное структурное подразделение, предусмотренное трудовым договором) к переводам на другую работу, которые допускаются только с согласия работника (ч. 2 ст. 57, ст. 72 и ч. 1 ст. 72.1 ТК РФ), тем самым установив специальную гарантию, направленную на защиту интересов работника как экономически более слабой стороны в трудовом правоотношении.

В рассматриваемой же ситуации отсутствие такого согласия — с учетом обстоятельств, объективно препятствующих сохранению прежних условий заключенного с работником трудового договора, — влечет за собой невозможность продолжения трудовых отношений с ним и расторжение трудового договора. Увольнение гражданина А.А. Пешкова связано не с изменением условий трудового договора, а с объективной невозможностью выполнения той трудовой функции, которая была обусловлена трудовым договором. Таким образом, в рассматриваемой ситуации работник оказывается в одинаковом положении с работником, должность которого подлежит сокращению, т.к. утрачивается возможность продолжения работы по причинам, связанным с изменениями в структуре организации, которые исключают дальнейшее выполнение этими работниками прежней работы по причине ее отсутствия. В связи с этим заявитель имеет право на увольнение с работы именно в связи с сокращением должности.

С учетом изложенного, Конституционный Суд пришел к выводу, что взаимосвязанные положения ч. 1—4 ст. 74 и п. 7 ч. 1 ст. 77 ТК РФ не могут рассматриваться как не согласующиеся с конституционными предписаниями, поскольку — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования — они не предполагают изменения работодателем в одностороннем порядке определенного сторонами условия трудового договора о месте работы работника

(перевода работника без его согласия в иное обособленное структурное подразделение, расположенное в другой местности) в связи с заключением работодателем с третьим лицом гражданско-правового договора, исключающего возможность выполнения работником своей прежней работы в том же обособленном структурном подразделении, а также не предполагают увольнения такого работника в случае его отказа от продолжения работы в другой местности по основанию, предусмотренному п. 7 ч. 1 ст. 77 ТК РФ.

Высший орган конституционного контроля в Постановлении от 20 января 2022 г. № 3-П констатировал, что выявленный им конституционно-правовой смысл рассмотренных положений ТК РФ является общеобязательным, что исключает любое иное истолкование данных законоположений в правоприменительной практике, судебные акты, вынесенные по делу гражданина А.А. Пешкова в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в указанном Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о назревшей необходимости совершенствования правового регулирования аутсорсинговых отношений как с точки зрения гражданского, так и трудового права. Нужно внести изменения

в законодательство и описать процедуру перевода организации на аутсорсинг, создать все условия для защиты трудовых прав работников.

В полной мере данные предложения распространяются и на вооруженные организации Минобороны России, где аутсорсинг приобрел довольно широкое распространение

Библиография

1. Каменная, Н.А. Аутсорсинг по-военному: некоторые вопросы ответственности сторон контракта на оказание услуг, выполнение работ / Н.А. Каменная, В.М. Корякин // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2010. — № 10. — С. 84—88.
2. Корякин, В.М. Некоторые выводы из арбитражно-судебной практики по делам, связанным с участием военных организаций в аутсорсинговых отношениях / В.М. Корякин, Е.В. Сандырева // *Военное право*. — 2022. — № 1. — С. 173—184.
3. Сандырева, Е.В. Аутсорсинг и аутстаффинг в деятельности кадровой службы / Е.В. Сандырева, Л.А. Доронина // *Кадровик*. — 2020. — № 5. — С. 116—125.
4. Сандырева, Е.В. Некоторые подходы к классификации разновидностей аутсорсинга как способа организации предпринимательской деятельности / Е.В. Сандырева // *Вестник Юридического института МИИТ*. — 2021. — № 3 (35). — С. 17—25.
5. Сурков, А.Н. Правовые особенности «аутсорсинга» в Вооруженных Силах Российской Федерации / А.Н. Сурков // *Военное право*. — 2012. — № 4. — С. 138—151.

Военная служба. Социальные гарантии и статус военнослужащих

Перспективы совершенствования правовой регламентации врачебно-летней экспертизы в государственной авиации

© Холиков Иван Владимирович,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела международного права, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

© Вовкодав Виктор Сергеевич,

кандидат медицинских наук, заместитель начальника Главного центра военно-врачебной экспертизы Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования медицинского обеспечения производства полетов государственной авиации и формирования системы отбора по состоянию здоровья специалистов авиационного персонала государственной авиации, подлежащих медицинскому освидетельствованию во врачебно-летних комиссиях. С учетом принятия 11 июня 2021 г. Федерального закона № 208-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации и статью 7 Федерального закона “О государственной корпорации по космической деятельности “Роскосмос”» обуславливается необходимость внесения конкретных изменений в Положение о военно-врачебной экспертизе.

Ключевые слова: государственная авиация, состояние здоровья, военно-врачебная экспертиза, врачебно-летняя комиссия, медицинское освидетельствование, авиационный персонал.

Prospects for improving the legal regulation of medical flight examination in state aviation

© Kholikov I.V.,

Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of International Law Section, Professor of the Chair of International and European Law at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

© Vovkodav V.S.,

Deputy Chief of Main Center of Military-Medical Expertise of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Candidate of Medical Sciences

Abstract. The article deals with the legal regulation issues of medical support of state aviation flights and formation of the system of medical selection of state aviation specialists who are subject to medical examination in medical-flight commissions. Taking into account the adoption of the Federal Law № 208-FZ on 11 June 2021 “On introduction of changes into the Flight Code of the Russian Federation and into article 7 of Federal Law “On state corporation on space activity “Roscosmos” the necessity to introduce particular changes to the Regulation on Military-Medical Expertise is stipulated.

Keywords: state aviation, health condition, military-medical expertise, medical-flight commission, medical examination, aviation personnel.

Правовая регламентация организации медицинского обеспечения производства полетов государственной авиации и формирования системы отбора по состоянию здоровья специалистов авиационного персонала государственной авиации, подлежащих медицинскому освидетельствованию во врачебно-летных комиссиях, в последние годы динамично развивается.

Так в 2011 г. был принят Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 323-ФЗ), который урегулировал правовые, организационные и экономические основы охраны здоровья граждан. Согласно ч. 1 ст. 61 указанного Федерального закона одной из целей военно-врачебной экспертизы (ВВЭ) является определение годности к военной службе (приравненной к ней службе), обучению (службе) по конкретным военно-учетным специальностям (специальностям в соответствии с занимаемой должностью). В 2013 г. постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565 было утверждено Положение о военно-врачебной экспертизе (далее — Положение о ВВЭ), которое устанавливает порядок проведения ВВЭ в федеральных органах исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба (приравненная к ней служба)¹.

Должности специалистов авиационного персонала государственной авиации, подлежащих медицинскому освидетельствованию во врачебно-летных комиссиях (ВЛК), относятся к военно-учетным специальностям летного состава авиации Вооруженных Сил Российской Федерации, ФСБ России, ФСО России, МЧС России, Росгвардии (специальностям граждан, проходящих приравненную к военной

службу (работающих) на должностях летного состава), и к летным специальностям специалистов авиационного персонала государственной авиации, подлежащих медицинскому освидетельствованию во врачебно-летных комиссиях организаций Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос», в связи с чем вопросы медицинского обследования и медицинского освидетельствования указанных граждан должны относиться к мероприятиям, проводимым в рамках военно-врачебной экспертизы.

В то же время, нормативное правовое регулирование вопросов отбора специалистов авиационного персонала, в том числе по состоянию здоровья, для осуществления деятельности в сфере государственной авиации и медицинского обеспечения производства полетов государственной авиации регулируются Воздушным кодексом Российской Федерации (ВК РФ), некоторые положения которого (в частности, ст. 25 и 52) до недавнего времени входили в противоречие со ст. 61 Федерального закона № 323-ФЗ, что отмечалось авторами ранее².

Данные коллизии были успешно устранены путем принятия 11 июня 2021 г. по инициативе Минобороны России Федерального закона № 208-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации и статью 7 Федерального закона «О государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» (далее — Федеральный закон № 208-ФЗ).

До принятия Федерального закона № 208-ФЗ федеральные органы исполнительной власти, имеющие в своем составе государственную авиацию, и Госкорпорация Роскосмос при проведении медицинского освидетельствования специалистов авиационного персонала государственной

¹ Дамаскин О.В., Холиков И.В. Проблемные вопросы правовой регламентации врачебно-летней экспертизы в России // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2018. № 3 (162). С. 10—13.

² См. подробнее: Холиков И.В., Вовкодав В.С. Законодательное обеспечение медицинского освидетельствования специалистов авиационного персонала государственной авиации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 7(264). С. 38—44.

авиации руководствовались Положением о медицинском освидетельствовании летного состава авиации Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденным приказом Министра обороны Российской Федерации от 9 октября 1999 г. № 455¹.

Федеральный закон № 208-ФЗ дополняет ст. 52 ВК РФ пунктом 3.3, определяющим, что требования к состоянию здоровья специалистов авиационного персонала, граждан из числа специалистов авиационного персонала, пребывающих в запасе Вооруженных Сил Российской Федерации, ФСБ России, граждан, поступающих на военную службу по контракту (поступающих на приравненную к военной службу, принимаемых на работу по трудовому договору) на должности специалистов авиационного персонала, граждан, поступающих в военные профессиональные образовательные организации и военные образовательные организации высшего образования, реализующие образовательные программы в области подготовки специалистов авиационного персонала и обучающихся в военно-учебных заведениях по подготовке специалистов авиационного персонала и порядок прохождения ими военно-врачебной экспертизы во врачебно-летных комиссиях устанавливаются в Положении о военно-врачебной экспертизе, утвержденном Правительством Российской Федерации. В этой связи необходимо внесение изменений в Положение о ВВЭ и издания соответствующего постановления Правительства Российской Федерации, проект которого разработан Главным военно-медицинским управлением Минобороны России.

Проектом постановления определен состав врачей-специалистов, в обязательном порядке включаемых в состав врачебно-летных комиссий, а также нагрузка на одного врача-специалиста врачебно-летней комиссии — не более 30 человек за рабочий день. Также перечислены задачи, возлагаемые на врачебно-летные комис-

сии, в том числе категории лиц, проходящих освидетельствование во врачебно-летных комиссиях и другие задачи, аналогичные, задачам, возлагаемым на военно-врачебные комиссии в соответствии с п. 3 Положения о ВВЭ, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565, применительно к деятельности врачебно-летних комиссий.

Установлен срок действия заключения ВЛК о годности к полетам (управлению полетами, управлению беспилотным воздушным судном, парашютным прыжкам, летному обучению) — 1 год (365 календарных дней) и порядок его отмены до истечения срока действия.

Проектом постановления предусматривается возможность осуществления взаимных расчетов между федеральными органами исполнительной власти в случаях освидетельствования военнослужащих и сотрудников федеральных органов исполнительной власти при проведении их освидетельствования военно-врачебными и врачебно-летными комиссиями военно-медицинских организаций, подведомственных другим федеральным органам исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба (приравненная служба).

Раздел «III. Обследование и освидетельствование граждан, поступающих на военную службу по контракту, на приравненную службу, и граждан, поступающих в мобилизационный людской резерв» Положения о ВВЭ дополнен пунктом 341, регламентирующим порядок освидетельствования лиц, поступающих на военную службу по контракту (приравненную службу) на должности специалистов авиационного персонала.

Проектом постановления предусмотрено внесение изменений в раздел «IV. Обследование и освидетельствование граждан, поступающих в военно-учебные и учебные заведения, граждан, изъявивших желание пройти и проходящих военную подготовку в военных учебных центрах при образовательных организациях, в во-

¹ Холиков И.В., Вовкодав В.С. Человеческий фактор безопасности полётов: военно-правовые аспекты // Военное право. 2017. № 6 (46). С. 177—179.

енно-учебных заведениях по программе военной подготовки сержантов, старшин запаса либо программе военной подготовки солдат, матросов запаса, а также граждан, прошедших военную подготовку в военных учебных центрах при образовательных организациях, в военно-учебных заведениях по программе военной подготовки сержантов, старшин запаса либо программе военной подготовки солдат, матросов запаса и завершающих обучение в образовательной организации» Положения о ВВЭ в части порядка проведения освидетельствования граждан, поступающих в военно-учебные заведения по подготовке специалистов авиационного персонала.

В проектируемом разделе «XII. Освидетельствование и освидетельствование специалистов авиационного персонала и граждан, обучающихся в военно-учебных заведениях по подготовке специалистов авиационного персонала, освидетельствуемых в целях определения годности к полетам, управлению полетами, управлению беспилотным воздушным судном, парашютным прыжкам, летному обучению» Положения определяется порядок медицинского обследования и освидетельствования специалистов авиационного персонала и граждан, обучающихся в военно-учебных заведениях по подготовке специалистов авиационного персонала.

В проектируемом разделе «XIII. Освидетельствование и освидетельствование лиц, принимаемых на работу по трудовому договору на должности специалистов авиационного персонала, в целях определения годности к полетам, управлению полетами, управлению беспилотным воздушным судном, парашютным прыжкам» Положения определяется порядок медицинского обследования и освидетельствования лиц, принимаемых на работу по трудовому договору на должности специалистов авиационного персонала.

Кроме того, Положение о ВВЭ дополнено приложением № 3 «Требования к состоянию здоровья специалистов авиационного персонала государственной авиации, граждан, поступающих на военную службу

по контракту (поступающих на приравненную к военной службу, принимаемых на работу по трудовому договору) на должности специалистов авиационного персонала государственной авиации, граждан, поступающих в военные профессиональные образовательные организации или военные образовательные организации высшего образования, реализующие образовательные программы в области подготовки специалистов авиационного персонала государственной авиации, или обучающихся в них, граждан, пребывающих в запасе Вооруженных Сил Российской Федерации и Федеральной службы безопасности Российской Федерации, учитываемых по военно-учетным специалистам авиационного персонала государственной авиации», включающим:

а) раздел I. Общие положения, определяющий категории лиц, при освидетельствовании которых в целях определения годности к полетам в зависимости от рода авиации и типа летательного аппарата, управлению полетами, управлению беспилотным воздушным судном, парашютным прыжкам, летному обучению, применяются требования к состоянию здоровья, содержащиеся в данном приложении к Положению;

б) раздел II. Расписание увечий, заболеваний, в котором перечислены увечья, заболевания, препятствующие полетам в зависимости от рода авиации и типа летательного аппарата, управлению полетами, управлению беспилотным воздушным судном, парашютным прыжкам, летному обучению. По сравнению с требованиями приказа Минобороны России № 455 новаторскими стали следующие положения данного раздела:

— смягчение требований к состоянию здоровья по графам IV—V, то есть в отношении выполняющих полеты на транспортных самолетах и вертолетах;

— исключение п. 50 Положения о медицинском освидетельствовании летного состава авиации Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного приказа

зом Министра обороны Российской Федерации от 9 октября 1999 г. № 455;

— снижение более чем в 3 раза заболеваний, предусматривающих индивидуальную оценку годности к полетам, управлению полетами, управления беспилотными воздушными судами, парашютным прыжкам;

— исключение освидетельствования врачебно-летней комиссией на годность к летной работе в районах Крайнего Севера, в местностях с неблагоприятными климатическими условиями, на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, в иностранных государствах с неблагоприятным жарким климатом;

— исключение освидетельствования врачебно-летней комиссией на годность к военной службе при признании негодным к летной работе;

— освидетельствование на годность к управлению беспилотным воздушным судном;

— освидетельствование граждан, принимаемых на работу по трудовому договору) на должности специалистов авиационного персонала, а не только военнослужащих.

Появление положений об управлении беспилотными воздушными судами в проекте обновленного Положения о ВВЭ, очевидно, во многом обязано циркуляру ИКАО № 328, который относит беспилотные летательные аппараты к воздушным судам, находящимся под юрисдикцией конкретного государства. Согласно поправке 2012 г. № 43, внесённой в Приложение 2 Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г., дистанционно пилотируемые авиационные системы должны сертифицироваться и обслуживаться в соответствии с национальным законодательством. Кроме того, обширная практика безответственного и противоправного применения беспилотных летательных аппаратов, заставляет законодателей обращать внимание на необходимость

более детальной правовой регламентации их использования¹.

Таким образом, предполагаемые изменения в Положение позволят повысить качество освидетельствования специалистов авиационного персонала, граждан, поступающих на военную службу по контракту (поступающих на приравненную к военной службу, принимаемых на работу) на должности специалистов авиационного персонала, граждан, поступающих в военно-учебные заведения по подготовке специалистов авиационного персонала и обучающиеся в военно-учебных заведениях по подготовке специалистов авиационного персонала, граждан, пребывающих в запасе Вооруженных Сил или ФСБ России, учитываемых по военно-учетным специальностям специалистов авиационного персонала. Представляется, что приведение Положения в соответствие с требованиями обновленного законодательства позволит поставить точку в затянувшейся процедуре гармонизации нормативно-правовой базы, регламентирующей вопросы авиационной безопасности при выполнении полетов государственной авиации

Библиография

1. Дамаскин, О.В. Проблемные вопросы правовой регламентации врачебно-летней экспертизы в России / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. — 2018. — № 3 (162). — С. 10—13.

2. Холиков, И.В. Законодательное обеспечение медицинского освидетельствования специалистов авиационного персонала государственной авиации / И.В. Холиков, В.С. Вовкодав // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 7(264). — С. 38—44.

3. Холиков, И.В. Человеческий фактор безопасности полётов: военно-правовые аспекты / И.В. Холиков, В.С. Вовкодав // Военное право. — 2017. — № 6 (46). — С. 177—179. 4. Холиков, И.В. Международно-правовая ответственность в контексте правовой регламентации военного использования беспилотных летательных аппаратов / И.В. Холиков, К.Л. Сазонова // Военное право. — 2017. — № 4(44). — С. 217—226.

¹ Холиков И.В., Сазонова К.Л. Международно-правовая ответственность в контексте правовой регламентации военного использования беспилотных летательных аппаратов // Военное право. 2017. № 4(44). С. 217—226.

Особые условия военной службы как основание для предоставления социальных гарантий военнослужащим

© Цуциев Сергей Александрович,
доктор медицинских наук, полковник
медицинской службы в отставке, старший
научный сотрудник, ФГБУ «Государственный
научно-исследовательский испытательный
институт военной медицины» Министерства
обороны Российской Федерации (ФГБУ
«ГНИИИ ВМ» МО РФ), г. Санкт-Петербург

Аннотация. В настоящее время действующим законодательством Российской Федерации предусмотрены социальные гарантии военнослужащим, проходящим службу в особых условиях на должностях, включенных в специальный перечень, введенный в действие установленным порядком. Тем не менее, есть основания для сомнений в объективности составления (актуализации) этого перечня, в частности, до сих пор нет определенности с понятийным аппаратом, не установлены точные критерии соответствия, отсутствуют достоверные методики идентификации особых условий военной службы, что позволяет трактовать эти условия в широком контексте. Пришло время разработать доступный, научно обоснованный механизм, позволяющий органам военного руководства на уровне воинской части (учреждения), то есть непосредственно в местах исполнения военнослужащими своих должностных обязанностей, оперативно управлять процессом оценки условий военной службы и принятия решения о ходатайстве назначения (отмене) социальных гарантий по каждой воинской должности (видам работ и пр.) для каждого военнослужащего персонально. Иначе с высокой степенью вероятности создаются предпосылки для ущемления прав военнослужащих на получение социальных гарантий, фактически исполняющих свой воинский долг в особых условиях.

Ключевые слова: военная служба, особые условия, социальные гарантии, льготы и компенсации, военнослужащие, воинская должность, критерии соответствия, опасности, профессиональные риски, вредные и опасные факторы военной службы.

Specific military service conditions as a rationale for realization of social guarantees for servicemen

© Tsutsiev S.A.,
Doctor of Medicine, Retired Medical service Colonel,
senior research officer of FSBI “State Scientific
Research and Test Institute of Military Medicine”,
Ministry for Defence of Russian Federation, Saint
Petersburg

Abstract. At the present time, the current legislation of the Russian Federation prescribes social guarantees for military personnel serving under specific conditions in positions included in a special List that came into force in the prescribed manner. Nevertheless, there are good reasons to doubt the objectivity of compiling (updating) this List, in particular, there is still no certainty in definitions; exact fitting criteria have not been established; there are no reliable methods for specific military service conditions' identification, resulting in their broadly defining. It is time to develop an accessible, evidence-based mechanism that allows military authorities at the military unit (institution) level, i.e. directly at the places where military personnel perform their duties, to quickly manage the military service conditions evaluation process and make decisions of requesting for the social guarantees' assigning (cancellation) on each military post (work types, etc.) for each serviceman personally. Otherwise, with high probability, there are prerequisites created for infringing the rights of receiving social guarantees by servicemen who actually perform their military duty in spe-

cific conditions.

Key words: military service, specific conditions, social guarantees, Compensation and Benefits, servicemen, military post, fitting criteria, dangers, occupational safety hazards, military service health and safety hazards

Военная служба в соответствии с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» — это *особый вид* федеральной государственной службы, суть которой сводится к исполнению военными служащими обязанностей либо по подготовке, либо непосредственно по вооруженной защите нашего Отечества. В связи с особым характером исполняемых обязанностей военным служащим предоставляются социальные гарантии.

Возникают закономерные вопросы, в частности: что именно отличает военную службу от других видов профессиональной деятельности, как это объективно оценить и какие, соответственно, социальные льготы и компенсации в этой связи установлены?

Все хорошо известно, что характерными особенностями ратного труда являются, во-первых, необходимость беспрекословного выполнения поставленных задач в любое время суток, равно как и время года, при любых обстоятельствах и пр.; во-вторых, выполнение должностных обязанностей не только в мирное, но и в военное время, а также в условиях чрезвычайного положения, при вооруженном конфликте, следовательно, с высокой вероятностью профессионального риска для собственной жизни.

Но это широко известные факты, дающие общее представление о тяготах и лишениях военной службы, которые испытывает каждый военный служащий. Помимо этого, каждой воинской должности (виду выполняемых работ) присущи свои характерные особенности боевой (трудовой) деятельности, которые могут оказывать неблагоприятное воздействие на организм военного служащего. Логично, что каждому военному служащему (призывнику) хотелось бы более предметно ознакомиться с характером и условиями прохождения военной службы на конкретной должности, воз-

можном риске повреждения здоровья и, соответственно, проводимых, в случае необходимости, предупреждающих (корректирующих) мероприятиях, в том числе, законодательно установленных социальных гарантиях в виде льгот и компенсаций.

Полученные в рамках настоящего исследования материалы позволяют утверждать: законодательно установленная для военных служащих, проходящих службу по контракту, социальная гарантия в виде ежемесячной денежной надбавки к основному окладу за особые условия военной службы не имеет должного научного обоснования, так как, в частности, отсутствует дефиниция этого понятия, не определены точные (объективные) критерии соответствия (отличительные признаки) особых условий, границы которых весьма условны, что создает предпосылку для применения этого термина в достаточно широком контексте, основываясь на личном опыте и визуальных (субъективных) методах исследования. Существующая процедура реализации названной социальной гарантии в значительной степени статична и не позволяет гибко, оперативно и адресно (применительно к конкретной должности в месте ее исполнения) управлять этим процессом, создавая предпосылки для невольного ущемления законных прав военных служащих, проходящих службу в особых условиях, на получение льгот и компенсаций.

Военная служба, как правило, протекает в неблагоприятных условиях для здоровья и жизни военных служащих, что предполагает разработку и реализацию, при наличии показаний, комплекса предупреждающих (корректирующих) мероприятий по минимизации опасностей и профессиональных рисков, а также, в случае низкой результативности названных действий, назначение им социальных гарантий в виде льгот и компенсаций. Приказ Министра

обороны Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 727¹ декларирует: военнослужащим, одновременно с установленными окладами денежного содержания полагаются, при наличии показаний, дополнительные выплаты, в частности, ежемесячная надбавка за особые условия военной службы.

Представляет безусловный интерес не столько величина ежемесячной надбавки (хотя это также важно), сколько содержание понятия «особые условия военной службы», его критерии соответствия (отличительные признаки) и условия реализации. Что означает: «особые условия»? Мы уже выяснили (см. выше), что военная служба — особый вид государственной службы. Логично предположить, что речь идет о еще более выраженной специфике ратного труда применительно к отдельным должностям, видам работ и пр. В приказе Министра обороны Российской Федерации № 727 определения этого термина не приведено. Попробуем обратиться к иным источникам.

В русском языке слово «*особый*» означает не похожий на других, не такой, как все; необычный, особенный². Кроме этого, как правило, обладателю (носителю) этого термина присваивается соответствующий статус: «быть на особом положении». Учитывая тот факт, что военная служба, как мы ранее выяснили, является особым видом трудовой деятельности, то воспользуемся аналогичным понятием «*особые условия труда*», под которым понимают условия работы, отличающиеся от обычных (нормальных) условий трудовой и производственной деятельности³. Несмотря на

то, что документ, установивший это понятие, утвержден сравнительно недавно (2015 г.), на наш взгляд, очевидно: действующее определение весьма расплывчатое, не имеет четких границ (критериев соответствия) как «обычных (нормальных)» условий трудовой и производственной деятельности, так и «особых».

Следует заметить: в целом, «нормальные» условия трудовой деятельности — понятие социальное и определяется системой культурных, религиозных, политических и пр. взглядов, доминирующих в обществе в тот или иной период времени с целью решения конкретной задачи на этом историческом промежутке времени. Спектр критериев «нормальности» условий труда достаточно разнообразен и нестабилен. Поэтому, на наш взгляд, в настоящее время такой подход является, в определенной степени, поверхностным: представляется весьма затруднительным юридически правомерно и научно обосновано отличить «особые условия труда» от «обычных» (нормальных). Тем не менее, разработчики стандарта⁴ предлагают рассматривать особые условия труда в двух позициях: с одной стороны, в формате безопасности труда, с другой — с точки зрения охраны труда.

Что касается безопасности труда, то *особые условия* — это условия труда, характеризующиеся отличием от условий обычной работы в обычной окружающей среде. В качестве наглядного примера приводятся условия труда «под водой». Полагаем, этот пример, несмотря на его наглядность, все же не совсем удачный, так как демонстрирует реализацию только половины приведенных в определении критериев, а именно, «обычная окружающая среда», причем, это сделано в формате «от противного». Следуя приведенной здесь логике, обычная окружающая среда — это равнинная (или близкие к ней, например, на поверхности водоемов, водо-

¹ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 727 «Об определении Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и предоставления им и членам их семей отдельных выплат».

² Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой; 4-е изд. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

³ Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 19 октября 2015 г.

№ 1570-ст «ГОСТ 12.0.002-2014. Межгосударственный стандарт. ССБТ. Термины и определения».

⁴ Там же.

токов, холмов, сопок и др.) поверхность Земли, а к особым условиям можно отнести следующие виды окружающей среды: «под водой», «под землей», «в воздухе», «в горах», «удаленные местности» и пр. Что касается другой половины критериев — «условия обычной работы», то никаких разъяснений далее по тексту не приводится. По всей видимости, это «допустимые условия труда» (отсутствие вредных и (или) опасных факторов трудового процесса) и отсутствие недопустимых профессиональных рисков. Все, что не соответствует этим критериям — это разновидность «особых условий труда». Очевидно, диапазон вариантов этого состояния условий труда достаточно широк и возможности для «маневра» велики, но, на наш взгляд, они будут преимущественно субъективными.

С позиции охраны труда и трудовых отношений *особые условия* — это любые работы, отличающиеся от обычных (наиболее распространенных) работ наемного труда по любому признаку¹. В предложенном подходе отличительные критерии «особых условий» еще более неопределенные, чем в предыдущей позиции (безопасный труд), что позволяет рассматривать его в очень широком контексте.

Таким образом, ГОСТ 12.0.002–2014 не дает ясного (юридически точного) представления о понятии «особые условия труда», используя, с одной стороны, термины, не имеющие определения, а с другой — весьма неопределенные отличительные критерии, позволяющие рассматривать особые условия в очень широком формате с нечеткими (размытыми) границами, преимущественно субъективного свойства. Очевидно, что руководствоваться только этой дефиницией при проведении оценки условий труда на предмет установления статуса «особые» не представляется возможным, так как доказательная база, за редким исключением, будет неубедительной. Ясно одно: в формат «особых условий труда» входит все, что

чем-либо отличается обычного (нормального) труда, протекающего в обычной окружающей среде.

Следующий источник — Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ). Здесь фигурирует термин «особые», причем, в связи с тремя разными ситуациями: оплатой труда; использованием средств индивидуальной защиты и направлением на работу в представительства Российской Федерации за границей.

Что касается оплаты труда, то в ст. 129 ТК РФ в определении понятия «заработная плата (оплата труда работника)» применен термин «особые климатические условия», официального определения которому, равно как и «особым условиям труда» в этом документе не приводится, что порождает много вопросов к разработчикам этого документа. В связи с применением средств индивидуальной защиты, в ст. 212 и ст. 221 ТК РФ приводится понятие «особые температурные условия», определения которому в этом кодексе мы также не найдем. По всей видимости, особые климатические и особые температурные условия — это попытка компенсировать неблагоприятное воздействие часто встречающегося комплекса физических факторов как на открытых площадках, так и внутри помещений. И последнее. В ст. 340 ТК РФ в связи с направлением на работу в представительства Российской Федерации за границей, фигурирует понятие «климатические и иные особые условия в стране пребывания». Какие именно особые условия имеются в виду, разработчики закона не разъясняют.

ТК РФ к особым условиям труда, оплачиваемым в повышенном размере, относит:

— работы с вредными и (или) опасными условиями труда (ст. 147);

— работы в местностях с особыми климатическими условиями (ст. 148).

Таким образом, ТК РФ также не дает отчетливого представления об «особых условиях труда», причисляя к этому состоянию и «особые климатические условия», и «особые температурные условия», и

¹ Там же.

«иные особые условия в стране пребывания», и вредные и (или) опасные условия труда. Кроме того, в ТК РФ применяется терминология, не имеющая определения, а также разный понятийный аппарат для обозначения одних и тех же событий, что создает трудности прикладного характера. Отсутствие точных критериев оценки «особых условий труда» позволяет применять это понятие в достаточно широком контексте.

По всей видимости, законченное представление об особых условиях труда можно найти в документах, устанавливающих величину и порядок предоставления социальных гарантий (льгот и компенсацией). Исключительно только в качестве наглядного примера можно привести ныне отмененный Закон Российской Федерации от 20 ноября 1990 г. № 340-1 «О государственных пенсиях в Российской Федерации», в котором, в частности, приводились следующие понятия:

а) ст. 12 «Пенсия в связи с особыми условиями труда» (здесь перечислялись виды работ, должностей и пр., относящиеся к «особым»);

б) ст. 14. «Пенсия в связи с работой на Крайнем Севере».

В настоящее время пенсия рассчитывается по Федеральному закону от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях». Понятия «особые условия труда» в этом документе мы не найдем, тем не менее, внимание привлекает гл. 6 «Сохранение права на досрочное пенсионное обеспечение по старости», состоящая из:

— ст. 30. Сохранение права на досрочное назначение страховой пенсии;

— ст. 31. Досрочное назначение страховой пенсии гражданам из числа работников летно-испытательного состава;

— ст. 32. Сохранение права на досрочное назначение страховой пенсии отдельным категориям граждан.

Внимательное изучение и сопоставление содержания двух законов обнаружило, что все виды «особых условий труда», ранее приведенные в отмененном Законе № 340-1, практически без изменений пере-

числены в Федеральном законе № 400-ФЗ, но под рубрикой «право на досрочное назначение страховой пенсии». Это:

— подземные работы;
— работы с вредными условиями труда;

— работы в горячих цехах;
— работы с тяжелыми условиями труда;

— работы трактористами-машинистами в сельском хозяйстве, других отраслях экономики, а также машинистами в строительных, дорожных и погрузочно-разгрузочных машинах (только для женщин);

— работы с повышенной интенсивностью и тяжестью в текстильной промышленности (только для женщин) и др. Мы, к сожалению, не имеем возможности все перечислить.

Содержание ст. 30 Закона № 340-1 было расширено: к 15 «старым» пунктам («особые условия труда»), были добавлены еще 6 «новых» пунктов, дающих право на досрочное назначение страховой пенсии, в частности:

— работы по добыче, обработке рыбы и морепродуктов, приему готовой продукции на промысле (независимо от характера выполняемой работы) на судах морского флота рыбной промышленности, а также на отдельных видах судов морского, речного флота и флота рыбной промышленности;

— работы по непосредственному управлению полетами воздушных судов гражданской авиации и др.

Важно следующее нововведение: это условия назначения страховой пенсии по старости в случаях, установленных ст. 30 Федерального закона № 400-ФЗ. Они применяются тогда, *если класс условий труда на рабочих местах по этим видам работ соответствует вредному или опасному классу условий труда, установленному по результатам специальной оценки условий труда (СОУТ)*. Раньше так не было: вхождение по формальному признаку в список работ, выполняемых в особых условиях труда (без каких-либо инструментальных

подтверждений), было основанием для реализации этой социальной гарантии. Сейчас материалы СОУТ применяются для установления (отмены) работникам, предусмотренных ТК РФ льгот и компенсаций (ст. 7)¹.

Согласно ст. 31 Федерального закона № 400-ФЗ досрочно страховая пенсия по старости назначается гражданам из числа работников летно-испытательного состава, непосредственно занятым в летных испытаниях (исследованиях) опытной и серийной авиационной, аэрокосмической, воздухоплавательной и парашютно-десантной техники. В ст. 32 указанного закона объединены отдельные категории граждан, сохранивших право на досрочное получение страховой пенсии по старости:

— женщины, родившие 2-х и более детей (3-х, 4-х) и воспитавшие их до достижения ими определенного возраста (минимум 8 лет);

— один из родителей (или опекун) инвалидов с детства, воспитавший их до достижения ими возраста 8 лет;

— инвалиды вследствие военной травмы (инвалиды по зрению, имеющие I группу инвалидности и др.);

— граждане, если они проработали в районах Крайнего Севера (либо в приравненных к ним местностях) либо постоянно проживают в этих районах и проработавшим в качестве оленеводов, рыбаков, охотников-промысловиков и др.

Списки соответствующих работ, производств, профессий, должностей, специальностей и учреждений (организаций), с учетом которых назначается страховая пенсия по старости, правила исчисления периодов работы (деятельности) и назначения указанной пенсии, при необходимости, утверждаются Правительством Российской Федерации.

Таким образом, несмотря на то, что понятие «особые условия труда» встречается в некоторых актуальных нормативных правовых и иных актах Российской Феде-

рации, фактически оно редуцировалось и в документах, используемых для установления права на социальные гарантии, не применяется, уступив место понятию «право на досрочное получение страховой пенсии по старости», объединяющему виды соответствующих работ, профессий и пр., реализация которого возможна только в случае подтверждения выполнения этих видов работ во вредных и (или) опасных условиях труда по материалам СОУТ. Итак, наличие должности, вида работ и пр. в перечне (списке), дающим право на получение какой-либо социальной гарантии есть лишь основание для инициации инструментальных исследований. Основным критерием, позволяющим диагностировать «особые условия труда», является наличие вредных и (или) опасных факторов трудового процесса, а ведущим методом исследования — СОУТ.

Возвращаясь к понятию «особые условия военной службы», вынуждены констатировать: найти в открытой литературе определения этого понятия, равно как и понятия «условия военной службы», не удалось. Тем не менее, этот термин актуален; более того, идентификация наличия «особых условий военной службы» при исполнении какой-либо должности является основанием для назначения военнослужащему соответствующих социальных гарантий. Федеральный закон от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ² определяет выплату военнослужащим, проходящим службу по контракту, дополнительно к установленному денежному содержанию:

а) ежемесячной надбавки за особые условия военной службы в размере до 100 % оклада по воинской должности;

б) ежемесячной надбавки за выполнение задач, непосредственно связанных с риском для жизни и здоровья в мирное время, в размере до 100 % оклада по воинской должности;

в) военнослужащим воинских частей, дислоцированных за пределами террито-

¹ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда рабочих мест».

² Федеральный закон от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат».

рии Российской Федерации, а также выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения, при вооруженных конфликтах, участвующим в контртеррористических операциях и обеспечивающим правопорядок и общественную безопасность на отдельных территориях Российской Федерации, устанавливаются повышающие коэффициенты или надбавки к денежному довольствию;

г) военнослужащим, проходящим военную службу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, а также в других местностях с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями, в том числе в отдаленных местностях, высокогорных районах, пустынных и безводных местностях, денежное довольствие выплачивается с учетом коэффициентов и процентных надбавок.

Несмотря на то, что только п. «а» непосредственно относится к категории «особые условия», оставшиеся пункты «б»—«г» мы также приводим в качестве таковых, так как они полностью соответствуют критериям, приведенным в ТК РФ (см. выше), и их надлежит рассматривать, на наш взгляд, как «особые условия военной службы».

Во всех перечисленных случаях правила выплаты определяются Правительством Российской Федерации в зависимости от условий прохождения военной службы и от условий выполнения задач. Так, в частности, постановление Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 1073¹ устанавливает порядок выплат ежемесячной надбавки за особые условия военной службы. Сообразно этому документу издан соответствующий приказ Министра обороны Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 727.

Список «особых условий военной службы» достаточно велик. Формат настоящей статьи не позволяет привести его

полностью, что, впрочем, и не обязательно для получения целостного представления о методологии, заложенной в его основе.

К «особым условиям военной службы» отнесено, в частности, исполнение военнослужащими следующих воинских должностей:

— командующих флотами; в центральных аппаратах федеральных органов исполнительной власти, СК России; в Главной военной прокуратуре;

— в экипажах подводных лодок (крейсеров); в экипажах автономных глубоководных аппаратов, размещенных на надводных кораблях; в технических экипажах глубоководных станций;

— в экипажах надводных кораблей (судов, катеров), в том числе строящихся;

— летного состава, выполняющим полеты по планам боевой (специальной) подготовки в составе экипажей самолетов, вертолетов и др., при условии выполнения нормы налета часов;

— проходящим военную службу в частях специального назначения; в органах управления разведкой, разведывательных частях;

— на должностях, связанных с выполнением прыжков с парашютом;

— проходящим военную службу в г. Москве и Московской области, г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области и пр.

Тщательно изучив и проанализировав список особых условий военной службы, приведенный в постановлении Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 1073², и сопоставив его с таковым из приказа Министра обороны Российской Федерации № 727, мы пришли к следующему выводу.

Во-первых, в названных выше документах, на наш взгляд, приводятся не возможные варианты «особых условий военной службы», а перечни видов воинских должностей, видов работ и пр., по которым производятся выплаты. Это закономерно, так как определения этому понятию («особые условия военной службы») пока нет.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 1073 «О порядке выплаты ежемесячной надбавки за особые условия военной службы военнослужащим, проходящим военную службу по контракту».

² Там же.

Полагаем, что под термином «условия» надлежит понимать опасности (факторы военной службы) и профессиональные риски, под воздействием которых военнослужащий исполняет должностные обязанности.

Во-вторых, статус «особые условия военной службы» должен иметь четкие и ясные критерии соответствия (границы), исключая их двойственное толкование. Для опасностей (факторов военной службы) — это конкретный гигиенический норматив, для профессиональных рисков — степень допустимости (степень влияния на здоровье и даже жизнь военнослужащего). Поэтому предстоит разработать гигиеническую классификацию условий военной службы, включающую, в том числе, и ее особые условия. Иначе трудно дать рациональное объяснение (научное обоснование) факту отнесения к особым условиям военной службы, например, замещение должностей в экипажах подводных лодок (крейсеров), в экипажах автономных глубоководных аппаратов, с одной стороны, а с другой — исполнение обязанностей на должностях в центральных аппаратах федеральных органов исполнительной власти, центральных органах военного управления и др.

В-третьих, наличие точных критериев соответствия позволит в пределах одной воинской части (одного района дислокации и пр.) выявить должности с особыми условиями военной службы и без таковых. Например, выглядит неубедительно заявление о наличии особых условий военной службы на всех воинских должностях центральных органов военного управления. Наверняка в штате таких частей найдутся должности, которые с позиций безопасности военной службы можно будет оценить как допустимые, и наоборот.

В-четвертых, оценочные критерии условий военной службы должны легко воспроизводиться (подтверждаться) в местах нахождения воинской должности, замещение которой связано с особыми условиями военной службы. Это значит, что если в целом перечень таковых должностей

утверждается соответствующим федеральным органом власти, то фактическое назначение (отмена) льгот и компенсаций должно осуществляться по результатам проведения инструментальных (лабораторных) измерений (исследований) идентифицированных потенциально вредных и (или) опасных факторов военной службы на конкретных воинских должностях, завершающихся последующей экспертной оценкой условий военной службы. Проверку актуальности особых условий надлежит проводить регулярно, например, каждые 5 лет, а при необходимости — по показаниям.

В-пятых, такой подход предполагает наличие в Вооруженных Силах системы испытательных лабораторий и экспертов по оценке условий военной службы, аккредитованных установленным порядком. В этой связи обращаем внимание на факт, имеющий принципиальное значение. В постановлении Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 1073 декларируется следующее важное, на наш взгляд, положение, суть которого в следующем: если специфика военной службы по конкретной воинской должности в Вооруженных Силах требует исполнения обязанностей военной службы в особых условиях, ранее не предусмотренных данным постановлением, то надбавка может устанавливаться отдельным актом в размере до 50 % оклада по должности по перечням, утверждаемым руководителем соответствующего государственного органа. Это важно, так как позволяет актуализировать в случае необходимости названный перечень должностей. Однако эта норма не вошла в приказ Министра обороны Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 727, лишив тем самым органы военного управления возможности оперативно актуализировать перечень особых условий военной службы, что, впрочем, закономерно, так как в Вооруженных Силах до сих пор отсутствует единая система оценки условий военной службы по должностям, замещаемым военнослужащими: нет ни аккредитованных испытательных лабораторий

рий, ни экспертов, ни единого информационного ресурса и пр.¹ Органы военного управления используют субъективные методы исследований, основанные на визуальных методах диагностики и личном опыте отдельных должностных лиц (группы специалистов), а не объективные — инструментальные (лабораторные) методы. Только то, что можно измерить, причем с высокой вероятностью воспроизведения результата, должно лежать в основе диагностики особых условий военной службы.

В-шестых, благодаря такому подходу появляется реальная возможность упростить излишне детерминированную и громоздкую, на наш взгляд, классификацию условий военной службы, являющихся основанием для назначения военнослужащим социальных гарантий. Отпадет необходимость отдельно выделять, например, «особые условия военной службы», «выполнение задач, непосредственно связанных с риском для жизни и здоровья в мирное время», «прохождение военной службы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» и др. Несомненно, в свое время были веские основания для разделения особенностей военной службы на подобного рода самостоятельные рубрики, которые, как оказалось, укладываются в понятие «вредные и (или) опасные факторы военной службы». Например, в перечень задач, выполнение которых непосредственно связано с риском для жизни и здоровья военнослужащих в мирное время, введенный постановлением Правительства Российской Федерации² и приказом Министра обороны

¹ Цуциев С.А. Безопасность военной службы в аспекте реализации социальных гарантий на безопасный труд, на охрану жизни и здоровья военнослужащих // Военное право. 2021. № 6 (70). С. 163—170; Юдин А.Б., Цуциев С.А. Гигиенические проблемы обеспечения безопасности военной службы // Вестник Академии военных наук. 2021. № 1(74). С. 95—102.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2011 г. № 1122 «О дополнительных выплатах военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации за выполнение задач, связанных с

Российской Федерации³, включены, в частности, водолазные работы; непосредственное участие в учениях, походах кораблей, в отработке задач боевой и учебно-боевой подготовки в полевых условиях; прыжки с парашютом (десантирование с техникой) и др. Этот перечень, на наш взгляд, полностью соответствует видам работ, реализация которых протекает в «особых условиях военной службы», что закономерно, так как «базисом» для этих перечней являются не виды должностей (выполняемых работ и пр.), а уровни вредных и (или) опасных факторов военной службы (опасности) и уровни профессиональных рисков, обуславливающих в целом условия военной службы. И не имеет принципиального значения занимаемая должность (вид выполняемых работ), наличие ее в том или ином перечне для назначения социальных гарантий. Основа для реализации льгот и компенсаций — условия военной службы, подтвержденные результатами инструментальных (лабораторных) исследований и окончательной экспертной оценкой.

Таким образом, подводя итоги сказанному выше, можно сделать следующие выводы:

1. Действующая ныне классификация условий военной службы («особые условия военной службы», «выполнение задач, непосредственно связанных с риском для жизни и здоровья в мирное время», «прохождение военной службы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» и др.), являющаяся основанием для назначения военнослужащим социальных гарантий, устарела. Она излишне детерминированная и громоздкая, а самое главное, она не отражает сути проводимого мероприятия (назначение льгот и компенсаций) — сохранение жизни и здоровья

риском (повышенной опасностью) для жизни и здоровья в мирное время».

³ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 727 «Об определении Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и предоставления им и членам их семей отдельных выплат».

военнослужащих. Все эти особенности ратного труда укладываются в понятие «вредные и (или) опасные факторы военной службы».

2. Законодательно установленная для военнослужащих, проходящих службу по контракту, социальная гарантия в виде ежемесячной денежной надбавки к основному окладу, в частности, за «особые условия военной службы» не имеет должного научного обоснования, так как отсутствует дефиниция этого понятия, не определены точные (объективные) критерии оценки (отличительные признаки) особых условий, границы которых весьма условны, что создает предпосылку для применения этого понятия в достаточно широком контексте, основываясь на личном опыте и визуальных (субъективных) методах исследования. Аналогичная ситуация имеет место и в отношении других социальных льгот и компенсаций («выполнение задач, непосредственно связанных с риском для жизни и здоровья в мирное время» и др.).

3. Органы военного руководства на уровне воинской части (учреждения), то есть непосредственно в местах исполнения военнослужащими своих должностных обязанностей, не имеют возможности оперативно управлять процессом оценки условий военной службы и принятия решения о ходатайстве назначения (отмене) социальных гарантий по каждой воинской должности (видам работ и пр.) для каждого военнослужащего персонально, так как в их распоряжении имеются исключительно визуальные методы исследования, основанные на функционировании органов

чувств (субъективные методы).

4. Представляется целесообразным создать в Вооруженных Силах Российской Федерации систему объективной оценки условий военной службы применительно к каждой воинской должности (виду выполняемых работ, решаемых задач и пр.). Для этого необходимо решить ряд задач как теоретического (определиться с дефинициями основных понятий, разработать классификацию условий военной службы, установить для них критерии соответствия и пр.), так и прикладного (создать систему аккредитованных лабораторий и экспертов по оценке условий военной службы, единый для военных округов (флотов) информационный ресурс и пр.) характера. В противном случае возникают предпосылки для ущемления законодательно установленных прав военнослужащих, фактически проходящих службу в неблагоприятных условиях, на получение социальных гарантий в виде льгот и компенсаций, а, следовательно, и для снижения защищенности (преимущественно опосредованной) от воздействия вредных и (или) опасных факторов военной службы.

Библиография

1. Цуциев, С.А. Безопасность военной службы в аспекте реализации социальных гарантий на безопасный труд, на охрану жизни и здоровья военнослужащих / С.А. Цуциев // Военное право. — 2021. — № 6 (70). — С. 163—170.

2. Юдин, А.Б. Гигиенические проблемы обеспечения безопасности военной службы // А.Б. Юдин, С.А. Цуциев / Вестник Академии военных наук. — 2021. — № 1(74). — С. 95—102.

Судебная и прокурорская деятельность

Прокурорская проверка как метод реализации надзорного процесса

© Махьянова Римма Мубараковна,
кандидат юридических наук, преподаватель 25
кафедры Военного университета

Аннотация. В статье раскрыта сущность прокурорской проверки, обоснованы другие методы, составляющие содержание надзорной деятельности как единого надзорного процесса; сформулировано авторское определение понятия «прокурорской проверки».

Ключевые слова: органы прокуратуры; прокурорский надзор; тактика прокурорского надзора; методика прокурорского надзора; методы надзорной деятельности.

Prosecutor's inspection as a method of implementation of the supervisory process

© Makhyanova R.M.,
Candidate of Law, lecturer of the 25th Department
of the Military University

Annotation. The article reveals the essence of the prosecutor's inspection, substantiates other methods that make up the content of supervisory activity as a single supervisory process; the author's definition of the concept of "prosecutor's inspection" is formulated.

Keywords: prosecutorial bodies; prosecutorial supervision; tactics of prosecutorial supervision; methods of prosecutorial supervision; methods of supervisory activity.

В соответствии с действующим законодательством и результатами обобщенной надзорной практики органов прокуратуры надзорная проверка представляет собой комплекс действий прокурора в пределах его компетенции и полномочий, направленных на установление фактов нарушений законов или их отсутствие.

К каждой проверке прокурор должен готовиться. Здесь следует заметить, что одинаковых проверок не бывает. Поэтому уже на стадии осуществления подготовительных мероприятий прокурору рекомендуется разрабатывать тактику проверки, в ходе которой к числу основных задач, подлежащих решению на тактическом уровне, определяется выбор способа проведения проверки и совершения основных действий, способствующих достижению цели проверки, и ожидаемых результатов,

а также упорядочиванию ее процесса, т.е. логической последовательности действий, совершаемых прокурором.

Прокуратура осуществляет прокурорский надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, а также осуществляет иные функции¹.

В указанной статье закона определена основная цель прокурорского надзора. Достижению этой цели способствует осуществление надзорной деятельности, в ходе которой прокурорами решаются задачи, связанные с выявлением, устранением и предупреждением правонарушений. Проверке подвергаются поднадзорные проку-

¹ Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», ст. 1.

рору объекты (учреждения, организации и т.п.), на которых им оценивается на предмет законности деятельность должностных и иных лиц путем изучения документов, материалов, получения иных необходимых для этого сведений, а также издаваемых нормативных правовых актов (при наличии таковых). Данная оценка осуществляется прокурором во взаимосвязи с предметом надзора, т.е. конкретным законодательством, исполнение которого подвергнуто проверке, а также с нормами законодательства, которыми регламентирована деятельность поднадзорного объекта, его должностных и иных лиц.

После полученных результатов такой оценки необходима их дальнейшая реализация, которая осуществляется прокурором с помощью применения различных форм реагирования, установленных действующим законодательством. Затем прокурором осуществляются действия, направленные на контроль за выполнением его требований, изложенных в правовых средствах реагирования.

Таким образом, прослеживается определенный комплекс последовательных действий прокурора, который можно охарактеризовать как процесс, связанный с осуществлением надзорной деятельности.

Здесь четко выделяются основные этапы данного процесса: организационно-подготовительный; проведение проверки; совершение действий, направленных на реализацию полученных результатов; определенные действия прокурора по выполнению его требований, предъявляемых к должностным лицам объекта, подвергнувшегося проверке.

По нашему мнению, каждый из представленных этапов, в соответствии с его целями и задачами одновременно представляет собой конкретный метод надзорного процесса.

Представляется, что таковыми являются:

— метод выявления нарушений законов, причин и условий, им способствующих (проведение проверки);

— метод устранения и предупреждения выявленных нарушений законов (применение мер реагирования и иных предусмотренных законом мер);

— метод контроля за выполнением требований прокурора (совершение действий обеспечительного характера, в том числе, путем применения мер прокурорского реагирования, направленных на обязательное выполнение требований прокурора)¹.

Здесь представляется целесообразным дополнить надзорный процесс еще одним немаловажным методом — организации проведения проверки, который также характеризуется комплексом действий, совершаемых прокурором при осуществлении организационно-подготовительных мероприятий.

Проведение проверки и ее организация неразрывно связаны. Хорошо организованная проверка способствует достижению ее цели и эффективности. Под этим понимается, прежде всего, результативная проверка, в ходе которой выявляются имеющиеся нарушения закона, причины и условия, им способствующие, либо отсутствие таковых. Главное здесь заключается в реализации прокурором всех возможных и допустимых средств правового и неправового характера в целях установления объективной картины состояния законности на поднадзорном объекте в конкретном периоде времени. Кроме того, организация проверки выступает здесь в роли обеспечительной меры.

Такую же позицию занимали ученые, исследовавшие содержание и структуру надзорной деятельности органов прокуратуры. Так, некоторые из них предлагают заменить понятия «методы общего надзора» или «методы работы по общему надзору» на более узкое понятие методов выявления нарушений законов и обстоятельств, им способствующих, в которое должна быть вложена «вся совокупность способов и приемов, применяемых органами прокуратуры в процессе общенадзорной дея-

¹ Там же. Ст. 6.

тельности в целях выявления нарушений законов и причин, порождающих эти нарушения»¹.

Совокупность методов и приемов — это не только те из них, которые содержатся в методиках прокурорских проверок, но и непосредственно разработанные прокурором в ходе проводимой проверки при различных возникающих обстоятельствах (особенностях складывающейся надзорной ситуации).

Таким образом, проверка является сложным и комплексным мероприятием, требующим от прокурора проявления его лучших профессиональных и личностных качеств.

Ученые также поддерживают такую позицию и предлагают осуществлять подготовку специальных кадров для осуществления прокурорской деятельности в сфере соблюдения законов (общего надзора)².

Некоторые ученые раскрывают содержание прокурорской проверки, сравнивая ее с проведением прокурорского расследования. Прокурорская проверка выступает не ординарным правовым средством выявления правонарушения, а в качестве родового понятия, включающего совокупность различных по содержанию и форме прокурорских действий, используемых в этой или иной связи в зависимости от конкретного правонарушения и направления его исследования³.

Этим же автором подчеркивалась значимость исследований, которые целесообразно проводить в целях определения сущности и содержания процесса проверки. В юридической литературе не определено с достаточной четкостью понятие прокурорской проверки, а также некоторые другие стороны ее реализации, осо-

бенно с позиции ее тактики и методики. Поскольку действующее законодательство определяет порядок и условия производства проверок в общих чертах, практика деятельности прокуратуры испытывает значительные трудности при их организации и осуществлении⁴.

Термин «проверять» означает удостовериться в правильности чего-нибудь, обследовать с целью надзора, контроля.

Как уже было отмечено нами ранее, прокурор при проведении надзорной проверки на основании имеющихся доказательств оценивает на предмет законности деятельность должностных лиц поднадзорного объекта и иных лиц.

В ходе проверок в целях достижения ее результативности и качества прокурорам рекомендуется использовать тактику и методику, которые, кроме прочего, способствуют достижению цели проверки, в процессе которой прокурор, прежде всего, обязан установить объективную картину состояния законности на том или ином направлении надзора, а также позволяют разработать наиболее целесообразные собственные способы действий применительно к условиям складывающейся надзорной ситуации. Наряду с этим, тактика позволяет наиболее эффективно использовать предложенные методикой приемы.

Разрабатываемые в научных учреждениях органов прокуратуры методические рекомендации о проведении проверок по направлениям надзора при конкретных обстоятельствах состояния законности в определенном периоде времени содержат приемы и методы, разработанные надзорной практикой органов прокуратуры и зарекомендовавшие себя как наиболее эффективные. Вместе с тем, до настоящего времени в теории и на практике не разработаны методологические основы составления методик, их содержание.

Под *методикой надзорной деятельности* нами понимается совокупность разработанных посредством тактики методов и

¹ Мелкумов В.Г. Вопросы теории и практики общего надзора прокуратуры. Душанбе: Изд. «ИРФОН», 1965. С. 36.

² Алексеев А. Общий надзор: проблемы и перспективы // Законность. 1998 г. № 2. С. 6.

³ Ломовский В.Д. Стадии прокурорского надзора: понятие, значение, система // Прокурорский надзор и укрепление социалистической законности в советском государстве. Свердловск, 1981. С. 67.

⁴ Ломовский В.Д. Прокурорская проверка исполнения законов : учебное пособие. Тверь, 1993. С. 4.

приемов и рекомендуемых к использованию прокурорами в ходе организации и осуществления надзорных мероприятий в целях достижения их эффективности.

Тактика надзорной деятельности в настоящее время является недостаточно исследованным научным феноменом в теории прокурорского надзора.

В процессе исследования проблем совершенствования теории прокурорского надзора еще советскими учеными поднимался вопрос о необходимости разработки тактики прокурорского надзора — этого важного способа повышения его эффективности. Тактика надзора — новая, требующая, на наш взгляд, безотлагательной научной разработки проблема. Ее решение будет способствовать мобильному использованию прокурорских кадров и более действенному осуществлению надзора. В этом отношении сделаны лишь первые шаги: предпринята попытка сформулировать понятие тактики надзора и определить ее содержание¹.

Вопросы эффективности прокурорского надзора являлись предметом многих исследований как теоретического характера, так и прикладного. По нашему мнению, такую самостоятельную категорию прокурорского надзора, как «эффективность» наиболее целесообразно рассматривать не только как конечный результат, который в настоящее время базируется на принципе ежегодного увеличения количества выявляемых нарушений законов и принятием в целях их устранения соответствующих мер реагирования. Такой подход к оценке эффективности надзорной деятельности является не совсем объективным, что подтверждается содержанием данного понятия (такими его свойствами, как качество, результат), и в большей степени относится к содержанию процесса организации и осуществления прокурорско-надзорных мероприятий.

Вопросы содержания эффективности надзорной деятельности исследовались советскими учеными.

В частности, К.Ф. Скворцовым выделены критерии эффективности: полнота (объем), качество. Кроме того, ученый утверждал, что правильный выбор прокурором тактики зависит от методики измерения и оценки эффективности прокурорского надзора, которая влияет на его совершенствование. Оценка эффективности прокурорского надзора преследует цели: а) выявление положительного опыта в работе прокуратуры; б) выявление и анализ ошибок (недостатков), выяснение их причин, чтобы в дальнейшем повысить качество работы².

Таким образом, автор увязывал такие понятия, как «эффективность» и «тактика», т.е. их непосредственную взаимосвязь одно с другим.

По нашему мнению, эффективность надзорной деятельности должна оцениваться с учетом следующих основных факторов: качество процесса организации и осуществления надзорных мероприятий, которое непосредственно зависит от профессионального опыта и личностных характеристик прокурорского работника; обоснованность использования тактических приемов; конечные результаты, полученные в ходе проведенных надзорных мероприятий. Представляется целесообразным здесь учитывать достигнутый результат эффективности каждого надзорного мероприятия в отдельности (а также каждого его этапа), как ключевого звена оценки эффективности надзорной деятельности в целом.

Таким образом, представляется вполне обоснованным вывод о том, что эффективность и тактика тесно взаимосвязаны и являются самостоятельными понятиями в теории прокурорского надзора, которые дополняются и совершенствуются в результате их использования при организа-

¹ Сафонов А.П. Пути повышения эффективности прокурорского надзора // Совершенствование прокурорского надзора в СССР. М., 1973. С. 151.

² Скворцов К.Ф. Исследование проблем эффективности прокурорского надзора // Вопросы теории и практики прокурорского надзора. Ч. I. М., 1975 г. С. 9—12.

ции и осуществлении надзорной деятельности.

Эффективность и тактика надзорной деятельности имеют свое, свойственное каждой из них структурное устройство. И, соответственно, тактика не может рассматриваться как свойство эффективности, т.е. на правах ее внутреннего компонента.

Кроме того, эффективность является одним из принципов организации и деятельности органов прокуратуры и закреплена в положениях Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»¹. Вместе с тем представляется, что термин «тактика» должен быть закреплён в указанном Федеральном законе на правах самостоятельного понятия прокурорского надзора.

По нашему мнению, именно тактика способствует достижению качества и результативности надзорной деятельности и является одним из существенных факторов достижения эффективности. Разработанные на основе тактики методы и приемы способствуют совершенствованию и развитию не только надзорной деятельности, но и органов прокуратуры в целом, повышая тем самым уровень профессиональной подготовки прокурорских работников и их авторитет.

В этих целях представляется целесообразным в первую очередь выработать методологию разработки тактики надзорной деятельности. Кроме того, нуждается и в методологической разработке содержание методик прокурорских проверок, составление которых в настоящее время носит неупорядоченный характер. На наш взгляд, образец такого документа необходимо утвердить правовым актом Генерального прокурора Российской Федерации.

В последнее время в органах прокуратуры количество проводимых проверок неуклонно растет, в том числе и по причине поступающих многочисленных обращений. В этой связи наметилась тенденция учета как эффективных проверок тех

из них, по результатам которых выявляется большое количество нарушений законов. Вместе с тем проведение многочисленных надзорных мероприятий требует от прокуроров значительных временных затрат, что может неблагоприятно отразиться на качестве и результативности данного процесса.

Учитывая такой немаловажный фактор, представляется целесообразным прокурорам уделять повышенное внимание вопросам анализа поступающих сигналов о нарушениях законов, их содержания в целях принятия обоснованных решений о необходимости прокурорского вмешательства путем проведения проверки, в ходе которой достигать ее качества и результативности в целях устранения нарушений законов, обстоятельств их породивших, вплоть до полного восстановления законности. Эффективность проверок достигается качеством действий, совершение которых должно сопровождаться разработкой и реализацией тактики.

Однако, в настоящее время, как и более двадцати лет назад, процесс организации и проведения прокурорской проверки, его содержание не регламентированы ни в законодательных актах о прокурорской деятельности, ни в организационно-распорядительных документах Генеральной прокуратуры Российской Федерации, что в значительной степени усложняет достижение прокурорами на практике качества проверок.

Решению указанной проблемы, на наш взгляд, будет во многом способствовать совершенствование законодательства и надзорной деятельности в целях ее оптимизации.

В теории прокурорского надзора учеными и практиками приводятся различные определения понятия «прокурорская проверка». При организации и проведении проверок прокуроры руководствуются требованиями Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», ведомственных правовых актов Генерально-

¹ Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», ст. 40.4.

го прокурора Российской Федерации¹, в том числе разработанными в органах прокуратуры Российской Федерации и научных учреждениях органов прокуратуры методическими рекомендациями проведения проверок по направлениям прокурорского надзора.

Проверки являются одним из основных правовых средств выявления нарушений законов, причин и условий, им способствующих. Именно благодаря прокурорским проверкам выявляется основная масса нарушений законов, а также способствующие им обстоятельства. Результаты проверок могут быть использованы прокурорами при планировании своей деятельности, в организации и проведении предупредительной работы (в том числе, совместно с другими государственными органами). Это является одним из основных обстоятельств для дальнейшего совершенствования проводимых надзорных мероприятий, достижения эффективности каждой отдельно взятой прокурорской проверки и совершаемых в ее процессе надзорных действий.

Согласно положениям ведомственных правовых актов Генеральной прокуратуры Российской Федерации прокурорам предписано проверки исполнения законов проводить на основании поступившей в органы прокуратуры информации (обращений граждан, должностных лиц, сообщений средств массовой информации и т.п.), а также других материалов о допущенных правонарушениях, требующих использования прокурорских полномочий, в первую очередь — для защиты общезначимых или государственных интересов, прав и законных интересов групп населения, трудовых коллективов, репрессированных лиц, малочисленных народов,

граждан, нуждающихся в особой социальной и правовой защите².

Вместе с тем опыт прокурорской деятельности показывает, что прокурор может узнавать о фактах нарушений законов или обстоятельствах, им способствующих при осуществлении иной, установленной законом деятельности:

- путем участия в проверках, которые инициированы и проводятся другими государственными органами;

- в ходе анализа состояния законности на поднадзорном объекте;

- при изучении поступающих (в том числе, при истребовании этих данным прокурором) в органы прокуратуры статистических сведений и аналитических информации из контролирующих и других органов, от должностных и иных лиц;

- при получении копий ответов из государственных органов, в которые прокурором ранее по подведомственности были направлены обращения для рассмотрения по существу;

- при предоставлении информации из поднадзорного органа, в котором проводилась проверка по требованию прокурора (включая результаты проведенных ревизий и инвентаризации имущества);

- путем направления отдельных поручений в органы прокуратуры о выполнении необходимых действий и получения соответствующей информации;

- при посещении поднадзорных объектов и других государственных органов;

- при осуществлении личного приема граждан в органах прокуратуры и в других государственных органах;

- в ходе общения с должностными и иными лицами при реализации прокурорами своих полномочий;

- при ознакомлении с материалами о деятельности психологических и социологических служб поднадзорных объектов (при наличии таковых), как в ходе провер-

¹ См., например, приказы Генерального прокурора Российской Федерации: от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина»; от 7 мая 2008 г. № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур».

² П. 6 приказа Генерального прокурора Российской Федерации: от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина».

ки, так и при истребовании указанных документов, проведение совместных с ними проверок;

— в ходе осуществления предупредительной деятельности, в том числе совместно с другими государственными органами (в ходе проводимых профилактических мероприятий, чтении лекций, тематических бесед, докладов о состоянии законности и т.д.);

— в процессе участия в совещаниях и заседаниях органов государственной власти и местного самоуправления;

— в ходе изучения и анализа материалов прокурорских проверок, ответов из государственных органов и от должностных лиц о результатах и принятых мерах по требованию прокурора.

Указанный перечень способов выявления нарушений законов не является исчерпывающим. Связано это с тем, что в органах прокуратуры под воздействием изменяющегося законодательства о прокурорском надзоре и неуклонно растущего количества поступающих обращений и различных поручений совершенствуются надзорная деятельность, а также приемы и методы ее работы.

По нашему мнению, здесь уместно отметить, что, планируя проведение большого количества проверок, в том числе и по поручениям вышестоящих прокуратур, вопросы качества, результативности и обоснованности надзорных мероприятий всегда будут оставаться актуальными.

Деятельность органов прокуратуры должна планироваться в целях ее упорядочения и систематизации. Однако здесь встает вопрос, какая деятельность и проведение каких конкретных мероприятий нуждается в четком планировании. Все указывает на одну основную проблему — обеспечение качества надзорной деятельности, прокурорско-надзорного процесса. Для проведения контрольных и плановых проверок требуется масса времени, которого так не хватает прокурорским работникам. При таких обстоятельствах основной целью, прежде всего, будет выступать проведение указанных мероприятий в

установленный срок (выполнение плана прокуратуры, поручений вышестоящих прокуратур и т.п.), что не может не сказаться на их качестве и результатах.

В соответствии с требованиями закона прокурорское вмешательство — это не просто действия, а правовой инструмент, применение которого необходимо использовать только при установленных законом случаях, а таким является получение сигнала о нарушении закона.

Таким образом, необходимо обоснованное планирование проверок, т.е. определенные обстоятельства, которые должны быть установлены законом. Планировать проведение проверок по усмотрению, например, в связи с ранее выявляемыми многочисленными нарушениями законов на конкретном объекте (или их отсутствие длительный период времени) представляется не совсем правильным в связи с отсутствием объективных данных. А может в данном случае наиболее целесообразно запланировать мероприятие профилактического характера, в том числе совместно с представителем вышестоящего контролирующего органа, а не надзорную проверку. Не лишним здесь будет рассмотреть вопрос об использовании прокурором своего права по информированию государственных органов о состоянии законности. Вполне обоснованно, что вышестоящий орган должен отреагировать на информацию прокурора и принять соответствующие меры в отношении подконтрольного им органа. Вместе с тем прокурор обязан проводить как плановые и контрольные проверки, так и внеплановые по сигналам о нарушениях законов. Данный вопрос представляется нам проблемой, подлежащей урегулированию в ближайшем будущем.

Аналогичной позиции придерживались некоторые ученые, подчеркивая, что органы прокуратуры являются надзорным органом, и, следуя закону, обязаны использовать полномочия в случае имеющихся на то объективных обстоятельств и не дублировать функции других государственных органов. Поэтому к проведению

проверок необходимо подходить строго в соответствии с требованиями законодательства о прокурорском надзоре и проводить их там, где к этому имеются основания или сведения о правонарушении.

Представляется, что назрела необходимость принятия отдельного нормативного правового акта, регламентирующего действия прокурора при организации и производстве прокурорских проверок.

В целях обеспечения качества проверки, процесс ее организации нуждается в разработке и реализации тактики.

Под *тактикой организации проверки* нами понимается поиск и реализация в конкретной надзорной ситуации наиболее рациональных способов действий проведения комплекса подготовительно-организационных мероприятий, обеспечивающих качество и результативность проверки.

План проверки является неотъемлемым элементом достижения ее цели, надлежащей организации и успешного проведения.

В целях повышения уровня организации и проведения проверок представляется целесообразным утвердить ведомственным актом Генеральной прокуратуры Российской Федерации примерный образец плана проверки.

Каждая проверка, как мы упоминали ранее, не похожа одна на другую. Следовательно, организация и проведение проверок характеризуются различными методами и способами, разрабатываемыми и реализуемыми прокурорами посредством тактики в конкретной ситуации. Основу

новых методов и способов, по нашему мнению, должны составлять научные знания и передовой опыт прокурорской деятельности.

С учетом перечисленных элементов проверки, ее по праву можно отнести к самостоятельному методу реализации надзорного процесса.

Таким образом, под *прокурорской проверкой* нами понимается совокупность действий прокурора, реализуемых в пределах его компетенции и полномочий в целях установления реального состояния законности на поднадзорном объекте, а также в деятельности должностных и иных лиц с использованием тактики и методики прокурорского надзора.

Библиография

1. Алексеев, А. Общий надзор: проблемы и перспективы / А. Алексеев // Законность. — 1998. — № 2.
2. Ломовский, В.Д. Прокурорская проверка исполнения законов : учебное пособие / В.Д. Ломовский. — Тверь, 1993.
3. Ломовский, В.Д. Стадии прокурорского надзора: понятие, значение, система / В.Д. Ломовский // Прокурорский надзор и укрепление социалистической законности в советском государстве. — Свердловск, 1981.
4. Мелкумов, В.Г. Вопросы теории и практики общего надзора прокуратуры / В.Г. Мелкумов. — Душанбе: Изд. «ИРФОН», 1965.
5. Сафонов, А.П. Пути повышения эффективности прокурорского надзора / А.П. Сафонов // Совершенствование прокурорского надзора в СССР. — М., 1973.
6. Скворцов, К.Ф. Исследование проблем эффективности прокурорского надзора / К.Ф. Скворцов // Вопросы теории и практики прокурорского надзора. Ч. I. — М., 1975.

Частное постановление военного суда в механизме обеспечения законности в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах

© **Насыров Дмитрий Вадимович**,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
Юридического института МГПУ

© **Зотов Роман Владимирович**,
помощник судьи Московского гарнизонного
военного суда

Аннотация. Статья посвящена понятию и сущности, а также анализу эффективности и проблемам применения частных постановлений (определений) военного суда в механизме обеспечения законности и правопорядка в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах.

Ключевые слова: военный суд, частное постановление суда, законность, обеспечение законности и правопорядка, военно-правовые отношения, органы военного управления.

A private decision of a military court in the mechanism of ensuring legality in the Armed Forces of the Russian Federation, other troops, military formations and bodies

© **Nasyrov D.V.**,
candidate of Legal Sciences, associate Professor of
the Department of State and Legal Disciplines of the
Law Institute of MSPU

© **Zotov R.V.**,
assistant judge Moscow Garrison Military Court

Abstract. The article is devoted to the concept and essence, as well as to the analysis of the effectiveness and problems of the application of private rulings (definitions) of a military court in the mechanism of ensuring law and order in the Armed Forces of the Russian Federation, other troops, military formations and bodies.

Keywords: military court, private court order, legality, law and order enforcement, military-legal relations, military administration bodies

Военные суды, как это и свойственно судебным органам, являются органом власти, осуществляющим правосудие в форме рассмотрения и разрешения уголовных, гражданских, административных дел в установленном процессуальном порядке. Соответствующее одностороннее представление закладывается исходя из формально-юридического толкования положений законодательства о том, что только суды

осуществляют правосудие. Факт этого уже точно является неоспоримым, однако закладывает порой неверное понимание того, что профессиональная деятельность суда должна быть ограничена только рассмотрением и разрешением вопросов, определенных пределом предмета рассмотрения. В свою очередь, из виду упускается то, что суды, а особенно это касается военных судов, являются неотъемле-

мым элементом системы обеспечения законности и, наряду с осуществлением правосудия, обладают необходимым комплексом правоохранительных мер, которые, к сожалению, на практике не имеют такой системности, как это встречается, например, в органах прокуратуры. В этой связи исследование полномочий военных судов в системе обеспечения законности в настоящий момент является закономерной необходимостью, логичное завершение которого видится в определении направлений совершенствования правового регулирования.

Само значение «законности» сводится к своего рода идеализированной категории из области догматики права. Данная категория закладывает принципиальные положения для развития справедливого общества. Кроме того, основой построения и функционирования нормального демократического правового государства служит «законность», в том числе деятельность всех его звеньев. «На основе «законности» должна осуществляться деятельность и жизнь членов общества — граждан и различных объединений»¹.

Под «законностью» в широком смысле слова понимается строгое соблюдение и исполнение Конституции и законов государства, а также изданных в соответствии с ними иных правовых актов всеми органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами, физическими и юридическими лицами².

Применительно к военно-правовым отношениям законность — «это неуклонное и строгое выполнение органами военного управления, должностными лицами, всеми военнослужащими требований законодательства; это государственно-правовой режим, утверждающий порядок, четкую организацию жизни и деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации,

систему контроля и надзора за соблюдением законов, пресечение правонарушений, восстановление законных прав военнослужащих и воинских частей. При этом под понятием «законодательство» следует понимать нормы как законов, так и подзаконных актов»³.

Таким образом, суть «законности» заключается в «соблюдении», то есть в соответствии действий участников отношений, складывающихся в воинской среде, требованиям юридических норм.

Следует отметить, что для воинских отношений обеспечение законности является неотъемлемым элементом существования военной организации государства вообще, т.к. оно прямо предопределяет наличие правопорядка. «Понятия «законность» и «правопорядок» соотносятся как причина и следствие: есть законность — есть правопорядок, нет законности — нет правопорядка. Если законность и иные нормативно-правовые акты всеми и повсюду соблюдаются, то есть имеет место законность, то результатом такого положения является четкий правопорядок»⁴.

Обеспечение законности представляет собой сложную систему, характеризующуюся наличием соответствующих субъектов, четких инструментов воздействия на объекты.

Теоретико-правовая конструкция обеспечения законности в Вооруженных силах Российской Федерации строится на положениях ст. 25 Федерального закона «Об обороне». Указанная норма по своему формально-юридическому толкованию сводит обеспечение законности к таким видам деятельности, как надзор за законностью в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах; расследование преступлений в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах; осуществление правосудия. Соответственно по замыслу законодателя субъектами обеспече-

¹ Военно-юридический энциклопедический словарь / под общ. ред. А.В. Кудашкина, К.В. Фатеева. М.: За права военнослужащих, 2008. С. 154.

² Корякин В.М. Военно-административное право : учебник. М.: Юстиция, 2019. С. 434.

³ Военная энциклопедия: в 8 т. / Т. 3. М.: Воениздат, 1995. С. 128.

⁴ Корякин В.М. Указ. соч. С. 438.

ния законности в Вооруженных Силах Российской Федерации являются органы прокуратуры, следственные органы, суд и военная полиция.

При этом следует отметить, что в данном случае анализируемые положения закона вероятно просто не успевают за соответствующими научными исследованиями о содержании обеспечения законности в Вооруженных Силах Российской Федерации. В современных военно-правовых исследованиях теоретическая конструкция обеспечения законности представлена немного иначе и объемнее.

По мнению В.М. Корякина, С.С. Харитоновы основными организационно-правовыми способами обеспечения законности в Вооруженных Силах Российской Федерации являются: а) контроль; б) надзор; в) право жалобы¹.

Видно, что учеными помимо уже выделенных инструментов обеспечения законности особо указывается на контроль и право жалобы.

С организационной точки зрения контроль в Вооруженных Силах Российской Федерации подразделяется на внешний и внутренний:

— внешний контроль осуществляется специально созданными государственными органами, не входящими структурно в состав Вооруженных Сил;

— внутренний контроль ведется в рамках организационной подчиненности, связан с проверкой законности и целесообразности деятельности, вмешательством в оперативно-хозяйственную деятельность. По его результатам возможно применение мер принуждения субъектом проверки. Контрольные полномочия принадлежат всем вышестоящим органам военного управления и организациям по отношению к нижестоящим. При этом они осуществляют проверку подконтрольного субъекта

с точки зрения не только законности, но и целесообразности принимаемых решений².

Мы полагаем неотъемлемым отнесение к обеспечению законности такой формы, как контроль. В действительности же соответствие действий участников отношений, складывающихся в воинской среде, требованиям юридических норм в подавляющем большинстве случаев обеспечивается в ходе контрольных (особенно внутри контрольных) мероприятий.

В свою очередь право жалобы не тождественно понятию правосудия. Из сущности самого определения «право жалобы» вытекают три основных способа действий военнослужащих:

— внесудебный порядок, т.е. обращение с жалобой в государственный орган, к должностному лицу, вышестоящему в порядке подчиненности по отношению к тому, чьи действия обжалуются (административный порядок); обращение с жалобой в специально учрежденные государственные органы, компетентные рассматривать жалобы граждан;

— судебный порядок, т.е. обращение с заявлением об обжаловании неправомерных действий в органы судебной власти Российской Федерации;

— международный порядок, т.е. обращение с жалобой в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека (основным таким органом является Европейский суд по правам человека)³.

Следует предположить, что, исходя из этого, правосудие является составным элементом такой формы обеспечения законности, как право жалобы, куда также необходимо включать административную и международную процедуры. Однако с другой стороны правосудие может осуществляться не обязательно только по жалобе военнослужащего, а, например, в результате рассмотрения уголовного дела или дела о дисциплинарном проступке. На наш взгляд, данное умозаключение обязательно должно учитываться при понимании содержания обеспечения законности в

¹ Корякин В.М., Харитонов С.С. Законность и правопорядок: основные направления и способы их обеспечения в Вооруженных Силах Российской Федерации // Армейский сборник. 2020. № 9. С. 119.

² Там же.

³ Там же. С. 123.

Вооруженных Силах, т.к. с помощью правосудия, а не права на жалобу, реализуется обособленный принцип обеспечения законности — неотвратимость ответственности.

В дополнение к ранее представленному размышлению следует добавить, что расследование преступлений в Вооруженных Силах, наравне с разбирательством по факту дисциплинарного проступка военнослужащего и административного расследования, также являются самостоятельными формами обеспечения законности, т.к. по своему целевому предназначению тоже обеспечивают неотвратимость ответственности.

Таким образом, законность в Вооруженных Силах Российской Федерации обеспечивается путем недопущения нарушений в деятельности органов военного управления, их должностных лиц, а при уже состоявшемся факте нарушения — путем выявления и устранения таких нарушений; соблюдения предписаний, закрепленных в действующих законах и подзаконных актах; выявления причин, способствующих совершению нарушений; привлечения к ответственности виновных лиц.

При таком понимании соответствующими субъектами системы обеспечения законности и правопорядка в Вооруженных Силах Российской Федерации являются: органы военного управления, военная прокуратура, военные следственные органы, военная полиция Вооруженных Сил Российской Федерации, а также военные суды.

Основываясь на полномочиях военных судов, следует признать, что в системе обеспечения законности данный субъект реализует функции в сфере правосудия и судебного контроля. Развивая данную позицию, некоторыми учеными высказываются мнения также и об иных формах судебной деятельности, направленных на обеспечение законности¹. При этом, не

вдаваясь в дискуссию, следует отметить, что среди всех выделяемых форм обеспечения законности судами учеными необоснованно мало уделено внимание такой форме, как вынесение соответствующих предписаний на выявленные ими нарушения прав и свобод граждан, а также других нарушений закона в ходе осуществления правосудия. Данная форма обладает всеми самостоятельными признаками деятельности, направленной на обеспечение законности.

Так, ч. 4 ст. 29 УПК РФ определено, что если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, то суд вправе вынести частное определение или постановление, в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер.

Таким образом, при формально-юридическом толковании данной нормы прорисовывается абсолютно самостоятельная форма обеспечения законности, которая непосредственно не связана с предметом рассмотрения (уголовного дела или неправомерным действием должностного лица), однако достигает своей цели — обеспечение действий субъектов отношений в соответствии с законом. Данная форма может быть обозначена как частное постановление (определение) суда, в принципе, так она и поименована в норме.

Частное постановление (определение) является специфическим решением суда. Его сущность всецело раскрыта в характеристике, которую в свое время дал В.М. Савицкий. «Частное определение называется частным потому, что оно касается не главного вопроса всего судопроиз-

¹ См., напр.: Рябцева Е.В. Судебная деятельность в уголовном процессе России : учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2006; Конярова Ж.К. Дискреционные полномочия прокурора и проблемы их реализации на

досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2008. С. 19.

водства — о виновности и мере наказания, а какого-то частного, отдельного вопроса, так или иначе связанного с главным»¹.

Частное постановление (определение) является документом, которым военный суд при наличии к тому оснований обращает внимание командиров частей, руководителей учреждений, предприятий, организаций и других должностных лиц на те или иные недостатки, способствовавшие совершению преступления и требующие принятия соответствующих мер к их устранению. Более того, следует указать также на обязательный характер данного документа, необходимость исполнения которого подкреплено нормами-санкциями для соответствующих адресатов, в том числе вплоть до уголовной ответственности². Все эти положения конечно же характеризуют частные постановления (определения) суда как эффективное средство обеспечения законности. Однако следует отметить, что анализ практики деятельности военных судов свидетельствует об их пассивности в вынесении подобных судебных актов.

Предположительно основными детерминантами пассивности судов в вынесении частных постановлений (определений) являются возрастающая дополнительная нагрузка в связи с осуществлением тех функций, которые для суда не являются основными.

Механизм исполнения частных постановлений в основном обеспечен правовыми средствами. Так, в судах определены работники аппарата суда, ответственные за исполнение частного постановления, на которых возложены полномочия по учету постановлений, контролю о поступлении или непоступлении сообщения от организаций или должностных лиц, о принятии мер³. Неисполнение частных постановле-

ний может повлечь административную ответственность. Однако видится, что контрольная деятельность суда за исполнением частных постановлений объективно отвлекает судебные органы от своей основной функции — осуществление правосудия. Это, в свою очередь, предполагает выделение дополнительных ресурсов на менее важные и, более того, несвойственные суду вопросы. При такой действительности закономерной становится практика, когда, по сути, обеспечение законности суда при выявлении нарушений законодательства со стороны должностных лиц и организаций остается номинальным видом деятельности.

На основании этого возникает необходимость изменения правового регулирования исполнения частных постановлений (определений) суда. В системе обеспечения законности частные постановления рассматриваются как неотъемлемый элемент, поэтому об их исключении не может быть и речи. В связи с этим в качестве направления совершенствования правового регулирования может быть предусмотрен механизм обеспечения их исполнения другими субъектами, например, органами прокуратуры. Такое умозаключение основывается на схожести предмета деятельности прокуратуры и наличием соответствующих полномочий, которые в полной мере позволят обеспечить исполнение частных постановлений суда.

Так, в соответствии со ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» направлениями деятельности органов прокуратуры в том числе являются надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, посредством чего достигается цель аналогичная вынесению частных постановлений судами: обеспечение законности.

Кроме того, органы прокуратуры обладают необходимыми правовыми средствами контроля исполнения частных постановлений. В соответствии со ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре Рос-

¹ Савицкий В.М. Что такое уголовный процесс: (беседы с народными заседателями) / под ред. Л.Н. Смирнова. М.: Знание, 1979. С. 193.

² Ст. 315 УК РФ.

³ См.: Инструкция по делопроизводству в военных судах : утв. приказом Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации от 9 октября 2014 г. № 219.

сийской Федерации» прокурор вправе проверять исполнение законов в связи с поступившей в органы прокуратуры информацией о фактах нарушения закона; требовать от руководителей и других должностных лиц указанных органов представления необходимых документов и материалов или их копий, статистических и иных сведений; вызывать должностных лиц и граждан для объяснений по поводу нарушений законов; возбудить производство об административном правонарушении; требовать привлечения лиц, нарушивших закон, к иной установленной законом ответственности.

Таким образом, подводя итог анализу деятельности военных судов в системе обеспечения законности в Вооруженных Силах Российской Федерации, следует признать, что военные суды являются самостоятельным субъектом этой системы наравне с органами военной прокуратуры, следственными органами, военной полицией, органами военного управления. При этом обеспечение законности путем вынесения частных постановлений (определений) судами является для них факультативной функцией относительно деятельности по осуществлению правосудия. Ука-

занные обстоятельства в своем итоге определяют пассивность судебных органов в деятельности по обеспечению исполнения вынесенных частных постановлений.

В целях упорядочения общественных отношений, направленных на обеспечение законности, видится необходимым передача органам прокуратуры полномочий по контролю за исполнением частных постановлений (определений) судов.

Библиография

1. Конярова, Ж.К. Дискреционные полномочия прокурора и проблемы их реализации на досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук / Ж.К. Конярова. — Ижевск, 2008. — 215 с.
2. Корякин, В.М. Военно-административное право : учебник / В.М. Корякин. — М.: Юстиция, 2019. — 562 с.
3. Корякин, В.М. Законность и правопорядок: основные направления и способы их обеспечения в Вооруженных Силах Российской Федерации / В.М. Корякин, С.С. Харитонов // Армейский сборник. — 2020. — № 9. — С. 117—124.
4. Рябцева, Е.В. Судебная деятельность в уголовном процессе России : учеб. пособие / Е.В. Рябцева. — Ростов н/Д: Феникс, 2006. — 315 с.
5. Савицкий, В.М. Что такое уголовный процесс : (беседы с народными заседателями) / под ред. Л.Н. Смирнова. — М.: Знание, 1979. — 208 с.

Мировая юстиция: доктринальные подходы и правовая реальность низшего звена судов общей юрисдикции

© Туганов Юрий Николаевич,
главный научный сотрудник Центра
исследования проблем правосудия Российского
государственного университета правосудия,
заслуженный юрист Российской Федерации,
судья в отставке

© Аулов Владимир Константинович,
научный сотрудник Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент, судья в
отставке

Аннотация. Объемный теоретический материал по теме исследования осмысливается авторами в единстве интегративного подхода и юридического позитивизма с использованием методологии сравнительного семантического анализа юридических смысловых регистров прошлого и современности. Результаты настоящей работы могут быть использованы для устранения теоретических коллизий доктринальных подходов обоснования юридической конструкции судебной системы Российской Федерации в целом, а также для преодоления противоречия между пониманием системных характеристик мировой юстиции юридическим сообществом и правовой реальностью низшего звена судов общей юрисдикции.

Ключевые слова: судебная система, Верховный суд Российской Федерации, судоустройство, мировая юстиция, мировой судья.

World justice: doctrinal approaches and the legal reality of the lower level of courts of general jurisdiction

© Tuganov Yu.N.,
is the chief researcher of the Center for the Study of
Justice Problems of the Russian State University of
Justice, Honored Lawyer of the Russian Federation,
retired judge.

© Aulov V.K.,
is a researcher at the Military University of the
Ministry of Defense of the Russian Federation,
Candidate of Law, associate professor, retired judge

Abstract. The voluminous theoretical material on the research topic is interpreted by the authors in the unity of the integrative approach and legal positivism using the methodology of comparative semantic analysis of legal semantic registers of the past and present. The results of this work can be used to eliminate theoretical conflicts of doctrinal approaches to substantiate the legal structure of the judicial system of the Russian Federation as a whole, as well as to overcome the contradiction between the understanding of the systemic characteristics of the justice of the peace by the legal community and the legal reality of the lower level of courts of general jurisdiction.

Keywords: judicial system, Supreme Court of the Russian Federation, judicial system, world justice, justice of the peace.

Анализ многочисленных научных публикаций по теме мировой юстиции позволяет выявить доктринальные подходы к сущности этого судоустройственного явления и сравнить их с правовой реальностью низшего звена судов общей юрисдикции в Российской Федерации.

Актуальность такого сопоставления обусловлена тем, что понимание системных характеристик мировой юстиции юридическим сообществом, в большинстве своем, не совпадает с правовой реальностью.

Причина такого состояния дел очевидна. Мировая юстиция России, будучи хронодискретным правовым явлением, до настоящего времени находится под влиянием суждений из континуума Российской Империи, которые, в некоторых случаях, не совсем обоснованно подгоняются под клише заданных идеологических параметров современности. Приведенные суждения можно объяснить на примере базового понятийного аппарата, используемого в научной литературе для описания этого судоустройственного феномена.

В работе максимально представлен междисциплинарный подход, который заключается в рассмотрении сущностных характеристик подсистемы мировой юстиции в современной России прежде всего сравнительного семантического анализа юридических смысловых регистров прошлого и современности.

При уточнении сущности, содержательных и функциональных признаках мирового судьи, как односоставного судебного органа, и определении подходов к отграничению этого термина от смежных судоустройственных категорий использовался сравнительно-правовой метод.

На доктринальном уровне в понятийный аппарат мировой юстиции входит следующий набор смысловых конструкций (вместе с синонимами): «местный суд», «суд, наиболее приближенный (близкий, доступный) к населению», «юрисдикция в отношении малозначительных (незначительных) и (или) несложных дел», «упрощенный (суммарный) порядок (процедура) судопроизводства», «задача на примире-

ние сторон (разрешение дел «миром»).

Однако раскрытие перечисленных терминов в юридическом дискурсе не позволяет выработать их приемлемую аксиологическую оценку, поскольку одни и те же суждения из этого перечня относятся и к «признакам мировой юстиции»¹, и к «свойствам», и к «типичным и специфичным свойствам», и к «основным признакам мирового судьи», и к «существенным характеристикам мировой юстиции»², и к «факторам», и к «доминирующим признакам мирового судьи», и к «отличительным признакам, в которых выражается его (судьи) сущность», и к «характеристикам», и к «институциональным признакам», к «целям», и к «принципам»³, к «объективным потребностям», «признакам институализации», «параметрам», к «сущностным параметрам» и, даже, к «призванию мировой юстиции»⁴.

Стоит признать, что категоричная принадлежность к конкретным классификационным группам устоявшегося понятийного аппарата у разных авторов не совпадает и определяется исключительно субъективными предпочтениями того или иного автора.

Издержками такого подхода является отсутствие определенности, последовательности и непротиворечивости. Вследствие этого тождественные квалификационные группы из числа перечисленных можно принять за различные, а различные — за тождественные. Такое смешение, в свою очередь, приводит к сопоставлению

¹ Арабова Т.Ф. Теоретические и практические вопросы реформирования судопроизводства по гражданским делам у мирового судьи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15. М.: МГУ, 2011.

² Лонская С.В. Институт мировой юстиции в России: историко-теоретическое правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. СПб., 2016.

³ Головкин Л.В. Генезис концепции мировой юстиции на Западе и в России: от единства термина к разнообразию институтов // Вестник МГУ. Сер. Право. 2009. № 6. С. 3—42.

⁴ Лозовая М.А. Организационно-правовое обеспечение деятельности института мировых судей в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11. М., 2008.

несравнимых по уровню, объему, содержанию и признакам одноименных объектов сравнения. В чем-то схожие исследования правового института мировой юстиции проводятся и зарубежными юристами¹.

Ирреальность понятийного аппарата мировой юстиции мультиплицирует эффект неопределенности до такой степени, что организация взаимосвязей между смысловыми структурами стандартного понятийного набора российской мировой юстиции в непротиворечивую систему, становится логически невозможной. В какой-то степени этим и вызвана постановка задачи на формирование полноценного понятийно-категориального аппарата теории эффективности мировой юстиции².

Все разнообразие подходов к решению данной задачи можно свести к трем основным направлениям концептуализации понятия «мировая юстиция».

Таким направлениями являются: структурно-функциональное, институциональное и негативистское (по этому вопросу авторы разделяют позицию С.В. Лонской)³. Первый подход акцентируется на примирительную, посредническую функцию мирового суда (патриархальный подход). Второй сосредоточен на том, что мировой суд — это суд ограниченной юрисдикции, суд по малозначительным делам

(прагматический подход)⁴. Что же касается негативистского направления концептуализации, то его выделение в качестве самостоятельного направления, в совокупности с упомянутой оговоркой, само по себе свидетельствует об отсутствии возможности непротиворечивой систематизации стандартного понятийного аппарата мировой юстиции.

Сторонники этого направления не видят в «дуализме концепций и многообразии вариантов» какого-либо обязательного и универсального признака мировой юстиции, кроме наименования. Правомерно ставя вопрос о существовании признака (нескольких признаков) без которых мировая юстиция теряет право называться «мировой»⁵, они приходят к выводу об отсутствии «универсальных позитивных признаков мировой юстиции..., по крайней мере признаков юридико-технических»⁶. Близость же к населению и юрисдикцию в отношении незначительных дел, представляется недостаточными для «самоидентификации» института мировой юстиции.

Наиболее же лаконично «негативистский» подход сформулирован И.Л. Петрухиным, который заметил, что «назвать эти суды (мировых судей) надо как-то иначе»⁷. Очевидно, что, если бы это произошло, системные характеристики низшего звена судов общей юрисдикции в Российской Федерации описывались бы иных, свободных от влияния идеологии позапрошлого века формулировках, при той же самой юридической конструкции.

К этому выводу можно прийти и путем сопоставления существенных характеристик стандартного набора одноименных смысловых структур из понятийного аппа-

¹ Graham McBain. Modernising the Law: Breaches of the Peace & Justices of the Peace // Journal of Politics and Law. 2015. Vol. 8. No. 3. P.158-222; Brian Duggan. Justice of the peace // British Encyclopaedia: <https://www.britannica.com/topic/justice-of-the-peace>; Provine D. Persistent anomaly: the lay judge in the American legal system. URL: <https://www.researchgate.net/profile/Doris-Provine>.

² Колоколов Н.А. Мировая юстиция в трудах теоретиков и практиков: толкование формы немыслимо без уяснения содержания // Мировой судья. 2016. № 6. С. 3—8.

³ Лонская С.В. Институт мировой юстиции в России: историко-теоретическое правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2016. С. 45; Туганов Ю.Н., Аулов В.К. Криминологическая политика Российской Федерации: концепция судебной реформы и мировая юстиция // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 5. С. 624—636.

⁴ Лонская С.В. Указ. соч. С. 45.

⁵ Головкин Л.В. Генезис концепции мировой юстиции на Западе и в России: от единства термина к разнообразию институтов // Вестник МГУ. Сер. Право. 2009. № 6. С.39.

⁶ Там же. С. 3—42.

⁷ Цит. по: Боровский М.В. Суды общей юрисдикции в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Черные дыры в российском законодательстве 2001. № 1. URL: http://www.cfin.ru/press/black/2001-1/01_01_borovsky2.shtml.

рата каждого из временных континуумов российской мировой юстиции.

Мировой судья — местный суд. В нормативных актах Российской Империи и трудах ученых юристов дореволюционного периода мировой судья рассматривается именно как местный суд. Судебные уставы определяли статус мировых судей как «местных судей и хранителей мира», которые должны были пользоваться особым доверием местных жителей, заслужив его «не столько юридическим образованием, сколько знанием народных понятий, нравов, обычаев, вообще всех условий местной жизни и в особенности своим здравым умом, честным характером и безукоризненной жизнью»¹. Известный дореволюционный юрист М.И. Брун, автор статьи в энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона² писал: «В современной разговорной и профессиональной речи понятия «мировая юстиция» и «мировые судьи» обычно отождествляют и представляют их сущность как одну из исторических форм местного суда, предназначенную государством для рассмотрения менее сложных уголовных и гражданских дел». М.В. Духовской подчеркивал, что мировой суд должен иметь «местный характер» в силу того, что «деяния, которые ему приходится разбирать, имеют, более, местное, чем общее значение»³.

Еще одним аргументом может служить наличие в Судебных уставах норм, формально позволяющих в некоторых случаях использовать местный обычай в качестве источника права. При оценке перечисленных обстоятельств необходимо принять во внимание, что современники Судебных уставов относили к «местному правосудию» не только мировых судей, но и волостные суды — существовавшие в Российской Империи одновременно с мировой юстицией сословные судебные ор-

ганы для разрешения дел с участием крестьян. «Данная классификация следует за официальной терминологией второй половины XIX в., оперировавшей понятиями «общая юстиция» и «местная юстиция» — пишет по этому поводу С.В. Лонская⁴, ссылаясь на И.А. Исаева, О.И. Чистякова и В.А. Рогова.

Имея во многом общую предметную подсудность, волостные суды, так же как и мировые судьи не были стеснены при разбирательстве дел какой-либо формальной процедурой: в соответствии со ст. 105 «Высочайше утвержденное Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г. все дела в волостном суде производятся словесно⁵. Детализированная в 1889 г. нормативная база (ст. 25 «Временных правил о волостном суде» 1889 г.) позволяла руководствоваться при принятии решений обычаем по всем спорам среди крестьян, разрешавшимся волостными судами по гражданским делам, а до 1889 г. и по уголовным делам⁶. В результате, — отмечает Б.Н. Миронов — «народная юстиция, существенно расходившаяся с законом, решала 80 % всех дел у 80 % всего населения империи»⁷.

В отличие от назначаемых на судебские должности мировых судей, судьи волостных судов действительно избирались населением. По этому критерию волостные суды имеют большие основания на «приближение» к подавляющему большинству населения Российской Империи (крестьянскому сословию) которое и избирали волостных судей. Об этом, в частно-

⁴ Лонская С.В. Институт мировой юстиции в России: историко-теоретическое правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2016.

⁵ Цит. по: Российская империя. История государства Российского. URL: <https://www.rusempire.ru/rossijskaya-imperiya/pravovye-akty-rossijskoj-imperii/667-obshchee-polozhenie-o-krestyanakh.html>.

⁶ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.): В 2 т. / 3-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 2. С. 78, 96.

⁷ Там же. С. 78.

¹ Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны : Ч. 1. Санкт-Петербург: Гос. канцелярия, 1866. С. 7.

² См.: Брокгауз Ф.А. Эфрон И.А. Энциклопедический словарь. М., 2003. С. 511.

³ Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1902. С. 69.

сти, докладывали министру внутренних дел Российской Империи: «Охотное обращение крестьян в волостной суд, несомненно, указывает на настоятельную потребность сельских местностей в суде близком, скором и простом, нестесненном громоздкими процессуальными формальностями»¹. Выводы доклада свидетельствуют о том, что спустя 30 лет после принятия Судебных уставов, потребность общества в «близком» суде оставалась злободневной.

Мировой же суд, судя по процитированному документу, так и не стал таковым для подавляющего большинства населения Империи.

Опираясь на дореволюционные источники, «близость» крестьянам именно волостных судов, констатирует в своем исследовании В.Б. Безгин². Его выводы соответствуют данным Д. Бурбанка, который, отмечает, что «если оценивать успех государственного учреждения по количеству людей, обратившихся к их услугам, то волостные суды следует считать одним из триумфов имперского государства» и приводит сведения, согласно которым в волостные суды Московской губернии в начале XX в. поступило вдвое больше дел, чем в окружные суды³. В диссертации Н.И. Горской приводятся результаты отзывов 97 губернских и уездных земств, направленных в комиссию (1881—1885 гг.) по составлению проектов местного самоуправления под председательством М.С. Коханова, согласно которым только 13 земств (12 уездных и Самарское губернское) из этого числа, высказались за безоговорочную ликвидацию волостного суда и передачу местного правосудия в руки мировых судей⁴.

Что же касается возможности руководствоваться обычаем, то в соответствии со ст. 9 и 130 Устава гражданского судопроизводства мировой судья в случае неполноты, неясности, недостатка или противоречия существующих законов был обязан основывать свои решения на общем смысле законов, а руководствоваться местными обычаями мог «лишь в тех случаях, когда применение местных обычаев допускается именно законом, или в случаях, положительно не разрешаемых законом». В то же время, Сенат, разъясняя ст. 130 Устава гражданского судопроизводства, толковал ее нормы как право, а не обязанность мировых судей руководствоваться местными обычаями и только лишь при ссылке на них сторон по делу. Опубликовавшая эти сведения Л.С. Чернухина приводит сведения, что за первые два года существования мировых учреждений на основании обычая в среднем в мировом округе разрешалось три дела в год⁵.

Нормативное объяснение использования применительно к мировым судьям в Российской Империи термина «местный суд», нередко дополняют следующими аргументами: присутствием организационной связи с земствами (голосование земских «гласных» по кандидатурам в мировые судьи) и финансированием из земского бюджета, в котором усматривается аналог обеспечения деятельности мировых судей из бюджета субъекта Российской Федерации⁶.

века (конец 50-х — конец 80-х гг.) : дис. ... д-ра истор. наук : 07.00.02. М.: Госунивер-т управления, 2009.

⁵ Чернухина Л.С. Мировые суды и государственная власть в условиях дореволюционной России // Журнал российского права. 2004. № 5. С.130—142.

⁶ Дорошков В.В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09, 12.00.11. М.: РАП, 2003; Коваль С.П. Особенности проведения судебной реформы 1864 г. в центральной России: на примере Владимирской и Ярославской губерний : дис. ... канд. истор. наук : 07.00.02. Иваново, 2006. С. 88; Мировой судья в гражданском судопроизводстве: науч.-практ. пос. [Борисов Е.А. и др.]; под ред. А.Ф. Ефимова и И.К. Пискарева. М.: Городец, 2004.

¹ Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века). М.-Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та. 2004. С. 93.

² Там же. С. 81.

³ Бурбанк Д. Правовая реформа и правовая культура: непризнанный успех волостных судов в имперской России // Изв. вузов. Правоведение. 2003. № 2. С. 190.

⁴ Горская Н.И. Земство и мировой суд в России: законодательство и практика второй половины XIX

Однако с этими утверждениями можно согласиться лишь отчасти. Основные затраты брало на себя правительство — расходы по содержанию мировых судей, их разъезды, канцелярские расходы оплачивались из уездного бюджета. Поэтому считается, что аналогичная система финансирования сложилась и у нынешних российских мировых судей¹.

Но в действительности система финансирования мировых судей в Российской Федерации по своей правовой природе не является аналогом финансирования мировых судей в Российской Империи из земского бюджета. Например, доля расходной части бюджета на судебную власть в субъектах Российской Федерации — донорах как не превышает 0,1 %. Земства же тратили на мировую юстицию от 8 до 25 % своих бюджетов².

По законодательству современной России из бюджета субъекта Российской Федерации финансируется не мировой судья, который собственно и является судом, а «мероприятия кадрового, финансового, материально-технического, информационного и иного характера, направленных на создание условий для полного и независимого осуществления правосудия»³. Причем формат такого обеспечения субъект Российской Федерации выбирает самостоятельно.

Дореволюционный мировой судья в соответствии со ст. 44 Учреждения судебных установлений непосредственно получали из земского сбора (в столицах — из городских доходов), сумму на свое содержание, разъезды, наем письмоводителя и рассыльного и на канцелярские расходы (в год 2 200 руб. серебром в столицах и 1 500 руб. серебром в прочих местах⁴). Дореволюционный мировой судья сам тратил эти суммы, отчитывался по ним и лично осуществлял подбор кадров, нанимая, говоря

современным языком, сотрудников своего аппарата.

Кроме того, мировой судья Российской Федерации не имеет возможности прямо влиять на размер своего собственного денежного вознаграждения. Определение размеров должностных окладов аппарата мирового судьи и штатное расписание аппарата находится в компетенции субъекта Российской Федерации. Размер денежного вознаграждения мировому судье регулируется федеральным законодателем.

Мировой судья же Российской Империи, будучи одновременно «гласным» земского собрания, лично принимал участие в определении бюджета мировой юстиции. У Г.А. Джаншиева можно прочесть, что отдельные земства имели реальную возможность финансировать мировые суды лучше, чем другие.

В конце 1870-х гг. в некоторых уездах Пермской губернии годовое жалование мировых судей достигало 3 тыс. руб. Санкт-Петербургская городская дума уже в 1866 г. повысила оклад мирового судьи до 4 500 руб.⁴ Велика вероятность влияния на увеличение оклада самих мировых судей (кандидатов в судьи), которые по совместительству принимали участие в разработке бюджета мировой юстиции и голосовании по нему.

Помимо всех изложенных выше доводов, суждение о мировом суде Российской Империи как о суде «местном», с «местными судьями и хранителями мира», «стряпчим и адвокатом обоих тяжущихся», опровергнуто практикой.

Обобщение деятельности мировых судей позволило комиссии Муравьева в 1899 г. признать, что «задача примирителя сторон, защитника местных польз и охранителя общественного порядка не получила в деятельности мировых судей желательного осуществления. В действительности они явились низшими органами суда, исполняющими те же обязанности по отправлению правосудия, как и прочие лица, облеченные судебским званием, и вы-

¹ Дорошков В.В. Указ. соч.

² Лонская, С.В. Мировая юстиция и местное самоуправление в царской России // Правоведение. 2003. №4. С. 195.

³ Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации», п. 1 ст. 10.

⁴ Дорошков В.В. Указ. соч.

деление их в особую судебную организацию оказалось лишенным достаточного основания»¹. К такому же выводу пришли известные дореволюционные юристы В.К. Случевский и Н.Н. Розин: мировые судьи «должны были быть по преимуществу судьями совести и примирителями сторон»², в то время как на самом деле «соотношение между судом по совести и по закону не было ... достаточно выяснено, и жизнь естественно привела к общей нивелировке всех судей, как судей по закону»³.

Оперирование смысловыми конструкциями типа: «примирение сторон», «хранители мира» будет не совсем правильным, поскольку концептуальным источником такого подхода являлась все та же славянофильство С.И. Зарудного, видевшего в мировом судье «патриархального арбитра» русских людей, у которых «правда внутренняя» выше «внешней» правды, материализованной в законе.

Для такой «правды» по мнению «отца» и «души» Судебных уставов нужен «не судья, а примиритель, он сам стряпчий и адвокат обоих тяжущихся»⁴. Этой же позиции придерживались и Соединенные департаменты Государственного Совета, смотревшие на примирение сторон как на «главнейшую задачу» и «высшее качество» мировой юстиции⁵.

Но те же самые требования по примирению законодатель дореволюционной России предъявлял не только к мировой юстиции, но и к волостным судам. При

этом волостные суды гораздо более эффективно реализовывали эту руководящую установку.

«Основываясь на народных традициях, юридических обычаях русской деревни, волостные суды видели свою главную задачу отнюдь не в том, чтобы покарать виновного, а в том, чтобы примирить стороны, сохранить внутреннюю солидарность сельского мира»⁶.

Доля дел, оконченных мировым судьей примирением сторон, достаточно велика, но она все равно не достигает параметров, о которых пишет Н.А. Астырев⁷.

В научной литературе можно встретить еще одно интересное объяснение причин распространения понятия «местный суд» на современную российскую мировую юстицию: «суть мировой юстиции состоит в максимальном приближении правосудия к населению, когда мировой судья ассоциируется с местным судом, рассматривающим межличностные житейские конфликты». Этим обстоятельством аргументируются единые критерии для определения подсудности дел мировым судьям — «местный» характер правонарушения — «совершение правонарушения преимущественно на территории судебного участка, лицами, проживающими на данной территории»⁸.

Очевидно, что в таком подходе присутствуют неустраиваемые противоречия. Первое противоречие состоит в том, что на территориях с высокой плотностью инфраструктуры (насыщенность участка юридическими адресами организаций — постоянных фигурантов дел, развитая, но сложная и интенсивно эксплуатирующаяся транспортная система, значительное коли-

¹ Объяснительная записка по проекту новой редакции Учреждения судебных установлений. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1900. С. 16—18, 20.

² Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Ч. 1: Судостроительство (переизд. 4-го изд., 1913). М., 2008. С. 120.

³ Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство : пособие к лекциям / 3-е изд., пересмотр. Петроград: Изд. юрид. кн. скл. «Право», 1916. С. 198.

⁴ Зарудный С.И. О значении мирового суда и словесного порядка гражданского судопроизводства // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 9. Оп. 3. С. 34—35.

⁵ Чернухина Л.С. Мировые суды и государственная власть в условиях дореволюционной России // Журнал российского права. 2004. № 5. С. 133.

⁶ Астырев Н.М. В волостных писарях : Очерки крестьян. самоупр. / [Соч.] Н. Астырева. М.: тип. В.В. Исленьева, 1886. С. 244; Бурбанк Д. Правовая реформа и правовая культура: непризнанный успех волостных судов в имперской России // Изв. вузов. Правоведение. 2003. № 2. С. 94.

⁷ Астырев Н.М. Указ. соч.

⁸ Анохина В.Ю. Формирование мировой юстиции Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11. М., 2014.

чество граждан не проживающих, но работающих в пределах участка), дела инициируются без участия лиц, проживающих в границах судебного участка.

Второе противоречие обусловлено динамикой подсудности. До 27 февраля 2005 г. к подсудности мировых судей были отнесены уголовные дела о преступлениях, за совершение которых могло быть назначено максимальное наказание, не превышающее двух лет лишения свободы. В настоящее время мировому судье подсудны уголовные дела о преступлениях, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы (с исключением из этого числа уголовных дел, перечень которых приводится в ч. 1 ст. 31 УПК РФ).

Означает ли это, что дела лиц, совершивших до 27 февраля 2005 г. преступления, за которые могло быть назначено наказание свыше двух, но не превышающее трех лет лишения свободы, разрешал некий «удаленный от населения», «неблизкий к нему», суд, который, в силу своей своего места в судебной системе Российской Федерации (районное звено) (пусть даже «местный» суд в лице мирового судьи зачастую находится в одном здании с этим же самым «не местным» районным судом), не в состоянии учесть «местный характер» правонарушения?

Остается неразрешенным и вопрос о том, как учитывать «местный характер правонарушения», совершенного на территории судебного участка мировому судье другого судебного участка, на рассмотрение которого это дело передано постановлением председателя соответствующего районного суда в порядке п. 3 ст. 8 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» в случае временного отсутствия мирового судьи по уважительным причинам. Между тем распространены ситуации, когда на судебном участке наделенный в установленном порядке мировой судья в связи с нахождением в отпуске по беременности и родам, или по уходу за ребенком, или в связи с усыновлением ребенка (в соответ-

ствии со ст. 255, 256 и 257 ТК РФ), может отсутствовать по 2—3 года.

Очевидно, что ответы на все эти вопросы могут быть только отрицательными. «Местный характер правонарушения» никак не может учитываться, потому что никаким юридически значимым «местным» свойством, в рамках российского законодательства, правонарушение (как и гражданское дело) не обладает.

В работах, посвященных мировой юстиции Российской Федерации можно встретить обоснование принадлежности мировой юстиции к местному правосудию еще и тем, что «мировые судьи будут находиться в самом непосредственном контакте с людьми, что главным образом через них граждане будут иметь дело с судебной властью вообще»¹.

Значит ли сказанное, что судьи районного суда не находятся в непосредственном контакте с людьми, а общаются с ними общаются каким-то «опосредованным» способом? На самом деле степень «контакта с людьми» у мировых судей и у судей районного суда одинакова. Отличаются эти контакты поводами. Поводы к контактам, в свою очередь, обусловлены процессуальными особенностями — юрисдикцией мировых судей и районных судов. Интенсивность контактов определяется нагрузкой и формой (видом) судопроизводства.

При таких обстоятельствах ошибочным является и суждение о том, что дореволюционные мировые судьи были «местным судом» по причине их выборности местным населением. На самом деле население было надежно устранено от наделения судей полномочиями, а ценз проживания для кандидатов не был обязательным. Нормативная составляющая дореволюционной мировой юстиции как «местного правосудия», носит декларативный характер, в то время как волостной суд по объему и содержанию перечисленных выше параметров попадает под категорию «местный».

¹ Лонская С. О статусе мировых судей // Российская юстиция. 1996. № 1. С. 46.

Один только пример с длительным отсутствием по уважительным причинам мирового судьи и необходимостью его подмены судьей другого судебного участка, лишней раз иллюстрирует отсутствие оснований для описания якобы «местной» мировой юстиции современной России в связанных этой характеристикой смысловых категориях (их синонимах) «приближенный», «нацеленный на скорейшее рассмотрение дел». В Российской Империи «мировые судьи в силу загруженности не могли эффективно отправлять правосудие в двух участках одновременно» — дает оценку такого рода мнению О.В. Шутило¹. Аналогичная ситуация имеет место и сейчас.

Мешает восприятию мирового судьи как «местного суда», «близкого населению, приближенного к нему суда», еще один, на первый взгляд, технический вопрос — практика аренды недвижимости для разбирательства дел мировым судьей и в Российской Империи, и в Российской Федерации. «Иногда судья снимал специальные помещения, но в подобных случаях место пребывания их часто менялось, что составляло неудобство для населения»².

Таким образом, рассмотрение понятийной категории «местный» как одной из системных характеристик мировых судей как Российской Империи, так и Российской Федерации, возможно лишь при игнорировании правовой реальности.

Сведенный же в оппозицию этот элемент детерминирует связи координации с другими элементами своей оппозиции: именно вследствие того, что правосудие у мирового судьи Российской Империи «местное», оно «близкое», «доступное» и «приближенное к населению». Дела мировой судья рассматривает «малозначитель-

ные», не требующие вследствие этого особой процедуры, тем более что разрешить такие дела возможно опираясь на местный обычай поскольку (круг замкнулся) правосудие у мирового судьи Российской Империи «местное».

То же самое относится и к производным от «местного» системным характеристикам «близкий», «доступный», «приближенный к населению», а также к включению в юрисдикцию мирового судьи малозначительных дел, которые рассматриваются им в упрощенном, «суммарном» порядке судопроизводства.

В своей основе мнение, что «сама юридическая природа правовых ситуаций, которые станут предметом рассмотрения мирового судьи, требует от законодателя минимальной регламентации процедуры разбирательства в мировой юстиции», базируется на идее XIX в. что «во всех европейских законодательствах вопрос о спешном порядке разрешается одинаково: установлением мировых ... судей, которые решают ... дела на месте»³. «Маловажные дела должен разрешать специальный суд — мировой — в составе одного судьи» — считал автор этой идеи С.И. Зарудный⁴.

Между тем, доктрина полуторавековой давности явно не укладывается в рамки современных реалий и действующего законодательства Российской Федерации, которые не предусматривают деление дел на категории, исходя из уровня их сложности. Термин «приближение» используется в действующем законодательстве только лишь в контексте необходимости приближения правосудия к месту нахождения или месту жительства лиц, участвующих в де-

¹ Шутило О.В. Становление и модернизация мировой юстиции в России (вторая половина XIX—начало XX в.): историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Саратов. 2006.

² Дорошков В.В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09, 12.00.11. М.: РАП, 2003.

³ Зарудный С.И. О значении мирового суда и словесного порядка гражданского судопроизводства // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 9. Оп. 3. С.13, 16, 17.

⁴ Зарудный С. И. О способах исполнения высочайше утвержденного начала об отделении исполнительной власти от судебной // Материалы по судебной реформе в России 1864 года. Т. 15. С. 36.

ле, находящихся или проживающих в отдаленных местностях¹.

Следующий элемент оппозиции — суждение о том, что признаком мировой юстиции является малозначительность дел, находящихся в его юрисдикции, в своей основе зиждется также на мнении С.И. Зарудного, который писал, что «ибо суд не суд, когда за малоценным иском в сорок рублей серебром надобно ехать за сто верст»².

Может быть в восприятии представителя элиты Российской Империи (тайный советник (генерал-лейтенант с 1864 г.) указанная сумма и была малозначительной. Для подавляющего большинства населения Российской Империи того периода сумма сорок рублей серебром были существенными финансовыми средствами. Согласно публикации Богданова, в «Трудах Московского городского статистического отдела», годовой заработок рабочих Первопрестольной в 1879 г. равнялся 189 руб. В месяц, следовательно, в среднем выходило по 15 руб. 75 коп³. Даже в 1913 г. — через 50 лет после введения Судебных уставов, после значительной утраты рублем своей покупательной способности, жалованье достаточно высокооплачиваемых чиновников: волостного старшины и писаря, составляло 24 руб. и 31,5 руб. в месяц соответственно.

Максимальная санкция в виде денежного взыскания, которая могла быть определена мировым судьей по уголовному делу, составляла, таким образом, в 1879 г.

¹ Это урегулировано ч. 3 ст. 24 и ч. 2 ст. 33 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» путем учреждения постоянных судебных присутствий судебных органов. С развитием технологии электронной подачи заявлений в суды термин в определенной степени теряет актуальность.

² Зарудный С.И. О значении мирового суда и словесного порядка гражданского судопроизводства / С.И. Зарудный // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 9. Оп. 3. С. 29.

³ Как жил русский рабочий до революции. URL: <https://topwar.ru/17779-kak-zhil-russkiy-rabochiy-dorevolyucii.html>

более чем полуторагодовой доход рабочего в Москве. «Малозначительный», по мнению С.И. Зарудного иск в 500 руб., рассматриваемый мировым судьей, составлял доход того же рабочего за 2 года 7 месяцев.

Примерив на свой личный доход такую «малозначительность», можно получить ответ на вопрос об уместности применения этой системной характеристики к делам, подсудным мировым судьям Российской Империи. Возможно, именно поэтому неправомерность классификации дел на основе критерия «малозначительность» отмечалось еще современниками Судебных уставов. Упомянутый выше М.И. Брун заметил, что «Дело неважное, если его сопоставить с другими судебными делами, может быть чрезвычайно важным тех, кого оно непосредственного касается»⁴.

«Ошибочность суждения о малозначительности рассматриваемых мировыми судьями дел очевидна по ряду объективных причин: малозначительность дел не означает их социальную и процессуальную малозначимость, соответственно не отменяет высокопрофессиональных требований к мировому судье» — пишут по этому поводу наши современники⁵.

«В настоящее время мировые судьи рассматривают много сложных и важных дел...» — свидетельствует по этому поводу бывший Заместитель председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Жуйков⁶. Следует также учитывать, что действующее российское законодательство не предусматривает категоризацию дел на сложные и простые, важные и неважные, малозначительные и дела, повышенной общественной значимости.

⁴ Брун М.И. Энциклопедический словарь. Т. XIX СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1896. С. 427.

⁵ Ветров П.В., Кузнецов И.А. Мировая юстиция в системе современного правосудия // Право и общество. 2013. № 12 (058). С.144.

⁶ Жуйков В.М. О предложении реформирования мировой юстиции в Российской Федерации путем «радикальной автономизации» // Журнал российского права. 2015. № 3. С.42—46.

Несмотря на отсутствие в континууме Российской Федерации нормативной составляющей, системная характеристика «малозначительность» (и ее синонимы) присутствует в подавляющем большинстве работа по мировой юстиции.

Следующим элементом, находящимся во взаимосвязи с системной характеристикой «малозначительность», является категория «упрощенный, «суммарный» порядок судопроизводства».

Логика взаимосвязи здесь также иррациональна. Основывается такое суждение на допущении, что для «малозначительных» («неважных», «не требующих значительных затрат времени», «простых»), дел нужна такая же «несложная», «упрощенная» процедура судопроизводства. Такое допущение противоречит нормативной базе, и в силу одного только этого обстоятельства ошибочным.

Остается лишь констатировать, что мировые судьи Российской Федерации никакими особенными присущими только лишь им одним специальными упрощенными процедурами рассмотрения дел, как и процессуальными средствами по примирению сторон, не обладают и не обладали ранее.

Вывод. Таким образом, выявленные противоречия между пониманием системных характеристик мировой юстиции юридическим сообществом и правовой реальностью низшего звена судов общей юрисдикции во много дают ответ на ключевой вопрос отечественного судебного строительства: «... является ли современное возрождение мировой юстиции результатом политического компромисса между «ура-патриотизмом» и российским либерализмом 90-х гг. XX в. или продуктом исторического развития, отражающим, с одной стороны, новые реалии взаимоотношений человека, общества и государства, а с другой — очередной исторический этап эволюции местного суда в России?»¹.

Библиография

1. Анохина, В.Ю. Формирование мировой юстиции Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / В.Ю. Анохина. — М., 2014. — 33 с.
2. Арапова, Т.Ф. Теоретические и практические вопросы реформирования судопроизводства по гражданским делам у мирового судьи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Т.Ф. Арапова. — М.: МГУ, 2011. — 28 с.
3. Астырев, Н.М. В волостных писарях : очерки крестьян. самоупр. / [Соч.] Н. Астырева. — М.: Тип. В.В. Исленьева, 1886. — 299 с.
4. Безгин, В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века) / В.Б. Безгин. М.-Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. — 303 с.
5. Боровский, М.В. Суды общей юрисдикции в Российской Федерации: проблемы и перспективы / М.В. Боровский // Черные дыры в российском законодательстве. — 2001. — № 1.
6. Бурбанк, Д. Правовая реформа и правовая культура: непризнанный успех волостных судов в имперской России / Д. Бурбанк // Изв. вузов. Правоведение. — 2003. — № 2.
7. Ветров, П.В. Мировая юстиция в системе современного правосудия / П.В. Ветров, И.А. Кузнецов // Право и общество. — 2013. — № 12 (058).
8. Головкин, Л.В. Генезис концепции мировой юстиции на Западе и в России: от единства термина к разнообразию институтов / Л.В. Головкин // Вестник МГУ. Сер. Право. — 2009. — № 6. — С. 3—42.
9. Горская, Н.И. Земство и мировой суд в России: законодательство и практика второй половины XIX века (конец 50-х — конец 80-х гг.) : дис. ... д-ра истор. наук : 07.00.02 / Н.И. Горская. — М.: Госунивер. управления, 2009. — 34 с.
10. Дорошков, В.В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09, 12.00.11 / В.В. Дорошков. — М.: РАП, 2003. — 64 с.
11. Духовской, М.В. Русский уголовный процесс / М.В. Духовской. — М., 1902.
12. Жуйков, В.М. О предложении реформирования мировой юстиции в Российской Федерации путем «радикальной автономизации» / В.М. Жуйков // Журнал российского права. — 2015. — № 3. — С. 42—46.
13. Зарудный, С.И. О значении мирового суда и словесного порядка гражданского судопроизводства / С.И. Зарудный // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. — Т. 9. — Оп. 3. — С. 13, 16, 17, 29, 34—35.
14. Зарудный, С.И. О способах исполнения высочайше утвержденного начала об отделении исполнительной власти от судебной /

¹ Мировая юстиция: учеб. пос. / [В.В. Захаров и др.]; под. ред. Н.А. Колоколова. — 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. С. 53.

С.И. Зарудный // Материалы по судебной реформе в России 1864 года. — Т. 15. — С. 36.

15. Коваль, С. П. Особенности проведения судебной реформы 1864г. в центральной России: на примере Владимирской и Ярославской губерний : дис. ... канд. истор. наук : 07.00.02 / С.П. Коваль. — Иваново, 2006. — 230 с.

16. Колоколов, Н.А. Миротворческая юстиция в трудах теоретиков и практиков: толкование формы мысли без уяснения содержания / Н.А. Колоколов // Миротворческая судья. — 2016. — № 6. — С. 3—8.

17. Лозовая, М.А. Организационно-правовое обеспечение деятельности института мировых судей в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / М.А. Лозовая. — М., 2008. — 26 с.

18. Лонская, С.В. Институт мировой юстиции в России: историко-теоретическое правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / С.В. Лонская. — СПб., 2016. — 54 с.

19. Лонская, С.В. Миротворческая юстиция и местное самоуправление в царской России / С.В. Лонская // Правоведение. — 2003. — № 4.

20. Лонская, С. О статусе мировых судей / С. Лонская // Российская юстиция. — 1996. — № 1.

21. Миротворческая юстиция : учеб. пос. / [В.В. Ахаров и др.]; под ред. Н.А. Колоколовой. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. — 423 с.

22. Миротворческая судья в гражданском судопроизводстве : науч.-практ. пос. [Борисов Е.А. и др.]; под ред. А.Ф. Ефимова и И.К. Пискарева. — М.: Городец, 2004. — 815 с.

23. Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.): В 2 т. — 3-

е изд., испр., доп. / Б.Н. Мионов. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — Т.2. — 566 с.

24. Розин, Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям / Н.Н. Розин. — 3-е изд., пересмотр. — Петроград: Изд. юрид. кн. кл. «Право», 1916. — 603 с.

25. Случевский, В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Ч. 1: Судостроительство (переизд. 4-го изд., 1913) / В.К. Случевский. — М., 2008.

26. Туганов, Ю.Н. Криминологическая политика Российской Федерации: концепция судебной реформы и миротворческая юстиция / Ю.Н. Туганов, В.К. Аулов // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15. — № 5. — С. 624—636.

27. Чернухина, Л.С. Мировые суды и государственная власть в условиях дореволюционной России / Л.С. Чернухина // Журнал российского права. — 2004. — № 5. — С. 130—142.

28. Шутило, О.В. Становление и модернизация миротворческой юстиции в России (вторая половина XIX — начало XX в.): историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Саратов, 2006. — 27 с.

29. Graham McBain. Modernising the Law: Breaches of the Peace & Justices of the Peace // Journal of Politics and Law. — 2015. — Vol. 8. — № 3. — P. 158—222.

30. Brian Duignan. Justice of the peace // British Encyclopaedia:
<https://www.britannica.com/topic/justice-of-the-peace>.

31. Provine D. Persistent anomaly: the lay judge in the American legal system. URL:
<https://www.researchgate.net/profile/Doris-Provine>.

Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика

К вопросу о понятии результатов оперативно-розыскной деятельности

© **Гирько Сергей Иванович**,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, заслуженный деятель науки Российской Федерации

© **Харченко Сергей Владимирович**,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации полковник юстиции

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся определения понятия «результаты оперативно-розыскной деятельности».

Высказывается мнение о том, что ОРД представляет собой систему последовательно осуществляемых действий (оперативно-розыскных мероприятий, применения оперативно-розыскных методов, привлечение отдельных лиц к оказанию содействия и т.д.), представляющих собой определенную работу, которая завершается каким-то итогом. Поэтому предлагается результаты оперативно-розыскной деятельности рассматривать в двух основных аспектах: а) как результат отдельного действия и б) как суммарный итог таких действий (их определенной совокупности).

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, оперативно-розыскные методы, результат оперативно-розыскной деятельности.

On the question of the concept of the results of operational investigative activities

© **Girko S.I.**,

Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Honored Scientist of the Russian Federation

© **Kharchenko S.V.**,

Professor of the Department of Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Colonel of Justice

Annotation. The article discusses issues related to the definition of the concept of "results of operational investigative activities".

The opinion is expressed that the ORD is a system of consistently carried out actions (operational investigative measures, the use of operational investigative methods, the involvement of individuals to assist, etc.), representing a certain work that ends with some result. Therefore, it is proposed to consider the results of operational investigative activities in two main aspects: a) as a result of a separate action and b) as the total result of such actions (their specific totality).

Keywords: operational-search activity, operational-search activities, operational-search methods, the result of operational-search activity.

Вопросы, касающиеся использования результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в решении задач по борьбе с преступностью, давно привлекают внимание исследователей. Их рассмотрению посвящены многочисленные статьи, а также отдельные монографические работы, учебные пособия и иные издания¹. По некоторым из них авторы занимают различные позиции, отдельные вопросы обходят молчанием. Эти обстоятельства и побудили нас обратиться к указанной проблеме.

Согласно ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» ОРД сводится, по сути, лишь к проведению оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). Они действительно составляют квинтэссенцию названной деятельности. Именно путем их проведения органы, уполномоченные на осуществление ОРД, во многом решают задачи этой деятельности. Перечень таких мероприятий определен Законом. Он является исчерпывающим и может быть изменен или дополнен только Федеральным законом (ч. 2 ст. 6). Но предусмотренные Законом ОРМ далеко не исчерпывают всего содержания ОРД. Наряду с ними органы, уполномоченные на осуществление ОРД, для решения ее задач используют также оперативно-розыскные методы, проводят другие дей-

ствия, не включенные в перечень ОРМ (облава, засада и др.) и т.д.²

Названные выше органы, например, реализуя предоставленное им право (п. 2 ч. 1 ст. 15 Закона), устанавливают отношения сотрудничества с лицами, изъявившими согласие оказывать содействие на конфиденциальной основе, для дальнейшего использования таких лиц в решении задач ОРД. Эти же органы привлекают граждан к оказанию гласного содействия. В соответствии с п. 4 ст. 15 Закона они создают предприятия, учреждения, организации и подразделения, необходимые для решения указанных задач и т.д.

Такое привлечение лиц к оказанию конфиденциального и гласного содействия органам, осуществляющим ОРД, создание названных выше легендированных объектов осуществляются в рамках ОРД для решения ее задач. Наряду с ОРМ они также составляют содержание этой деятельности. Могут быть названы и многие другие меры (действия), не включенные в перечень ОРМ в качестве таковых, но принимаемые указанными органами в тех же целях³.

² Бычков В.В., Харченко С.В. О некоторых проблемах использования результатов оперативно-розыскной деятельности в раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. В 2-х т. Т. 1(2). Орёл, 2020. С. 49—57.

³ О нашем подходе к определению сущности и содержания ОРД подробно см., например: Аتماжитов В.М., Бобров В.Г. Об основных направлениях дальнейшего развития теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Труды Академии управления МВД России. М.: Академия управления МВД России, 2001. С. 7—30; Они же. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел // В кн. МВД России: Энциклопедия. М.: Объединенная редакция МВД России; Издательский дом «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. С. 360—364. Они же. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности: Научный доклад. М.: Издатель Шумилова И.И., 2003. С. 3-23; Они же. К вопросу о законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности // Государство и право. 2004. № 11. С. 26—33; Они же. Актуальные проблемы законодательного регулирования

¹ Бычков В.В., Харченко С.В. К истории организационно-структурного обеспечения расследования преступлений экстремистской направленности // Создание и развитие модели органов предварительного расследования в Российской империи : мат. Всерос. науч.-практич. конф. (Москва, 24.09.2020). М., 2020. С. 30—36; Бычков В.В., Харченко С.В. Актуальные вопросы организации расследования уголовных дел о преступлениях прошлых лет // Военное право. 2020. № 6(64). С. 175—182; Бычков В.В., Харченко С.В. [и др.] Основы оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие / под ред. Д.А. Бражникова. М., 2021; Гирько С.И., Харченко С.В. Некоторые аспекты использования результатов оперативно-розыскной деятельности // Военное право. 2021. № 4. С. 277—281.

Понятие «результаты оперативно-розыскной деятельности» в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» не сформулировано. Но оно дано в п. 36.1 ст. 5 УПК РФ. Согласно названной норме, результаты ОРД — это «сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда».

В современном русском языке под термином «результат» понимается то, «что получено в завершение какой-нибудь деятельности, работы, итог»¹. Этот термин еще в XIX в. примерно так же толковал и известный русский писатель, лексикограф, этнограф В.И. Даль. Под ним он, в частно-

сти, понимал следствие чего-либо, конечный вывод, итог, исход, конец дела².

В оперативно-розыском смысле результаты ОРД также не всегда являются фактическими данными. Хотя они и могут быть использованы для проведения ОРМ в качестве оснований для проведения конкретного ОРМ, определения тактики его проведения, такого рода действия (решения) могут основываться и на предположениях (версиях), первичных данных, которые лишь предстоит проверить, после чего сведения при их подтверждении можно будет рассматривать как сведения о фактах³.

В связи с тем, что среди авторов, в работах которых рассматривается названная категория ОРД, единства мнений нет, мы не будем разбирать дефиницию анализируемого понятия, приведенную в УПК РФ, а также точки зрения авторов, высказанные ими по данному поводу, полагая, что они хорошо известны многим специалистам. Ограничимся лишь:

а) указанием на то, что нам в целом импонируют позиции, которые по рассматриваемой проблеме занимают А.В. Аتماжитов, В.Г. Бобров⁴, О.А. Вагин, А.П. Исиченко, Г.Х. Шабанов⁵, А.Ю. Шумилов¹ и некоторые другие авторы;

оперативно-розыскной деятельности // Россия в период реформ: задачи, пути решения : Научные труды ИМПЭ им А.С. Грибоедова. Выпуск 2006. М.: Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, 2006. С. 19—30; Бобров В.Г. О некоторых вопросах законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности / Полицейское право. 2005. № 2 (2). С. 75—83. Он же. О некоторых теоретических вопросах оперативно-розыскной деятельности и ее законодательного регулирования // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 8. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2005. С. 13—32; Он же. О некоторых противоречиях законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 9. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2006. С. 14—29; Он же. К вопросу о законодательном закреплении понятия оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы уголовного права и правоприменительной практики : межвузовский сборник научных трудов. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2007. С. 22—36 и др.

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 663.

² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4-х т. Т. 4. М., 1982. С. 90.

³ Бычков В.В., Харченко С.В. К вопросу о деятельности следователя в рамках типичной ситуации на различных этапах расследования преступлений экстремистского характера // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 2. С. 102—105; Они же. Некоторые особенности выдвижения и проверки следственных версий по уголовным делам о преступлениях экстремистского характера // Российский следователь. 2021. № 4. С. 17—20.

⁴ Аتماжитов В.М., Бобров В.Г. Об основных направлениях дальнейшего развития теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : Труды Академии управления МВД России. М.: Академия управления МВД России, 2001. С. 7—30.

⁵ См., например: Вагин О.А., Исиченко А.П., Г.Х. Шабанов. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов :

б) кратким изложением своей точки зрения по данному вопросу. Но прежде сделаем два «вводных замечания».

Во-первых, мы исходим из того, что ОРД представляет собой систему последовательно осуществляемых действий (оперативно-розыскных мероприятий, применения оперативно-розыскных методов, привлечение отдельных лиц к оказанию содействия и т.д.). Все они взаимосвязаны между собой, но каждое из них в известной степени носит самостоятельный характер. Любое из этих действий представляет собой определенную работу, которая завершается каким-то итогом. Поэтому результаты оперативно-розыскной деятельности следует рассматривать в двух основных аспектах: а) как результат отдельного действия и б) как суммарный итог таких действий (их определенной совокупности).

Во-вторых, при определении обсуждаемого понятия мы исходим из того, что оно должно формулироваться на основе толкования термина «результат» с точки зрения современного русского языка. А в нем под данным термином понимается то, «что получено в завершение какой-нибудь деятельности, работы, итог»².

В оперативно-розыском смысле результаты ОРД также не всегда являются фактическими данными. Хотя они и могут быть использованы для проведения ОРМ в качестве оснований для проведения конкретного ОРМ, определения тактики его проведения, такого рода действия (решения) могут основываться и на предположениях (версиях), первичных данных, ко-

торые лишь предстоит проверить, после чего сведения при их подтверждении можно будет рассматривать как сведения о фактах³.

Таким образом, результат ОРД — это итог оперативно-розыскного мероприятия (мероприятий), использования оперативно-розыскного метода (методов) и осуществления других действий, применяемых в сфере оперативно-розыскной деятельности для решения задач ОРД и достижения ее целей. Этот итог может носить информационный, материальный и действенный характер. В первом случае речь идет о получении сведений о лицах, фактах и обстоятельствах, представляющих оперативный интерес. Во втором — о выявлении вещей, предметов и иных объектов-носителей информации. В третьем — о непосредственном решении той или иной задачи по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию преступлений и т.д. (например, задержание лица; склонение его к отказу от преступных намерений и действий; приведение в негодность орудий подготавливаемого преступления и тем самым пресечение этого преступления; привлечение лица к оказанию содействия и т.д.).

Библиография

1. Аتماжитов, В.М. Об основных направлениях дальнейшего развития теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // В.М. Аتماжитов, В.Г. Бобров // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : Труды Академии управления МВД России. — М.: Академия управления МВД России, 2001. — С. 7—30.

2. Бобров, В.Г. Некоторые суждения по монографии Н.С. Железняк и А.Д. Васильева «черные дыры» и «белые пятна» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: юридические и лингвистические аспекты //

учебно-практическое пособие. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. С. 79—87.

¹ См., например: Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная энциклопедия. М.: Изд. Шумилова И.И., 2004. С. 262, 263; Он же. Словарь оперативно-розыскной деятельности. М.: Изд. Шумилова И.И., 2004. С. 120, 121; Он же. Курс основ оперативно-розыскной деятельности : учебник для вузов. — 2-е изд., доп. и перераб. М.: Изд. дом Шумиловой И.И., 2007. С. 306—309; Он же. Оперативно-розыскной словарь : учебное пособие. М.: Изд. дом Шумиловой И.И., 2008. С. 128 и др.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: АЗЪ, 1995. — С. 663.

³ Бычков В.В., Харченко С.В. К вопросу о деятельности следователя в рамках типичной ситуации на различных этапах расследования преступлений экстремистского характера // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 2. С. 102—105; Они же. Некоторые особенности выдвижения и проверки следственных версий по уголовным делам о преступлениях экстремистского характера // Российский следователь. 2021. № 4. С. 17—20.

Оперативник (сыщик). — 2011. — № 1(26). — С. 47—54.

3. Бобров, В.Г. О некоторых вопросах законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности / В.Г. Бобров // Полицейское право. — 2005. — № 2 (2). — С. 75—83.

4. Бычков, В.В. Актуальные вопросы организации расследования уголовных дел о преступлениях прошлых лет / В.В. Бычков, С.В. Харченко // Военное право. — 2020. — № 6(64). — С. 175—182;.

5. Бычков В.В., Харченко С.В. К вопросу о деятельности следователя в рамках типичной ситуации на различных этапах расследования преступлений экстремистского характера // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2021. — № 2. — С. 102—105.

6. Бычков, В.В. К истории организационно-структурного обеспечения расследования преступлений экстремистской направленности / В.В. Бычков, С.В. Харченко // Создание и развитие модели органов предварительного расследования в Российской империи : мат. Всерос. науч.-практич.

конф. (Москва, 24.09.2020). — М., 2020. — С. 30—36.

7. Бычков, В.В. О некоторых проблемах использования результатов оперативно-розыскной деятельности в раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности / В.В. Бычков, С.В. Харченко // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. В 2-х т. Т. 1(2). — Орёл, 2020. — С. 49—57.

8. Бычков, В.В. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие; под ред. Д.А. Бражникова / В.В. Бычков, С.В. Харченко [и др.] — М., 2021.

9. Вагин, О.А. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов : учебно-практическое пособие / О.А. Вагин, А.П. Исиченко, Г.Х. Шабанов. — М.: Изд. дом Шумиловой И.И., 2006.

10. Гирько, С.И. Некоторые аспекты использования результатов оперативно-розыскной деятельности / С.И. Гирько, С.В. Харченко // Военное право. — 2021. — № 4. — С. 277—281.

11. Шумилов, А.Ю. Оперативно-розыскная энциклопедия / А.Ю. Шумилов. — М.: Изд. Шумилова И.И., 2004.

Уголовно-правовая охрана воинских захоронений

© Давыдова Елена Юрьевна,
заместитель начальника Службы земельно-имущественных отношений ГБУ «Ритуал»

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы регулирования общественных отношений, связанных с сохранением памяти воинской славы России, важности и необходимости патриотического воспитания населения, вопросы охраны общественных отношений с точки зрения уголовного права Российской Федерации. Важность патриотического воспитания определяется использованием опыта поколений, правильным толкованием исторически сложившихся воинских ритуалов, что способствует росту авторитета вооруженных сил, осознанием, что воинские ритуалы являются одним из важных факторов процесса воспитания. К сожалению, из года в год совершаются преступления, посягающие на сохранность воинских захоронений, памятников, стел, обелисков, и других мемориальных сооружений, иных объектов исторической памяти, поэтому очень важным, по мнению автора статьи, является защита общественных отношений в данной сфере.

Ключевые слова: надругательство над памятниками, воинское захоронение, стела, обелиск, памятник, мемориальное сооружение, могила, противоправное деяние, ответственность

Criminal law protection of military graves

© Davydova E.Yu.,
Deputy Head Land and Property Relations Services
GBU "Ritual"

Abstract. This article discusses the issues of regulation of public relations related to the preservation of the memory of the military glory of Russia, the importance and necessity of patriotic education of the population, issues of protection of public relations from the point of view of criminal law of the Russian Federation. The importance of patriotic education is determined by: the use of generational experience, the correct interpretation of historically established military rituals, which contributes to the rise of the armed forces, the realization that military rituals are one of the important factors in the process of education. Unfortunately, from year to year there are crimes that encroach on the safety of military graves, monuments, steles, obelisks, and other memorial structures, other objects of historical memory, therefore, according to the author of the article, it is very important to protect public relations in this area.

Keywords: Serviceman, Criminal Code of the Russian Federation, "funeral business", abuse, grave, illegal act, responsibility, military burial, stele, obelisk, monument, memorial structure.

В настоящее время происходят противоречивые социально-экономические процессы в обществе. Вместе с тем, возрастает роль исторического и патриотического воспитания населения. Возникает желание узнать свое прошлое, понять, что происходит в настоящее время. Ряд исследователей обращает внимание на то обстоятельство, что воинские ритуалы — это одна из важнейших частей патриотического вос-

питания молодежи по следующим обстоятельствам¹:

— *во-первых*, становление и развитие Вооруженных Сил России предполагает использование опыта, который был накоплен предыдущими поколениями;

— *во-вторых*, правильное использование исторически сложившихся воинских ритуалов поднимает авторитет вооруженных сил;

¹ Минер В.Л. Воинские ритуалы Российской армии в XIX — начале XX веков : дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

— *в-третьих*, воинские ритуалы являются одним из важных факторов процесса воспитания. Передача исторического опыта, нравственных ценностей комплексно воздействуют на сознание военнослужащих.

«Никто не забыт, ничто не забыто» — это очень мощный лозунг, который применялся к подвигу солдат Великой Отечественной войны, остающийся по сей день достоянием общенародной памяти.

Каждое государство стремится к сохранению народной памяти. Прежде всего, это ярко выражено в памятниках, стелах, обелисках и других мемориальных сооружениях и объектах. Все эти сооружения создаются с целью воспитать уважение у населения к подвигам людей.

К сожалению, в современном мире развивается преступность, одно из самых негативных явлений современности. В настоящее время государственный аппарат ищет пути минимизации ее, то есть снижения количества совершенных преступлений.

Из года в год существуют преступления, посягающие на сохранность воинских захоронений, памятников, стел, обелисков, и других мемориальных сооружений, иных объектов исторической памяти.

Первая редакция российского УК РФ 1996 г. не содержала самостоятельного состава преступления за данные деяния. Позднее УК РФ был дополнен статьей 243.4 «Уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвящённых дням воинской славы России»¹.

Стоит отметить, что такое позднее включение в уголовное законодательство так называемого «специального состава преступления», касающегося преступлений против «военной памяти», связано с

тем обстоятельством, что охрана общественных отношений в сфере похоронного дела прошла довольно сложную проверку на прочность. Обратимся немного к истории данного вопроса.

Одним из ключевых составов преступления, в котором объектом охраны являются общественные отношения в сфере похоронного дела, можно считать «надругательство над телами умерших и местами их захоронения» (ст. 244 УК РФ).

Впервые в российском законодательстве нормы об ответственности за осквернение умерших, мест их захоронения появились в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (ст. 256, 257). Данные деяния назывались «гробокопательство» — одно из самых древних преступлений, которое оскверняет нравственные чувства.

Процесс появления уголовных норм, которые предусматривали ответственность за совершение вышеуказанного уголовного преступления, в советской России был непростым.

После падения власти императора в 1917 г. проблема надругательства над телами умерших и местами их захоронения не нашла своего отражения в уголовно-правовых документах советского права. Новая политика социалистического государства не предусматривала охрану таких общественных отношений, поскольку память об усопших, особенное поклонение могилам предков, священные обряды были связаны с религиозными верованиями. После октябрьского переворота со стороны советской власти начались гонения на церковь, пропагандировалась идея отделения государства от церкви.

Как писал В.И. Ленин в своих сочинениях, «государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью, упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть безусловно уничтожены»².

¹ Федеральный закон от 7 апреля 2020 г. № 112-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

² Ленин В.И. Социализм и религия // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 143.

Вопросы похоронного дела не занимали ключевого места в советском праве. Одним из первых документов, регулирующих похоронное дело, был Декрет от 11 декабря 1918 г. «О кладбищах и похоронах». Данный декрет просуществовал до 1948 г., до принятия новых санитарных норм содержания кладбищ. Декрет от 11 декабря 1918 г. не устанавливал уголовной ответственности за надругательство над телами умерших и местами их захоронения.

Существование такой идеологии советского государства не предполагало наличие состава преступления, связанного с надругательством над телами умерших и местами их захоронения. Именно поэтому данный состав преступления не нашел своего отражения в советских уголовных кодексах 1922 и 1926 годов.

Ряд исследователей отмечают¹, что в истории отечественного уголовного права УК РСФСР 1922 г. занимает особое место, хотя срок его действия был самым коротким. Основные институты, закрепленные в первом кодифицированном источнике социалистического уголовного законодательства, выдержали испытание временем, несмотря на серьезные изменения социально-политической обстановки. Стоит отметить, что спецификой УК РСФСР 1922 г. был его социалистический характер. В этой связи интересным представляется мнение исследователя В.К. Глистина, который считал, что надругательство над могилой есть разновидность хулиганства². Статьей 176 УК 1922 г., утвержденного постановлением ВЦИК СССР от 1 июня 1922 г., была установлена уголовная ответственность за «хулиганство», то есть за озорные, бесцельные, сопряженные с явным проявлением неуважения к отдельным гражданам или обществу в целом действия.

¹ Сулейманов А.А. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.: концептуальные основы и общая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

² Курс советского уголовного права / отв. ред. проф. Н.А. Беляев. Ленинград, 1981. Т. 5. С. 6.

Только в УК РСФСР 1960 г., утвержденном Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г., впервые появился состав преступления «надругательство над могилой». Н.П. Грабовская³ указала, что предусмотренный ст. 229 УК РСФСР 1960 г. состав преступления «надругательство над могилой» (надругательство над могилой, а равно похищение находящихся в могиле или на могиле предметов) включает в себя посягательства на нравственные основы социалистического общества, так как эти посягательства оскорбительны для умершего, причиняют тяжелые моральные страдания близким покойного и соответствуют нормам социалистической нравственности по обеспечению сохранности захоронений.

В курсе советского уголовного права состав преступления «надругательство над могилой» состоял в следующем.

Объективной стороной вышеуказанного состава преступления являлось совершение безнравственных, дерзостных, оскверняющих или циничных действий, грубо нарушающих установленный для мест захоронения порядок (к таким действиям можно отнести: разрушение надмогильных сооружений, памятников, надмогильной насыпи, нанесение на надмогильный холм нечистот, мусора, нецензурные надписи на памятниках и оградах, уничтожение цветов и т. п.).

Моментом окончания данного преступления был момент совершения самих действий независимо от того, выполнил ли виновный свое намерение до конца и стало ли известно лицам, близким умершему.

Субъективной стороной преступления является прямой умысел и стремление надругаться, совершить действия, оскорбительные для памяти об умершем.

Мотивами преступления могли быть: месть, личная неприязнь и иные. Если помимо надругательства над могилой совершенные действия выражают собой явное неуважение к обществу (например, действия совершены во время похорон, со-

³ Там же. С. 32—33.

вершены с особым цинизмом или дерзостью), то такие действия квалифицируются со ссылкой на ч. 2 ст. 206 УК РСФСР.

Субъектом преступления по ст. 229 УК РСФСР может быть вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

В соответствии с п. 93 Указа Президента Верховного Суда РСФСР от 3 декабря 1982 г. в ст. 229 УК РСФСР 1960 г. было внесено изменение: увеличена уголовная ответственность за совершение рассматриваемых деяний. После вступления в силу поправки, к лицам, совершившим преступление, предусмотренное ст. 229 УК РСФСР, применялось наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до двух лет.

С принятием УК РФ 1996 г. уголовно-правовая норма, которая регулировала вышеуказанный состав преступления, была существенно видоизменена. Во-первых, был расширен перечень уголовно-наказуемых действий в рамках преступных действий, во-вторых, введены квалифицирующие признаки преступного деяния¹; в-третьих, существенно расширен предмет данного преступления, произошла конкретизация объективной стороны; в-четвертых, санкция предусматривает более расширенный перечень наказаний по сравнению с советским кодексом².

Первая редакция ст. 244 УК РФ предусматривала: штраф, обязательные работы, исправительные работы, арест, ограничение свободы, лишение свободы. Санкция ст. 229 УК РСФСР предусматривала только лишение свободы или исправительные работы. Вместе с тем, размер наказания был строже (наказание в виде исправительных работ могло быть назначено сроком до 2-х лет, тогда как первая редакция ст. 244 УК РФ предусматривала наказание

в виде исправительных работ сроком до 1 года).

Сложность охраны общественных отношений в сфере похоронного дела была вызвана историческими реалиями времени. Тем более, появление «особого состава преступления», связанного с охраной военной памяти народа сильно изменило сознание гражданина.

Дополнение УК РФ статьей 243.4 «Уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвящённых дням воинской славы России» стало необходимо в целях повышения уровня уголовно-правовой защиты от умышленного уничтожения или повреждения воинских захоронений.

В ст. 6 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» важнейшим направлением государственной политики Российской Федерации по увековечению Победы советского народа в Великой Отечественной войне является решительная борьба с проявлениями фашизма. Российская Федерация берёт на себя обязательство принимать все необходимые меры по предотвращению создания и деятельности фашистских организаций и движений на своей территории.

Стоит отметить, что до появления состава преступления, предусмотренного нормами ст. 243.4 УК РФ, противоправные деяния подлежали квалификации по ст. 243 УК РФ «Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия — памятников истории и культуры народов Российской Федерации, включённых в единый государственный реестр объектов культурного наследия — памятников истории и культуры народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей».

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1996. С. 558.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А.В. Наумова. М., 1996. С. 445.

Вышеуказанная статья не была эффективной нормой в рамках защиты особенных объектов посягательства (военные захоронения, памятники, стелы, обелиски и другие мемориальные сооружения). Время требовало дополнения уголовного закона статьей 243.4. Главной целью такого дополнения стало защита объектов исторического значения и защита памяти.

В настоящее время необходимо сохранение и укрепление духовно-нравственных ценностей страны. Существование санкции за преступления против памяти народа заставляет задуматься о том, что есть самое ценное в жизни.

В нашей стране власть стремится сооружать, сохранять и реставрировать памятники и другие мемориальные сооружения и объекты, которые увековечивают память погибших в Великой Отечественной войне.

Самостоятельный состав преступления, предусмотренный ст. 243.4 УК РФ, охватывает все противоправные деяния, совершенные в целях уничтожения и повреждения объектов исторической памяти. Полагаем, что это станет эффективным средством для защиты и сохранения памяти о защитниках нашей страны.

Представляется интересным остановиться на анализе состава преступления, предусмотренного ст. 243.4 УК РФ.

Субъект преступления — вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет. Однако если лицо, достигшее 14-летнего возраста, совершит одно из данных преступлений, то оно будет нести ответственность по другим нормам уголовного закона, например, по ст. 214 УК РФ (вандализм)¹.

Объектом преступления является общественная нравственность в сфере охраны памяти погибших, защищавших Отечество, а также его интересы. Дополнительным объектом — собственность, так как

речь идёт об уничтожении или повреждении объектов материального мира, находящихся в различных формах собственности.

Перечень предметов преступления ст. 243.4 УК РФ включает в себя воинские захоронения, а также мемориальные сооружения, воздвигнутые в честь павших при защите Отечества.

В.В. Бычков выделяет следующие примеры предмета преступления ст. 243.4 УК РФ:

- воинское захоронение;
- место погребения военнослужащих, независимо от времени захоронения. Они могут быть как массовыми (братская могила), так и одиночными;
- воинский памятник — мемориальный объект, возведённый в память о военных победах или героизме военнослужащих;
- монумент — крупный по размерам мемориальный объект, посвящённый какому-либо значимому событию;
- статуя — вид объёмной скульптуры человека, выполняется, как правило, в полный рост;
- обелиск — монумент, сужающийся кверху, в основном квадратный в сечении;
- мемориальные сооружения — как правило, комплексные произведения архитектуры, сооружаемые в память о военных победах или воинском героизме;
- мемориальные объекты — архитектурные комплексы с прилегающими к ним территориями, создаваемые после исторических событий и имеющие историко-культурную ценность².

Главным требованием к предмету преступления является историческая значимость, которая определяется историко-культурной экспертизой.

Субъективная сторона преступления обоих сравниваемых составов — это вина в виде прямого или косвенного умысла. Как отмечает А. Корепанова, преступник

¹ Селиверстов Н.О. Проблемы разграничения статей 243 и 243.4 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2 (90). С. 99—103.

² Бычков В.В. Предмет преступления, предусмотренного статьей 243.4 УК РФ // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 2 (28). С. 36—42.

осознаёт, что повреждает или уничтожает объект культурного наследия или мемориальный объект, посвящённый памяти павших воинов, предвидит неизбежность его повреждения и желает этих последствий.

С объективной стороны общественно опасные деяния ст. 243.4 УК РФ выражены в уничтожении или повреждении предмета преступления. Общественно опасное деяние считается завершённым в тот момент, когда совершено деяние в виде повреждения или уничтожения предмета преступления.

Кратко рассмотрев состав преступления, предусмотренного ст. 243.4 УК РФ, можно сделать вывод о том, что законодатель стремился предусмотреть всю специфику общественных отношений, связанных с сохранением памяти народа.

Библиография

1. Бычков, В.В. Предмет преступления, предусмотренного статьей 243.4 УК РФ / В.В. Бычков // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения.* — 2020. — № 2 (28). — С. 36—42.
2. Корепанова, А. Уголовно-правовая ответственность за уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвящённых дням воинской славы России / А. Корепанов // *Modern Science.* — 2020. — № 7 — С. 145—147.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. — М., 1996.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А.В. Наумова. — М., 1996.
5. Курс советского уголовного права / отв. редактор проф. Н.А. Беляев. — Ленинград, 1981. — Т. 5.
6. Минер, В.Л. Воинские ритуалы Российской армии в XIX — начале XX веков : дис. ... канд. ист. наук. — М., 1997.
7. Селиверстов, Н.О. Проблемы разграничения статей 243 и 243.4 Уголовного кодекса Российской Федерации / Н.О. Селиверстов // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.* — 2021. — № 2 (90). — С. 99—103.
8. Сулейманов, А.А. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.: концептуальные основы и общая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Сулейманов. — М., 2007.

Расширение понятия должностного лица в российском уголовном законодательстве в свете последних изменений Уголовного кодекса Российской Федерации

© Ермолович Ярослав Николаевич,
доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры уголовного права и криминологии
ФГКОУ ВО «Московская академия
Следственного комитета Российской
Федерации»

Аннотация. В статье комментируются изменения уголовного законодательства в части расширения понятия должностного лица и отнесения к таким лицам работников, осуществляющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в хозяйственных обществах, в деятельности которых принимает участие Российская Федерация, субъекты Российской Федерации или муниципальные образования.

Ключевые слова: уголовная ответственность; должностное лицо; лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации; хозяйственное общество; акционерное общество; общество с ограниченной ответственностью; превышение должностных полномочий; злоупотребление должностными полномочиями; взяточничество.

Expansion of the concept of an official in the Russian criminal legislation in the light of recent changes in the Criminal Code of the Russian Federation

© Ermolovich Ya.N.,
Doctor of Legal Sciences, Professor of the
Department of Criminal Law and Criminology
FGKOU VO «The Moscow Academy Investigative
Committee of the Russian Federation»

Abstract. The article comments on the changes in the criminal legislation in terms of expanding the concept of an official and assigning to such persons employees who perform organizational and administrative or administrative-economic functions in economic companies in which the Russian Federation, subjects of the Russian Federation or municipalities participate.

Keywords: criminal liability; an official; a person performing managerial functions in a commercial or other organization; a business company; a joint-stock company; a limited liability company; abuse of official authority; abuse of official authority; bribery.

7 марта 2021 г. вступил в силу Федеральный закон от 24 февраля 2021 г. № 16-ФЗ «О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации», согласно которому был уточнен перечень лиц, признаваемых должностными для целей гл. 30 УК РФ, кроме того корреспондирующие изменения были внесены в примечание к ст. 201 УК РФ.

Авторами законопроекта отмечалось, что он направлен на совершенствование правовых основ противодействия коррупции, поскольку лица, занимающие руководящие должности в дочерних организациях хозяйственных обществ, подконтрольных Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, не являлись субъектами таких преступлений, как злоупотребле-

ние должностными полномочиями, получение взятки, служебный подлог, халатность, но при этом они наделены организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями аналогично должностным лицам, а негативные последствия для общества и государства от совершенных ими общественно опасных деяний по своей тяжести соответствуют преступлениям, предусмотренным гл. 30 УК РФ. Кроме того, уголовное преследование руководителей таких организаций за преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23 УК РФ) осложнялось отсутствием заявлений об ущербе в правоохранительные органы со стороны потерпевших юридических лиц — материнских структур, зачастую не заинтересованных в публичной огласке происшествий¹.

Согласно новому закону к должностным лицам стали относиться лица, выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных внебюджетных фондах, публично-правовых компаниях, в хозяйственных обществах, в высшем органе управления которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право прямо или косвенно (через подконтрольных им лиц) распоряжаться более чем пятьюдесятью процентами голосов либо в которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более пятидесяти процентов состава коллегиального органа управления, в акционерных обществах, в отношении которых используется специальное право на участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований в управлении такими акционерными обществами («золотая акция»). Эти же лица были исключены из

примечания 1 к ст. 201 УК РФ, т. е. перестали относиться лицам, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации.

Ранее к должностным лицам относились только лица, выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежал Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям. При этом указанная группа работников была отнесена к должностным лицам только Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 265-ФЗ², что было обусловлено расширением функций государства в управлении экономикой страны. Авторами законопроекта 2015 г. такие изменения объяснялись так же, как и рассматриваемые изменения: схожестью правового положения руководителей таких хозяйственных обществ с должностными лицами, невозможностью их привлечения к уголовной ответственности за должностные и коррупционные преступления.

Таким образом, по смыслу закона к должностным лицам постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющим организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям (далее для краткости — Российской Федерации и т. д.), по старому законодательству следовало относить только таких работников указанных организаций, которые выполняли государственные функции по управлению федеральной собственностью, функции государственного контроля (надзора) в соответствующей сфере деятельности, а в некоторых случаях и организационно-распорядительные функции, если осуществление таких функций было предусмотрено федеральным законодательством

¹ Проект Федерального закона № 1013018-7 «О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации в части уточнения понятия «должностное лицо».

² Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

или иным нормативным правовым актом, которым им делегированы такие полномочия. В остальных случаях, при отсутствии у таких работников хозяйственных обществ властных полномочий, делегированных органами государственной власти, не предусмотренных федеральным законодательством или иными нормативными правовыми актами, они не могли признаваться должностными лицами, однако могли, при наличии соответствующих оснований, обладать признаками лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации.

Внеся изменения в примечание 1 к ст. 285 УК РФ и взаимосвязанные изменения в примечание 1 к ст. 201 УК РФ, законодатель исключил это противоречие из уголовного законодательства, решив вопрос в пользу расширения дискреционных полномочий государства в сфере правового регулирования экономической деятельности хозяйственных обществ с государственным участием. Теперь работники таких акционерных обществ, обладающие организационно-распорядительными или административно-хозяйственными полномочиями, как они понимаются в п. 4, 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», приравниваются к должностным лицам, осуществляющим такие функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях.

Согласно ранее действовавшим положениям уголовного законодательства должностными лицами являлись только работники акционерных обществ, контрольный пакет акций которых принадлежал Российской Федерации и т. д.¹

¹ О проблемах уголовной ответственности за должностные и коррупционные преступления см.: Яни П. С. Связь преступления с предпринимательской деятельностью // Законность. 2019. № 11. С. 42—46; Трунцевский Ю. В. Противодействие коррупции и уголовный закон //

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 16 ноября 1992 г. № 1392 «О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий» под контрольным пакетом акций понимается любая форма участия в капитале предприятия, которая обеспечивает безусловное право принятия или отклонения определенных решений на общем собрании его участников (акционеров, пайщиков) и в его органах управления, в том числе наличие «Золотой акции», права вето, права непосредственного назначения директоров и т. п.². В соответствии со ст. 38 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» в целях обеспечения обороноспособности страны и безопасности государства Правительство Российской Федерации и органы государственной власти субъектов Российской Федерации могут принимать решения об использовании специального права на участие в управлении акционерными обществами — специальное право «золотая акция». Таким образом, по смыслу примечания 1 к ст. 285 УК РФ и Указа Президента Российской Федерации от 16 ноября 1992 г. № 1392 «О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий» под контрольным пакетом акций понимается принадлежность Российской Федерации, субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию как всех акций общества, так и специального права «золотая акция», так и определенного количества акций, позволяющего влиять на принимаемые обществом решения — т. н. блокирующего пакета акций.

По оценке ФАС России в четырех секторах экономики (энергетика, транспорт,

Российский следователь. 2019. № 7. С. 38—42; Любый И. А. К вопросу об ответственности за злоупотребления в сфере государственных и муниципальных закупок // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 54—56 и др.

² См, напр.: Ламбаев Ж. Т. «Золотая акция» и пределы ее применения // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9. С. 93—100.

добыча полезных ископаемых и финансы) доля выручки госкомпаний в общей выручке 100 крупнейших компаний по каждому сектору близка или превышает 50 %. При этом 100 крупнейших компаний, указанных четырех секторов (всего — 400 компаний) формируют более 30 % выручки всех российских компаний. Эти пропорции в существенной мере обуславливают общий высокий уровень участия государства в экономике. По разным оценкам экспертов, доля госсектора в экономике России может достигать до 70 %. Всего два предприятия (АО «Газпром» и АО «Роснефть») обеспечивают вклад в ВВП в размере 12—14 %. Госкорпорации имеют до тысячи дочерних и зависимых обществ. Совокупная доля госкорпораций в экономике России составляет по различным оценкам 7—10 % ВВП. Доля государственных банков в активах отечественного банковского сектора составляет более 66 %. По результатам проведенных опросов экспертами отмечается, что 90 % крупных российских компаний считают долю государства в экономике высокой или крайне высокой. Процесс усиления роли государства в экономике происходит преимущественно через повышение роли государственных структур в распределении финансовых ресурсов и контроле экономических агентов, активизацию сформированных вертикально-интегрированных структур в ряде отраслей, государственных корпораций и институтов развития, передачу в их капиталы имущества непубличных государственных компаний, процессы «псевдоприватизации», расширение сфер (зон контроля) государственного регулирования¹.

Такой процесс усиления роли государства в экономике России является, на наш взгляд, неизбежным и вызван тем обстоятельством, что либеральная модель устройства экономики, характеризующаяся минимальным вмешательством государства в экономическую сферу жизни обще-

ства, показала свою несостоятельность в России в 90-е годы прошлого века, когда бывшие государственные предприятия приватизировались по минимальной стоимости, хозяйственная деятельность такого предприятия прекращалась, имущество распродавалось по частям, а капиталы вывозились за рубеж; используя различные пробелы законодательства, хозяйствующие субъекты занимались вывозом за рубеж и полезных ископаемых, добываемых в России, а по сути — их хищением. Именно в этот период появились понятия, социальные и правовые явления фирм-однодневок, «бегства капиталов», рейдерских захватов, отмывания доходов, полученных преступным путем, и других криминально-криминогенных феноменов, получивших уголовно-правовую оценку уже в 2000-е годы.

В настоящее время в мире в целом процесс усиления роли государства в экономике является общей тенденцией, особенно на фоне периодических экономических кризисов, распространения новой коронавирусной инфекции. Поэтому издержки от государственно-монополистических тенденций развития экономики России в виде нарушений отдельными хозяйствующими субъектами антимонопольного законодательства не идут не в какое сравнение с негативными эффектами от передачи большей части экономики в частный сектор, как это имело место в 90-е годы прошлого века. Уголовное право лишь отражает изменения экономического базиса общества, закрепляя на правовом уровне криминальные и криминогенные явления, возникающие в процессе развития общества. Исходя из этих предпосылок, вполне логичным и обоснованным выглядит расширение полномочий государства в сфере регулирования деятельности акционерных обществ с государственным участием, путем возложения на работников таких обществ уголовной ответственности за совершение должностных и коррупционных преступлений².

¹ Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2020 год. Федеральная антимонопольная служба: официальный сайт. Режим доступа: <https://fas.gov.ru>.

² См., напр.: Ермолович Я. Н. О коррупционных и должностных преступлениях должностных лиц и сотрудников организаций ОПК // Оборонно-

Таким образом, государство принимает участие в деятельности хозяйственных обществ в следующих формах:

- 1) 100 % акций принадлежит государству;
- 2) государству принадлежит контрольный пакет акций;
- 3) государству принадлежит «золотая акция»;
- 4) государству принадлежит блокирующий пакет акций (такой пакет акций, предусмотренный Федеральным законом «Об акционерных обществах» или уставом акционерного общества, при котором возможно принятие решений независимо от мнения иных акционеров);
- 5) государству принадлежит незначительный пакет акций;
- 6) участие в уставном капитале хозяйственного общества (если доля участия превышает 50 %).

Следует иметь в виду, что в Федеральном законе от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» во многих случаях применяется диспозитивный метод правового регулирования, т. е. уставом общества могут быть предусмотрены иные положения о порядке принятия общим собранием акционеров решений или числе голосов акционеров — владельцев голосующих акций, необходимых для принятия того или иного решения. С учетом этих положений и новых изменений уголовного законодательства законодатель решил отойти от определения доли акций, находящихся в собственности Российской Федерации и т. д., исключив указание на контрольный пакет акций, вместо этого законодатель, чтобы исключить возможные коллизии с положениями Федерального закона «Об акционерных обществах», указал в примечании 1 к ст. 285 УК РФ права, которые приобретает Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование в качестве владельца акций:

- 1) право прямо или косвенно (через подконтрольных лиц) распоряжаться более

чем пятьюдесятью процентами голосов на общем собрании акционеров (участников), т. е. речь идет о возможности принимать любые решения, относящиеся к компетенции общего собрания акционеров, либо влиять на принятие таких решений;

- 2) право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более пятидесяти процентов состава коллегиального органа управления, т. е. речь идет о физической возможности осуществления контроля за принятием решений органами управления хозяйственного общества, назначения руководства хозяйственного общества;

- 3) «золотая акция» или специальное право на участие, подразумевает, исходя из положений ст. 38 ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества», возможность влиять на принимаемые акционерным обществом решения, осуществлять через общее собрание акционеров контроль за хозяйственной деятельностью такого общества.

Если в ранее действовавшей редакции примечания 1 к ст. 285 УК РФ указывалось только на акционерные общества, то в новой редакции речь идет о хозяйственных обществах в целом. Другим видом хозяйственного общества, предусмотренного ГК РФ, является общество с ограниченной ответственностью. Согласно п. 2 ст. 7 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» государственные органы и органы местного самоуправления не вправе выступать участниками обществ, за исключением случаев, которые отдельно предусмотрены законом. Так ч. 1 ст. 80 Бюджетного кодекса Российской Федерации (БК РФ) установлено, что предоставление бюджетных инвестиций юридическим лицам, не являющимся государственными или муниципальными учреждениями и государственными или муниципальными унитарными предприятиями, влечет возникновение права государственной или муниципальной собственности на эквивалентную часть уставных (складочных) капиталов указанных юридических лиц, которое оформляется участием Рос-

промышленный комплекс: вопросы права. 2020. № 2. С. 62—72.

сийской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в уставных (складочных) капиталах таких юридических лиц в соответствии со ст. 125 ГК РФ. Согласно п. 1 ст. 68 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» представительные органы муниципальных образований для совместного решения вопросов местного значения могут принимать решения об учреждении межмуниципальных хозяйственных обществ в форме непубличных акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью. По общему правилу каждый участник общества с ограниченной ответственностью имеет на общем собрании участников общества число голосов, пропорциональное его доле в уставном капитале общества (ст. 32 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»). Таким образом, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования могут участвовать в деятельности обществ с ограниченной ответственностью, однако если ранее работники таких обществ не признавались должностными лицами, поскольку они не были указаны в примеча-

нии 1 к ст. 285 УК РФ, то по смыслу вновь введенных изменений и работники обществ с ограниченной ответственностью, в которых Российская Федерация и т.д. может распоряжаться более чем пятьюдесятью процентами голосов на общем собрании участников, при наличии соответствующих полномочий признаются должностными лицами.

Библиография

1. Ермолович, Я. Н. О коррупционных и должностных преступлениях должностных лиц и сотрудников организаций ОПК / Я. Н. Ермолович // Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. — 2020. — № 2. — С. 62—72.
2. Ламбаев, Ж. Т. «Золотая акция» и пределы ее применения / Ж. Т. Ламбаев // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 9. — С. 93—100.
3. Любый, И. А. К вопросу об ответственности за злоупотребления в сфере государственных и муниципальных закупок / И. А. Любый // Российская юстиция. — 2019. — № 5. — С. 54—56.
4. Трунцевский, Ю. В. Противодействие коррупции и уголовный закон / Ю. В. Трунцевский // Российский следователь. — 2019. — № 7. — С. 38—42.
5. Яни, П. С. Связь преступления с предпринимательской деятельностью / П. С. Яни // Законность. — 2019. — № 11. — С. 42—46.

Проблема выбора основания наложения ареста на имущество, переданное подозреваемым (обвиняемым) в целях его сокрытия иному лицу

© Киселев Никита Павлович,
юрист

Аннотация. В статье рассматривается проблема конкуренции оснований наложения ареста на имущество, находящееся у лица, не являющегося подозреваемым (обвиняемым) по уголовному делу, если такое имущество фактически приобретено и используется за счет и в интересах подозреваемого (обвиняемого). По результатам анализа правовых позиций высших судебных инстанций по данному вопросу констатируется отсутствие единого подхода к разрешению рассматриваемой коллизии. В то же время на основе сопоставления процедур наложения ареста на имущество, предусмотренных ч. 1 и 3 ст. 115 УПК РФ, и телеологического толкования указанных положений автором высказывается мнение о необходимости использования в изложенных обстоятельствах основания наложения ареста на имущество, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УПК РФ.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; наложение ареста на имущество; возмещение вреда; фактический собственник.

The problem of choice of the proper legal ground for seizure of property that was transferred by suspect to another person for the purpose of its concealment

© Kiselev N.P.,
lawyer

Annotation. The article deals with the problem of conflict of different legal grounds for seizure of property held by a person that is not a suspect in criminal case in case of such property was bought at suspect's expense and is used by him or for his benefit. Basing on the analyzes of legal positions of Russian highest courts the author states the absence of unified approach to solve this collision. Nevertheless, comparing the different procedures of seizure of property (parts 1, 3 article 115 of Russian Criminal Procedure Code), using the method of teleological interpretation the author suggests using the legal ground of part 1 article 115 of Russian Criminal Procedure Code to seize such property.

Key words: criminal procedure; seizure of property; compensation for harm; actual owner.

Возмещение вреда, причиненного преступлением, на сегодняшний день рассматривается в качестве одной из основных задач уголовного процесса, поскольку является одним из направлений защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, то есть деятельности, возведенной в ранг назначения уголовного судопроизводства (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). В этой связи особое значение приобретает применение уголовно-процессуального института наложения ареста на имущество, который

является одним из наиболее эффективных инструментов, обеспечивающих исполнение приговора в части имущественных взысканий (гражданского иска, штрафа, конфискации, иных имущественных взысканий).

Анализируя положения ст. 115 УПК РФ, можно выделить субъектный и предметный критерии наложения ареста на имущество. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 115 УПК РФ арест может быть наложен на имущество подозреваемого, обвиняемого, а также иных лиц, несущих по закону

материальную ответственность за их действия. На основании субъектного критерия аресту подлежит любое имущество указанных категорий лиц (за исключением имущества, на которое в соответствии с гражданским процессуальным законодательством не может быть обращено взыскание), вне зависимости от связи данного имущества с совершенным преступлением, поскольку вред, причиненный преступлением, подлежит возмещению за счет всей имущественной массы причинителя вреда. Соответственно, арест на имущество по данному критерию может налагаться для достижения любых целей, указанных в ч. 1 ст. 115 УПК РФ.

В силу ч. 3 ст. 115 УПК РФ (предметный критерий) арест может налагаться на имущество при наличии достаточных оснований полагать, что оно было получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации). Такое имущество может быть подвергнуто аресту, даже если оно находится у другого лица, не являющегося подозреваемым, обвиняемым или лицом, несущим материальную ответственность за их действия (далее — «иные» лица). Доказыванию в данном случае подлежит связь имущества с преступлением, в то время как связь лица с преступлением в общем смысле не требуется.

Учитывая, что в соответствии с предметным критерием аресту может быть подвергнуто имущество лица, не причастного к совершению преступления, законом установлены дополнительные ограничения, связанные с применением данной меры процессуального принуждения. Так, в силу ч. 3 ст. 115 УПК РФ арест на имущество «иных» лиц может быть наложен только на определенный срок с возможно-

стью его продления в порядке, предусмотренном ст. 115.1 УПК РФ. Необходимо также учитывать, что при наложении ареста на имущество «иных» лиц существенно сужается перечень целей, для достижения которых данная мера применяется. Основания, связанные с необходимостью обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, штрафа и иных имущественных взысканий, здесь оказываются неприменимыми, поскольку у «иных» лиц отсутствует обязанность за счет своего имущества возмещать вред, причиненный преступлением, и выплачивать назначенный штраф. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в п. 3.1 Постановления¹ от 21 октября 2014 г. № 25-П, арест на имущество «иных» лиц (ч. 3 ст. 115 УПК РФ) может налагаться исключительно в публично-правовых целях обеспечения предполагаемой конфискации имущества или сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по данному уголовному делу.

Таким образом, можно выделить три группы случаев наложения ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми по уголовному делу:

1. Арест налагается на имущество лиц, несущих материальную ответственность за действия подозреваемого или обвиняемого, в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, штрафа, конфискации, иных имущественных взысканий, обеспечения сохранности вещественных доказательств.

2. Арест налагается на имущество «иных» лиц, осведомленных о преступном источнике происхождения данного

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью "Аврора малоэтажное строительство" и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена».

имущества, в целях обеспечения возможной конфискации такого имущества и для обеспечения сохранности вещественных доказательств.

3. Арест налагается на имущество «иных» лиц, не осведомленных о преступном источнике происхождения данного имущества, в целях обеспечения сохранности вещественных доказательств.

Важно отметить, что, несмотря на возможность наложения ареста на имущество «иных» лиц, возмещение вреда, причиненного преступлением, и взыскание штрафа за счет такого имущества невозможно. При этом возможность конфискации имущества данных лиц в силу указанной ст. 104.1 УК РФ зависит от категории преступления и добросовестности лица, у которого такое имущество находится. Это обстоятельство побуждает лиц, совершающих преступления, заранее предпринимать меры к сокрытию имущества путем оформления права собственности на него за «иными» лицами. При этом такое имущество приобретает за счет подозреваемого (обвиняемого), в том числе на доходы, полученные им от преступной деятельности. Подозреваемый или обвиняемый в таком случае осуществляет фактическое пользование таким имуществом либо получает доход от использования такого имущества в его интересе «иными» лицами, у которых, несмотря на формальное признание за ними права собственности, отсутствует намерение владеть таким имуществом как своим собственным. Основная сложность здесь состоит в том, что наиболее часто таким образом скрывается недвижимое имущество или транспортные средства, то есть имущество, право собственности на которое подлежит публично-правовой регистрации, что порождает коллизию между декларируемым и фактическим статусом имущества, создавая крайне дискуссионный феномен «фактической собственности».

Таким образом, возникает конкуренция между основаниями наложения ареста на имущество, предусмотренными ч. 1 и ч. 3 ст. 115 УПК РФ, которая влечет неопре-

деленность в выборе основания для наложения ареста на указанное имущество, а также в установлении возможности использовать такое имущество для возмещения вреда, причиненного преступлением, и исполнения приговора в части уплаты назначенного штрафа.

Из буквального толкования ч. 3 ст. 115 УПК РФ следует, что данная норма распространяется на все случаи ареста имущества, приобретенного в результате совершения преступления и находящегося у «иных» лиц. При этом важно заметить, что в тексте закона упоминается имущество, находящееся у «иных» лиц, а не принадлежащее им. Отсюда может следовать, что фактическая передача имущества обвиняемым «иному» лицу без передачи права собственности на такое имущество (например, во временное владение и пользование) влечет необходимость применения для ареста такого имущества положения ч. 3 ст. 115 УПК РФ с вытекающими из него ограничениями в части срока наложения ареста, а также возможности использования такого имущества для возмещения вреда, причиненного преступлением. При этом даже несмотря на то, что ограничение срока ареста в таком случае может объясняться необходимостью защиты интересов законного владельца имущества, какие-либо объяснения невозможности обращения на него взыскания в рамках возмещения вреда отсутствуют, поскольку такое имущество по-прежнему входит в имущественную массу подозреваемого (обвиняемого), находясь в его собственности. Представляется, что положение ч. 3 ст. 115 УПК РФ должно толковаться ограничительно и применяться только к тому имуществу, которое принадлежит «иному» лицу на праве собственности. Этот вывод подтверждается и правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в п. 3 вышеуказанного постановления, согласно которой положение ч. 3 ст. 115 УПК РФ применяется к имуществу третьих лиц, находящемуся в их законном владении (собственности). Исходя из этого, по нашему мнению, для

применения ч. 3 ст. 115 УПК РФ недостаточно только самого факта нахождения спорного имущества у «иногo» лица — необходимо также, чтобы данное лицо владело указанным имуществом как своим собственным, а передача владения без передачи титула не должна влиять на выбор основания наложения ареста: избираемое основание должно определяться по лицу, в собственности которого такое имущество находится. И именно наличием у «иногo» лица титула собственника и интереса в сохранении за собой имущества обусловлен привилегированный порядок наложения на него ареста на определенный срок с необходимостью его последующего продления.

Возвращаясь к вопросу о выборе основания для наложения ареста на имущество, находящееся у «иногo» лица, но фактически принадлежащее подозреваемому (обвиняемому), необходимо отметить, что в рассматриваемой ситуации у «иногo» лица отсутствует прямой интерес в сохранении имущества, поскольку данное имущество не рассматривается им как собственное. В этой ситуации в случае наложения ареста на имущество, формально принадлежащее «иному» лицу, права последнего фактически не затрагиваются, в связи с чем применение привилегированного порядка наложения ареста на имущество представляется нецелесообразным, и руководствоваться в такой ситуации необходимо ч. 1 ст. 115 УПК РФ, то есть налагать арест на имущество, рассматривая его как принадлежащее подозреваемому, обвиняемому или иному лицу, несущему за их действия материальную ответственность. Безусловно, применение к рассматриваемому имуществу основания, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УПК РФ, возможно только при условии, что доказательствами, собранными по уголовному делу, подтверждается фактическая принадлежность имущества подозреваемому, обвиняемому.

Данный подход имеет свои недостатки. Так, право собственности на движимые вещи определяется, исходя из того, кто этой вещью владеет, извлекает из нее полезные свойства, принимает решение о

распоряжении ею. В связи с этим установление вышеуказанных признаков «фактической собственности» применительно к движимым вещам дает основания считать лицо, в чьем интересе данное имущество приобретено и используется, собственником данной вещи. Вероятно, на основании совокупности признаков «фактической собственности» может быть установлено право собственности лица на транспортное средство, сведения о собственнике которого подлежат регистрации в органах внутренних дел, однако такая регистрация носит учетный характер и правоустанавливающего значения не имеет, в связи с чем, как представляется, может быть опровергнута в процессе доказывания по уголовному делу. В то же время право собственности на недвижимое имущество возникает с момента государственной регистрации, а собственником недвижимого имущества считается лицо, сведения о котором внесены в Единый государственный реестр недвижимости, то есть государственная регистрация носит правоустанавливающий характер, в связи с чем применительно к недвижимому имуществу феномен «фактической собственности» носит еще более спорный характер.

Тем не менее, рассмотрение имущества, приобретенного и используемого по инициативе и в интересах подозреваемого (обвиняемого) как имущества, принадлежащего «иному» лицу, на которое оно зарегистрировано, не отвечает целям возмещения вреда, причиненного преступлением, поскольку в таком случае лицо, совершающее преступление, для выведения своего имущества из имущественной массы, на которую может быть обращено взыскание, должно лишь зарегистрировать данное имущество на «иное» лицо. Взыскание на имущество в таком случае не сможет быть обращено вне зависимости от наличия доказательств, указывающих на то, что фактически такое имущество принадлежит подозреваемому (обвиняемому). Учитывая, что круг лиц, на чье имущество может быть обращено взыскание, ограничен, сокрытие имущества от обращения на него

взыскания становится достаточно простой задачей. Тем не менее, в Обзоре практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 115 УПК РФ (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 марта 2019 г.) предложен именно такой подход: в случае установления фактической принадлежности подозреваемому (обвиняемому) имущества, находящегося у другого лица, арест на имущество налагается на основании ч. 3 ст. 115 УПК РФ, то есть на определенный срок. Иными словами, имущество в таком случае всё равно рассматривается как принадлежащее «иному» лицу, а не подозреваемому (обвиняемому).

Необходимо отметить, что проблема «фактической собственности» проявляется и в смежных сферах правоприменительной деятельности. Так, при обращении имущества государственных служащих в доход Российской Федерации в связи с нарушением ими законодательства о противодействии коррупции также нередко возникает ситуация, при которой государственным служащим имущество регистрируется на подставное лицо, чье имущество формально не может быть изъято. В то же время в ряде случаев суды принимают решение об обращении такого имущества в доход государства вне зависимости от того, что формально такое имущество принадлежит лицам, в отношении которых институт обращения имущества в доход государства не может быть применен.

Приведенные примеры демонстрируют, что решение проблемы сокрытия имущества от обращения на него взыскания крайне необходимо, и соответствующие инструменты должны разрабатываться в

доктрине, после чего реализовываться на практике законодателем и правоприменителем.

В то же время предложить действенный инструмент преодоления возникшей проблемы в рамках настоящей работы вряд ли возможно. Ясно лишь, что данная проблема требует дальнейшей разработки, и ее решение может существенно повысить эффективность уголовного судопроизводства в части возмещения вреда, причиненного преступлением. Вероятно, рассматриваемая проблема могла бы разрешаться через признание цепочки сделок по приобретению спорного имущества недействительными с последующим возвратом денежных средств подозреваемому (обвиняемому) и их незамедлительным арестом в порядке уголовного судопроизводства. В то же время соответствующий механизм нуждается в последующей детальной межотраслевой разработке.

Таким образом, представляется, что имущество, приобретенное по инициативе, в интересах подозреваемого (обвиняемого) и за его счет, но зарегистрированное им на «иное» лицо в целях уклонения от обращения взыскания на данное имущество или по иным причинам (к примеру, для обхода обязанности его декларирования в соответствии с законодательством о противодействии коррупции), должно рассматриваться в качестве имущества подозреваемого (обвиняемого), арест которого должен производиться в соответствии с ч. 1 ст. 115 УПК РФ с последующим обращением взыскания на такое имущество для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, штрафа, конфискации и иных имущественных взысканий.

Некоторые аспекты уголовной ответственности за нарушения в сфере осуществления государственных и муниципальных закупок

© Овчаров Артем Валерьевич,

кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора уголовного права, криминологии и проблем правосудия ИГП РАН

Аннотация. Работа посвящена рассмотрению ряда статей действующего российского уголовного законодательства, регламентирующих обеспечение уголовно-правовой защиты сферы закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд применительно к такому элементу состава преступления, как его субъект. Автор, анализируя законодательство об осуществлении закупок, определяет и раскрывает круг лиц, способных быть субъектом рассматриваемых преступлений. Отдельно автором анализируется субъект в преступлениях, посягающих на нормальное осуществление государственного оборонного заказа.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступление, государство, государственные и муниципальные закупки, уголовно-правовая защита, субъект преступления, обеспечение государственных и муниципальных нужд, государственный оборонный заказ.

Some aspects of criminal liability for violations in the field of state and municipal procurement

© Ovcharov A.V.,

PhD in Law, research fellow of sector of criminal law, criminology and justice issues of the Institute of State and Law of RAS

Abstract. The work is devoted to the consideration of a number of articles of the current Russian criminal legislation regulating the provision of criminal legal protection of the procurement of goods, works, services for state and municipal needs, in relation to such an element of the corpus delicti as its subject. The author, analyzing the legislation on procurement, identifies and discloses the circle of persons capable of being the subject of the crimes under consideration. Separately, the author analyzes the subject in crimes that encroach on the normal implementation of the state defense order.

Keywords: Criminal liability, crime, state, state and municipal procurement, criminal legal protection, subject of crime, provision of state and municipal needs, state defense order.

Для нормального функционирования экономики любого современного государства сфера осуществления закупок для государственных и муниципальных нужд имеет первостепенное значение. Однако, данная сфера традиционно является одной из наиболее коррупционных сфер экономической деятельности, а потому представляется, что борьба с коррупцией и преступностью в рассматриваемой сфере имеет первостепенное значение. Так, еще в Указе Президента Российской Федерации

от 29 июня 2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018—2020 годы» совершенствованию мер по противодействию коррупции в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд и в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц посвящен отдельный раздел. Среди же всех сфер, в которых осуществляются закупки товаров, работ, услуг, по нашему мнению, особо выделяется госу-

дарственный оборонный заказ. Военная доктрина Российской Федерации называет совершенствование военно-экономического обеспечения военной организации на основе рационального использования финансовых, материальных и иных ресурсов одной из основных задач развития военной организации¹. В условиях рыночной экономики организующая роль государства состоит в размещении государственных заказов, особенно оборонных, на конкурсной основе предприятиям, обладающим современной технологией, адекватной новейшим достижениям науки². В этой связи государственный оборонный заказ является инструментом рационального оснащения и обеспечения Вооруженных Сил, а, следовательно, и средством обеспечения национальной безопасности³.

С учетом вышеизложенного, представляется понятной необходимость четкой регламентации закупочной деятельности средствами всех отраслей права, в том числе и правом уголовным. Так, в декабре 2017 г. Федеральным законом от 29 декабря 2017 г. № 469-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» УК РФ был дополнен двумя статьями, призванными защитить нормальное осуществление деятельности по выполнению государственного оборонного заказа. Это ст. 201.1 УК РФ «Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» и ст. 285.4. УК РФ «Злоупотребление должностными полномочи-

ями при выполнении государственного оборонного заказа».

В апреле 2018 г. Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» УК РФ был дополнен рядом статей, предусматривающих уголовную ответственность за совершение преступных деяний в сфере осуществления государственных и муниципальных закупок. Это ст. 200.4 УК РФ «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд» и ст. 200.5 «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок». В декабре того же года законодатель Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 520-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» криминализировал дачу заведомо ложного экспертного заключения в сфере закупок товаров, работ или услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Часть 1 ст. 200.4 УК РФ делает уголовно наказуемым нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд работником контрактной службы, контрактным управляющим, членом комиссии по осуществлению закупок, лицом, осуществляющим приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, либо иным уполномоченным лицом, представляющим интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, которые не являются должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, если это деяние совершено из корыстной или иной личной

¹ Военная доктрина Российской Федерации, утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976), п. «г» ч. 35.

² Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных вызовов и угроз // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 12(293). С. 116—120.

³ Корякин В.М. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны и военной безопасности : монография. М.: Юрлитинформ, 2014.

заинтересованности и причинило крупный ущерб,

Часть 2 рассматриваемой статьи содержит квалифицированный состав и распространяется на случаи совершения анализируемого деяния группой лиц по предварительному сговору или же с причинением особо крупного ущерба.

Согласно ч. 1 ст. 200.5 незаконная передача работнику контрактной службы, контрактному управляющему, члену комиссии по осуществлению закупок, лицу, осуществляющему приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, либо иному уполномоченному лицу, представляющему интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконные оказание ему услуг имущественного характера, предоставление других имущественных прав (в том числе когда по указанию такого лица имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц в связи с закупкой товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных частями 1—4 ст. 204 и ст. 291 УК РФ) наказываются штрафом в размере от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от шести месяцев до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до трех лет со штрафом в размере до десятикратной суммы подкупа или без такового, либо лишением свободы на срок до трех лет со штрафом в размере до десятикратной суммы подкупа или без такового. Части 2 и 3 рассматриваемой статьи содержат квалифицированный и особо квалифицированные составы.

Часть 4 ст. 200.5 УК РФ криминализует незаконное получение лицами, указанными в части первой статьи, денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконное пользование ими услугами имущественного характера или иными имущественными правами (в том числе когда по указанию таких лиц имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц в связи с закупкой товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ч. 5—8 ст. 204 и ст. 290 УК РФ). Санкцию за такое деяние законодатель определил в виде штрафа в размере от четырехсот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет со штрафом в размере до двадцатикратной суммы подкупа или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до трех лет со штрафом в размере до двадцатикратной суммы подкупа или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового. Части 5 и 6 данной статьи содержат квалифицированный и особо квалифицированные составы.

Ст. 200.6. УК РФ предусматривает ответственность за заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Согласно диспозиции данной нормы, уголовно наказуемым является дача экспертом или уполномоченным представителем экспертной организации заведомо ложного экспертного заключения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения гос-

ударственных и муниципальных нужд, если это повлекло причинение крупного ущерба. Данное деяние наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо принудительными работами на срок до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

Квалифицированный состав рассматриваемого преступления образует названное выше деяние, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека, а особо квалифицированный — повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц.

В этих случаях наступает повышенная ответственность. В первом случае в виде штрафа в размере от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до четырех лет или без такового, либо принудительных работ на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до четырех лет или без такового, либо лишения свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до четырех лет или без такового. Во втором — в виде ограничения свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового, либо принудительных работ на

срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового, либо лишения свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового.

Уголовная ответственность за злоупотребления в сфере осуществления государственного оборонного заказа наступает по ст. 201.1 и 285.4 УК РФ.

Согласно ст. 201.1 УК РФ под злоупотреблением полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа уголовный закон понимает использование лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, своих полномочий вопреки законным интересам этой организации и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц, если это деяние повлекло причинение существенного вреда охраняемым законом интересам общества или государства при выполнении государственного оборонного заказа. Санкция за это деяние установлена в виде штрафа в размере от одного миллиона до трех миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет либо лишения свободы на срок от четырех до восьми лет со штрафом в размере от пятисот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет (ч. 1 ст. 201.1 УК РФ).

В случае если такое деяние совершено организованной группой или повлекло тяжкие последствия, то оно наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься опре-

деленной деятельностью на срок до пяти лет (ч. 2 ст. 201.1 УК РФ).

Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа УК РФ в ст. 285.4 УК РФ определил как использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение охраняемых законом интересов общества или государства при выполнении государственного оборонного заказа. Данное деяние наказывается штрафом в размере от одного миллиона до трех миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет либо лишением свободы на срок от четырех до восьми лет со штрафом в размере от пятисот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет (ч. 1 ст. 285.4 УК РФ).

Вторая часть статьи предусматривает ответственность за совершение деяния организованной группой и за случаи, когда оно повлекло тяжкие последствия в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет. (ч. 2 ст. 285.4 УК РФ).

Не вдаваясь в вопросы целесообразности появления данных статей¹ и вопросы, связанные с объектом, объективной и субъективной стороной рассматриваемых составов, остановимся на рассмотрении

субъекта данных деяний.

Из анализа диспозиции ст. 200.4 УК РФ можно сделать вывод, что субъектом рассматриваемого деяния могут быть следующие лица. Это:

- работники контрактной службы;
- контрактный управляющий;
- член комиссии по осуществлению закупок;
- лицо, осуществляющее приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг;
- иное уполномоченное лицо, представляющее интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, которое не является должностным лицом или лицом, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации.

В связи с тем, что рассматриваемая норма является бланкетной, для раскрытия упомянутых выше понятий обратимся к Федеральному закону от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Данный закон в ст. 38 устанавливает обязанность заказчиков, совокупный годовой объем закупок которых превышает сто миллионов рублей, создавать контрактные службы, а если не превышает — назначать контрактных управляющих и определяет функции и полномочия, которые осуществляют ее работники и контрактные управляющие. Таким образом, первые две группы субъектов рассматриваемого преступления можно определить как лиц, которые от имени заказчика осуществляют следующие функции:

1) разрабатывают план-график закупок, осуществляют подготовку изменений для внесения в план-график, размещают в единой информационной системе план-график и внесенные в него изменения;

2) осуществляют подготовку и размещение в единой информационной системе извещений об осуществлении закупок, документации о закупках и проектов кон-

¹ Подробнее об этом см.: Овчаров А.В. Уголовная ответственность в сфере осуществления государственных закупок как новелла Российского уголовного законодательства // Военное право. 2019. № 2. С. 258.

трактов, а также подготовку и направление приглашений;

3) обеспечивают осуществление закупок, в том числе заключение контрактов;

4) участвуют в рассмотрении дел об обжаловании результатов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) и осуществляют подготовку материалов для выполнения претензионно-исковой работы;

5) организуют в случае необходимости на стадии планирования закупок консультации с поставщиками (подрядчиками, исполнителями) и участвуют в таких консультациях в целях определения состояния конкурентной среды на соответствующих рынках товаров, работ, услуг, определения наилучших технологий и других решений для обеспечения государственных и муниципальных нужд;

б) осуществляют иные полномочия, предусмотренные 44-ФЗ.

Кроме того, работники контрактной службы, контрактный управляющий должны иметь высшее образование или дополнительное профессиональное образование в сфере закупок.

Говоря, о третьей группе субъектов, следует сказать, что для определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), за исключением осуществления закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), заказчик создает комиссию по осуществлению закупок не менее чем из трех человек. Заказчик обязан включать в состав комиссии преимущественно лиц, прошедших профессиональную переподготовку или повышение квалификации в сфере закупок, а также лиц, обладающих специальными знаниями, относящимися к объекту закупки. Закон налагает целый ряд ограничений на лиц, которых включают в состав комиссии. Так, членами комиссии не могут быть физические лица, которые:

1) были привлечены в качестве экспертов к проведению экспертной оценки извещения об осуществлении закупки, документации о закупке, заявок на участие в конкурсе, оценки соответствия участников закупки дополнительным требованиям;

2) лично заинтересованы в результатах определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), в том числе, подавшие заявки на участие в таком определении или состоящие в штате организаций, подавших данные заявки;

3) состоят в браке с руководителем участника закупки, либо являются близкими родственниками (родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии (родителями и детьми, дедушкой, бабушкой и внуками), полнородными и неполнородными (имеющими общих отца или мать) братьями и сестрами), усыновителями руководителя или усыновленными руководителем участника закупки;

4) непосредственно осуществляют контроль в сфере закупок и являются должностными лицами контрольного органа в сфере закупок.

Кроме того, членами рассматриваемых комиссий не могут быть физические лица, на которых способны оказать влияние участники закупки (в том числе физические лица, являющиеся участниками (акционерами) этих организаций, членами их органов управления, кредиторами указанных участников закупки).

Раскрывая четвертую группу субъектов, следует отметить, что приемка поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг лицом представляет собой отдельный этап исполнения контракта и может осуществляться специально назначенным сотрудником заказчика либо членом приемочной комиссии. Так, по решению заказчика, для приемки поставленного товара, выполненной работы или оказанной услуги, результатов отдельного этапа исполнения контракта может создаваться приемочная комиссия, которая состоит не менее чем из пяти человек.

Данные четыре группы субъектов по своему статусу всегда будут являться либо должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации. Говоря же о последней группе, обращаясь ко всем мыслимым случаям, можно сделать вывод, что к ним относятся либо лица,

проводящие внешнюю экспертизу приемки поставленного товара, работы или услуги либо представители так называемой специализированной организации. Так, 44-ФЗ в ст. 40 наделяет заказчика правом привлечь на основе контракта специализированную организацию для выполнения отдельных функций по определению поставщика (подрядчика, исполнителя), в том числе для разработки документации о закупке, размещения в единой информационной системе и на электронной площадке информации и электронных документов, предусмотренных законом, направления приглашений принять участие в определении поставщиков (подрядчиков, исполнителей) закрытыми способами, выполнения иных функций, связанных с обеспечением проведения определения поставщика (подрядчика, исполнителя). При этом создание комиссии по осуществлению закупок, определение начальной (максимальной) цены контракта, предмета и иных существенных условий контракта, утверждение проекта контракта, документации о закупке и подписание контракта осуществляются заказчиком.

Аналогичным образом можно охарактеризовать и субъекта преступления по ч. 4 ст. 200.5 УК РФ.

Обратимся теперь к рассмотрению субъекта преступления, предусмотренного ст. 200.6 УК РФ. В ряде случаев при осуществлении закупочной деятельности заказчики привлекают к своей работе экспертов и экспертные организации. 44-ФЗ в ст. 3 под экспертом и экспертной организацией понимает обладающее специальными познаниями, опытом, квалификацией в области науки, техники, искусства или ремесла физическое лицо, в том числе индивидуального предпринимателя, либо юридическое лицо (работники юридического лица должны обладать специальными познаниями, опытом, квалификацией в области науки, техники, искусства или ремесла), которые осуществляют на основе договора деятельность по изучению и оценке предмета экспертизы, а также по подготовке экспертных заключений по по-

ставленным заказчиком, участником закупки вопросам в случаях, предусмотренных Законом о контрактной системе.

Закон накладывает целый ряд ограничений на лиц, осуществляющих экспертную деятельность в сфере осуществления закупок. Прежде всего, согласно ч. 6 ст. 39 44-ФЗ физические лица, которые были привлечены в качестве экспертов к проведению экспертной оценки конкурсной документации, заявок на участие в конкурсе, осуществляемой в ходе проведения предквалификационного отбора, оценки соответствия участников конкурса дополнительным требованиям не могут быть членами закупочных комиссий. В случае выявления в составе комиссии указанных лиц заказчик, принявший решение о создании комиссии, обязан незамедлительно заменить их другими физическими лицами, которые лично не заинтересованы в результатах определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) и на которых не способны оказывать влияние участники закупок, а также физическими лицами, которые не являются непосредственно осуществляющими контроль в сфере закупок должностными лицами контрольных органов в сфере закупок.

Кроме того, к проведению экспертизы в случаях, предусмотренных Законом о контрактной системе, не могут быть допущены:

1) физические лица:

а) являющиеся либо в течение менее чем двух лет, предшествующих дате проведения экспертизы, являвшиеся должностными лицами или работниками заказчика, осуществляющего проведение экспертизы, либо поставщика (подрядчика, исполнителя);

б) имеющие имущественные интересы в заключении контракта, в отношении которого проводится экспертиза;

в) являющиеся близкими родственниками (родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии (родителями и детьми, дедушкой, бабушкой и внуками), полнородными и неполнородными (имеющими общих отца или мать) братьями и

сестрами), усыновителями или усыновленными с руководителем заказчика, членами комиссии по осуществлению закупок, руководителем контрактной службы, контрактным управляющим, должностными лицами или работниками поставщика (подрядчика, исполнителя) либо состоящие с ними в браке;

2) юридические лица, в которых заказчик или поставщик (подрядчик, исполнитель) имеет право распоряжаться более чем двадцатью процентами общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции, либо более чем двадцатью процентами вкладов, долей, составляющих уставный или складочный капитал юридических лиц;

3) физические лица или юридические лица в случае, если заказчик или поставщик (подрядчик, исполнитель) прямо и (или) косвенно (через третье лицо) может оказывать влияние на результат проводимой такими лицом или лицами экспертизы.

В случае выявления в составе экспертов или экспертных организаций подобных лиц, заказчик должен принять незамедлительные меры, направленные на привлечение для проведения экспертизы иного эксперта или иной экспертной организации, на самих экспертов и экспертные организации Закон о контрактной системе возлагает обязанность уведомить в письменной форме заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя) о допустимости своего участия в проведении экспертизы в том числе и об отсутствии оснований для недопуска к проведению экспертизы.

Обратимся теперь к характеристике субъекта преступлений, посягающих на выполнение государственного оборонного заказа. Следует отметить, что в отличие от ст. 200.4 УК РФ, ст. 201.1 УК РФ и 285.4 УК РФ построены по совершенно иному принципу. Если в первом случае законодатель, основываясь на тексте 44-ФЗ, прямо указал перечень лиц, способных совершить злоупотребления, то во втором дело обстоит иначе. Ст. 201.1 УК РФ в качестве субъекта преступления просто называет лицо, выполняющее управленческие

функции в коммерческой или иной организации, а ст. 285.4 УК РФ — просто должностное лицо.

Встает вопрос: кто именно может выступать в качестве субъектов, рассматриваемых деяний? В этой связи следует четко понимать, что основным нормативно-правовым актом, регулирующим вопросы, связанные с государственным оборонным заказом, является все тот же 44-ФЗ, который называет целый ряд особенностей осуществления закупок по государственному оборонному заказу¹. В свою очередь эти особенности регулируются Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе». Данный закон в ст. 1 говорит, что правовое регулирование отношений в сфере государственного оборонного заказа основывается на Конституции Российской Федерации и осуществляется в соответствии с БК РФ, ГК РФ, самим законом, федеральными законами в области обороны и безопасности Российской Федерации, поставок продукции для обеспечения федеральных нужд и законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Любая закупка всегда остается закупкой, а потому со стороны заказчика ее осуществляют все те же работники контрактной службы, контрактный управляющий, члены комиссии по осуществлению закупок, лица, осуществляющие приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг и иные уполномоченные лица. Именно эти группы лиц со стороны заказчика и будут выступать в качестве субъекта преступления при посягательствах на нормальное осуществление государственного оборонного заказа.

¹ Подробнее об этом см.: Овчаров А.В. Уголовная ответственность за злоупотребления в сфере осуществления государственного оборонного заказа // Военное право. 2019. № 6. С. 220.

Но возникает один вопрос. Ст. 201.1 и 285.4 УК РФ сформулированы таким образом, что остается непонятным, относятся ли они только к заказчику, осуществляющему государственный оборонный заказ, или же их действие может быть распространено и на поставщиков, подрядчиков и исполнителей такого заказа?

Однако представляется, что данный вопрос являет собой предмет отдельного дальнейшего исследования.

Библиография

1. Корякин, В.М. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны и военной безопасности: монография / В.М. Корякин. — М.: Юрлитинформ, 2014.
 2. Овчаров, А.В. Уголовная ответственность в сфере осуществления государственных закупок как новелла Российского уголовного законодательства / А.В. Овчаров // Военное право. — 2019. — № 2. — С. 257—262.
 3. Овчаров, А.В. Уголовная ответственность за злоупотребления в сфере осуществления государственного оборонного заказа / А.В. Овчаров // Военное право. — 2019. — № 6. — С. 220—226.
 4. Холиков, И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных вызовов и угроз / И.В. Холиков // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 12(293). — С. 116—120.
-

Медиация в уголовном праве – миф или реальность?

© Попов Константин Иванович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и криминология» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), член Российской Академии Юридических Наук, член Ассоциации юристов России, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Аннотация: в статье проведен анализ возможности применения уголовно-правового института медиации при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, выявлены специфические особенности и разновидности медиативных процедур в уголовном праве и процессе.

Ключевые слова: медиация; компромисс; примирение сторон; примирение с потерпевшим; положительное посткриминальное поведение; обстоятельство, исключающее преступность деяния; правомерное причинение вреда.

Mediation in criminal law - myth or reality?

© Popov K.I.,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of "Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology" of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), member of the Russian Academy of Legal Sciences, member of the Russian Bar Association, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Annotation: the article analyzes the possibility of using the criminal law institute of mediation under circumstances that exclude the criminality of the act, reveals specific features and varieties of mediation procedures in criminal law and process.

Keywords: mediation; compromise; reconciliation of the parties; reconciliation with the victim; positive post-criminal behavior; a circumstance excluding the criminality of the act; lawful harm.

В последние годы российская уголовная политика последовательно движется по пути гуманизации, поиска новых оптимальных моделей и средств минимизации либо вообще отказа от наказания виновных, широкого применения альтернативных наказанию иных мер уголовно-правового воздействия, не связанных с изоляцией осужденного от общества и направленных, с одной стороны, на возмещение ущерба или иным образом заглаживание всех видов причиненного пре-

ступлением вреда, и на всемерную ресоциализацию виновного, с другой стороны.

В указанном выше направлении следом параллельно движется и российское уголовно-процессуальное законодательство. Так, действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) вслед за соответствующими изменениями уголовного закона Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ был дополнен статьей 25.1, предусматривающей прекращение уголовного дела или уголовного преследования в

связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

В развитие тенденции гуманизации представляется актуальным рассмотрение вопросов всемерного внедрения в российское уголовное судопроизводство институтов так называемого восстановительного правосудия или восстановительной юстиции. В этой связи возникает вопрос о возможности применения альтернативной примирительной процедуры с участием посредника (процедуры медиации) в рамках уголовного права и процесса.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» медиация (от лат. *mediare* — посредничать) применяется к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений.

Аналогичную позицию занимает и высшая судебная инстанция в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства».

Таким образом, по действующему законодательству место медиации в отечественном правовом регулировании определено *de jure* исключительно в рамках цивилистики, институт медиации закреплен в гражданском и арбитражном процессе, но в уголовном праве и процессе напрямую не предусмотрен. Вместе с тем определенные элементы медиативности предусматриваются в ст. 75, 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ, причем в последние годы случаи применения такого правового института расширены.

Медиация не закреплена в российском уголовно-процессуальном законодательстве, УПК РФ не содержит норм о воз-

можности использования посредников для достижения примирения между сторонами, не регулирует вопросы участия государственных органов в данной деятельности.

Тем не менее, в последние годы медиация в уголовном судопроизводстве является предметом оживленной дискуссии в научных кругах в качестве альтернативы традиционному уголовному преследованию.

Некоторые юристы считают, что федеральный законодатель обоснованно ограничил ее применение в уголовном праве и процессе и использование медиации является своеобразной данью моде. Другие авторы отмечают, что институт медиации нуждается в дальнейшем развитии в силу своей необходимости потенциальным участникам уголовного процесса. Большинство же криминалистов сходятся во мнении, что медиативные процедуры не могут стать альтернативой уголовному процессу, так как их применение ограничено охраняемыми законом интересами, вместе с тем они эффективно дополняют традиционную систему уголовного права и процесса.

Так, Л.В. Головкин определяет медиацию как любые процедуры, в рамках которых пострадавшему и правонарушителю предоставляется возможность, в случае их добровольного на то согласия, принимать активное участие в разрешении проблем, возникших в результате преступления, с помощью беспристрастной третьей стороны (медиатора)¹.

По мнению Е.В. Марковичевой медиация — это форма разрешения уголовно-правового конфликта путем прекращения уголовного преследования в связи с примирением, проведенным профессиональным посредником (медиатором)².

¹ Головкин Л.В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации // Закон. 2009. № 4. С. 128.

² Марковичева Е.В. Потенциальные возможности института медиации в ускорении российского уголовного судопроизводства // Современное право. 2009. № 11. С. 115.

А.П. Гуськова и Д.В. Маткина определяют медиацию как процесс совместного решения проблемы участниками конфликта, шансы которого на успех высоки в силу особых процессуальных условий и профессиональной помощи медиатора в осуществлении взаимодействия сторон на пути к урегулированию спора; внесудебное урегулирование споров между субъектами при участии незаинтересованной стороны¹.

Представляется, что медиацию в уголовном судопроизводстве можно определить как примирение сторон, достигаемое с помощью независимого от участников уголовного судопроизводства посредника (медиатора) в выработке соглашения между сторонами.

В.В. Дубровин обращает внимание на два существенных момента.

Во-первых, медиация должна осуществляться в рамках процедуры примирения сторон, в соответствии со ст. 25 УПК РФ. По его мнению, введение отдельной дополнительной процедуры медиации в уголовном судопроизводстве может привести к путанице в правовом регулировании.

Введение независимого от участников уголовного судопроизводства посредника позволит придать необходимый импульс развития правовому институту примирения сторон, который при использовании в полной мере с должной эффективностью позволит значительно разгрузить правоохранительную систему при выполнении назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ.

Во-вторых, медиатором может быть только лицо независимое от всех участников уголовного судопроизводства. В научных работах встречается мнение, что медиатором могут выступать, например, судья, прокурор, следователь. Указанная позиция представляется ошибочной, противоречащей самой сути медиации как примирения, поэтому медиатором может быть лишь независимое лицо. Введение в ин-

ститут примирения сторон медиатора именно как независимого как от обвиняемого, так и от потерпевшего лица позволит дать дополнительные гарантии соблюдения принципов уголовного судопроизводства при примирении сторон².

Независимый посредник отвечает за склонение сторон к компромиссу, но это невозможно сделать без ознакомления, например, с материалами уголовного дела. Это явление в уголовном процессе может появиться лишь в будущем, так как это целый комплекс процессуальных прав. К медиатору должны предъявляться соответствующие квалификационные требования, это вопрос реформы уголовного права и процесса.

Уголовно-правовая медиация известна российскому праву со времен Русской Правды. На протяжении длительного времени разрозненные поощрительные механизмы, традиционно рассматривавшиеся в уголовно-правовой науке как прощение государством правонарушителя, образовали единый институт поощрения в уголовном праве.

Медиация в уголовном праве — это некарательный посреднический механизм разрешения криминального конфликта. Несмотря на то, что в советское время соответствующие механизмы не использовались в публичном праве, институт медиации в настоящее время может выступать эффективным регулятором конфликта, возникшего в результате совершения преступления.

Медиация представляет собой специфический уголовно-правовой механизм урегулирования возникшего в обществе в результате совершения преступления конфликта, реализуемый в виде совокупности взаимонаправленных юридически значимых действий участников при активной

¹ Гуськова А.П., Маткина Д.В. Медиация в уголовном процессе // Российский судья. 2009. № 2. С. 36.

² Дубровин В.В. От примирения сторон к медиации в уголовном судопроизводстве России // Библиотека криминалиста. 2011. № 1. С. 93.

посреднической роли государственных органов¹.

Уголовно-правовой институт медиации образуют субинституты деятельного раскаяния, примирения с потерпевшим, а также уголовно-правовой механизм смягчения наказания при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Несмотря на то, что последний относится к числу уголовно-процессуальных норм, тот факт, что влияние оказывается на ход генерального охранительного отношения, предполагает обязательное наличие материально-правового основания.

В качестве уголовно-правового основания положительных последствий при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением выступает позитивная постпреступная деятельность виновного, направленная на сокращение затрат государства по проведению дорогостоящей судебной процедуры. Поскольку последствия такого поведения носят уголовно-правовой характер, представляется необходимо включить соответствующую норму в Общую часть УК РФ.

Представляется, что примирение сторон, медиация в уголовном судопроизводстве в настоящее время — это совместная деятельность потерпевшего и обвиняемого по достижению приемлемого результата для обеих сторон в рамках уголовного дела, закрепленного в соглашении между ними, выраженного в возмещении вреда потерпевшему обвиняемым в обговоренной форме и в отказе потерпевшего от требования привлечь обвиняемого к уголовной ответственности.

Примирение сторон означает оформленный в надлежащей процессуальной форме отказ потерпевшего от своих первоначальных претензий и требований к лицу, совершившему преступление, отказ от привлечения его к уголовной ответственности или просьбу прекратить уголовное дело, возбужденное по его заявлению; другими словами — прекращение конфликта

между виновным и потерпевшим путем восстановления нарушенных преступлением правоотношений².

Медиация является частным проявлением и метода поощрения в уголовном праве, и института компромисса в борьбе с преступностью. Специфической чертой института медиации является то, что основанием для поощрения выступает активное перевыполнение преступником обязанностей, возникших у него в результате совершения преступления. Указанным выше требованиям в полной мере соответствуют уголовно-правовые институты деятельного раскаяния и примирения с потерпевшим.

Представляется, что примирение с потерпевшим должно получить широкое развитие и применение в случаях превышения пределов правомерности обстоятельств, исключающих преступность деяния, регламентированных гл. 8 УК РФ (обстоятельств правомерного причинения вреда).

Преступления, совершенные при таких обстоятельствах (ст. 107 и 114 УК РФ), относятся к категории небольшой тяжести, вызваны и являются, по сути, ответом на противоправные посяательства со стороны самого потерпевшего, в связи с чем всемерное применение медиативных процедур в таких случаях представляется абсолютно законным и обоснованным.

Применение медиации в уголовном праве представляет собой определенный компромисс в борьбе с преступностью, учитывающий и поощряющий положительное посткриминальное поведение виновного, отвечающий целям минимизации уголовной репрессии и ресоциализации правонарушителя, являющийся элементом восстановительного правосудия.

Представляется, что применение института медиации в уголовном праве взаимовыгодное, поскольку в таких случаях потерпевшему возмещается ущерб, а государство не несет судебных издержек.

¹ Шатихина Н.С. Институт медиации в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 12.

² Давыдова Е.В., Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Примирение с потерпевшим в уголовном праве : монография. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. С. 27.

Библиография

1. Головки, Л.В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации / Л.В. Головки // Закон. — 2009. — № 4.
 2. Гуськова, А.П. Медиация в уголовном процессе / А.П. Гуськова, Д.В. Маткина // Российский судья. — 2009. — № 2.
 3. Давыдова, Е.В. Примирение с потерпевшим в уголовном праве : монография / Е.В. Давыдова, А.Г. Кибальник, И.Г. Соломоненко. — Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2002. — 80 с.
 4. Дубровин, В.В. От примирения сторон к медиации в уголовном судопроизводстве России / В. В. Дубровин // Библиотека криминалиста. — 2011. — № 1.
 5. Шатихина, Н.С. Институт медиации в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.С. Шатихина. — СПб.: Санкт-Петербург. гос. университет, 2004. — 128 с.
-

Вигилантизм как форма частнопредпринимательского насилия

© Харитонов Вячеслав Станиславович,
юрист

Аннотация. В данной статье анализируется взаимосвязь бизнеса и организованной преступности террористического и экстремистского характера на примере финансирования вигилантских формирований. В качестве примеров такой взаимосвязи выделяются периоды острого противостояния между государством, бизнесом и различными социальными группами.

Ключевые слова: вигилантизм, власть бизнеса, организованная преступность, неонацизм, правоохранительные функции, преступления террористического характера и экстремистской направленности.

Vigilantism as a form of private entrepreneurial violence

© Kharitonov V.S.,
Lawyer

Annotation. This article analyzes the relationship between business and organized crime of a terrorist and extremist nature, using the financing of vigilante groups as an example. As examples of this relationship, periods of acute confrontation between the state, business and various social groups are highlighted.

Keywords: vigilantism, business power, organized crime, neo-Nazism, law enforcement, terrorist and extremist crimes.

В рамках господствующего политического, экономического, а, следовательно, и правового дискурса предпринимательская деятельность рассматривается как один из обязательных признаков демократического устройства общества, как наиважнейший признак свободы и потому — безусловное благо¹.

Вместе с тем, история последних столетий демонстрирует и обратную сторону проявления предпринимательской инициативы, ведущей к имущественному расслоению общества, ограничению прав работников и т. п.

В связи с изложенным выше, значительную популярность приобрели, хотя и преимущественно в западных странах, исследования «whitcollar crime», «беловоротничковой преступности», к которой относят преимущественно преступления

экономической направленности. В то же время, как указывает В.В. Лунеев, «криминологическое понимание этой группы деяний во взаимосвязи с уголовным правом недостаточно определено»².

В целом же феномен покушений на основы правопорядка, конституционные права и свободы граждан со стороны предпринимателей является недостаточно исследованным, хотя, как будет продемонстрировано ниже, потенциальная эмпирическая база для соответствующих научных изысканий весьма значительна.

Говоря о политическом насилии как об инструменте реализации власти классом предпринимателей и соответствующей ему правовой характеристике, необходимо обозначить его место в «арсенале» средств воздействия на государство и общество, которыми бизнес располагает.

¹ Фридмен М., Хайек Ф. О свободе. Серия «Философия свободы». Вып. 2 / пер. с англ. Cato Institute. Челябинск : Социум. М. : Три квадрата, 2003. С. 9.

² Лунеев В.В. О криминализации экономических преступлений предпринимателей // Всерос. криминал. журн. 2011. № 4. С. 6.

В теории политологии принято выделять как минимум два таких инструмента.

Первым из них выступает так называемая структурная власть (структурная зависимость государства от бизнеса).

Как отмечают теоретики структурной власти, в капиталистическом обществе при господстве частной собственности на средства производства государственный аппарат по большей части отстранен от непосредственной организации экономической жизни, вынужден обеспечивать капиталистам привилегированное положение в политической системе, позволяя им в качестве инвесторов косвенно, не прибегая к непосредственному вмешательству в политический процесс, контролировать деятельность государства¹.

В таких условиях находящееся у власти правительство, рискуя столкнуться с выводом капитала за границу и, как следствие, экономическими затруднениями и падением своих электоральных возможностей, предпочитает игнорировать факты злоупотреблений со стороны бизнеса.

Другим «рычагом» воздействия бизнеса на государство является так называемая информационная асимметрия между государством и капиталом. Действуя на рынке, бизнес обладает привилегированным доступом к информации о его состоянии, которого лишены политики и чиновники, что позволяет ему, с одной стороны, использовать информацию в качестве «входного билета» при получении доступа к разработке государственной политики, с другой — лоббировать выгодные для себя решения, которые, возможно, не были бы приняты, если бы политики и чиновники обладали тем же уровнем информированности, что и бизнесмены².

Не последнюю роль играет и текущая государственная политика в области архивного дела, которая практически исключает доступ к архивам частных организаций для широкого круга исследователей³.

Вместе с тем, монополия государства на применение насилия все же значительно ограничивает арсенал действий предпринимателей.

На наш взгляд, в таких условиях для достижения своих коммерческих целей бизнесу в определенных случаях придется обращаться в том числе и к неформальным и сравнительно малолетальным способам воздействия на государство и общество, в частности, к вигилантизму.

По мнению автора настоящей статьи, вигилантизм является, наравне со структурной зависимостью государства и информационной асимметрией, инструментом утверждения бизнесом собственного политического господства.

При множестве трактовок вигилантизма, которые встречаются в зарубежной литературе, исследователи сходятся в том, что это спланированное преступное деяние, направленное на лицо или лиц в целях самозащиты права («taking of the law into one's own hands»)⁴.

При этом наиболее влиятельными в области исследования вигилантизма учеными, в частности П. Седербергом (P. Sederberg), вигилантизм рассматривается в качестве явления, противоположного революционному действию, т.е. как явление, направленное на охрану существующего правопорядка заинтересованными в этом

¹ Тев Д.Б. Структурная власть бизнеса: некоторые проблемы концептуализации и исследования // Российские властные институты и элиты в трансформации : материалы восьмого Всерос. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2011. С. 33.

² Матвеев И.А. Крупный бизнес в путинской России: старые и новые источники влияния на

власть // Мир России. Социология. Этнология. 2019. № 1. С. 61.

³ Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» не предполагает обязательной передачи архивных фондов юридических лиц на хранение в государственные архивы. Потенциальная источниковая база, особенно в части практики, средств и методов реализации интересов компаний в принципе недоступна для изучения.

⁴ Haas N.E. Public Support for Vigilantism: Doctoral thesis. Leiden University, Leiden, 2010. P. 31.

гражданами, проконсервативное по своей сути¹.

При этом западные социологи и криминологи расходятся в вопросе отнесения вигилантизма к форме государственного или негосударственного терроризма. Так, в наиболее широкой трактовке к вигилантам относят, помимо обыкновенных граждан, «членов квазигосударственных "эскадронов смерти" парамилитарных/параполицейских групп»².

Кроме того, некоторые западные исследователи усматривают причины возникновения вигилантизма в распространении институтов общественного самоуправления и автономии, понимаемых в данном случае в категориях философии неолиберализма, т.е. как предназначенных для всемерной охраны имущественного положения частных собственников, что проявляется в передаче правоохранительных функций «на аутсорс» частным организациям³.

В связи с изложенным выше необходимо выделить несколько типов вигилантской активности:

— под контролем государства, бизнес-структур и частных лиц («эскадроны смерти», например: «милитарас» в Колумбии, «Американский Легион» в США, «Гау Ракша Дал» в Индии, парамилитарные формирования фашистских партий и др.);

— дружинничество, т.е. самоорганизация групп граждан в сообщества для защиты своих, как правило имущественных, интересов (отряды самообороны, различного рода милиции (ополчения), в том числе и организации по содействию органам правопорядка и пр.);

— спонтанная толпа, образовавшаяся для совершения самосуда.

¹ Sederberg Peter C. The phenomenology of vigilantism in contemporary America: An interpretation // *Studies in Conflict & Terrorism*. 1978. No. 1. P. 287.

² Huggins Martha K. Introduction: vigilantism and the state: a look south and north // *Vigilantism and the state in Modern Latin America: essays on extralegal violence* / Martha K. Huggins (ed.). New York : Praeger, 1991. P. 9—18.

³ Johnston Les. What Is Vigilantism? // *British Journal of Criminology*. 1996. No. 2 (March 20). P. 226.

Для целей настоящей статьи мы остановимся на вигилантских организациях, контролируемых предпринимателями.

Необходимо отметить, что содержащиеся в классификации примеры не являются строго присущими каждому из обозначенных типов, поскольку многие из них пришли к своему конечному положению в результате достаточно продолжительной эволюции, характер и источники поддержки их деятельности менялись под влиянием внешних заинтересованных.

Например, в Германии вигилантизм парамилитарных формирований активно проявился в результате общего разложения государства в условиях военного поражения, экономического краха, спровоцировавших революционное противостояние⁴. В таких обстоятельствах бизнес фактически платил за защиту своей собственности, финансируя подразделения фрайкоров — вооруженных формирований, построенных по армейскому образцу и комплектовавшихся за счет возвращавшихся с фронта военнослужащих. Такие группы подавляли восстания, организованные левыми партиями, защищали собственность в Берлине, Руре и менее промышленно развитой Баварии⁵.

После укрепления германского государства роль и политически приемлемые пределы действий фрайкоров серьезно сократились; многие из них были распущены либо подавлены армией и полицией. Однако массы бывших вигилантов впоследствии составили костяк формирующихся «штурмовых отрядов» НСДАП⁶, получавшей определенную финансовую помощь от влиятельных покровителей уже на заре своего существования.

На протяжении 20-х гг. XX в. на счета партии поступали средства как от местных предпринимателей, так и от наиболее влиятельных представителей германского и

⁴ Восстание спартакистов 5—12 ноября 1919 г., создание Баварской Советской республики и ее разгром и т. д.

⁵ Whetton C. Hitler's fortune. Pen and Sword Military, 2005. P. 234.

⁶ Хёне Х. Чёрный орден СС. История охранных отрядов. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 30—31.

международного капитала и подконтрольных им структур¹. И хотя, как отмечает А.А. Галкин, эти данные носят скорее косвенный характер, «они достаточно многочисленны и убедительны, чтобы с их помощью обосновать вполне определенные выводы»².

Другие примеры «предпринимательской» природы вигилантизма можно обнаружить в истории США, где оно получило сравнительно более широкое распространение и имело более глубокие предпосылки для возникновения. Если вигилантизм в Германии стал следствием тяжелого социально-экономического кризиса, то в США вигилантизм по сути выступал формой охраны правопорядка и поддержания суверенитета США на вновь занимаемых территориях на западе Североамериканского континента. В условиях оторванности от властного центра местные поселенцы нередко прибегали к вигилантизму.

Весьма примечательно, что одна из крупнейших в XIX в. американских вигилантских организаций, «Надзорный комитет Сан-Франциско» (San Francisco vigilance committee), учрежденная в 1851 г., создавалась с подачи и впоследствии управлялась ведущими представителями городского бизнес-сообщества, которые, впрочем, и до этого пользовались всеми преимуществами своего положения для наиболее выгодной для себя реализации законотворческой инициативы. Основной мотивацией «Комитета» была защита собственности от грабежа и бандитизма, распространившихся в те годы вследствие общей неэффективности местной полиции³.

В качестве яркого, но не единственного проявления предпринимательского вигилантизма служит период Первой миро-

вой войны и следующих за ней послевоенных лет, когда ухудшение благосостояния низкоквалифицированных слоев рабочих и ограничения свободы слова и собраний привели к росту социальной напряженности и ожесточению борьбы между профсоюзами и работодателями и широкому применению представителями бизнеса вооруженной силы для подавления недовольства.

Одним из наиболее трагических свидетельств такого насилия являются события в г. Эверетт, известные также как «Резня в Эверетте».

К моменту начала событий управление городом находилось в руках «Коммерческого клуба» (Commercial club), в который входили влиятельные владельцы местных мельниц и иные преуспевающие граждане, контролировавшие местную полицию⁴.

Незадолго до произошедшего профсоюзные активисты уже пытались провести мирные демонстрации против ограничения свободы собраний, однако в результате жестоких побоев, учиненных вооруженными вигилантами во главе с местным шерифом, также членом «Клуба»⁵, их попытки не увенчались успехом.

Наконец, 5 ноября 1916 г. противостояние окончилось обоюдной перестрелкой, когда группа из примерно 200 вооруженных членов «Клуба» во главе с местным шерифом открыла огонь по кораблю с активистами, многие из которых также вооружились на случай новых нападений, пытавшемуся причалить к пристани. По меньшей мере 5 активистов и 2 вигиланта были убиты, 27 и 20 соответственно были ранены.

Другим примером контролируемой бизнесом вигилантской активности являются революционные события на Филиппинах в 1986 г.⁶ Как указывает М. Маладжакан (M. Malajacan), поддержка виги-

¹ Среди спонсоров нацистской партии значатся, по меньшей мере, Фриц Тиссен, Гуго Стиннес-ст. и мл., Август и Альфред Крупп, К. фон Борзиг, Эмиль Кирдорф, Фридрих Флик, Генри Детердинг и др. (Подробнее см.: Галкин А.А. Германский фашизм. М.: Наука, 1989. С. 19—25).

² Галкин А.А. Указ. соч. С. 18.

³ Benson L. Enterprise of law: Justice without state. The Independent institute, 2019. P. 316—318.

⁴ Zachary A. Smith. Wobblies in Washington: The Radicalism and Downfall of the IWW in the Northwest. University of Washington Tacoma. 2014. P. 22.

⁵ Подразумевается, что он действовал как частное лицо, а не как управомоченный представитель власти.

⁶ Речь идет о «Желтой революции».

лантских движений исходила от предпринимателей, пострадавших от введения на подконтрольных Компартии Филиппин территориях системы прогрессивного налогообложения¹.

Всего же на пике гражданского противостояния в ходе революционных событий 1986 г. на Филиппинах, по некоторым оценкам, насчитывалось около 200 проправительственных вооруженных формирований при 8 700 единицах огнестрельного оружия, причем последняя цифра оценивалась как «сильно заниженная»². Отмечается, что контрабанда выступала как основной источник поставок вооружений для частных армий, причем ряд из них также находились под контролем влиятельных представителей бизнеса³.

Среди относительно недавних свидетельств участия предпринимателей в финансировании вигилантских групп можно выделить деятельность «Золотой зари» (далее также — «Заря»)⁴, греческого общественного движения и политической партии, по некоторым данным, крупнейшего и наиболее активного до момента запрета вигилантского сообщества на территории Европы⁵.

Основателем «Золотой зари» является Николаос Михалолиакос, имевший тесные связи с представителями греческой военной хунты в 70-х гг. прошлого века. Члены организации участвовали в событиях в

Сребренице в 1995 г., а уже в 2000—2010-х гг. насилием против мигрантов и других маргинализированных групп населения⁶.

Самым резонансным преступлением боевиков «Зари» стало убийство в 2010 г. Павлоса Фиссаса, популярного греческого певца антифашистских взглядов. После выхода в свет ряда интервью бывших членов «Золотой зари» обнаружилось, что боевики партии проходят подготовку в спецлагерях под руководством действующих греческих военнослужащих.

Проведенное расследование показало, что в финансировании деятельности «Золотой зари» замешаны представители греческих финансовых кругов⁷.

Кроме того, сразу же после официального сообщения о грядущих проверках ряд высокопоставленных офицеров подали в отставку, ссылаясь на «личные причины»⁸.

Согласно данным свидетелей обвинения один из бизнесменов потратил более 1 500 долларов (1 100 евро) на военное обмундирование для своих бойцов, оплату их офисов, а также давал им советы, как скрывать свою преступную деятельность, например: «Не ходите и не нападайте на мигрантов в середине дня»⁹.

Однако было бы ошибкой утверждать, что вигилантизм в Греции ограничивался деятельностью неонацистской «Золотой зари». Напротив, к этому располагало общее состояние преступности в стране.

Распад Югославии и разгоревшиеся на ее территории вооруженные конфликты привели к массовым миграциям ее бывших граждан близлежащие балканские страны.

Греция также приняла на своей территории югославских беженцев, но это прак-

¹ Malajacan Marcelino Q. Jr. *Anti-Communist Vigilantes in the Philippines*. MA Thesis of Military Arts and Science. Fort Leavenworth, KS. 1988. P. 59.

² Van der Kroef Justus M. *The Philippines: Day of the Vigilantes* // *Asian Survey*. Vol. 28. No. 6 (Jun., 1988). P. 641.

³ Ibid. P. 641—642.

⁴ Mireanu M. *State, violence and politics in Italy and Hungary*. 2014. P. 16.

⁵ МИД России рассматривает «Зарю» как экстремистскую группировку неонацистского (ультраправого) толка. Подробнее: Доклад МИД России о ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_operation/1784271/ (дата обращения: 19.02.2022).

⁶ Mireanu M. *Op. cit.* P. 21.

⁷ «ΣΔΟΕ ψάχνει για ύποπτες συναλλαγές και επενδύσεις της Χρυσής Αυγής μέσω εταιρείας — μυστήριο στο Μαρούσι», [iefimerida.gr](http://www.iefimerida.gr). URL: <http://www.iefimerida.gr/node/126803#ixzz2idmXITvQ> (дата обращения: 04.02.2022).

⁸ Mireanu M. *Op. cit.* P. 23.

⁹ URL: <https://damomac.wordpress.com/2014/08/14/new-democracy-businessman-bankrolled-golden-dawn-branch-defector-claims/> (дата обращения: 07.02.2022).

тически сразу привело к заметному ухудшению криминогенной обстановки и резкому росту организованной преступности.

Помимо «традиционных» для оргпреступности торговли людьми, сбыта наркотиков и подделки документов, многие группировки начали промышлять «силовой» защитой интересов строительных фирм и агробизнеса, которые нанимали их, чтобы помешать иммигрантам в создании профсоюзов, а также для обеспечения непрерывного потока дешевой неучтенной рабочей силы¹.

Таким образом, представляется возможным утверждать, что, помимо коррупционной деятельности (в том числе лоббистской), а также структурной власти, бизнес для защиты своих интересов прибегает и к откровенно насильственным формам давления на государство и общество. Финансовые возможности и коррупционные связи, которыми располагает бизнес на предприятии, в случае необходимости способствуют быстрому созданию и переходу к действию вигилантских формирований.

Негласное взаимодействие между бизнесом и вигилантами, характер целей и активности последних позволяют отнести вигилантизм к группе преступлений против общественной безопасности, особенно в части финансирования терроризма и экстремистской деятельности, в том числе крайне правого толка.

Библиография

1. Галкин, А.А. Германский фашизм / А.А. Галкин. — М.: Наука, 1989. — 350 с.
2. Лунеев, В.В. О криминализации экономических преступлений предпринимателей / В.В. Лунеев // Всерос. криминол. журн. — 2011. — № 4. — С. 5—15.
3. Матвеев, И.А. Крупный бизнес в путинской России: старые и новые источники влияния на власть / И.А. Матвеев // Мир России. — Социология. Этнология. — 2019. — № 1. — С. 54—74.
4. Сkochпол, Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая / Т. Сkochпол; пер. с англ. С. Моисеева;

науч. ред. пер. Д. Карасев. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. — 552 с.

5. Тев, Д.Б. Структурная власть бизнеса: некоторые проблемы концептуализации и исследования / Д.Б. Тев // Российские властные институты и элиты в трансформации: материалы восьмого Всерос. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / отв. ред. А.В. Дука. — СПб.: Интерсоцис, 2011. — 326 с.

6. Тилли, Ч. От мобилизации к революции / Ч. Тилли; пер. с англ. Д. Карасева; под науч. ред. С. Моисеева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 432 с.

7. Фридмен, М. О свободе. Серия «Философия свободы». — Вып. 2 / М. Фридмен, Ф. Хайек; пер. с англ. — Сato Institute. — Челябинск: Социум; М.: Три квадрата, 2003. — 182 с.

8. Хёне, Х. Чёрный орден СС. История охранных отрядов / Х. Хёне. — М.: Олма-Пресс, 2003. — 541 с.

9. Benson, B. Enterprise of law: Justice without state / B. Benson. — The Independent institute, 2019. — 416 p.

11. Haas, N.E. Public Support for Vigilantism: Doctoral thesis / N.E. Haas. — Leiden University, Leiden, 2010.

12. Malajacan, Marcelino Q. Jr. Anti-Communist Vigilantes in the Philippines. MA Thesis of Military Arts and Science / Marcelino Q. Jr. Malajacan. — Fort Leavenworth, KS. — 1988. — 110 p.

13. Mireanu, M. State, violence and politics in Italy and Hungary / M. Mireanu. — 2014. — 268 p.

14. Whetton, C. Hitler's fortune / C. Whetton. — Pen and Sword Military. — 2005. — 256 p.

15. Johnston, Les. What Is Vigilantism? / Les. Johnston // British Journal of Criminology. — 1996. — No. 2 (March 20). — P. 226.

16. Sederberg, Peter C. The phenomenology of vigilantism in contemporary America: An interpretation / Peter C. Sederberg // Studies in Conflict & Terrorism. — 1978. — No. 1. — P. 287—305.

17. Smith, Zachary A. Wobblies in Washington: The Radicalism and Downfall of the IWW in the Northwest / Zachary A. Smith // History Undergraduate Theses. — 2014. — No. 10. — 42 p.

18. Tsoutsoumpis, S. The Far Right in Greece. Paramilitarism, Organized Crime and the Rise of «Golden Dawn» / S. Tsoutsoumpis // Comparative Southeast European Studies. — 2018. — No. 66. — P. 03—531.

19. Van der Kroef, Justus M. The Philippines: Day of the Vigilantes / Justus M. van der Kroef // Asian Survey. — Vol. 28. — No. 6 (Jun., 1988). — P. 630—649.

¹ Tsoutsoumpis S. The Far Right in Greece. Paramilitarism, Organized Crime and the Rise of «Golden Dawn» // Comparative Southeast European Studies. 2018. No. 66. P. 522.

**Военные проблемы международного права.
Зарубежное военное законодательство**

**Некоторые организационно-правовые аспекты
организации военных действий по разрешению
региональных (локальных) вооруженных конфликтов
(войн) при участии вооруженных сил государств-
членов Организации Договора о коллективной
безопасности в составе коалиционных (региональных)
группировок войск (сил)**

© Арипов Рустам Матлабович,
адъюнкт кафедры тактики ВУНЦ
«Общевойсковая академия Вооруженных Сил
Российской Федерации»

Аннотация. В статье раскрыты особенности организационно-правовых аспектов организации военных действий по разрешению региональных (локальных) вооруженных конфликтов (войн) при участии вооруженных сил государств-членов ОДКБ в составе коалиционных (региональных) группировок войск (сил). Уделено внимание угрозам безопасности всех стран участников Договора, проблемам правового обеспечения организации и подготовки, формам и способам действий воинских формирований национальных вооруженных сил в составе коалиционных (региональных) группировок войск (сил) для проведения совместных действий по разрешению региональных (локальных) вооруженных конфликтов (войн). Отражены соответствующие договорённости, соглашения и меры по своевременному развертыванию и применению объединенных группировок войск (сил) для оперативного разрешения конфликта.

Ключевые слова: военные действия, боевые действия, совместные действия, вооруженный конфликт, воинское формирование, группировка войск (сил), специальная операция.

**Some organizational and legal aspects of organizing military
operations to resolve regional (local) armed conflicts (wars) with the
participation of the armed forces of the member states of the
Collective Security Treaty Organization as part of coalition
(regional) groupings of troops (forces)**

© Aripov R.M.,
Adjunct of the Department of Tactics of the VUNC
"General Military Academy of the Armed Forces of
the Russian Federation"

Annotation. The article reveals the features of the organizational and legal aspects of organizing military operations to resolve regional (local) armed conflicts (wars) with the participation of the armed forces of the CSTO member states as part of coalition (regional) groupings of troops (forces). Attention is paid to the threats to the security of all countries parties to the Treaty, the problems of legal support for organization and training, the forms and methods of action of military formations of national armed forces as part of coalition (regional) groupings of troops (forces) for joint actions to resolve regional (local) armed conflicts (wars). The relevant agreements, agreements and measures for the timely deployment and use of joint groupings of troops (forces) for the prompt resolution of the conflict are reflected.

Key words: military operations, military operations, joint operations, armed conflict, military formation, grouping of troops (forces), special operation.

После распада СССР на территориях вновь образовавшихся государств возник комплекс обстоятельств, негативно воздействующих на их развитие: социальная напряженность, обострившаяся в результате кризиса общественных отношений в экономике, политике, правовой области, духовности, идеологии, нравственности и т.д.; криминализация различных сфер общественной жизни; подрывная деятельность зарубежных экстремистских и террористических организаций; национализм и сепаратизм; рост организованной преступности и наркобизнеса¹.

Сегодня уже никто не отрицает, что уровень угроз военной опасности на территориях образовавшихся государств заметно снижен. Но в то же время нельзя исключать вероятность возникновения военного конфликта или локальной войны. Не вызывает сомнения и тот факт, что новая эпоха породила новые вызовы безопасности².

В мире еще остаются политические, экономические, территориальные и иные противоречия, сохраняются группировки вооруженных сил, не прекращается производство новых видов вооружений и, что самое опасное, активизируются тенденции территориальных притязаний и пересмотра границ, которые таят в себе потенциальную возможность возникновения различных по масштабам и интенсивности вооруженных конфликтов³. Именно территориальные противоречия стали в последнее время причиной вооруженных конфлик-

тов, хотя угрозы и вызовы безопасности имеют более широкий спектр.

Для нейтрализации угроз безопасности и разрешения вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве государства, образовавшиеся в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) в мае 1992 г. заключили Договор о коллективной безопасности (ДКБ).

В соответствии со ст. 7 Устава Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) «для реализации целей Организации государства-члены принимают совместные меры к формированию в её рамках действенной системы коллективной безопасности, созданию коалиционных (региональных) группировок войск (сил) и органов управления ими, военной инфраструктуры. Государства-члены принимают решение о размещении на своих территориях группировок войск (сил), объектов военной инфраструктуры государств, не являющихся членами Организации, после проведения неотложных консультаций (согласования) с другими государствами-членами».

Анализ военных доктрин государств-участников ОДКБ показывает, что в основном угрозами безопасности всех стран-участников является международный терроризм и экстремизм, незаконный оборот наркотиков, оружия и организованная преступность. Соответственно, в ст. 8 Устава ОДКБ указано, что «государства-члены координируют и объединяют свои усилия в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, организованной транснациональной преступностью, нелегальной миграцией и другими угрозами безопасности государств-членов».

Таким образом, правовая основа сотрудничества государств-участников ОДКБ по нейтрализации угроз безопасности и разрешения вооруженных конфликтов основывается в рамках вышеназванно-

¹ Дамаскин, О. В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов // Вестник Академии военных наук. 2018. № 4(65). С. 121.

² Барынькин В.М. Некоторые вопросы организации военных действий по разрешению военных конфликтов. М.: ГОУ ГШ ВС РФ, 1995.

³ Холиков, И. В. Международно-правовые аспекты противодействия военным угрозам в современных условиях // Современное право. 2003. № 6. С. 27.

го договора. Военные специалисты в рамках договора прилагают все возможные усилия к поиску форм и методов совместной деятельности и разрешению конфликтной ситуации.

Даже общий анализ угроз безопасности показывает, что вооруженные конфликты, как внутренние, так и приграничные, в своем зарождении и развитии имеют, как правило, несколько фаз. Для разрешения их на более ранней фазе должны применяться различные меры политико-дипломатического, экономического, психологического и военно-политического характера, которые бы обеспечивали мирное урегулирование. Однако, как свидетельствует опыт разрешения вооружённых конфликтов на территории стран СНГ и Ближнего востока, для разрешения конфликта на начальных мирных фазах его развития опора на военную силу является крайне необходимой и абсолютно оправданной, так как исключает соблазны потенциального агрессора и является наиболее убедительным аргументом.

В этих целях не исключается ведение консультаций, переговоров и встреч государственных руководителей для поиска путей разрешения конфликтной ситуации на фоне активизации демонстративных действий вооруженных сил. Для того, чтобы разрешить вооруженный конфликт до начала активных военных действий, необходимо использовать все имеющиеся мирные методы.

Следует особо отметить, что военная сила остается главной опорой государства в разрешении вооруженных конфликтов, однако является только инструментом, эффективность применения которого достигается профессионализмом военного руководства и уровнем развития военной науки.

Не останавливаясь на субъективных факторах, а рассматривая только развитие военной науки, необходимо отметить, что военное искусство послевоенных лет главным образом было ориентировано на подготовку и ведение крупномасштабной войны, на развитие форм и способов военных

действий группировками вооруженных сил в такой войне. Формы же и способы применения группировок войск (сил) в локальных войнах разрабатывались и осваивались недостаточно активно¹.

С возрастанием вероятности возникновения вооруженных конфликтов и локальных войн на первый план в современных условиях выдвигается задача развития соответствующей правовой базы применения в них группировок войск (сил) наряду с совершенствованием существующих форм и способов ведения боевых действий в районе конфликта. Так, в соответствии со ст. 1 Соглашения о статусе формирований сил и средств системы коллективной безопасности от 20 июня 2000 г. под формированиями сил и средств системы коллективной безопасности (воинские формирования) понимаются объединения, соединения, воинские части и подразделения, выделенные из национальных вооруженных сил и других войск Сторон в состав коалиционных (региональных) группировок войск (сил), формируемых в целях отражения внешней военной агрессии против одной или нескольких Сторон, в состав сводных (многосторонних) воинских формирований, предназначенных для проведения совместных контртеррористических операций на территориях Сторон, и временно направленные на территории других государств-участников Соглашения².

Примером формирования объединённых группировок войск (сил) можно проследить также на опытах ведения боевых действий Вооруженными силами США (ВС США) в трёх последних десятилетиях в локальных войнах.

Как показывает данный опыт, одним из путей повышения эффективности совместных боевых действий сил и средств Вооруженных Сил США стало решение о создании в 1990-е годы объединения, получившего название «объединенное оперативное формирование» (ООФ). Его состав

¹ Там же.

² Соглашение о статусе формирований сил и средств системы коллективной безопасности от 20 июня 2000 г.

был различным в зависимости от поставленной задачи и условий её выполнения, однако, несмотря на наименование, оставался на тактическом уровне. В ООФ обычно входили корабли ВМС, авиационные группы, базирующиеся на авианосцах, подразделения сил специальных операций, морской пехоты и сухопутных войск (СВ).

Наиболее показательный пример применения подобного формирования — операция по «нормализации обстановки» на Гаити (октябрь 1993 — сентябрь 1994 г.). Для её проведения было создано ООФ, получившее кодовое наименование JTF-120, в составе: десантный корабль, батальон морской пехоты, вертолётная эскадрилья¹.

Формы ведения боевых действий в локальных войнах и вооруженных конфликтах могут быть самыми разнообразными: от операций до боя как основной формы тактических действий войск. Они определяются масштабами вооруженной борьбы, возможностями группировок войск (сил) и, самое главное, цепями боевых действий.

В последнее три десятилетия в локальных войнах и вооруженных конфликтах наиболее ярко проявилась тенденция нанесения дальних (глубоких) ударов, причем не только пилотируемой авиацией и ракетными комплексами, но и беспилотными высокоточными средствами по целям и объектам как в зоне конфликта, так и по всей территории конфликтующих сторон. Подобных примеров множество, начиная с войны в зоне Персидского залива (1990—1991), в ходе которой при нанесении огневых ударов применялись авиация и крылатые ракеты морского базирования «Томагавк», заканчивая применением ВКС России в войне в Сирии (2015—2017 гг.) и событиями в Нагорном Карабахе (в конце 2020 г.), где применение беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) было очень эффективным для выполнения множества задач. Необходимо отметить, что в этих войнах и конфликтах применялись и массированные радиоэлектронные

удары или, более того, проводилась операция радиоэлектронной борьбы.

Данный опыт показывает, что в подавляющем большинстве случаев для их развязывания и ведения привлекались силы и средства всех видов вооруженных сил конфликтующих сторон. Можно уверенно утверждать, что эта тенденция сохранится и впредь. И в будущих конфликтах каждый вид вооруженных сил и род войск будут решать в основном присущие им задачи, определяемые конкретными оперативно-тактическими и тактическими условиями обстановки².

Вместе с тем становится очевидным, что в каждом виде вооруженных сил значительно возрос в последнее время удельный вес новых и новейших средств вооруженной борьбы, что привело к изменению их роли в разрешении военных конфликтов.

Например, анализ современных локальных войн и вооруженных конфликтов показывает, что для повышения эффективности применения сухопутных войск требуется оснастить их армейской авиацией, особенно боевыми вертолётами. Это позволит значительно повысить боевую мощь и маневренность войск, увеличить «радиус действия» пехоты и внезапность её действий.

Оперативно-тактическая устойчивость войсковых группировок в решающей степени зависит от эффективности действий войск противовоздушной обороны (ПВО). Роль ПВО в современных конфликтах трудно переоценить. ПВО давно переросла тактические рамки и превратилась в важнейший фактор достижения успеха в любых видах боевых действий.

Военно-воздушные силы уже сегодня играют решающую роль в разрешении военных конфликтов, а в ряде из них выступали основной ударной силой. Достаточно вспомнить войну во Вьетнаме, действия авиации многонациональных сил в войне против Ирака или действия авиации НАТО

¹ Хомутов А.В. О противодействии противнику в условиях ведения им «многосферных операций» // Военная мысль. 2021. № 5. С. 27—41.

² Барынькин В.М. Военные конфликты: опыт истории и уроки на будущее : доклад НГОУ ГШ ВС РФ. М.: ГОУ ГШ ВС РФ, 1995.

в югославском конфликте, ВКС России в Сирии. Нет сомнений в том, что в будущем эта тенденция только усилится.

В последнее время силы авиации все чаще применяются в составе разведывательно-ударных и разведывательно-огневых комплексов (РУК и РОК). Опыт войны в Персидском заливе, Ираке, Ливии и Сирии выявил серьезные преимущества самолётов нового поколения. Их применение в составе ударных групп не только уменьшает вероятность поражения средствами ПВО, но и позволяют отказаться в ряде случаев от сопровождения и прикрытия истребителями и подавления ПВО.

Опыт войн и вооруженных конфликтов показывает, что задачи военно-морских сил (ВМС) будут определяться конкретными условиями развития военного конфликта. Наряду со все более широким использованием беспилотных морских систем, отмечается также технологический прорыв в сфере морских оружейных систем, к которым относятся морские мины, торпеды, ракеты и т.п.¹ В последнее время рядом стран, в первую очередь, США, ведутся разработки в области новых ракетных и снарядных технологий для ведения морских боевых действий, в частности твердотельные лазеры, электромагнитная рельсовая пушка и управляемый снаряд с пушечным пуском, известный как сверхскоростной снаряд².

Основной тенденцией применения ВМС в военных конфликтах становится возрастание роли и объема задач, решаемых в интересах сухопутных войск. Опыт подобного использования военно-морских группировок достаточно разнообразен: от обеспечения оперативного присутствия в районе кризиса до демонстрации убедительности «устрашения» и решимости военно-силового участия.

Таким образом, локальные войны и вооруженные конфликты подтвердили, что применение новых средств вооруженной борьбы требует дальнейшего развития форм и способов боевых действий. Сюда же следует отнести и специальные операции, которые нашли широкое применение в локальных войнах и вооруженных конфликтах последних десятилетий.

Способы ведения боевых действий в вооруженных конфликтах могут быть разнообразными. Их выбор в каждом случае применения вооруженных сил в вооруженном конфликте должен зависеть от состава войск (сил) противника и способов их применения, а содержание не выходить за рамки уже известных, оправдавших себя на практике.

Опыт свидетельствует, что формы и способы действий войск меняются в зависимости от изменения качественного состояния средств вооруженной борьбы, которые в свою очередь оказывают непосредственное воздействие на процесс создания новых организационных структур войск (сил).

Следовательно, под качественно новые системы вооружения и военной техники потребуются и новые организационные структуры войск (сил), соответствующие появившимся возможностям по их технической оснащенности и способностям решать задачи на более высоком информационном и техническом уровнях.

В зависимости от складывающейся обстановки и характера действий противника в рамках замысла на применение войск (сил) избираются наиболее эффективные в данных конкретных условиях формы и способы действий войск. При этом, какой бы характер ни принял в ходе вооруженного конфликта бой, сражение или операция, по содержанию и сущности всего разнообразия форм и способов применения войск их можно разграничить только на два вида: наступательные и оборонительные. Целесообразность выбора в каждом конкретном случае будет зависеть от складываю-

¹ Холиков И.В. Некоторые проблемные вопросы международно-правовой регламентации использования беспилотных морских систем в военных целях // Военное право. 2019. № 6 (58). С. 282.

² Холиков И.В. Современные тенденции международно-правового регулирования вооруженных конфликтов на море // Военный академический журнал. 2019. № 4(24). С. 147.

щейся обстановки, наличия сил и средств. В любом случае, предпочтение наряду с высокой степенью огневого поражения, должно отдаваться активным формам: стремительным действиям войск на избранных направлениях, обходам, охватам, окружению и десантным действиям. Не может быть исключено (в особых условиях) проведение превентивных ударов, в первую очередь огневых, с целью воспрепятствования начала конфликта вообще.

Все формы и способы применения объединений (соединений) видов Вооруженных Сил в вооруженных конфликтах могут быть эффективными при соблюдении ряда условий. Во-первых, при постоянном упреждении противника в нанесении огневых ударов и манёвре во всех сферах ведения боевых действий. Огневое поражение группировок противника должно осуществляться ударно-огневыми средствами до потери ими боеспособности, а завершение их разгрома решительными действиями Сухопутных войск. Во-вторых, при широком применении воздушных десантов, а также мобильных групп, рейдовых отрядов для решительных действий не только в тылу противника, но и в глубине занятой им территории с целью дезорганизации систем управления и снабжения.

Вместе с тем, в каждом конкретном случае в связи с определенными особенностями ведения боевых действий в определенном регионе внесены некоторые изменения и коррективы в содержание классической операции с целью адаптации её к варианту боевых действий в вооруженных конфликтах, локальных и региональных войнах.

Не вдаваясь в содержание современных операций, коснемся только организационно-правового аспекта. Примером такого аспекта является достигнутое Соглашение между государствами-членами ОДКБ о порядке оперативного развертывания, применения и всестороннего обеспечения Коллективных сил быстрого развертывания Центрально-азиатского региона коллективной безопасности от 23 июня

2006 г. В соответствии со ст. 2 данного Соглашения к основным задачам Коллективных сил быстрого развертывания Центрально-азиатского региона (КСБР ЦАР) относятся: осуществление оперативного развертывания с целью демонстрации готовности к решению задач или обеспечения развертывания Объединенной группировки; участие в общевойсковых операциях в ходе отражения агрессии; участие в совместных общевойсковых, контртеррористических и специальных операциях».

Не менее важно и еще одно событие: создание 4 февраля 2009 г. в Москве Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР), которые могут быть использованы для отражения военной агрессии, проведения специальных операций по борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, транснациональной организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков.

Таким образом, в зависимости от конкретной обстановки применение группировок войск (сил) в локальных, региональных войнах и вооруженных конфликтах будет выражаться в форме совместных общевойсковых, контртеррористических и специальных операциях. Это вызывает необходимость совместного планирования и организации взаимодействия различных войск и сил при подготовке боевых действий по разрешению вооруженных конфликтов.

Анализ опыта локальных войн и вооруженных конфликтов позволяет отметить, что в организации взаимодействия на различных уровнях в основном имеются устоявшиеся взгляды и подходы, выработаны рекомендации. Этот процесс постоянно совершенствуется.

В современных условиях наиболее важным является вопрос организации взаимодействия Вооруженных Сил с другими силовыми структурами, а также с войсками другой государственной принадлежности в составе коалиционной (региональной) группировки, в случае совместных действий. Главная цель организации взаимодействия на мирной фазе — не допу-

стить перехода конфликта в военную фазу, а на фазе военных действий — разрешить конфликт в максимально короткие сроки и с наименьшими потерями и затратами. На мирной фазе разрешения вооруженного конфликта организация взаимодействия в военной области должна осуществляться Генеральным штабом. Согласование совместных действий войск (сил) вызывается необходимостью решения широкого комплекса задач в ходе урегулирования конфликта — от охраны государственной границы до отражения вооруженного вторжения и разгрома вторгшихся группировок. Вместе с тем в конфликтной ситуации, затрагивающей интересы государств коалиции, необходимо межгосударственные согласование совместных усилий (действий) различного характера, направленных на разрешение вооруженного конфликта. На военной фазе взаимодействие должно организовываться командующим и штабом объединенной группировки войск (сил). В основном оно будит заключаться согласовании совместных действий всех войск, сил и средств, находящихся в конфликтном регионе и решающих различные специфические задачи, а также в организации взаимодействия войсками другой государственной принадлежности в составе коалиционной (региональной) группировки войск.

При этом следует учитывать: различия в военных доктринах стран-участников, приёмах и правилах вооруженной борьбы; разнообразие частей формирований в составе коалиционной (региональной) группировки, различие боевых возможностей; особенности в уровне подготовки войск (сил), всестороннем обеспечении и организации управления.

В целом можно отметить, что основой при организации поддержания взаимодействия разнородных сил и средств в локальных войнах и вооруженных конфликтах будут являться согласованные целенаправленные действия военно-политического руководства страны (стран), взявшей на себя обязательства по их разрешению. Кроме этого, необходима организация вза-

имодействия оперативного масштаба по направлениям (регионам, районам).

Как известно из опыта войн и военных конфликтов, их ход и исход находится в прямой зависимости от качества управления войсками (силами) во всех инстанциях и звеньях. Для успешного проведения совместных (специальных) операций разнородными и разноподчинёнными силами и средствами, как показывает опыт, необходима жесткая централизация управления ими в лице единого командования. В тоже время следует предусматривать возможность децентрализованного управления частью сил и средств в ходе ведения ими самостоятельных действий по выполнению отдельных задач в рамках операции.

Руководящим и координирующим органом управления высшего уровня является Генеральный штаб. Для оперативного решения задач управления в регионе (районе) конфликта может создаваться совместный оперативный штаб (СОШ) или, как указано в ст. 1 Соглашения, «Объединенный штаб», который является постоянно действующим рабочим органом ОДКБ и формируется на базе штаба военного округа (региона), в состав которого от всех участвующих войск и сил должны выделяться оперативные группы.

Таким образом, для успешного разрешения вооруженного конфликта на определенном стратегическом направлении (регионе) приняты соответствующие договорённости, соглашения и меры по своевременному развертыванию и применению объединенных группировок войск (сил), разработаны соответствующие способы действий войск по оперативному разрешению конфликта. Изложенные подходы к вопросам форм и организации боевых действий по разрешению вооруженных конфликтов требуют глубокого научного изучения. В настоящее время ими серьезно занимаются российские и зарубежные военные ученые, и, судя по некоторым даже открытым публикациям, довольно успешно.

Библиография

1. Барынькин, В.М. Военные конфликты: опыт истории и уроки на будущее : доклад НГОУ ГШ ВС РФ / В.М. Барынькин. — М.: ГОУ ГШ ВС РФ, 1995. — 10 с.
 2. Барынькин, В.М. Некоторые вопросы организации военных действий по разрешению военных конфликтов : доклад НГОУ ГШ ВС РФ / В.М. Барынькин. — М.: ГОУ ГШ ВС РФ, 1995. — 5 с.
 3. Дамаскин, О.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов / О.В. Дамаскин, И. В. Холиков // Вестник Академии военных наук. — 2018. — № 4(65). — С. 121—128.
 4. Хомутов, А.В. О противодействии противнику в условиях ведения им «многосферных операций» / А.В. Хомутов // Военная мысль. — 2021. — № 5. — С. 27—41.
 5. Холиков, И.В. Некоторые проблемные вопросы международно-правовой регламентации использования беспилотных морских систем в военных целях / И.В. Холиков // Военное право. — 2019. — № 6(58). — С. 276—282.
 6. Холиков, И.В. Современные тенденции международно-правового регулирования вооруженных конфликтов на море / И.В. Холиков, К.С. Лиховидов, В.Н. Плакса // Военный академический журнал. — 2019. — № 4(24). — С. 144—149.
 7. Холиков, И.В. Международно-правовые аспекты противодействия военным угрозам в современных условиях / И.В. Холиков // Современное право. — 2003. — № 6. — С. 27—31.
-

Международно-правовая характеристика интеграционных процессов в Северной Европе и их влияние на национальную безопасность России

© Берг Лана Александровна,
аспирант Института законодательства и
сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена поиску ответов на актуальные вопросы права и международной безопасности. Скандинавский полуостров всегда был и остается одним из самых уникальных по происходящим в нем процессам регионом. Автор рассматривает особенности процесса интеграции этого региона в Европейский Союз и сотрудничество североевропейских стран друг с другом и с Североатлантическим альянсом. Будет ли расширяться НАТО за счет Швеции и Финляндии? Чем может обернуться развитие сотрудничества Северной Европы с коллективным Западом для Российской Федерации в условиях эскалации военных угроз у ее государственных границ? В настоящее время новые вызовы требуют новых подходов к сотрудничеству. На обсуждение выносятся такие актуальные темы, как коллективная безопасность, кризис после выхода Великобритании из ЕС, Арктический вопрос, и, конечно же, противодействие пандемии COVID-19, ставшей самой серьезной глобальной угрозой безопасности в области здравоохранения.

Ключевые слова: право, международное право, правовое сотрудничество, правовая семья, право Европейского Союза, Скандинавия, НАТО, угрозы, национальная безопасность.

International-Legal Characteristic of Integration Processes in Northern Europe and their Impact on National Security of Russia

© Berg L.A.,
post graduate student at the Institute of Legislation
and Comparative Law under the Government of the
Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of current issues of law and international security. The Scandinavian Peninsula has always been and remains one of the most unique regions in terms of the processes taking place in it. The author examines the features of integration process of this region into the European Union and the cooperation of the Nordic countries between themselves and with North Atlantic Treaty Organization. Will NATO expand at the expense of Sweden and Finland? How can the development of cooperation between the Northern Europe and the collective West turn out for the Russian Federation in the context of escalating military threats at its state borders? Currently new challenges require new approaches to cooperation. Such topics as collective security, the crisis after Brexit, the Arctic issue, and, of course, countering the COVID-19 pandemic, which has become the most serious global threat to health security, are being discussed.

Keywords: law, international law, legal cooperation, legal family, European Union law, Scandinavia, NATO, threats, national security.

Североевропейские страны достаточно давно и прочно заняли свои позиции в контексте европейской интеграции. Дания, Финляндия и Швеция являются членами Европейского Союза (ЕС) — Дания с 1973 г., Швеция и Финляндия с 1 января 1995 г., в то время как для Норвегии и Ис-

ландии Соглашение о Европейском экономическом пространстве 1992 г. остается альтернативой членству в ЕС.

Эта ситуация представляет собой серьезный вызов совместным действиям стран Северной Европы в сфере интеграции. Как известно, ЕС характеризуется

жесткой институциональной структурой, а также разносторонней нормотворческой деятельностью и имеет далеко идущие планы в отношении гармонизации вопросов политики, законодательства и обороны. Североевропейские страны частично интегрированы в «Большую Европу», следовательно, как в европейское правовое сотрудничество в рамках ЕС, так и в Североатлантический альянс (НАТО).

В этой ситуации очевидно, что необходимо пересмотреть цели, формы и методы правового и военного сотрудничества в скандинавских странах. Приведет ли нынешнее развитие событий к значительному сокращению этого сотрудничества или оно будет продолжаться и, возможно, развиваться дальше? Будет ли расширяться НАТО за счет Швеции и Финляндии? Чем может обернуться развитие сотрудничества Северной Европы с коллективным Западом для Российской Федерации в условиях эскалации военных угроз у ее государственных границ?

Прежде всего, необходимо изложить четыре основных тезиса, которые будут более подробно рассмотрены далее.

Первый тезис касается правового единства североевропейских стран в широком понимании, а не просто сотрудничества в области права. Скандинавские страны имеют общую правовую культуру и наследие, что в некотором смысле является важной предпосылкой успешного правового сотрудничества.

Второй тезис предполагает, что исторически сложившееся правовое единство этих государств препятствует их прочной интеграции в жестких рамках Европейского Союза.

Третий тезис касается регионального военного сотрудничества североевропейских стран, их частичного членства в НАТО и возможности вступления в него Швеции и Финляндии.

Четвертый тезис гласит, что в нынешних условиях существует угроза безопасности Европы в случае роста напряженности между НАТО и Российской Федерацией ввиду конфликта на востоке Украины и возможности вступления Финляндии в Швеции в состав НАТО.

Что имеет решающее значение для сферы правового единства между этими государствами — это степень соответствия между фундаментальными предпосылками их правовой теории, последовательность в формировании их основных правовых понятий, единообразие их методологии кодификации, доктрины прецедента и выбора источников права. С этой точки зрения скандинавские страны удивительно похожи друг на друга в том, что касается базового восприятия правовой системы, ее структуры и методологии.

В этом контексте представляется актуальным исследовать позицию скандинавской юридической науки, как она воспринимается в рамках того деления на правовые семьи, которое было разработано в области сравнительного правоведения.

Оке Мальмстрем, профессор права в Упсальском университете и скандинавский пионер сравнительного правоведения, разработал классификацию правовых систем (*Rättsordningarnas system*)¹. Он приходит к выводу, что в рамках Западной (европейско-американской) правовой группы можно выделить четыре правовые семьи: правовые системы Континентальной Европы (с германской и романской подгруппой), латиноамериканская система, нордическая (скандинавская) система и система общего права. В своем известном учебнике «Введение в сравнительное правоведение» немецкие правоведы Цвайгерт К. и Кетц Х. делают вывод о существовании правовой системы, основанной на делении на следующие «юридические семейства мира»:

- романская правовая семья (на основе Французского Гражданского кодекса 1804 г.);
- германская правовая семья (Германия, Австрия, Швейцария);
- англо-американская юридическая семья;
- скандинавская правовая семья;
- социалистическая правовая семья;

¹ Malmström, Å. Rättsordningarnas system. Några synpunkter på ett klassifikationsproblem inom den jämförande rättsvetenskapen. Festskrift till Håkan Nial. Stockholm 1966, pp. 368.

— другие правовые семьи (дальневосточная правовая семья, исламское право, индуистское право)¹.

Таким образом, Цвайгерт К. и Кетц Х. разделяют точку зрения Мальмстрема, утверждая, что скандинавскую семью следует рассматривать как отдельную правовую семью.

Цвайгерт К. и Кетц Х. предлагают еще одну причину включения скандинавского права в отдельную правовую семью, а именно менее интенсивное влияние римского права на скандинавскую правовую семью.

Так, скандинавское право было признано на международном уровне в качестве отдельной, легко различимой системы среди других европейских правовых систем. Это само по себе является признанием правового единства стран Северной Европы и служит отправной точкой их сотрудничества.

Движущей силой сотрудничества государств Скандинавского субрегиона в области права является, прежде всего, сотрудничество в области законодательства, активизируемое стремлением добиться сходного, предпочтительно идентичного законодательства во всех странах в центральных областях права. Сотрудничество в области права имеет основу в виде Хельсинкского договора о северном сотрудничестве 1962 г. (далее — Договор).

Статьи Договора содержат основные принципы сотрудничества между пятью Северными странами в правовой, культурной, социальной и экономической областях, а также в области коммуникаций — в основном через общие положения, которые не предполагают четких обязательств. Что касается области права, то ст. 2 Договора гласит: «При разработке законов и подзаконных актов в любой из Северных стран, граждане всех других Северных стран получают равные права с гражданами этой страны. Настоящее применяется ко всем сферам юрисдикции Договора о сотрудничестве. Исключения из параграфа

первого, однако, могут быть сделаны, если требования гражданства конституционно обусловлены, или если они необходимы исходя из других международных обязательств или других соответствующих соображений практического характера»². Кроме того, Договаривающиеся стороны стремятся обеспечить исполнение решения любого суда или другого органа в другой скандинавской стране также на территории указанной Стороны³.

Несмотря на то, что Хельсинкский договор является обязательным документом с точки зрения международного публичного права, его формулировки довольно расплывчаты, и, как правило, именно интерес к предмету и добрая воля всех заинтересованных сторон составляют основу сотрудничества. Положения Договора никогда не инкорпорировались в национальное законодательство и не применяются судами. Механизмы принятия решений, регулирующие сотрудничество судебных органов Северных стран, явно слабы, в то время как механизмы, регулирующие законодательную деятельность ЕС, экстремально сильны.

Основным результатом сотрудничества скандинавских стран в правовой сфере являются гармонизация и унификация их внутреннего законодательства. Идентичность законодательных актов считается ценной сама по себе и составляет основу для североευропейского сотрудничества в области права и, в более широком смысле, для самого существования скандинавского права.

Теперь сравним вышенаписанное о правовом сотрудничестве Северных стран с гармонизацией права в рамках ЕС. Основной целью гармонизации законодательства ЕС является содействие интеграции. Один из основных принципов, закрепленных в Римском договоре, гласит, что достижение целей Союза должно включать сближение законов государств-членов в той мере, в какой это необходимо для

¹ Zweigert, K. & Kötz, H., ed. *Introduction to Comparative Law*. 2nd revised ed., Oxford 1987 (reprinted in 1992).

² Ст. 2 Хельсинкского договора о северном сотрудничестве 1962 г.

³ Ст. 4—7 Хельсинкского договора о северном сотрудничестве 1962 г.

функционирования общего рынка¹. Как известно, ЕС нацелен на устранение таких правовых различий, которые препятствовали бы свободному перемещению товаров, лиц, услуг и капитала или искажали бы основы внутренней конкуренции для предпринимательской деятельности в государствах-членах. Основным условием удовлетворительного функционирования внутреннего рынка является то, что субъекты имеют одинаковые возможности для конкуренции, независимо от их географического положения в ЕС. Внутренний рынок требует, как часто говорят, «равных условий игры». Различия поразительны.

Различия можно увидеть и при рассмотрении методов работы и полномочий принимать решения. В североевропейском правовом сотрудничестве отсутствуют эквивалентные полномочия по возбуждению и координации судебных разбирательств, которыми наделена Европейская комиссия. Никогда не предполагалось, что такая роль, даже в самой скромной форме, должна быть возложена на соответствующие североевропейские органы.

Так, североевропейское правовое сотрудничество пережило свой золотой век, а также период спада. Золотой век особенно связан с 1950-ми и 1960-ми годами. В этот период были подписаны их основные международные договоры: Паспортная конвенция 1952 г., гарантирующая свободное передвижение и выбор места жительства всем гражданам Северных стран в североевропейском субрегионе без наличия у них заграничного паспорта и вида на жительство; Конвенция об общем рынке труда 1954 г., гарантирующая, что гражданин Северной Европы может претендовать на работу во всем субрегионе; Социальная конвенция 1955 г., гарантирующая, что граждане любой страны Северной Европы, мигрирующие в пределах субрегиона, имеют право на получение тех же социальных гарантий и пользование аналогичными правами, что и коренные жители.

Правовое сотрудничество Северных стран упало до минимума с введением в

действие вторичного права ЕС в 1992—1993 годах и реализации Соглашения о Европейском экономическом пространстве 1992 г.² То, что произошло тогда, вполне понятно в свете того факта, что работа велась под большим давлением, и что она была осложнена изменениями внешних обстоятельств, о которых стало известно довольно поздно, например, отказом Швейцарии от Соглашения о Европейском экономическом пространстве 1992 г. на референдуме в декабре 1992 г. — всего за несколько недель до ожидаемого вступления Соглашения в силу. Опираясь на вышеизложенное, можно сказать, что правовое единство Северных стран прочно укоренилось, поскольку в сравнительном правоведении скандинавское право рассматривается как одна из особых подгрупп, составляющих правовую систему Европы. Его руководящим принципом всегда было долгосрочное сотрудничество в области права, слабо связанное с конкретными обязательствами, но ориентированное скорее на выработку общего законодательства (унификацию) в рамках определенных центральных правовых областей с целью достичь благополучия населения североевропейских государств. Это сотрудничество всегда осуществлялось независимо от целей интеграции, которые лежат в основе работы ЕС по гармонизации законов. Сейчас работа по унификации права на севере Европы вступила в более активную фазу. Отправной точкой стал тот факт, что после предварительных переговоров о реализации директивы 93/13/ЕЭС была выработана единая политика Северных стран в этом вопросе, что привело к единообразной реализации этой директивы³.

Таким образом, исторически сложившаяся правовая идентичность, видение каждой из североевропейских стран развития Скандинавского региона и общества, ориентированность на собственные ценно-

² Регламенты, директивы и решения, принятые на основе первичного права ЕС, акты, принятые в соответствии с полномочиями, предусмотренными в законодательном акте ЕС.

³ Директива Совета Европейских Сообществ от 5 апреля 1993 г. № 93/13/ЕЭС «О несправедливых условиях в Договорах с потребителями».

¹ Ст. 3 Договора об учреждении Европейского экономического сообщества.

сти не позволяют полностью принять и следовать политике Европейского Союза практически во всех сферах деятельности.

В настоящее время новые вызовы требуют новых подходов к сотрудничеству. К ним относятся такие актуальные темы, как коллективная безопасность, последствия выхода Великобритании из ЕС, Арктический вопрос, и, конечно же, противодействие пандемии COVID-19, ставшей самой серьёзной глобальной угрозой безопасности в области здравоохранения¹.

Сегодня безопасность обретает все большую актуальность на фоне роста напряженности между коллективным Западом и Россией. Исторически сложилось так, что Швеция и Финляндия предпочли придерживаться политики нейтралитета, в то время как другие скандинавские страны активно смотрели на Запад. Безопасность всегда была для них чувствительной темой, не в последнюю очередь из-за политики Советского Союза, у которого были сложные отношения со странами Северной Европы, особенно с Финляндией, которая получила независимость в 1917 г. В 1949 г., когда Норвегия, Дания и Исландия стали членами-основателями Североатлантического альянса (НАТО), переговоры об оборонном союзе стран Скандинавского региона полностью провалились. Сегодня эти три страны остаются членами НАТО — альянса, создающего непосредственную военную угрозу безопасности Российской Федерации². Швеция и Финляндия поддерживают прочные партнерские отношения с НАТО, что позволяет им участвовать в учениях, организуемых альянсом, а также в обмене военной информацией и наращивании военного потенциала. Однако гарантия взаимной безопасности, предусмотренная ст. 5 Североатлантичес-

ского договора, на них не распространяется³.

Интеграция оборонительной системы и обеспечивающая ее международно-правовая основа стали главной темой на европейской арене во время холодной войны, а позже, в 1990-х годах, превратилась в Европейскую политику в сфере обороны и безопасности (ЕПОБ). После подписания Лиссабонского договора в 2009 г. она стала известна как Общая политика безопасности и обороны (ОПБО), которая представляет собой рамки сотрудничества, в которых государства-члены ЕС могут совместно выполнять миссии и учения. Норвегия и Исландия не являются членами ЕС, что исключает их из этого сотрудничества. Швеция и Финляндия активно участвуют в ОПБО, а Дания исключила себя из этого формата несмотря на то, что является членом ЕС.

Помимо членства в НАТО, в 2009 г. североευропейские государства образовали Северное оборонное сотрудничество (НОРДЕФКО).

Первоначально основанная по инициативе Норвегии, Швеции и Финляндии, НОРДЕФКО включает в себя все пять северных стран, хотя большая часть сотрудничества по-прежнему осуществляется между трио основателей. Заявленная цель этого сотрудничества — обсуждение и развитие обороноспособности региона и каждой из стран в отдельности. Стоит отметить, что вопросы политики безопасности и обороны остаются за рамками компетенций основных региональных организаций, отвечающих за североευропейское региональное сотрудничество, — Северного Совета и Совета министров Северных стран. По этой причине НОРДЕФКО нередко подвергается критике в том числе из-за отсутствия должной институционализации и международно-правовой основы.

Одной из главных причин сотрудничества является экономическая: более выгодно сотрудничать в условиях роста расходов на закупки и сокращении оборонных бюджетов. Другой важной движущей си-

¹ Холиков И.В. Распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний как глобальный вызов современности // Пути к миру и безопасности. 2020. № 2(59). С. 30.

² Холиков И.В. Международно-правовые аспекты противодействия военным угрозам в современных условиях // Современное право. 2003. № 6. С. 27—31.

³ Североатлантический договор от 4 апреля 1949 г.

лой являются постоянно меняющиеся стратегические вопросы, например, возросшее и продолжающееся возрастание Арктического региона.

С начала текущего года все чаще высказываются идеи по возможному присоединению к НАТО традиционно нейтральных Швеции и Финляндии. Причиной этому стало усиление напряженности на востоке Украины и, как следствие, стремительная деградация отношений России с США и НАТО¹.

Это, очевидно, обусловлено политикой США, предусматривающей реализацию доктрины нового мирового беспорядка за счет экспорта нестабильности в Старый Свет и создания там очагов нестабильности². Сама возможность вступления в Североатлантический альянс Швеции и Финляндии создает прямую угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Это обуславливает потребность разработки системы исследования и прогноза возможных сценариев, подлежащих учету в стратегическом планировании противодействия НАТО. Такой подход, по мнению специалистов, должен включать анализ:

— концептуальных и доктринальных взглядов ведущих зарубежных государств на характер будущих войн;

— возможных форм и способов применения вооруженных сил ведущих зарубежных государств;

— направлений развития вооружения и военной техники;

— опыта современных вооруженных конфликтов;

— экономических возможностей ведущих зарубежных государств по созданию новых образцов вооружения;

— возможных форм и способов применения Вооруженных Сил России³.

Интересы национальной безопасности актуализируют, среди прочих, проблемы развития стратегии и правового обеспечения национальной безопасности, международного сотрудничества в сфере противодействия угрозам национальной и международной безопасности⁴.

Скандинавское правовое единство — это не только практически детерминированный феномен, но и вопрос техники правового сотрудничества. В основе его лежит общая правовая традиция, составляющая часть более широкой общности культуры и общественной жизни севера Европы. Интеграционные процессы в этом регионе едва ли представляют значимую угрозу национальной безопасности Российской Федерации, чего нельзя сказать о дальнейшем расширении НАТО и приближении его вплотную к северным границам России за счет возможного вовлечения в его ряды Швеции и Финляндии. Подобный сценарий при определенных раскладах может трансформироваться в широкомасштабный военный конфликт на всем европейском пространстве. Однако, очевидно, что такой исход событий не выгоден ни нашей стране, ни североевропейским странам, ни Европейскому Союзу. Российская Федерация уважает суверенитет государств Северной Европы, ценит их вклад в обеспечение европейской безопасности и надеется на дальнейшее поддержание ими политики нейтралитета.

Библиография

1. Дамаскин, О.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Вестник Академии военных наук. — 2018. — № 4(65). — С. 121—128.

2. Холиков, И.В. Распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний как глобальный вызов современности / И. В. Холиков // Пути к

¹ Press conference with NATO Secretary General Jens Stoltenberg, the Minister for Foreign Affairs of Finland, Pekka Haavisto and the Minister for Foreign Affairs of Sweden, Ann Linde. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_191039.htm (дата обращения 14.02.2022)

² Холиков И.В., Конуров А.И. Международно-правовые и военно-политические вопросы современного мироустройства // Вестник Академии военных наук. 2015. № 4(53). С. 10.

³ Дамаскин О.В., Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов // Вестник Академии военных наук. 2018. № 4(65). С. 23.

⁴ Там же. С. 24.

миру и безопасности. — 2020. — № 2(59). — С. 27-40. — DOI 10.20542/2307-1494-2020-2-27-40.

3. Холиков, И.В. Международно-правовые аспекты противодействия военным угрозам в современных условиях / И.В. Холиков // Современное право. — 2003. — № 6. — С. 27—31.

4. Холиков, И.В. Международно-правовые и военно-политические вопросы современного мироустройства / И.В. Холиков, А.И. Конуров // Вестник Академии военных наук. — 2015. — № 4(53). — С. 7—18.

Международно-правовое регулирование противодействия терроризму

© Болдырев Сергей Владимирович,
специалист юридического отдела центра
исследования проблем Российского права
«Эквитас»

Аннотация. В статье рассмотрен опыт международного правового регулирования противодействия терроризму. Охарактеризованы уровни международной антитеррористической политики. Определены роль и место таких организаций как ООН, ШОС, ОДКБ в системе противодействия международному терроризму. Сделаны научно-обоснованные выводы относительно рассматриваемой тематики.

Ключевые слова: международные террористические и экстремистские организации, иностранные боевики-террористы, терроризм, угрозы, экстремизм, пограничные органы, угрозы проникновения членов международных террористических организаций.

International legal regulation of counter-terrorism

© Boldyrev S.V.,
Specialist of the legal Department of the center for
research of problems of Russian law "Equitas"

Annotation. The article considers the experience of international legal regulation of counter-terrorism. The levels of international antiterrorist policy are characterized. The role and place of such organizations as the UN, SCO, CSTO in the system of countering international terrorism are determined. Scientifically-based conclusions have been made regarding the subject under consideration.

Keywords: international terrorist and extremist organizations, foreign terrorist fighters, terrorism, threats, extremism, border authorities, threats of infiltration by members of international terrorist organizations.

Истиной, не требующей доказательств, является утверждение о том, что одной из наиболее опасных угроз безопасности Российской Федерации остается терроризм.

Угрозы, связанные с этим чрезвычайно опасным явлением, остаются актуальными и, безусловно, требуют внимания специалистов отечественных спецслужб и правоохранительных органов. Об этом в той или иной степени размышляли в своих работах и ученые правоведы, исследуя проявления международного терроризма на территории России¹.

¹ См. напр.: Аулов В.К., Туганов Ю.Н. Юридическая практика в сфере уголовной ответственности за финансирование террористического сообщества и террористических организаций: краткий анализ составляющих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2016. № 4 (226). С. 85—89; Туганов

Будучи сложным проявлением криминальной активности, терроризм отличается высоким уровнем организованности, устойчивым финансированием, новейшим техническим оснащением, привлечением в свои ряды не только религиозных и идейных фанатиков, но и профессионально подготовленных квалифицированных специалистов, применяющих для реализации своих замыслов самые жесткие и циничные способы².

Ю.Н., Курсанова А.С. Организованные формы терроризма: новое в УК РФ и необходимость учета этих новелл в оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2015. № 4 (45). С. 23—25 и др.

² См. об этом: Туганов Ю.Н., Аулов В.К. Угроза совершения террористического акта: особенности квалификации и конструкция состава преступления

Подобную позицию выразил Р.С. Иванов, подчеркнув, что одним из элементов антитеррористической политики является совокупность установленных правил, урегулированных соответствующими нормами международного права. Данный факт обуславливает необходимость юридического воздействия на правоотношения в сфере антитеррористической деятельности, т.е. международного правового регулирования противодействия терроризму¹.

В соответствии со ст. 38 Статуса Международного Суда в перечень источников международного права входят:

— международные конвенции как общие, так и специальные, устанавливающие правила, определенно признанные спорящими государствами;

— международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы;

— общие принципы права, признанные цивилизованными нациями;

— судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций, в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм.

Таким образом, реализация задач международного правового регулирования противодействию терроризму может быть достигнута, используя такие юридические средства, как: международные соглашения, обычаи, принципы права, а в отдельных случаях и судебные решения международных судов.

В настоящее время в рамках международного правового поля существует свыше 30 нормативных правовых актов (конвенций, соглашений, протоколов), касающихся международного терроризма, в том числе форм, методов и способов противодействия ему. Вместе с тем понятие «между-

народный терроризм» все еще не имеет устоявшегося определения.

Так, по мнению А.Г. Волеводза, хотя терроризм превратился в острейшую проблему современности, и борьба с ним стала уже задачей всего человечества, до настоящего времени не решён один из основополагающих вопросов этой деятельности — об определении общепризнанного понятия «международный терроризм», а также о криминализации последнего, что создаёт серьёзные проблемы в противодействии ему².

Аналогичное положение наблюдается в трудах отечественных и зарубежных ученых, которые затрагивая в своих работах явление международного терроризма, зачастую предлагают разные его формулировки. Результаты проведенного Н.А. Чернядьевой исследования в данной области показывают, что в 84 случаях это явление носит описательный характер³.

Необходимость согласования усилий государств по противодействию международному терроризму обусловила наделение специальными полномочиями в данной области некоторых международных организаций, а в отдельных случаях послужила обоснованием принятия решения об их создании. Правовое регулирование международной антитеррористической деятельности осуществляется на нескольких уровнях — это универсальный, региональный и двусторонний формат отношений⁴.

Глобальной универсальной международной организацией, в сферу которой входит в том числе и противодействие терроризму, является Организация Объединенных Наций (ООН).

В структуре ООН функционируют некоторые органы, имеющие прямое отношение к противодействию международно-

(к вопросу о закреплении нормы в отдельной статье Уголовного кодекса Российской Федерации) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2016. № 6 (228). С. 106—111.

¹ Иванов Р.С. Противодействие терроризму в пограничной сфере Российской Федерации: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 86.

² Волеводз А.Г. Международно-правовая криминализация международного терроризма // Вестник МГИМО. 2014. №2 (35). С. 150—160.

³ Чернядьева Н.А. Международный терроризм: происхождение, эволюция, актуальные вопросы его противодействия: монография. М.: Проспект, 2017. С. 265—295.

⁴ Иванов Р.С. Противодействие терроризму в пограничной сфере Российской Федерации: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 93.

му терроризму. Важнейшими из них являются Генеральная Ассамблея ООН, Совет Безопасности ООН, Целевая группа по осуществлению контртеррористических мероприятий, Сектор по вопросам предупреждения терроризма, входящий в состав Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности.

Генеральная Ассамблея играет важную роль в создании международно-правовой базы, которая способствует сотрудничеству правительств в борьбе с терроризмом и в поощрении их более тесного взаимодействия с целью устранения этой угрозы.

Так, в 2006 г. резолюцией 60/288 Генеральной Ассамблеи принята Глобальная контртеррористическая стратегия ООН¹, которая в настоящее время является основополагающим концептуальным международным документом, направленным на борьбу с терроризмом.

До 11 сентября 2001 г. Генеральная Ассамблея ООН рассматривала международный терроризм как частную проблему, и Совет Безопасности ООН реагировал лишь в ответ на конкретные акты международного терроризма. Но в связи с событием, произошедшим 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, Совет Безопасности ООН стал ведущим органом по созданию необходимой нормативной и институциональной базы в целях формирования системы противодействия терроризму. Уже 28 сентября 2001 г. Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию № 1373, ставшей уникальной, поскольку она является первой юридически обязательной резолюцией, которая применяется ко всем членам ООН в отличие от предыдущих контртеррористических актов, которые были действительны только в том случае, если государство добровольно подписывало соответствующий международный договор.

К сегодняшнему дню, в системе Совета безопасности ООН сформированы три вспомогательных органа, занимающиеся

вопросами борьбы с терроризмом: Комитет по санкциям против «ИГИЛ» и «Аль-Каиды», Контртеррористический комитет (КТК) и Комитет, учрежденный резолюцией № 1540.

Высокий уровень террористической активности в странах Ближнего Востока и Афгано-Пакистанской зоне с большим количеством участников террористической деятельности из разных стран, и возникающие в связи с этим угрозы возвращения иностранных боевиков-террористов в страны исходы, побудили Совет Безопасности ООН в резолюциях 2178 (2014) и 2396 (2017) определить и подтвердить международные обязательства, касающиеся безопасности границ и обмена информацией, в отношении использования данных записей регистрации пассажиров (PNR) и предварительного сбора информации о пассажирах (API), биометрических данных и списков лиц, за которыми ведется наблюдение.

Руководящие принципы в отношении иностранных боевиков-террористов, принятые в 2015 г. в Мадриде², и Добавление к ним 2018 г.³ также содержат дополнительные руководящие указания по вопросу об иностранных боевиках-террористах.

В частности, в качестве приоритетных направлений по укреплению потенциала Исполнительный директорат определил усилить пограничный контроль стран-участников Соглашения и предусмотреть:

— дополнительные меры по предотвращению подделки, фальсификации и мошеннического использования документов, удостоверяющих личность и проездных документов;

— обеспечение пограничных органов своевременной соответствующей информацией о предполагаемых или потенциальных иностранных боевиках-террористов, в целях выявления указанной категории лиц при осуществлении погра-

¹ Глобальная контртеррористическая стратегия ООН. Резолюция 60/288 Генеральной Ассамблеи. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/terrorism/strategy-counter-terrorism.shtml>. (дата обращения: 14.01.2022).

² Свод из 35 руководящих принципов в отношении иностранных боевиков-террористов.

³ Свод из 17 дополнительных руководящих принципов (п. 7 Приложения к письму Председателя Комитета Совета Безопасности от 28 декабря 2018 г. на имя Председателя Совета Безопасности).

ничного контроля, иммиграционных и других видов проверок;

— расширение возможностей для выявления и пресечения перемещения террористов, включая эффективное использование предварительной информации о пассажирах и данных записей регистрации пассажиров;

— разработку контрольных списков и баз данных и обмен информацией через двусторонние и многосторонние механизмы, с обеспечением доступа для компетентных правоохранительных органов и пограничных служб;

— разработку систем биометрических данных, включающих отпечатки пальцев, фотографии, данные распознавания лиц, ДНК и другие соответствующие идентификационные биометрические данные с дальнейшим обменом указанной информации в целях выявления иностранных боевиков-террористов при прохождении ими процедуры пограничного контроля.

Таким образом, учитывая, что деятельность ООН во многом зависит от инициатив и политической воли государств-членов, это предполагает:

— установление надежного взаимодействия между ООН и государствами членами во взаимном и своевременном обмене информацией;

— разработку актуальных механизмов организации борьбы с международным терроризмом;

— выстраивание под эгидой ООН современной системы правового регулирования международной антитеррористической политики.

Правовое регулирование регионально-го формата международного сотрудничества отвечает целям противодействия терроризму, исходя из общих и характерных для сотрудничающих государств террористических угроз, а также их политических, экономических и военных интересов.

Специалист в области регионального сотрудничества, постоянный представитель Российской Федерации при международных организациях А.В. Змеевский отмечает, что задачами регионального антитеррористического сотрудничества являются не только согласование и укрепление

нормативной правовой базы, но и институализация этой сферы сотрудничества¹.

Примером региональной организации, созданной для решения вопросов безопасности, в том числе и антитеррористической, является Шанхайская организация сотрудничества (далее — ШОС).

ШОС — региональная межправительственная организация, состоящая из 6 государств (Россия, Китай, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Узбекистан), созданная в целях стабилизации обстановки в Центральной Азии, укреплении дружбы и добрососедства между государствами, развития сотрудничества в политической, военной, экономической, научной и других сферах.

В рамках противодействия терроризму и согласования совместных усилий в данной сфере, участниками организации создана Региональная антитеррористическая структура (далее — РАТС).

Основными задачами и функциями РАТС являются: разработка предложений по борьбе с терроризмом, содействие компетентным органам, сбор и анализ информации, формирование банка данных о лицах и организациях, оказывающих поддержку терроризму, сепаратизму и экстремизму, содействие в подготовке и проведении оперативно-розыскных и иных мероприятий по борьбе с названными явлениями, поддержание контактов с международными организациями².

Другим примером международной региональной организации, действующей в рамках обеспечения безопасности и противодействия терроризму, является Организация Договора о коллективной безопасности (далее — ОДКБ).

Однако, в отличие от ШОС, имеющей в своем составе только координационно-консультативные структуры, ОДКБ является военным союзом, созданным с целью

¹ Змеевский А.В. Особенности международно-правового регулирования сотрудничества по противодействию терроризму на современном этапе // Право и безопасность. 2006. № 1—2 (18—19). С. 22—25.

² Шанхайская организация сотрудничества // Инф. сб. Фонда национальной и международной безопасности. Спец. вып. № 2. М., 2007.

предотвращения и противодействия расширению НАТО и ЕС на восток. Главным органом ОДКБ, предназначенным для борьбы с терроризмом, являются Коллективные силы оперативного реагирования (далее — КСОР), в состав которых входят подразделения вооруженных сил и подразделения специального назначения государств-членов ОДКБ.

За последние годы, практически все государства, входящие как в ШОС, так и в ОДКБ, неоднократно испытали на себе террористические атаки. Таким образом, учитывая складывающуюся оперативную обстановку на территории постсоветского пространства, наиболее актуальным направлением во взаимодействии государств-партнеров будет оставаться детализация универсальных норм в региональных договорах и конвенциях, регламентирующих международное правовое регулирование противодействия терроризму.

Еще одним форматом правоотношений по противодействию терроризму являются двусторонние договоры и соглашения между государствами-партнерами.

События, складывающиеся в последние годы на Ближнем Востоке, Афгано-Пакистанской зоне и в странах Магриба, еще раз продемонстрировали всем мировым державам о необходимости концентрации совместных усилий в борьбе с международным терроризмом. Развитие двустороннего сотрудничества во многом будет способствовать повышению эффективности в данной сфере.

Вместе с тем, геополитическая конкуренция между государствами обуславливает некоторые особенности таких отношений, которые зачастую носят исключительно формальный характер.

Характерным примером подобной ситуации является правовое регулирование совместных мер Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки по борьбе с террористическими угрозами.

Существующие разногласия при оценке действий тех или иных организаций с точки зрения их принадлежности их к международному терроризму, не позволяют России и США согласовать усилия по борьбе с данной угрозой. Примером тому

служат события, происходящие в Сирийской Арабской Республике.

Анализ обстановки в государствах Центрально-Азиатского региона (ЦАР), свидетельствует о высоком уровне террористической активности в данном регионе. Государственный переворот в Афганистане и приход к власти исламского радикального религиозно-политического движения «Талибан», создают дополнительные условия для формирования в регионе очагов напряженности, дестабилизации ситуации путем усиления исламистской пропаганды и активизации подпольной деятельности. В конечном счете вектор активности международных террористических организаций не ограничен рамками ЦАР, а будет направлен на усиление террористической деятельности в России, в том числе в регионах компактного проживания мусульман, что может иметь для нас серьезные последствия с учетом фактора миграции рабочей силы.

В этих условиях наиболее перспективным направлением для формирования единой системы противодействия терроризму на постсоветском пространстве является создание постоянно действующей структуры, функционально предназначенной для осуществления практической помощи во взаимодействии специальных служб и правоохранительных органов государств-партнеров в формате уже действующих региональных организаций ШОС и ОДКБ. Учитывая, что к проблемам международного правового регулирования противодействия терроризму, прежде всего, относится отсутствие в универсальных актах единого подхода к определению данного феномена и вследствие чего возникают разногласия при оценке действий тех или иных организаций с точки зрения признания их террористическими или экстремистскими. Считаем, что в первую очередь основные усилия должны быть сосредоточены на создании основополагающего концептуального международного документа, направленного на борьбу с терроризмом, с определением единого списка террористических и экстремистских организаций.

Библиография

1. Аулов, В.К. Юридическая практика в сфере уголовной ответственности за финансирование террористического сообщества и террористических организаций: краткий анализ составляющих / В.К. Аулов, Ю.Н. Туганов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2016. — № 4 (226). — С. 85—89.

2. Волеводз, А.Г. Международно-правовая криминализация международного терроризма / А.Г. Волеводз // Вестник МГИМО. — 2014. — № 2 (35). — С. 150—160.

3. Змеевский, А.В. Особенности международно-правового регулирования сотрудничества по противодействию терроризму на современном этапе / А.В. Змеевский // Право и безопасность. — 2006. — № 1-2. — С. 22—25.

4. Иванов, Р.С. Противодействие терроризму в пограничной сфере Российской Федерации: уго-

ловно-правовые и криминологические аспекты : дис. ...канд. юрид. наук / Р.С. Иванов. — М., 2017.

5. Туганов, Ю.Н. Организованные формы терроризма: новое в УК РФ и необходимость учета этих новелл в оперативно-розыскной деятельности / Ю.Н. Туганов, А.С. Курсанова // Оперативник (сыщик). — 2015. — № 4 (45). — С. 23—25.

6. Туганов, Ю.Н. Угроза совершения террористического акта: особенности квалификации и конструкция состава преступления (к вопросу о закреплении нормы в отдельной статье Уголовного кодекса Российской Федерации) / Ю.Н. Туганов, В.К. Аулов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2016. — № 6 (228). — С. 106-111.

7. Чернядьева, Н.А. Международный терроризм: происхождение, эволюция, актуальные вопросы его противодействия : монография / Н.А. Чернядьева. — М.: Проспект, 2017.

Ответственность наемников по уголовному праву зарубежных государств

© **Ластовский Сергей Сергеевич**,
курсант 5 курса прокурорско-следственного
факультета ФГКВОУ ВО «Военный университет
имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации

© **Сотникова Валерия Владимировна**,
кандидат юридических наук, старший
преподаватель ФГКВОУ ВО «Военный
университет имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В данной научной статье представлен сравнительный анализ ответственности за наемничество по уголовному праву ряда зарубежных государств, уголовной ответственности наемников за преступления против мира и безопасности человечества.

Ключевые слова: уголовная ответственность наемников, наемничество, международное право, вербовка.

Responsibility of mercenaries under the criminal law of foreign States

© **Lastovsky S.S.**,
Sergeant of the 5th year of the Prosecutor 's and
investigative faculty Military University Of The
Ministry Of Defense Of The Russian Federation
named after Prince Alexander Nevsky

© **Sotnikova V.V.**,
Senior Lecturer of the Department of Criminal Law
Military University Of The Ministry Of Defense Of
The Russian Federation named after Prince
Alexander Nevsky, Candidate of Law

Annotation: The Scientific Article presents a comparative analysis of liability for mercenarism under the criminal law of a number of foreign states, criminal liability of mercenaries for crimes against the peace and security of mankind.

Keywords: riminal liability of mercenaries, mercenarism, international law, recruiting.

Распад СССР, названный Президентом России В.В. Путиным величайшей геополитической катастрофой, ознаменовал собой коренные изменения в социально-экономическом и политическом строе нового государства — Российская Федерация и породил многочисленные негативные явления, с которыми правоохранительная система ранее никогда не сталкивалась. Одним из таких явлений стало наемничество, которое впервые получило распро-

странение в Российской Федерации на территории Северного Кавказа, в основном, в ходе первой и второй чеченских кампаний и событий 1998 г. в Республике Дагестан, в связи с чем в УК РФ 1996 г. статьей 359 впервые установлена уголовная ответственность за наемничество, а в примечании к данной статье дано определение наемника.

Наемничество как явление известно миру с древнейших времен и берет свое

начало в рабовладельческую эпоху. Но после того, как весь мир пережил две мировых войны, мировое сообщество в середине XX в., сначала в лице Организации африканского единства (ОАЕ, сегодня — Африканский союз), а затем в лице Организации Объединенных Наций (ООН) признало наемничество преступным деянием, представляющим большую опасность, носящим международный характер и противоречащим основополагающим принципам и нормам международного права¹.

Следствием этого стало появление в уголовных кодексах большинства стран мира статьи об ответственности за наемничество. При этом остаётся немало проблем, связанных с установлением уголовной ответственности за наёмничество как в международном, так и в национальном праве многих стран².

Рассмотрим некоторые из них.

Говоря об уголовном законодательстве США и большинства стран Европы, необходимо указать, что специальных норм, предусматривающих уголовную ответственность за наемническую деятельность согласно международному уголовному праву, в них настоящее время нет. Наемничество может влечь уголовную ответственность по законодательству этих государств при наличии его признаков в составах преступлений против государственной безопасности и обороноспособности страны, а также деяний, направленных на подрыв добрососедских отношений с ино-

странными государствами или нарушение нейтралитета³.

Так, в разделе 18 Свода законов США в гл. 45 «Международные отношения» содержится § 959 «Поступление на иностранную службу», в п. «а» которого закреплено, что «тот, кто, находясь в пределах Соединенных Штатов, поступает на службу сам или нанимает либо побуждает другого поступать на службу, либо, нарушая юрисдикцию Соединенных Штатов, имеет намерение быть принятым на службу какого-либо правителя, государства, колонии, района или народа в качестве солдата, моряка или матроса на военное или каперское судно, или капера, карается...». Пункт «b» данного параграфа гласит: «положения настоящей статьи не распространяются на граждан или подданных любой страны, находящейся в состоянии войны со страной, с которой и Соединенные Штаты находятся в состоянии войны, если только граждане или подданные такого иностранного государства не вербуют или не побуждают гражданина Соединенных Штатов поступить на иностранную службу...».

В разделе пятом УК ФРГ «Преступные деяния, направленные против обороны страны» содержится § 109h «Вербовка для иностранной военной службы» в котором указано, что «Кто вербует гражданина Германии на военную службу в военное или ему подобное учреждение в интересах иностранного государства или доставляет его вербовщикам или на военную службу подобного учреждения, наказывается лишением свободы на срок от трех месяцев до пяти лет. Покушение наказуемо»⁴.

В УК ФРГ прямо не указано, что названный состав преступления является проявлением наемничества, понятие наемника распространяется только на граждан Германии, кроме того, не закреплена ответственность за участие наемника в различного рода вооруженных конфликтах,

¹ Большая советская энциклопедия / Под ред. А.М. Прохорова. Т.17. М.: Сов. энцикл., 1974. С. 214.

² См., например: Кобакин М.В., Корякин В.М. Проблема толкования понятия «военная услуга» в контексте использования частных военных компаний в современных военных конфликтах // Военное право. 2015. № 3. С. 16—32; Корякин В.М., Харитонов В.С. Понятие «наёмничество» в контексте деятельности частных военных компаний // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 4 (261). С. 95—101; Харитонов В.С. О некоторых проблемах привлечения к уголовной ответственности лиц, подозреваемых в наёмничестве // Право и государство будущего: эволюционные стратегии развития : материалы Международной научно-практической конференции. Отв. ред. О.И. Александрова. М., 2020. С. 421—424, и др.

³ Изъянов А. Ответственность за наемничество по уголовному законодательству зарубежных государств // Законность. 2008. № 4. С. 43—45.

⁴ Кибальник А.Г., Молибога О.Ю., Соломоненко И.Г. Уголовная ответственность за наемничество. Ставрополь: Ставрополь сервис школа, 2001. С. 49.

ответственность наступает не за вербовку в таких вооруженных конфликтах, а за само совершение вербовки на военную службу, в интересах другого государства.

Уголовное законодательство Франции об ответственности за наемничество берет свое начало с Уголовного кодекса Франции 1810 г., в котором деятельность наемников регулировалась статьей 85, в которой была обозначена ответственность за вербовку в мирное время солдат на французской территории от имени иностранного государства.

С принятием в 1992 г. УК Франции нормы о наемничестве обновлялись и совершенствовались в соответствии с подписанными международными договорами. Во французском уголовном праве установили ответственность за участие наемника в вооруженном конфликте и военных операциях, а также за вербовку, финансирование, военный инструктаж, экипировку, организацию и управление группировкой, осуществляющей указанные действия: ст. 436-1 гласит, что «Наказание ... предусмотрены в отношении: 1. Любого лица, специально привлеченного в качестве наемника к участию в вооруженном конфликте, и которое не является ни гражданином государства — участника вооруженного конфликта, не входит в состав вооруженных сил этого государства, не является уполномоченным каким-либо государством, не являющимся участником этого конфликта, на выполнение миссии в составе вооруженных сил вышеупомянутого государства принимать или предпринять попытку непосредственного участия в военных действиях с целью получения личной выгоды или вознаграждения, которое явно превосходит то, которое выплачивается или обещано непосредственным участникам конфликта, состоящим в том же ранге или выполняющим аналогичные функции в вооруженных силах, на стороне которых данное лицо должно сражаться. 2. Любого лица, специально завербованного с целью принятия участия в конкретной военной операции, имеющей своей целью свержение государственных институтов или попытку нарушения территориальной целостности государства, и которое не яв-

ляется ни гражданином государства, против которого эта операция направлена, не входит в состав вооруженных сил вышеупомянутого государства, ни которое было направлено принять участие или предпринять попытку участия в боевых действиях с целью получения личной выгоды или существенного денежного вознаграждения». Статья 436-2 устанавливает ответственность за управление и организацию группировки, целью которой являются вербовка, найм, вознаграждение, экипировка, военный инструктаж лица, подпадающего под описание статьи 436-1¹.

Отдельно остановимся на уголовном законодательстве Польши, которое содержит составы наемничества, в том числе, основанные на международно-правовых понятиях о рассматриваемом преступлении.

Ст. 141 УК Польши звучит: «§ 1. Кто, будучи польским гражданином, принимает на себя без согласия компетентного органа военные обязанности в иностранной армии или иностранной военной организации, подлежит наказанию ... § 2. Кто принимает на себя обязанности в запрещенной международным правом наемной военной службе, подлежит наказанию ... § 3. Не совершает преступления, предусмотренного в § 1, польский гражданин, являющийся одновременно гражданином другого государства, если он проживает на его территории и проходит там военную службу». Ст. 142 УК Польши дополняет статью 141 в соответствие с международно-правовой нормой: «§ 1. Кто, вопреки предписаниям закона, проводит вербовку польских граждан или прибывающих в Республику Польша иностранцев на военную службу в иностранной армии или в иностранной военной организации, подлежит наказанию ... § 2. Кто проводит вербовку польских граждан или прибывающих в Республику Польша иностранцев на запрещенную международным правом наемную военную службу либо такую наемную службу опла-

¹ Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии) : учебное пособие / Н.Е. Крылова, А.В. Серебрянникова. М., 1997. С. 40.

чивает, организует, проводит подготовку к ней или использует, подлежит наказанию...».

По ст. 12 УК Швеции склонение людей незаконно покинуть страну, чтобы поступить на военную службу иностранного государства, рассматривается как незаконная вербовка, которая наказуема при ее осуществлении без соответствующего разрешения. Уголовная ответственность усиливается, если вербовка совершается в период нахождения Швеции в состоянии войны.

УК Швеции существенно сужает уголовную ответственность за вербовку на военную службу, ограничивая ее преступный характер лишь ее совершением в пределах собственной страны¹. Таким образом, аналогичная вербовка, но совершенная за рубежом, не рассматривается как преступление.

В УК многих государств-участников СНГ норма о наемничестве включена в главу (раздел) о международных преступлениях. Ряд государств формулируют понятие наемничества исходя из международного уголовного права.

Так, УК Республики Беларусь содержит три нормы, касающиеся наемничества: ст. 132 «Вербовка, обучение, финансирование и использование наемников» звучит как «вербовка, обучение, финансирование, иное материальное обеспечение и использование наемников для участия в вооруженных конфликтах или военных действиях ...»²; ст. 133 «Наемничество», согласно которой «участие на территории иностранного государства в вооруженных конфликтах, военных действиях лица, не входящего в состав вооруженных сил воюющих сторон и действующего в целях получения материального вознаграждения без уполномочия государства, гражданином которого оно является или на терри-

тории которого постоянно проживает, — наказывается ...» и ст. 361.3 «Участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании или вооруженном конфликте, военных действиях, вербовка либо подготовка лиц к такому участию»: 1. Участие гражданина Республики Беларусь или постоянно проживающего в Республике Беларусь лица без гражданства на территории иностранного государства в вооруженном формировании одной из противоборствующих сторон, а равно участие в вооруженном конфликте, военных действиях без уполномочия государства и при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 133 настоящего Кодекса... 2. Вербовка, обучение, иная подготовка либо использование граждан Республики Беларусь или постоянно проживающих в Республике Беларусь лиц без гражданства для участия на территории иностранного государства в вооруженном формировании одной из противоборствующих сторон, в вооруженных конфликтах, военных действиях, а равно финансирование или иное материальное обеспечение такой деятельности при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 132 настоящего Кодекса...».

В качестве квалифицирующего признака участия наемника в вооруженном конфликте или военных действиях согласно ст. 170 Уголовного кодекса Республики Казахстан называется гибель людей или иные тяжкие последствия: «1. Вербовка, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, а равно его использование в вооруженном конфликте, военных действиях или иных насильственных действиях, направленных на свержение или подрыв конституционного строя либо нарушение территориальной целостности государства ... 2. Те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения или в отношении несовершеннолетнего... 3. Участие наемника в вооруженном конфликте, военных действиях или иных насильственных действиях, направленных на свержение или подрыв конституционного строя либо нарушение территориаль-

¹ Молибога О.Ю. Уголовная ответственность за наемничество : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь: СГУ, 2000. С. 112.

² УК Республики Беларусь (в ред. от 19.05.2021) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900275#load_text_none_1_\(дата_обращения_28.01.2022\)](http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900275#load_text_none_1_(дата_обращения_28.01.2022)).

ной целостности государства... 4. Действие, предусмотренное частью третьей настоящей статьи, повлекшее гибель людей или иные тяжкие последствия...»¹.

По Уголовному кодексу Республики Узбекистан ст. 154 «Наемничество» находится в разделе II «Преступления против мира и безопасности человечества» в одноименной главе VIII и гласит, что: «Наемничество, то есть участие на территории или стороне иностранного государства в вооруженном конфликте или военных действиях лица, не являющегося гражданином или военнослужащим страны, находящейся в конфликте, или постоянно не проживающего на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте, либо не уполномоченного никаким государством для выполнения официальных обязанностей в составе вооруженных сил, с целью получения материального вознаграждения или иных личных выгод, — наказывается...»².

Ст. 375 УК Кыргызстана «Наемничество» сформулирована следующим образом: «1. Вербовка, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, а равно его использование в вооруженном конфликте или военных действиях... 2. Участие наемника в вооруженном конфликте или военных действиях... 3. Те же деяния, совершенные: группой лиц по предварительному сговору, организованной преступной группой; с использованием своего служебного положения, в отношении несовершеннолетнего...»³.

Статья, предусматривающая уголовную ответственность за наемничество по

УК Азербайджана, отнесена к военным преступлениям, и звучит так: «114.1 Вербовка, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, а равно его использование в вооруженном конфликте или военных операциях... 114.2 Те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения или в отношении несовершеннолетнего... 114.3 Участие наемника в вооруженном конфликте или военных операциях — наказывается...»⁴.

Уголовная ответственность за наемничество в Таджикистане закреплена в ст. 401 «Наемничество» в гл. 34 раздела XV «Преступления против мира и безопасности человечества» и полностью совпадает со статьей 359 УК РФ: «1. Вербовка, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемников, а равно их использование в вооруженном конфликте или военных действиях... 2. Те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения или в отношении несовершеннолетнего... 3. Участие наемника в вооруженном конфликте или военных действиях...»⁵.

Согласно ст. 447 УК Украины наемничеством является использование наемников в насильственных действиях, направленных на свержение государственной власти либо нарушение территориальной целостности других государств. Такое закрепление признака соответствует нормам международного права, ст. 1 Конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г.

Анализ уголовного законодательства зарубежных стран об ответственности за наемничество позволяет сделать вывод, что на данный момент для совершенство-

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан (в ред. от 3 июля 2021 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252#sub_id=1700000 (дата обращения: 28.01.2022).

² Уголовный кодекс Республики Узбекистан (в ред. от 29 марта 2017 г.) // – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110#pos=0;0 (дата обращения: 28.01.2022).

³ Уголовный кодекс Кыргызской Республики (в ред. от 10 мая 2021 г.) // – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.adviser.kg/document/?doc_id=30222833 (дата обращения: 28.01.2022).

⁴ Уголовный Кодекс Азербайджана (в ред. от 03 мая 2021 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30420353#pos=814;-134 (дата обращения: 28.01.2022).

⁵ Уголовный Кодекс Таджикистана (в ред. от 24 февраля 2017 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397325#pos=3842;-146 (дата обращения: 28.01.2022).

вания содержания соответствующих статей национального законодательства существует острая необходимость, во-первых, приведения к единому пониманию всеми государствами понятия наемник и, во-вторых, имплементации в собственное внутреннее уголовное законодательство норм международного права, положений ст. 1 Конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г., что является необходимым условием в общей мировой борьбе с явлением наемничества.

Библиография

1. Изъянов, А. Ответственность за наемничество по уголовному законодательству зарубежных государств / А. Изъянов // Законность. — 2008. — № 4. — С. 43—45.
2. Короткий, Ф.В. Наемничество: уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ф.В. Короткий. — Екатеринбург, 2009.
3. Корякин, В.М. Понятие «наёмничество» в контексте деятельности частных военных компаний / Корякин В.М., Харитонов В.С. // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 4 (261). — С. 95—101.
4. Молибога, О.Ю. Уголовная ответственность за наемничество : дис. ... канд. юрид. наук / О.Ю. Молибога. — Ставрополь: СГУ, 2000.
5. Тиунов, О.И. Международное гуманитарное право / О.И. Тиунова. — М.: Норма, Инфра-М, 2016. — 320 с.
6. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии) : учебное пособие / Н.Е. Крылова, А.В. Серебренникова. — М., 1997.
7. Харитонов, В.С. О некоторых проблемах привлечения к уголовной ответственности лиц, подозреваемых в наёмничестве / В.С. Харитонов // Право и государство будущего: эволюционные стратегии развития : материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. О.И. Александрова. — М., 2020. — С. 421—424.

Некоторые правовые и военные аспекты регулирования деятельности вооруженных сил при решении специальных задач в составе Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности

© Леонтьев Вячеслав Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель
начальника военного учебного центра при
Российском государственном университете
правосудия (РГУП), доцент кафедры
международного права РГУП

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются некоторые правовые и военные аспекты деятельности Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности (КСОР ОДКБ) при решении специальных задач и борьбы против незаконных вооруженных формирований в зонах ответственности ОДКБ.

Ключевые слова: коллективные силы оперативного реагирования, незаконные вооруженные формирования, террористическая группа, операция, зона ответственности.

Some legal and military aspects of regulation of the activities of the armed forces in solving special tasks as part of the Collective Rapid Reaction Forces of the Collective Security Treaty Organization

© Leontiev V.N.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Deputy Head of the Military Training Center at the
Russian State Unitary Enterprise, Associate
Professor of the Department of International Law of
the Russian State Unitary Enterprise

Annotation. This article examines some legal and military aspects of the Collective Rapid Reaction Forces of the Collective Security Treaty Organization (hereinafter referred to as the CSTO CRRF) and the procedure for their actions against illegal armed groups

Key words: Collective rapid reaction forces, illegal armed formations, terrorist group, operation

Конфликты с использованием вооруженных сил, происходящие в тех или иных точках земного шара, вынуждают ученых более вдумчиво и подробно изучать и рассматривать правовые и военные аспекты регулирования деятельности вооруженных сил, в частности, тот боевой контингент, который задействуется при решении специальных задач в составе Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности (КСОР ОДКБ). Для выполнения обозначенного выше актуального и свое-

временного исследования необходимо вникнуть достаточно глубоко в сущность, правовые основы деятельности и подлинные цели образования Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности как синонима консолидации внешнеполитических, геостратегических и идеологических взглядов стран-союзников, входящих в ареал бывшего СССР. КСОР ОДКБ были сформированы на основании Решения Совета коллективной безопасности ОДКБ от 4 февраля 2009 г. Данный акт

стал плодом многолетних дипломатических и военно-аналитических работ и консультаций со стороны каждого из заинтересованных государств¹.

КСОР предназначены для оперативного реагирования на вызовы и угрозы безопасности государств-членов ОДКБ. Компетенция данных сил обширна и охватывает самые разнообразные сферы, в которых может понадобиться специально обученный военный персонал². В их состав входят: мобильные соединения и воинские части постоянной боевой готовности вооруженных сил, находящихся в подчинении у государств-членов ОДКБ, укомплектованные по полному штату, оснащенные отвечающим нынешним высоким инженерным и боевым требованиям вооружением (которое к тому же подобрано таким образом, чтобы отвечать требованию совместимости с прочими союзническими военными технологиями), военной и специальной техникой. Также в состав КСОР входят формирования сил специального назначения из числа специальных подразделений органов внутренних дел (полиции), органов безопасности и специальных служб, а также уполномоченных органов в сфере предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

Основные задачи КСОР ОДКБ затрагивают многие ключевые сферы внутренней и внешней деятельности государств-союзников, без поддержания порядка и безопасности в которых они будут подвергнуты риску потенциальных военно-политических, социальных и гуманитарных потрясений:

— оперативное развертывание на территории любого из государств-членов ОДКБ с целью демонстрации готовности к применению военной силы;

— участие в предотвращении и отражении вооруженного нападения, в том

числе агрессии, ликвидации вооруженных конфликтов;

— участие в мероприятиях по борьбе с международным терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оружия и боеприпасов, а также организация слаженного и взаимосогласованного противостояния другим видам транснациональной организованной преступности;

— усиление войск прикрытия государственных границ и охраны государственных и военных объектов государств-членов ОДКБ;

— участие в обеспечении оперативного развертывания объединенных (региональных) группировок войск (сил);

— участие в выполнении мероприятий по защите населения от опасностей, возникающих при ведении или вследствие военных действий, а также организация действий по ликвидации чрезвычайных ситуаций и оказании чрезвычайной гуманитарной помощи.

Рассмотрим далее специальные задачи, выполняемые Коллективными силами оперативного реагирования, а также порядок их действий против незаконных вооруженных формирований и террористических организаций в зонах ответственности ОДКБ.

Организация и создание террористических групп, в том числе имеющих специальные вооруженные формирования, являются абсолютно точно преступными действиями, подпадающими под квалификацию уголовного законодательства каждой из стран-союзников ОДКБ, что в условиях политической, социальной и экономической нестабильности в некоторых частях зоны ответственности ОДКБ может являться весьма опасным фактором, провоцирующим напряженность и дестабилизацию всего общества. Такие формирования могут быть использованы в политических целях, а именно, для воздействия на государственную власть, т.е. в качестве силового принуждения государственных структур к выполнению ими требований лиц, осуществляющих террористическую деятельность, либо — в тягчайшем варианте — для захвата государственной вла-

¹ Киселёв В. Терроризм как составная часть гибридной войны // Армейский сборник. 2016. № 5. С. 32—35.

² Холиков И.В., Амонулов Ш.П. Правовое регулирование реализации военного сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан // Военное право. 2020. № 3(61). С. 355.

сти для реализации своих планов и интересов¹. При этом, исходя из анализа террористической деятельности группировок прошлых лет, преследуемые ими интересы в большинстве случаев противоречили конституционному порядку государств ОДКБ, принятому в данных государствах общественному и социальному устройству и основным положениям универсальных международных договоров (Устав ООН, Европейская конвенция о пресечении терроризма ETS № 090 (Страсбург, 27 января 1977 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция о защите прав человека и основных свобод). Кроме того способы их деятельности, жестокость и пренебрежение к человеческой жизни являются грубейшим попранием следующих международных документов, представляющих собой яркие примеры уважения к индивидуальности, чести и достоинству людей, а также являющихся плодами консолидированной юридической мысли: Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.), Всеобщей Декларации прав человека, Европейской Конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания ETS № 126 (Страсбург, 26 ноября 1987 г.), Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (Минск, 26 мая 1995 г.).

Террористические группировки намного меньшего размера, придерживающиеся ячеечного типа формирования, создаются для целей захвата власти в регионах, для дестабилизации локальной политической ситуации, а также для активного силового участия в конфликтах, возникающих на национальной или религиозной почве. Специфика таких конфликтов такова, что на начальной фазе наблюдаются, как правило, насильственные действия, совершаемые незаконными вооруженными формированиями, созданными в большин-

стве своем из населения самой страны². Затем действия приобретают ярко выраженный национально-религиозный и политический окрас. Запугиваемое население наблюдает не только разрозненные акты устрашения и применения силы, но также начинает становиться свидетелями выдвижения террористами различных политических требований и ультиматумов.

Таким образом, при указанных действиях основными целями незаконных вооруженных формирований террористических организаций могут являться:

— захват и удержание государственной власти;

— установление главенства в обществе индивидов определенной национальности³;

— установление главенства в обществе определенной религии.

Истории уже были известны случаи открытого террористического подавления общества. Так, например, одним из самых страшных примеров предстает политика устрашения, которую проводила правящая партия во Франции в ходе Великой французской революции с 1789 по 1794 г. Также надлежит вспомнить про «Красный террор» периода гражданской войны в России 1918—1920 г. (Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией о деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью). Камбоджийские

² Сержантов А.В., Мартофляк А.П. Анализ особенностей современных военных конфликтов // Военная мысль. 2011. №5. С. 36—44.

³ Косово и Метохия в Сербии. Вооруженный мятеж, который начался в Косово в 1998 г., был тщательно спланирован и подготовлен. Именно благодаря этому албанские террористы и сепаратисты в Косово вместе продвигались к своей цели, содержащей идеологию необходимости полного внешнеполитического суверенитета и независимости Косово. 17 февраля 2008 г. временные институты самоуправления Косово приняли Декларацию о независимости от Сербии. 22 июля 2010 г. Международный Суд ООН пришел к выводу о том, что Декларация о провозглашении независимости Косово в целом не нарушает никаких международных актов или резолюций Совета Безопасности.

¹ Холиков, И.В. Международно-правовые аспекты противодействия военным угрозам в современных условиях // Современное право. 2003. № 6. С. 27-31.

«Красные кхмеры» установили политическую диктатуру. Они объявили о начале «революционного эксперимента» для построения в Камбодже «стопроцентного коммунистического общества». В условиях Камбоджи создавалась специфическая форма «казарменного коммунизма» и «аграрного социализма», основанная на идеях Пол Пота.

Наиболее ярким проявлением мнимой необходимости смещения законной власти зачастую являются идеологически подкрепленные террористические действия определенной группы людей, сопровождающие свои незаконные силовые операции радикальными политическими умозаключениями¹.

Необходимо отметить, что антигосударственный терроризм в настоящее время приобретает преимущественно международный характер, т.к. включает в себя организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористической деятельности в крупномасштабном формате, что невозможно сделать в отдельно взятом государстве. Таким образом экспансия террористической деятельности должна быть остановлена исключительно объединенными военными силами стран, являющихся геополитическими союзниками в регионе. Именно такими силами и становятся КСОР ОДКБ.

На современном этапе террористические организации достигли такого уровня организованности и финансирования, что стало возможным рассуждать именно о войне с терроризмом. Формально началом данной войны можно считать 11 сентября 2001 г. — дату, послужившую стартовым моментом для совершения терактов в США: в Нью-Йорке, Пенсильвании, Вашингтоне, в результате которых погибло более 7 000 человек. 7 октября 2001 г. началась военная операция США и их союзников в Афганистане. Она проводилась в рамках операции «Несокрушимая свобода» (Enduring Freedom), начатой в ответ на террористический акт 11 сентября 2001 г. Основная задача — поиск и уничтожение боевиков афганского экстремистского

движения «Галибан» и международной террористической группировки «Аль-Каида» как главных формирований, обвиняемых в посягательствах на благополучие американского общества.

В конце лета 2014 г. США собрали «антитеррористическую коалицию» стран-партнеров для борьбы с ИГИЛ, в которую вошло большинство стран-членов НАТО, а также Бахрейн, Саудовская Аравия, Катар, Австралия, Новая Зеландия и ряд других государств. Операция получила название «Непоколебимая решимость» (Inherent Resolve)².

Террористические действия не всегда носят открытый и явный характер. Многие из операций террористических подпольных формирований тщательно скрываются, камуфлируются под иные цели и намерения (например, борьба за свободу слова и вероисповедания или борьба за установления демократической формы правления). Главным признаком таких действий является их латентность. Примером таких действий могут служить массовые антиправительственные волнения в ряде стран и регионов, например: в Республике Таджикистане (1992—1997 гг.), Чеченской Республике (1990—1994 гг.), в Сирийской Арабской Республике (с 2011 г. по настоящее время) и других странах, которые впоследствии переросли в открытое вооруженное противостояние (войну) между правительственными войсками и силами вооруженных формирований террористов. Вместе с тем, как показал опыт боевых действий на территориях вышеуказанных республик, (особенно принимая во внимание опыт боевых действий на территории Сирийской Арабской Республики (САР)), вооруженные формирования террористических организаций в отдельных случаях при достижении тактического преимущества делают попытки захвата и длительного удержания важного в тактическом плане

¹ Сержантов А.В., Мартофляк А.П. Указ. соч.

² Холиков И.В., Сазонова К.Л. Международно-правовые последствия включения "войны с международным терроризмом" в перечень правомерных оснований индивидуальной и коллективной самообороны (на примере борьбы с Исламским государством Ирака и Леванта) // Военное право. 2015. № 3(35). С. 331.

или в плане жизнеобеспечения населения объекта.

Специфика боевых действий в районе конфликта в этих условиях вытекает из самого характера конфликта и тактики действий незаконных вооруженных формирований. В чем это выражается? По опыту вооруженных конфликтов последних лет¹ отряд или полк вооруженных формирований может насчитывать до 300 человек². Состав комплектуется по 10—15 групп по 20—30 человек в каждой. На вооружении у террористической группировки может находиться (состоять): зенитно-пулеметные установки — 1—2; минометов — 2—3; пулеметов ДШК — 7—9; безоткатных орудий — 1—2; ручных противотанковых гранатометов — 15—20; стрелковое и холодное оружие. Особую опасность представляет наличие у незаконного формирования тяжелого оружия или бронетехники (но на практике это не так распространено). Такая структура вооруженных формирований предопределяет возможность осуществлять действия малочисленными группами.

Тактика их действий весьма разнообразна, основными способами активности незаконных вооруженных формирований могут быть: нападения мобильными группами, усиленными тяжелым оружием; нападения группами в форме налетов по принципу «набег — отход»; нападения «пчелиным роем» на отдельные объекты и административные центры. Наиболее распространены действиями, как показывает анализ боевых действий, являются нападения группами по принципу «набег — отход», но в основе всех их действий лежит общий принцип — «действия слабого против сильного»³.

¹ Опыт организации и ведения боевых действий на территории Республики Афганистан : учебное пособие. М.: ТуркВО, 1992.

² Лембик С.А. Опыт вооруженных конфликтов и локальных войн 1980—1990 годов : учебное пособие. М.: ВА БТВ, 1996.

³ Вострокнутов А.А. Особенности тактики афганских мятежников во время войны в Демократической Республике Афганистан (1979—89 гг.) // Вестник академии военных наук. 2011. № 3 (36). С. 170—173.

На практике это означает, что террористам-исполнителям рекомендуется придерживаться следующих принципов:

— всякий раз использовать хитрость, коварство, обман, подлость;

— уклоняться от открытого вступления в бой с превосходящими силами противника;

— опираться на помощь местного населения, выявлять среди них лиц, проявляющих лояльность к их идеологии и осуществлять активную вербовку сторонников;

— отказаться от тактики позиционной войны, от удержания занимаемых районов в течение длительного периода времени и после выполнения боевой задачи по возможности растворяться среди местных жителей;

— совершать вылазки, осуществлять налеты, диверсии преимущественно ночью, тщательно скрывать места своего базирования;

— хорошо знать тактику действий противника и умело использовать его слабые места, промахи;

— демонстративными действиями вводить в заблуждение органы правопорядка, службы разведки и прочие властные агентурные подразделения, осуществлять грамотную политику дезинформации;

— быстро переходить от одних способов ведения боевых действий к другим;

— упреждать противника в маневре, открытии огня;

— широко использовать тактику засад, создания ловушек, огневых мешков;

— действовать решительно, напористо, но вовремя выходить из-под удара.

Именно так (совокупностью вышеперечисленных способов) и действовали на территории России чеченские боевики. Борьба с бандформированиями и террористическими группировками в периоды 1994—1996 гг. и 1999—2001 гг. на территории Чечни в России была затяжной и кровопролитной. Местное население активно поддерживало и спонсировало террористов, будучи мотивировано борьбой за независимость субъекта Федерации. 1996 г. ознаменовался подписанием Хасавюртовских соглаше-

ний, а через тринадцать лет, 16 апреля 2009 г. директор ФСБ России, глава Национального антитеррористического комитета А.В. Бортников по поручению Президента Российской Федерации отменил приказ, объявляющий территорию Чечни зоной проведения контртеррористических операций.

Необходимо помнить, что специфика террористической деятельности выражается также в неравенстве сторон в военном отношении (причем, если соединения (части) Коллективных сил оперативного реагирования, действующие в зоне вооруженного конфликта более развиты в организационном и военно-техническом отношении, то все незаконные вооруженные формирования в районе конфликта теснее связаны с местным населением, играющим роль людского резерва и источника материального снабжения незаконных формирований): надлежит помнить, что опора террористов на поддержку и лояльность местного населения придает им повышенную способность к восстановлению и реорганизации после понесенных потерь, что позволяет этим формированиям длительное время противостоять более мощной группировке войск прикрытия (и отходить в критические моменты, возобновляя боевые, людские и прочие ресурсы). Способность террористов «растворяться» в гражданской среде придает вооруженному конфликту свойство непредсказуемости и не позволяет прогнозировать сроки окончания противостояния.

Анализ тактики действий незаконных вооруженных формирований (НВФ) в различных конфликтах показывает, что кроме внезапных атак и засад, также производятся следующие тактические действия: обходные маневры, в том числе с заходом в тыл противника, «просачивание», заманивание в «огневые мешки», обманные действия, применение тактики «удар-отход», и «отход-удар» и т.д.

Комплектование НВФ личным составом осуществляется по территориальному принципу: в составе группировки наблюдается обычно по 5—6 отрядов, в каждом примерно по 100 боевиков. В группе насчитывают от 10 до 50 человек, малый

отряд — от 50 до 100 человек, средний отряд — от 100 до 500 человек и большой отряд — от 500 до 1500 боевиков. Возраст их закономерно может быть любой, но численно преобладают люди моложе 40 лет.

Личный состав НВФ вооружен легким стрелковым оружием, являющимся собственностью владельцев. Кроме того, имеется оружие коллективного пользования: станковые и крупнокалиберные пулеметы, минометы, станковые гранатометы, иногда безоткатные пушки, переносные зенитно-ракетные комплексы и т.п. Средства связи обычно представлены современными малогабаритными переносными радиостанциями японского, американского или китайского производства.

Опыт пресечения деятельности незаконных вооруженных формирований в ходе контртеррористической операции на территории Республики Таджикистан, Чеченской Республики, Исламской Республики Афганистан и Сирийской Арабской Республики свидетельствует о том, что тактика действий бандформирований, противостоящих правительственным войскам, претерпела существенные изменения. В настоящее время, наряду с традиционными партизанскими действиями, она включает в себя также широкомасштабные наступательные и оборонительные действия по захвату и удержанию стратегически важных объектов, также характеризуется широким спектром незаконных проявлений: от проведения диверсионно-террористических действий в населенных пунктах (на важных промышленных объектах и в лечебных учреждениях) до открытых вооруженных выступлений мелкими (15—20 чел.) и крупными (от 500 чел. и более) группами. Вместе с тем, по-прежнему основополагающими принципами тактики действий незаконных вооруженных формирований являются внезапность, решительность, дерзость и кратковременность налетов. Все эти факторы несомненно усложняют работу Коллективных сил оперативного реагирования и требуют от объединенного командования данного силового института разработки новых тактических приемов по превентив-

ной идентификации лиц, ведущих подпольную террористическую деятельность, их обнаружению и скорейшему изолированию от здоровой части общества.

Таким образом, анализ согласованных и продуманных шагов по противодействию вооруженным формированиям террористических организаций, а также оценка активности бандформирований последних десятилетий в районах активных боевых действий (Исламская Республика Афганистан, Сирийская Арабская Республика), показали справедливость нижеследующего определения: незаконным вооруженным формированием является всякое не предусмотренное законодательством страны объединение людей, обладающих оружием, организованное с целью свержения существующего государственного строя, нарушения стабильности в регионе и вооруженного захвата власти или принуждения органов власти к проведению выгодной для террористов политики.

Библиография

1. Вострокнутов, А.А. Особенности тактики афганских мятежников во время войны в Демократической Республике Афганистан (1979—89 гг.) / А.А. Вострокнутов // Вестник академии военных наук. — 2011. — № 3 (36). — С. 170—173.
2. Киселёв, В. Терроризм как составная часть гибридной войны / В. Киселёв // Армейский сборник. — 2016. — № 5. — С. 32—35.
3. Лембик, С.А. Опыт вооруженных конфликтов и локальных войн 1980—1990 годов : учебное пособие. / С.А. Лембик. — М.: ВА БТВ, 1996.
4. Опыт организации и ведения боевых действий на территории Республики Афганистан : учебное пособие. — М.: ТуркВО, 1992.
5. Сержантов, А.В. Анализ особенностей современных военных конфликтов / А.В. Сержантов, А.П. Мартофляк // Военная мысль. — 2011. — № 5. — С. 36—44.
6. Трунов, П.И. Внутренний вооруженный конфликт. Совместные действия общевойсковых соединений и частей с другими войсками, воинскими формированиями и органами по его предупреждению и пресечению: монография / П.И. Трунов. — М.: ОВА ВС РФ, 2002.
7. Холиков, И.В. Международно-правовые аспекты противодействия военным угрозам в современных условиях / И. В. Холиков // Современное право. — 2003. — № 6. — С. 27—31.
8. Холиков, И. В. Правовое регулирование реализации военного сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан / И.В. Холиков, Ш.П. Амонулов // Военное право. — 2020. — № 3(61). — С. 352—361.
9. Холиков, И.В., Сазонова, К.Л. Международно-правовые последствия включения "войны с международным терроризмом" в перечень правомерных оснований индивидуальной и коллективной самообороны (на примере борьбы с Исламским государством Ирака и Леванта) / И.В. Холиков, К.Л. Сазонова // Военное право. — 2015. — № 3(35). — С. 321—339.

Транснациональные вооруженные группы и международное гуманитарное право

© Чернявский Александр Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры конституционного (государственного) и
международного права ФГКВУ ВО «Военный
университет имени князя Александра Невского»
Минобороны России

Аннотация. В статье изложен взгляд автора, что по международному гуманитарному праву (МГП) «война с террором» должна быть разделена на разные составляющие: в некоторых случаях применяется право международных вооруженных конфликтов; в других случаях применяется право немеждународных вооруженных конфликтов; в большинстве ситуаций «войны с терроризмом» МГП вообще не применяется. Одновременно автором рассматривается связанный с этим вопрос о том, что определяет существование вооруженной группы как адресата МГП в части немеждународных вооруженных конфликтов. Автором рассматривается также вопрос о том, следует ли и как можно адаптировать существующие нормы МГП для более адекватного охвата транснациональных вооруженных групп. Также автором делается попытка определить области, в которых существующее МГП немеждународных вооруженных конфликтов не совсем адекватно из-за экстерриториального характера борьбы с транснациональными вооруженными группировками. В статье автором высказывается скептицизм в отношении возможности распространения МГП и его применения за пределы вооруженных конфликтов, как это определено в настоящее время, когда в них участвуют транснациональные группы.

Ключевые слова: вооруженный конфликт, международное гуманитарное право, экстерриториальный характер, транснациональные вооруженные группы, механизмы имплементации.

Transnational armed groups and international humanitarian law

© Chernyavsky A.G.,
Doctor of Law, Professor, Professor of the
Department of Constitutional (State) and
International Law of the Prince Alexander Nevsky
Military University of the Russian Ministry of
Defense

Annotation. The article presents the author's view that under international humanitarian law (IHL), the "war on terror" should be divided into different components: in some cases, the law of international armed conflicts is applied; in other cases, the law of non-international armed conflicts is applied; in most situations, the "war on terrorism" IHL is not applied at all. At the same time, the author examines the related question of what determines the existence of an armed group as an addressee of IHL in terms of non-international armed conflicts. The author also considers whether and how existing IHL norms should be adapted for a more adequate coverage of transnational armed groups. The author also attempts to identify areas in which the existing IHL of non-international armed conflicts is not quite adequate due to the extraterritorial nature of the fight against transnational armed groups. In the article, the author expresses skepticism about the possibility of the spread of IHL and its application beyond armed conflicts, as it is currently defined when transnational groups participate in them.

Keywords: armed conflict, international humanitarian law, extraterritorial nature, transnational armed groups, implementation mechanisms.

Понятие «транснациональные вооруженные группы» все чаще используется с

11 сентября 2001 г. теми, кто считает «войну с терроризмом» вооруженным

конфликтом и желает применять законы вооруженных конфликтов, называемые международным гуманитарным правом (МГП), к этому конфликту (а не к внутреннему законодательству в области прав человека и международному праву о сотрудничестве в уголовных делах). В ходе этих дебатов часто утверждается, что МГП в его нынешнем виде не подходит для охвата такого конфликта и не относит к субъектам МГП такие «транснациональные вооруженные группы».

Сначала видится целесообразным рассмотреть вопрос, когда же МГП может применяться к «транснациональным вооруженным группам»? Это включает, прежде всего, вопрос о том, можно ли и в какой степени «войну» против «Аль-Каиды» классифицировать как вооруженный конфликт, а также соответствующее определение критериев для выяснения вопроса: можно ли рассматривать «Аль-Каиду» как вооруженную группу для целей применения МГП? В той мере, в какой МГП действительно применяется, это требует уточнения того, применимы ли нормы международного или немеждународного вооруженного конфликта к данной ситуации, а затем краткого изложения норм МГП, которые будут охватывать такой конфликт. И наконец, что наиболее важно определить, должны ли и каким образом существующие нормы МГП быть адаптированы для (более) адекватного охвата транснациональных вооруженных групп?

Что касается материально-правовых норм, то рассматриваемая в данной статье проблема поднимает, во-первых, вопросы о том, адекватны ли нынешние нормы для применения к транснациональным вооруженным группам, участвующим в вооруженных конфликтах, и следует ли распространить МГП, чтобы оно применялось за пределами вооруженных конфликтов, как они определяются в настоящее время, когда участвуют транснациональные группы. Во-вторых, что касается механизмов имплементации, возникает вопрос о том, как можно улучшить соблюдение существующих (или любых новых) норм МГП транснациональными и другими вооруженными группами. В-третьих, что касается процес-

са, проблематика требует изучения путей, препятствий и рисков разработки новых норм и механизмов МГП, характерных для вооруженных конфликтов с транснациональными вооруженными группами. В-четвертых, возникает вопрос в каком случае можно признать и можно ли вообще признавать «транс национальные вооруженные группы» субъектами МГП.

Прежде чем обращаться к этим вопросам, уместно остановиться на их гуманитарной важности. «Война» против единственной легко идентифицируемой транснациональной вооруженной группировки — «Аль-Каиды» — вызвала значительный интерес со стороны общественного мнения, политиков и ученых. Тем не менее, факт остается фактом: большинство вооруженных конфликтов либо явно международные, либо явно внутренние¹. Такие традиционные конфликты продолжают приносить подавляющее большинство жертв войны. Международные вооруженные конфликты ведутся между государствами (например, США и Ирак) или между государством и вооруженной группой, которая может быть связана с другим государством (например, Талибан в 2001 г. в Афганистане или, возможно, Хезболла в 2006 г. в Ливане). Внутренние вооруженные конфликты ведутся между правительством и повстанцами, иногда с участием иностранных правительств и повстанцев (например, в Конго), но преимущественно на территории одного государства (например, в Судане, Шри-Ланке, Колумбии). В то время как вооруженные группы причиняют более половины страданий жертв войны (другая половина является результатом действий правительства), большинство из них являются не транснациональными, а традиционными антиправительственными повстанческими группами.

Поэтому, на наш взгляд, является важным ответ на вопрос, *а существует ли вооруженный конфликт в случае с транс-*

¹ Чернявский А.Г. Позиции западных ученых как оправдание нарушения суверенитета отдельных государств при вмешательстве в его внутренние дела под предлогом установления «минимальных демократических стандартов» // Военное право. 2021. № 1 (65). С. 244—252.

циональными вооруженными группами? Ведь чтобы международное гуманитарное право было применимо к транснациональной вооруженной группе, последняя должна быть вовлечена в вооруженный конфликт или, как минимум, на территории государства, где действует вооруженная группа, должен существовать вооруженный конфликт между другими сторонами.

МГП в значительной степени кодифицировано в договорах, в частности в четырех Женевских конвенциях 1949 г.¹ (далее — Конвенции) и двух Дополнительных протоколах 1977 г. (далее — Протоколы). Эти инструменты применяются только к вооруженным конфликтам. Конвенции и Протоколы устанавливают строгое различие между международными и немеждународными вооруженными конфликтами, при этом последние регулируются менее подробными и менее защитными нормами¹.

Что касается обычного международного права, интересным является исследование, проведенное в 2005 г. под эгидой Международного комитета Красного Креста (МККК), которое выявило большое количество норм обычного права, большинство из которых, как утверждается, применяются как к международным, так и к немеждународным вооруженным конфликтам². Примечательно, однако, что в исследовании не уточняется различие между международными и немеждународными вооруженными конфликтами; в частности, в случаях, когда конфликт с негосударственным субъектом выходит за пределы одного государства и не определяется нижний порог, при котором насилие приравнивается к вооруженному конфликту (для немеждународных вооруженных конфликтов).

Здесь возникает вопрос: *можно ли классифицировать конфликт с транснациональной вооруженной группировкой как международный вооруженный конфликт?*

Женевские Конвенции и Протокол I применяются к международным вооруженным конфликтам. Общая статья 2 Конвенций гласит, что они «применяются ко всем случаям объявленной войны или любого другого вооруженного конфликта, который может возникнуть между двумя или более Высокими Договаривающимися Сторонами». Участниками Конвенций могут быть только государства. Аль-Каида (или любая транснациональная вооруженная группировка) не является государством. Следовательно, Конвенции не применяются к конфликту между Соединенными Штатами и этим негосударственным субъектом. Что касается обычного международного права, то нет никаких указаний, подтверждающих точку зрения администрации Соединенных Штатов, а именно, что понятие международного вооруженного конфликта в соответствии с обычным международным правом является более широким³.

Государственная практика и *opinio juris* не применяют право международных вооруженных конфликтов к конфликтам между государствами и некоторыми негосударственными субъектами⁴. В соответствии с принципами Вестфальской системы государства всегда проводили различие между конфликтами друг против друга, к которым применялось все МГП, и другими вооруженными конфликтами, к которым они никогда не были готовы применять те же самые нормы, а лишь более ограниченные гуманитарные нормы или правила.

Тем не менее, некоторые виды деятельности транснациональных вооруженных групп (и против них) подпадают под действие права международных вооруженных конфликтов, включая все военные действия, направленные против вооруженных сил или территории одного государ-

³ См.: William K. Lietzau, “Combating Terrorism: Law Enforcement or War?” in Michael N. Schmitt and Gian Luca Beruto, eds., *Terrorism and International Law, Challenges and Responses*, San Remo: International Institute of Humanitarian Law and George Marshall European Center for Security Studies, 2002, p. 80.

⁴ Чернявский А.Г. Социальные основания изменения пределов юридической ответственности : монография / 2-е изд. М.: Кнорус, 2018. С. 70.

¹ Габричидзе Б.Н., Чернявский А.Г. Юридическая ответственность : учеб. пособие. М., 2005. С. 638.

² JeanMarie Henckaerts and Louise Doswald-eck, eds., *Customary International Humanitarian Law*, Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

ства силами, представляющими другое государство или действующими на территории страны, фактически под руководством или контролем этого другого государства¹. Транснациональная вооруженная группа, такая как «Аль-Каида» в 2001 г. в Афганистане, вполне могла находиться под руководством и контролем государства. Тогда бы могло применяться МГП международного вооруженного конфликта (в Афганистане оно применялось независимо от конфликта между Соединенными Штатами и талибами, последние в то время представляли де-факто правительство страны). Аналогичным образом, хотя и более противоречиво, право международных вооруженных конфликтов применяется, когда государство ведет боевые действия против транснациональной вооруженной группы на территории другого государства без согласия последнего (например, Израиль в Ливане в 2006 г. (если принять во внимание, что действия «Хизбаллы» нельзя приписать Ливану), США в Сирии с 2014 г., Турция в Сирии).

Если МГП в отношении международных вооруженных конфликтов где-то применяется к транснациональной вооруженной группе по вышеупомянутым причинам, из этого не следует, что оно применимо к этой группе повсюду. Действительно, этот закон заставляет применять его в отношении вовлеченных государств, а не по характеру или географическому охвату деятельности группы. До сих пор некоторые аналитики и практики сожалели о том, что если в конфликте на данной территории присутствует международный элемент, то весь конфликт нельзя классифицировать как полностью международный. В соответствии с последовательной государственной практикой конфликт должен был быть разделен на составные части². По закону, действовавшему до

2001 г., было еще менее спорным, что мировой конфликт можно охарактеризовать как международный только потому, что некоторые из его компонентов были международными. Действительно, во время холодной войны такого никогда не было. Однако вскоре после 11 сентября 2001 г. администрация Соединенных Штатов классифицировала «войну с терроризмом» как единый всемирный международный вооруженный конфликт против транснациональной негосударственной организации (Аль-Каиды). Реакция других государств на это утверждение была неоднозначной.

Возникает также вопрос: можно ли классифицировать конфликт с транснациональной вооруженной группировкой как немеждународный вооруженный конфликт?

Военные действия между одним или несколькими государствами, с одной стороны, и транснациональной вооруженной группировкой, с другой (например, «война с терроризмом» против «Аль-Каиды»), которые не квалифицируются в соответствии с вышеуказанными критериями как международные вооруженные конфликты, могут быть немеждународными вооруженными конфликтами, охватываемыми статьей 3, общей для четырех конвенций, и Протоколом II. Это предполагает, во-первых, что военные действия соответствуют минимальному порогу немеждународного вооруженного конфликта, и, во-вторых, что всякий вооруженный конфликт, не классифицируемый как международный, обязательно является немеждународным вооруженным конфликтом, даже если он не является ни внутренним, ни ограниченным территории одного единого государства. Оба условия являются предметом споров.

Что касается нижнего порога немеждународного вооруженного конфликта, то четких критериев не существует. Протокол II просто исключает «ситуации внутренних беспорядков и напряженности, такие, как

¹ См. International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia, Judgement, Tadic, Appeals Chamber, July 15, 1999, p. 116—144.

² Dietrich Schindler. The Different Types of Armed Conflicts According to the Geneva Conventions and Protocols, 163/II Collected Courses (1979) 119; Hans-Peter Gasser. Internationalized Nonn international Armed Conflicts: Case Studies of Afghanistan, Kam-

puchea, and Lebanon, 33:1 American University Law Review (1983), p. 145; Eric David. Principes de Droit des Conflits Armés, third ed., Brussels: Bruylant, 2002, pp. 153—160.

беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и другие акты аналогичного характера, как не являющиеся вооруженными конфликтами»¹; количество активных участников; количество жертв; продолжительность и затяжной характер насилия; организация и дисциплина сторон²; способность соблюдать МГП; коллективный, открытый и скоординированный характер боевых действий; прямое участие правительственных вооруженных сил (против правоохранительных органов); и фактическая власть негосударственного актора над потенциальными жертвами³.

Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) уделяет особое внимание затяжному характеру конфликта (или насилия) и степени организованности сторон⁴. Однако затяжной характер не может быть решающим критерием, поскольку невозможно предвидеть этот момент в начале данного конфликта. Трудно представить, что обязательство соблюдать МГП возникает не сразу в начале конфликта, а только с того момента, когда военные действия становятся затяжными. В этом отношении Межамериканская комиссия по правам человека применила МГП к конфликту, который длился всего два дня⁵.

Некоторые авторы также принимают во внимание мнения сторон, утверждая, что озабоченность по поводу государ-

ственного суверенитета, которая исторически определяла высокий порог применения МГП в немеждународных вооруженных конфликтах, не имеет значения, где правительство принимает МГП или применяет его⁶. Что же касается «войны с терроризмом», то и Соединенные Штаты, и «Аль-Каида» считали себя вовлеченными в войну.

Что же касается права, то, очевидно, мнения государств о том, что представляют собой правила, имеют значение и даже имеют решающее значение. Администрация Соединенных Штатов использует очень широкое понятие «вооруженного конфликта». В его инструкциях Военным комиссиям поясняется, что «вооруженный конфликт не требует ... постоянных взаимных боевых действий. ... Отдельный враждебный акт или попытка акта могут служить достаточным основанием ... до тех пор, пока его масштабы или тяжесть поднимаются до уровня «вооруженного нападения» или «военных действий», или количества, силы, заявленных намерений или организации сил, с которым связано действующее лицо, таковы, что действие или попытка совершения действия равносильны нападению вооруженной силы. Аналогичным образом, поведение, предпринятое или организованное с осознанием или намерением, что оно инициирует или способствует такому враждебному акту или военным действиям...»⁷.

До сих пор террористические акты частных групп обычно не рассматривались как порождающие вооруженные конфликты⁸. При ратификации Протокола I Соеди-

¹ Protocol II, Art. 1(2).

² Чернявский А.Г., Емельянова А.И. Правовое обеспечение действий войск (сил) в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию и восстановлению международного мира и безопасности // Вестник военного права. 2019. № 2. С. 21—30.

³ См. Lindsay Moir, *The Law of Internal Armed Conflict*, Cambridge: Cambridge University Press, 2002, pp. 30—52, and Jean-François Quéguiner, “Dix ans après la création du Tribunal pénal international pour l'ex-Yugoslavie: évaluation de l'apport de sa jurisprudence au droit international humanitaire”, 85 *International Review of the Red Cross*, June 2003, p. 278.

⁴ ICTY, *Decision on Jurisdiction, Tadic*, Appeals Chamber, October 2, 1995, para. 70, and *Judgement, Delalic, Mucic, Delic, and Landzo*, Trial Chamber, November 16, 1998, para. 184.

⁵ Inter-American Commission on Human Rights, Report No. 55/97, Case No. 11.137, Argentina, OEA/Ser/L/V/II.98, Doc. 38, December 6, 1997, www.cidh.org.

⁶ Mohammad-Mahmoud Ould Mohamedou, “Non-Linearity of Engagement: Transnational Armed Groups, International Law, and the Conflict between Al Qaeda and the United States”, Program on Humanitarian Policy and Conflict Research at Harvard University, July 2005, available online at www.hpcr.org/projects/tags.php.

⁷ Section 5(C) of Military Commission Instruction No. 2, Crimes and Elements for Trials by Military Commission, April 30, 2003, www.dtic.mil/whs/directives/corres/mco/mci2.pdf.

⁸ Leslie C. Green, *The Contemporary Law of Armed Conflict*, Manchester: Manchester University Press, 2000, p. 56, “[A]cts of violence committed by private individuals or groups which are regarded as acts of

ненное Королевство заявило: «Согласно пониманию Соединенного Королевства, термин «вооруженный конфликт» сам по себе и в контекст обозначает ситуацию, которая не представляет собой совершение общеуголовных преступлений, включая террористические акты, согласованные или изолированные»¹ и не рассматривались как вооруженные конфликты в соответствии с МГП. Следует признать, что эти инциденты возникали на территории только одного государства.

По вопросу, можно ли классифицировать конфликт между транснациональной вооруженной группировкой и одним или несколькими государствами как немеждународный, несмотря на распространение на территорию многих государств, администрация Соединенных Штатов утверждала, что война против «Аль-Каиды» не охватывалась общими нормами (ст. 3). Это рассуждение не было принято Верховным судом Соединенных Штатов в деле Хамдан против Рамсфелда, который постановил, что каждый вооруженный конфликт, который «не связан со столкновением между государствами», не носит международного характера, и что последняя фраза «имеет свою буквальное значение»². На наш взгляд, Верховный суд прав, хотя формулировки договоров по МГП могут быть двусмысленными. С одной стороны, общая ст. 3 относится к «вооруженным конфликтам немеждународного характера», а ст. 1 Протокола II относится к «вооруженным конфликтам, не охватываемым статьей 1... Протокола I», два указания на то, что каждый вооруженный конфликт, не квалифицируемый как международный, по определению является немеждународным. С другой стороны, общая ст. 3 относится к конфликтам, «происходящим на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон», тогда как ст. 1 Протокола II относится к конфликтам, «которые происхо-

дят на территории Высокой Договаривающейся Стороны»³.

Согласно цели и задаче МГП это следует понимать просто как напоминание о том, что договоры применяются только к их государствам-участникам. Если бы такая формулировка означала, что конфликты, между государствами и организованными вооруженными группами и распространяющиеся на территорию нескольких государств, не являются «вооруженными конфликтами немеждународного характера», то имелся бы пробел в их защите, который нельзя было бы объяснить заботой государств о своем суверенитете. Эти опасения сделали право немеждународных вооруженных конфликтов более рудиментарным. Тем не менее опасения по поводу государственного суверенитета не могли объяснить, почему жертвы конфликтов, распространяющихся на территорию нескольких государств, должны пользоваться меньшей защитой, чем жертвы конфликтов, ограниченных территорией только одного государства. Кроме того, ст. 1 и 7 Устава Международного уголовного трибунала по Руанде распространяют юрисдикцию этого трибунала, призванного обеспечивать, в частности, право немеждународных вооруженных конфликтов, на соседние страны. Это подтверждает, что даже конфликт, распространяющийся через границы, остается немеждународным вооруженным конфликтом. В заключение следует отметить, что «внутренние конфликты отличаются от международных вооруженных конфликтов вовлеченными сторонами, а не территориальными масштабами конфликта»⁴.

Применяя вышеупомянутые определения и минимальные пороги, существующее МГП определяет, что затяжная «война» между одним или несколькими государствами, с одной стороны, и транснациональной террористической группой, с

terrorism [. . .] are outside the scope of 'IHL'". See also the ICTY in *Delalic et al.*, supra note 11, para 184.

¹ Reservation by the United Kingdom to Art. 1(4) and Art. 96(3) of Protocol I, available at www.icrc.org/ihl.nsf.

² См. *Hamdan v. Rumsfeld*, 548 U.S., 2006.

³ Чернявский А.Г., Синяева Н.А. Проблемы гуманитарного регулирования военных конфликтов в киберпространстве // *Образование и право*. 2019. № 8. С. 206—215.

⁴ Liesbeth Zegveld. *Accountability of Armed Opposition Groups in International Law*, Cambridge: Cambridge University Press, 2002, p. 136.

другой, может подпадать под понятие (и право) международный вооруженный конфликт¹. Некоторые считают, что конфликт между «Аль-Каидой» и Соединенными Штатами — и другие конфликты против групп, которые заинтересованное государство называет террористическими, — действительно являются вооруженными конфликтами такого рода. Другие считают, что помимо данного случая конфликт 2001—2002 гг. в Афганистане, современная «война с терроризмом» вообще не является вооруженным конфликтом².

На наш взгляд, кто прав, зависит исключительно от фактов, а именно от количества и качества насилия, аспектов, которые одновременно сложны и противоречивы в конфликте с Аль-Каидой. После терактов в Мадриде и Лондоне в 2004 и 2005 годах британское и испанское правительства не считали себя вовлеченными в вооруженный конфликт (и, соответственно, не нацеливали в качестве военных целей объекты, в которых скрывались виновные). Из судебных расследований, проведенных после двух серий атак, следует, что их авторы, возможно, не были связаны с «Аль-Каидой» ничем, кроме посещения тех же веб-сайтов и того же ненавистничества к западным обществам, что и «Аль-Каида»³.

Последующие разведывательные оценки, представляющие значительную часть общих знаний Соединенных Штатов о террористических сетях, указывают на децентрализованные группы, которые возникали независимо и действовали практически без связи с «Аль-Каидой». Растущее число групп черпает информацию о стратегии, тактике и вдохновении на более чем

пяти тысячах радикальных исламских веб-сайтов. В апреле 2006 г. директор Центрального разведывательного управления заявил, что «возрастает вероятность появления новых джихадистских сетей и ячеек, иногда объединенных не более чем антизападными программами»⁴. Возможно, этого недостаточно для классификации всех этих действий как часть единого немеждународного вооруженного конфликта в соответствии с действующим международным гуманитарным правом. Вопрос о том, следует ли распространять МГП на такие ситуации, остается пока открытым.

Если международное гуманитарное право должно быть пересмотрено для охвата транснациональных вооруженных групп — вообще или более адекватно — цель такого мероприятия не должна быть ни риторической, ни направленной на то, чтобы лишить тех, кто подозревается в членстве в таких группах (или пособничестве им), гарантий, предусмотренных законодательством о правах человека и национальным законодательством. Как и в случае любого развития МГП, цель, скорее, должна заключаться в улучшении защиты фактических и потенциальных жертв ситуаций.

Однако некоторые аспекты борьбы с «Аль-Каидой» представляют собой подлинно немеждународные вооруженные конфликты, и вполне можно представить в будущем полноценную транснациональную вооруженную группу, участвующую в всемирном вооруженном конфликте против сил одного или нескольких правительств. В данной работе, мы говорим, что такой конфликт будет охватываться существующим МГП в части немеждународных вооруженных конфликтов, но мы также определяем некоторые вопросы, по кото-

¹ Noëlle Quenivet, “The Applicability of International Humanitarian Law to Situations of a (Counter) Terrorist Nature”, in Roberta Arnold and Pierre-Antoine Hildbrand, eds., *International Humanitarian Law and the 21st Century’s Conflicts* (Lausanne: Edis, 2005), pp. 31—57.

² См. Jelena Pejic, “Terrorist Acts and Groups: A Role for International Law?”, 75 *British Yearbook of International Law* (2004), pp. 85-88.

³ См. “Indictments are Near in ’04 Attacks, Report says Madrid will charge 30-40”, *The International Herald Tribune*, April 10, 2006, p. 3; “Al-Qaida n’est pas lié aux Attentats de Londres”, *Le Monde*, April 11, 2006, p. 8.

⁴ См. Mark Mazzetti, “Spy Agencies Say Iraq War Worsens Terrorism Threat”, *The New York Times*, September 24, 2006, p. A1 (просочившаяся Национальная разведывательная оценка 2006 года, документ на тридцати страницах, обобщающий разведывательные данные шестнадцати различных американских спецслужб); см. также Karen De Young, “Spy Agencies Say Iraq War Hurting U.S. Terror Fight”, *The Washington Post*, September 24, 2006, p. A1.

рым это право в его нынешнем виде требует переработки.

Несмотря на все риски, связанные с созданием и определением новой категории вооруженных конфликтов, международное сообщество может пожелать законодательно закрепить новую категорию так называемых «транснациональных вооруженных конфликтов». Менее деликатным подходом было бы укрепление механизмов осуществления, ориентированных на вооруженные группы, поскольку это можно было бы сделать без различия между национальными и транснациональными группами. Однако во всех случаях крайне сложно представить процесс такого пересмотра, который мог бы привести к практическим нормам, улучшающим судьбу жертв и приемлемым как для государств, так и для транснациональных вооруженных групп.

Трудно себе представить такой успешный процесс пересмотра в нынешней международной атмосфере. В этом контексте можно отметить, что даже «постмодернистский» процесс подтверждения и развития МГП, начатый Швейцарией и Программой гуманитарной поли-

тики и исследования конфликтов в Гарвардском университете, нацелен не на новые договорные нормы, а на действия, ориентированные на исследования, неформальные обсуждения с правительствами и, возможно, «новые интерпретации» или даже толкование МГП.

Библиография

1. Габричидзе, Б.Н. Юридическая ответственность : учеб. пособие / Б.Н. Габричидзе, А.Г. Чернявский. — М., 2005.
2. Чернявский, А.Г. Позиции западных ученых как оправдание нарушения суверенитета отдельных государств при вмешательстве в его внутренние дела под предлогом установления «минимальных демократических стандартов» / А.Г. Чернявский // Военное право. — 2021. — № 1 (65). — С. 244—252.
3. Чернявский, А.Г. Правовое обеспечение действий войск (сил) в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию и восстановлению международного мира и безопасности / А.Г. Чернявский, А.И. Емельянова // Вестник военного права. — 2019. — № 2. — С. 21—30.
4. Чернявский, А.Г. Проблемы гуманитарного регулирования военных конфликтов в киберпространстве / А.Г. Чернявский, Н.А. Синяева // Образование и право. — 2019. — № 8. — С. 206—215.

К вопросу об организации взаимодействия органов военной прокуратуры Республики Таджикистан с органами дознания при расследовании преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта

© Шарипов Малик Темурович,
адъюнкт ФГКВОУ ВО «Военный университет»
Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматривается организация взаимодействия органов военной прокуратуры Республики Таджикистан с органами дознания при расследовании преступлений, совершаемых военнослужащими Вооруженных сил в районах вооруженного конфликта. Раскрывается понятие, формы и ситуации взаимодействия следователей с органами дознания. Предлагаются пути совершенствования данного взаимодействия при расследовании преступлений в период вооруженного конфликта.

Ключевые слова: расследование преступлений, вооруженный конфликт, взаимодействие правоохранительных органов, органы дознания, органы военной прокуратуры.

On the issue of the organization of interaction of the Military Prosecutor's Office of the Republic of Tajikistan with the bodies of inquiry in the investigation of crimes committed by military personnel in areas of armed conflict

© Sharipov M.T.,
Post-graduate «Military University» Ministry of
Defense of the Russian Federation

Abstract. The article deals with the organization of interaction between the bodies of the military prosecutor's office of the Republic of Tajikistan and the bodies of inquiry in the investigation of crimes committed by servicemen of the Armed Forces in areas of armed conflict. The concept, forms and situations of interaction between investigators and bodies of inquiry are revealed. Ways to improve this interaction in the investigation of crimes during an armed conflict are proposed.

Key words: investigation of crimes, armed conflict, interaction of law enforcement agencies, bodies of inquiry, bodies of military prosecutor's office.

Гражданская война в Республике Таджикистан (1992—1997) и реальная угроза ее возобновления остро поставили перед органами военной прокуратуры Республики Таджикистан вопрос о том, как организовать взаимодействие с органами дознания при расследовании преступлений, совершаемых военнослужащими Вооруженных Сил Республики Таджикистан в районах вооруженного конфликта, повышения эффективности органов военной прокуратуры Республики Таджикистан в борьбе с преступностью военнослужащих в районах

вооруженного конфликта, может быть успешно решена только объединенными, согласованными усилиями с правоохранительными органами, в том числе и с органами дознания.

В русском языке термин «взаимодействие» означает взаимную связь двух явлений, взаимную поддержку¹. В словаре В. Даля такого термина нет, однако из смысла его синонимов — «взаимный»,

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1984. С. 68.

«взаимничать» — взаимодействие означает соблюдение обоюдности, взаимности действий и отношений¹.

В научной юридической литературе существует несколько точек зрения на определение понятия «взаимодействие» при расследовании преступлений, которые хотя они и отличаются друг от друга, большей или меньшей степенью конкретизации целей взаимодействия, а также выделением тех или иных его принципов, однако их различия не затрагивают сущности рассматриваемого понятия.

Так, под взаимодействием следователя с органами дознания понимается совместная, согласованная по целям, месту и времени, основанная на законе и подзаконных актах деятельность следователя и органов дознания, направленная на выполнение задач предварительного расследования².

В уголовно-процессуальном законе хотя и не определено понятие такого взаимодействия, но имеется ряд указаний, позволяющих говорить о наличии правовых оснований для взаимодействия следователя и органа дознания, так как ст. 39 УПК Республики Таджикистан наделяет следователя правом давать указания органам дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

Кроме того, ст. 162 УПК РТ предоставляет следователю право давать поручения и указания органам дознания о производстве розыскных и следственных действий и требовать от них содействия при производстве следственных действий.

К правовым основаниям взаимодействия относятся и нормы ст. 153 УПК РТ, устанавливающие обязанность органа дознания принимать оперативно-розыскные меры для установления преступника и уведомлять следователя о результатах, а также правила ч. 2 ст. 231 УПК РТ, касающиеся совместных мер следователя и органа дознания по розыску обвиняемого, местонахождение которого неизвестно.

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. С. 11.

² Громов Н.А., Понамаренков В.А., Францифиров Ю.В. Уголовный процесс России : учебник. М.: Юрайт-М, 2001. С. 295.

Некоторые авторы в определение понятия взаимодействия включают не все направления совместной деятельности следователя и органа дознания. Так, Б.А. Викторов под взаимодействием органа дознания и следователя понимает согласованную по целям, месту и времени, основанную на законе и подзаконных актах деятельность следователя и оперативного работника в пределах их компетенции, направленную на полное и быстрое раскрытие преступлений, всестороннее и объективное расследование уголовного дела и розыске скрывшихся преступников³.

Вряд ли можно согласиться с данным определением понятия взаимодействия, поскольку в этом определении не отражены совместные усилия следователя и органа дознания, направленные на обеспечение возмещения причиненного преступлением имущественного ущерба, на выявление и устранение обстоятельств, способствующих совершению преступлений, на предупреждение преступлений.

В свою очередь Н.А. Аменицкая дает определение взаимодействию как «основанной на законах и подзаконных нормативно-правовых актах взаимной, согласованной по цели деятельности с использованием особых полномочий, методов и форм, присущих каждой из взаимодействующих сторон, в системе, имеющей главным направлением деятельности выявление лица, совершившего преступление, и достоверное установление его виновности для решения судом вопроса о его справедливом наказании»⁴.

По мнению А.А. Мухитдинова и Н.И. Ахмедова, взаимодействие — это деятельность следователя и органов дознания, основанная на законе и нормативно-правовых и ведомственных актах, осуществляемая в целях предупреждения, раскрытия и расследования преступлений,

³ Викторов Б.А. Общие условия предварительного расследования. М., 1997. С. 25.

⁴ Аменицкая Н.А. Взаимодействия следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в раскрытии и расследовании преступлений в ОВД : автореф. дис... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006.

а также розыска преступников для установления лица, совершившего преступление¹.

Представляется наиболее полным и точным определение, данное И.М. Гуткиным, который считает, что «под взаимодействием органов предварительного следствия и дознания в уголовном процессе следует понимать основанное на законе сотрудничество не подчиненных друг другу органов, при котором они действуют согласованно, целесообразно, сочетая применяемые ими средства и способы в целях предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, привлечения к уголовной ответственности виновных, розыске обвиняемых и обеспечения возмещения ущерба, причиненного преступлением».

Обобщая вышеприведенные точки зрения, представляется, что взаимодействие есть основанная на законах, ведомственных и межведомственных нормативных актах, согласованная по месту, времени, задачам и целям совместная деятельность органов военной юстиции Республики Таджикистан по комплексному использованию ими сил, средств, приемов и методов, присущих этим органам для выявления преступлений и лиц, их совершивших, отыскания источников доказательственной информации в интересах раскрытия и расследования преступлений.

Организация взаимодействия органов военной прокуратуры с другими правоохранительными органами при расследовании преступлений представляет собой двух уровневую систему.

Первый уровень организации взаимодействия — организация взаимодействия в ходе проведения конкретного акта расследования (расследования конкретного преступления), и он определяется как комплекс мер, предпринимаемых следователем военного следственного органа, по выбору субъектов взаимодействия и определению наиболее эффективных и целесообразных направлений взаимодействия в конкретной следственной ситуации

начального или дальнейшего этапов расследования в целях достижения максимальных результатов при минимальных затратах времени, сил и средств.

Второй уровень организации взаимодействия — организация осуществления взаимодействия в ходе проведения отдельного следственного действия или организационно-технического мероприятия в рамках конкретного акта расследования, и определяется как комплекс мер, предпринимаемых следователем военным следственным органом, по выбору и применению в конкретной следственной ситуации наиболее эффективных и целесообразных форм и тактических приемов взаимодействия для достижения целей этого следственного действия².

Н.Н. Гапанович и И.И. Мартинович считают, что организационные формы взаимодействия определяются длительностью и структурой взаимодействия. В первом отношении оно может быть длительным, т.е. в течение всего периода расследования; временным, т.е. продолжаться до наступления определенного события, например, раскрытия преступления; эпизодическим, заключающимся в поручении органу дознания выполнить определенные задания.

В структурном отношении взаимодействие может быть организовано в форме прикрепления к следователю 1—2 оперативных сотрудников соответствующей службы органа дознания или придания ему группы из сотрудников нескольких служб, т.е. создание по существу следственно-оперативной группы.

Мы поддерживаем мнение И.М. Гуткина о том, что «процессуальные формы взаимодействия следователя и органа дознания могут быть определены как основанные на законе способы сотрудничества этих органов, обеспечивающие согласованный характер их деятельности и целесообразное сочетание в уголовном процессе их возможностей в борьбе с преступлениями. Организационные формы взаимо-

¹ Мухитдинов А.А., Ахмедов Н.И. К вопросу о сущности взаимодействия следователя с органами дознания // Юриспруденция. 2013. № 4. С. 16—25.

² Григорян Г.М. Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими Вооруженных сил Республики Армения в районах вооруженного конфликта : монография. М., 2009. С. 127.

действия представляют собой конкретные способы связи между следователем и органом дознания, обеспечивающие их согласованное участие в уголовном судопроизводстве»¹.

Как справедливо отмечает Г.А. Абдумажидов, органы дознания должны активно использовать свои специфические средства и методы для полного и быстрого раскрытия преступления, чётко и своевременно выполнять поручения и указания следователя о производстве розыскных и следственных действий².

Как уже отмечалось выше, взаимодействие следователя с органом дознания регламентируется уголовно-процессуальным законом. Отсюда следует, что ведомственные нормативные акты могут лишь конкретизировать процессуальные формы взаимодействия, а не устанавливать новые, порождающие уголовно-процессуальные отношения. Процессуальное взаимодействие — это отношения, возникающие в процессе применения уголовно-процессуальных норм, определяющих основания и порядок сотрудничества органов предварительного следствия и дознания.

Организационное взаимодействие представляет собой сотрудничество следователя с органом дознания как по уголовному делу, так и вне его рамок, регламентированное ведомственными нормативными актами³.

Разграничение между процессуальными и организационными формами взаимодействия необходимо, так как нарушения процессуальных форм взаимодействия, т.е. отступление от норм процессуального закона, регламентирующих эти формы, может отрицательно сказаться на законности и обоснованности принимаемых решений. При отступлении от организационных форм может быть причинен ущерб интере-

сам расследования, но это не сопряжено с процессуально правовыми последствиями.

Представляется, что более обоснованной является позиция по классификации форм взаимодействия, предложенная Г.В. Дроздовым и А.И. Зиновкиным, которые выделяют формы организации взаимодействия и формы осуществления взаимодействия.

Формы организации взаимодействия показывают, каким образом следователь побуждает орган дознания к выполнению тех действий, которые необходимы в интересах расследования уголовного дела. К ним относятся:

— доведение до органа дознания требования об оказании содействия при производстве отдельных следственных действий;

— направление следователем органу дознания поручений и указаний о производстве розыскных и следственных действий;

— поручение ему производства розыска скрывшегося обвиняемого;

— поручение органу дознания принять меры к установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого по делам, предварительное следствие по которым приостановлено на указанном основании.

Формы осуществления взаимодействия показывают, каким образом его участники решают стоящие перед ними задачи. Таким формами являются:

— оказание органом дознания содействия следователю при производстве отдельных следственных действий;

— самостоятельное выполнение субъектами взаимодействия согласованных по цели действий;

— совместное выполнение участниками взаимодействия согласованных по цели, месту времени действий (осуществление тактических операций)⁴.

В соответствии с ч. 4 ст. 153 и ч. 4 ст. 162 УПК РФ формами взаимодействия

¹ Органы дознания и предварительного следствия системы МВД и их взаимодействие. М.: ВШ МВД СССР, 1973. С. 70—75.

² Абдумажидов Г.А. Криминалистика. Душанбе, 2009. С. 305.

³ Чувилев А.А. Взаимодействие следователя органа внутренних дел с милицией. М.: МВШМ МВД СССР, 1981. С. 7.

⁴ Дроздов Г.В., Зиновкин А.И. Взаимодействие следователя военной прокуратуры с милицией при расследовании преступлений. М., ВКИ, 1990.

следователя и органов дознания являются:
 а) выполнение органом дознания следственных действий по поручению или указанию следователя военной прокуратуры;
 б) содействие органа дознания следователю при производстве следственных действий;
 в) взаимная информация органа дознания и следователя.

Процессуальным основанием для выполнения органом дознания задания следователя является его письменное поручение или указание.

Однако, закон не предусматривает формы, которые должны соответствовать поручению или указанию. В законе также не содержится разъяснений по поводу различий между ними.

В юридической литературе под указанием следователя понимается его разъяснение, касающиеся порядка исполнения органами дознания данного им поручения. Мы разделяем мнение А.А. Чувилева о том, что следователь тогда вправе давать указания органу дознания (и, стало быть, именовать так письменный документ), когда поручение не выполнено, выполнено не полностью или не качественно¹.

Таким образом, по смыслу ст. 153 УПК Республики Таджикистан следователь военной прокуратуры может дать командиру воинской части как органу дознания письменное указание об ускорении выполнения данного им поручения, а также о полноте и качестве его исполнения. Копия этого письменного указания, как и копия поручения, в обязательном порядке должна находиться в уголовном деле.

При этом необходимо иметь в виду, что следователь военной прокуратуры вправе давать органу дознания поручения и указания о производстве розыскных действий (ч.4.ст.162 УПК РТ).

Оказание органом дознания помощи следователю военной прокуратуры при производстве отдельных следственных действий является второй формой процессуального взаимодействия. Потребность в такой форме взаимодействия возникает тогда, когда следователь один не может эффективно произвести следственные дей-

ствия, а также когда в связи со следственным действием возникает необходимость осуществления функций, специфически присущих органам дознания.

На практике эта форма взаимодействия чаще всего применяется при производстве следственных действий, организация и проведение которых требуют усилий нескольких лиц, например, при осмотре места происшествия с большой территорией, при обыске одновременно в разных местах, при проведении следственного эксперимента на дорогах с интенсивным движением и т.д.

Правовым основанием для третьей формы процессуального взаимодействия служат указания ч. 4 ст. 153 УПК РТ о том, что в случае передачи следователю дела, по которому не представилось возможным обнаружить лицо, совершившее преступление, орган дознания продолжает принимать оперативно-розыскные меры для установления преступника, уведомляя следователя о результатах.

В связи с этим, в случае не обнаружения дезертира или военнослужащего, самовольно оставившего воинскую часть, командир части как орган дознания, не дожидаясь официального указания следователя военной прокуратуры, обязан по своей инициативе производить их розыск.

Взаимодействие различных правоохранительных органов при расследовании преступлений, как любое социальное явление, представляет собой систему связей между субъектами правоохранительной деятельности, которые находят свое выражение в конкретных согласованных действиях участников взаимодействия.

Совокупность таких действий образует содержание взаимодействия. Всякое содержание проявляется вовне в определенных формах. Проявление содержания в той или иной форме обуславливается в первую очередь воздействием внешних факторов.

Следует отметить, что применительно к расследованию преступлений такими внешними факторами выступает сложившаяся на определенный момент следственная ситуация, которая и будет предполагать выбор формы организации взаимодействия между различными право-

¹ Чувилев А.А. Указ. соч. С. 12.

охранительными органами в определенной типичной ситуации взаимодействия.

При этом определяющая роль в выборе форм организации взаимодействия между различными правоохранительными органами в определенной типичной ситуации взаимодействия принадлежит военному прокурору и следователям военной прокуратуры, определяющих выбор конкретных форм взаимодействия органов военной прокуратуры с другими правоохранительными органами в зависимости от следственной ситуации и этапа расследования преступлений.

Таким образом, типичные ситуации взаимодействия органов военной прокуратуры с другими правоохранительными органами в районе вооруженного конфликта представляют собой совокупность имеющейся у органов военной прокуратуры информации об обстоятельствах совершенного преступления и обстановки, в которой осуществляется расследование, которая детерминирует выбор военным прокурором субъектов взаимодействия при расследовании преступлений, и форм организации такого взаимодействия в районе вооруженного конфликта.

Типичные ситуации взаимодействия военных следственных органов с другими правоохранительными органами при расследовании преступлений в районах вооруженного конфликта можно классифицировать следующим образом:

— *на начальном этапе расследования:*

а) ситуации взаимодействия органов военной прокуратуры с другими правоохранительными органами, согласованная деятельность которых направлена на сбор доказательственной информации о совершенном преступлении;

б) ситуации взаимодействия органов военной прокуратуры с другими правоохранительными органами, согласованная деятельность которых направлена на розыск преступника и похищенного имущества.

— *на дальнейшем этапе расследования:*

ситуации взаимодействия органов военной прокуратуры с другими правоохра-

нительными органами, согласованная деятельность которых направлена на проверку собранной доказательственной информации о преступлении.

— *на этапе оценки доказательств:*

ситуации взаимодействия органов военной прокуратуры с другими правоохранительными органами, согласованная деятельность которых направлена на оценку собранной по делу доказательственной информации.

Вышеуказанные типичные ситуации взаимодействия органов военной прокуратуры с другими правоохранительными органами на различных этапах расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, помогут следователю военной прокуратуры выбрать те или иные формы организации взаимодействия с другими правоохранительными органами.

В районах вооруженного конфликта одновременное выполнение нескольких следственных действий (т.н. групповой (бригадный) метод расследования) должно быть основным методом работы органов военной прокуратуры Республики Таджикистан и использоваться с момента получения сообщения о преступлении и до окончания расследования.

В период вооруженного конфликта, органы военной прокуратуры Республики Таджикистан будут дислоцированы и осуществлять свою деятельность среди поднадзорных войсковых частей и учреждений в районах вооруженного конфликта.

Данное обстоятельство обуславливает их территориальную отдаленность от других правоохранительных органов, экспертных учреждений, судов, коллегий адвокатов и др. и затрудняют транспортное сообщение с ними.

Экстремальность ситуации заставляет следователей военной прокуратуры осуществлять передвижения к месту производства следственных действий, в экспертные учреждения, в суд и т.д. в составе автоколонн или вертолетом, вследствие чего, передвижение становится зависимым от многих непредсказуемых факторов. Именно поэтому так важно, чтобы органы военной прокуратуры были укомплектова-

ны военнослужащими, а сами органы военной прокуратуры — мобильными, быстрого развертывания, автономными и дислоцировались на относительно небольших расстояниях друг от друга.

С целью повышения качества и оперативности расследования, представляется необходимым создать адекватную организационную форму совместной деятельности Главной военной прокуратуры, органов дознания Минобороны Республики Таджикистан и оперативных подразделений МВД Республики Таджикистан в форме постоянно действующих мобильных следственно-оперативных групп (СОГ), с общей предметной и территориальной подследственностью, из числа работников оперативных служб МВД Республики Таджикистан и дознавателей Минобороны Республики Таджикистан, из расчета на одну бригаду (полк) по одной мобильной СОГ, в составе следователя, 3-х оперативных работников, 3-х дознавателей, по одному эксперту-криминалисту и судебному медику.

При этом оперативная и дознавательская подгруппы не должны автономно работать по уголовным делам и быть независимы от следователя, руководителя мобильной СОГ, занимаясь своими задачами, а взаимодействие не должно сводиться к решению лишь некоторых общих оперативно-следственных задач, проведению редких рабочих встреч и совещаний.

Сложность образования таких СОГ, как правильно отметил В.М. Быков, состоит в психологической ситуации, которая складывается в тех случаях, когда между официальными лидерами на месте происшествия — следователем и другими участниками оперативной группы, выдвинувшимися на роль делового, неофициального лидера, на протяжении всего периода работы на месте происшествия идет борьба за руководство оперативной группой¹.

Представляется, что следователь должен самостоятельно, грамотно проводить организационную «непроцессуальную дея-

тельность», тем более, что закон наделяет правом процессуального требования именно следователя и поэтому какие-либо споры в таких группах недопустимы, а творческие противоречия, достигающие большой остроты, должны быть решены военным прокурором².

Полагаем, что вышесказанное в полной мере должно относиться и к проблеме допуска следователя к информации, полученной оперативным путем на условиях конфиденциальности.

Эксперт-криминалист, входящий в состав мобильной СОГ, должен обеспечивать работу передвижной криминалистической лаборатории и связь с Главным информационно-аналитическим центром (ГИАЦ) МВД Республики Таджикистан.

Кроме того, считаем необходимым для обеспечения безопасности и организации боевого охранения мест проведения следственных и иных действий, мобильной СОГ должно быть постоянно придано 7 военнослужащих по призыву, в том числе специалиста по разминированию, и один бронетранспортер, выполняющий роль бронеприкрытия.

При этом, по таким оперативным вопросам как разработка маршрута выдвижения бронекolonны, заправка боевой техники топливом, погрузка необходимого вооружения и боеприпасов, согласование эфирных радиочастот и позывных и т.д., следователь военной прокуратуры не имеет права вмешиваться в деятельность руководителя группы боевого охранения и командира.

Объединение усилий Главной военной прокуратуры, органов дознания Минобороны Республики Таджикистан и оперативных подразделений МВД Республики Таджикистан позволит избежать традиционной состязательности в их деятельности по укреплению законности в Республике Таджикистан, создать единый фронт борьбы с нарушениями законов.

Так, например, получив сообщения о преступлении, мобильная СОГ сможет

¹ Быков В.М. Психологические аспекты взаимодействия следователя и органа дознания. Омск, 1976. С. 33.

² Турчин Д.А., Чижиков И.С. Полевая криминалистика и ее практическое применение. М., 2006. С. 77.

оперативно выехать на место происшествия, при согласованном алгоритме действий и надлежащем обеспечении технико-криминалистическими поисковыми средствами, с широким использованием различных банков данных и видеопотоколирования, производить следственные и оперативные действия одновременно в различных направлениях и местах в максимально сжатые сроки, проверяя выдвигаемые версии.

Такой комплексный подход к организации расследования преступлений в районах вооруженного конфликта дает возможность для формирования достаточно самостоятельных, мобильных и автономно действующих в боевых порядках войск СОГ, что способствует сокращению сроков расследования с одновременным повышением результативности и качества расследования.

Более того, работа следователя в составе такой мобильной СОГ, сформированной из оперативных работников и дознавателей, даст ему возможность сконцентрироваться на производстве следственных действий.

Представляется, что многофункциональные мобильные СОГ должны быть дислоцированы при бригадах или полках (отдельных батальонах (дивизионах), а при штабах бригад (полков) и других отдельных воинских частях должны находиться и осуществлять свои функциональные обязанности помощники и заместители гарнизонного военного прокурора.

Гарнизонные военные прокуроры должны осуществлять свои полномочия и координировать деятельность своих подчиненных уже в штабе соответствующей поднадзорной структурной единицы в тесном сотрудничестве с командиром.

Такой подход, на наш взгляд, обеспечит соответствующую иерархию и субординацию, даст возможность военным прокурорам осуществлять контроль над деятельностью сотрудников органов военной прокуратуры Республики Таджикистан с одновременным воздействием через командиров частей (подразделений) на отдельных военнослужащих.

При этом создаются предпосылки соблюдения при работе с органами военного управления принципов независимости органов военной прокуратуры от командования и подчинения их только закону, тесного сотрудничества органов прокуратуры с командованием, согласованности их деятельности по укреплению законности в войсках.

Более того, соблюдение принципа работы органов военной прокуратуры Республики Таджикистан непосредственно в поднадзорных частях позволит совместно с командованием решать вопросы оперативной целесообразности, быть в курсе складывающейся оперативной и криминальной обстановки в войсках, регулировать возможные конфликтные ситуации между работниками органов военной прокуратуры Республики Таджикистан и другими военнослужащими, способствует единообразному пониманию общих задач и устранению противоречивости интересов.

Библиография

1. Абдумажидов, Г.А. Криминалистика / Г.А. Абдулмаджидов. — Душанбе, 2009.
2. Аменицкая, Н.А. Взаимодействия следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в раскрытии и расследовании преступлений в ОВД : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Аменицкая. — Нижний Новгород, 2006.
3. Быков, В.М. Психологические аспекты взаимодействия следователя и органа дознания / В.М. Быков. — Омск, 1976.
4. Викторov, Б.А. Общие условия предварительного расследования / Б.А. Викторov. — М., 1997.
5. Григорян, Г.М. Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими Вооруженных сил Республики Армения в районах вооруженного конфликта : монография / Г.М. Григорян. — М., 2009.
6. Громов, Н.А. Уголовный процесс России : учебник / Н.А. Громов, В.А. Понамаренков, Ю.В. Францифиров. — М.: Юрайт-М, 2001.
7. Дроздов, Г.В. Взаимодействие следователя военной прокуратуры с милицией при расследовании преступлений / Г.В. Дроздов, А.И. Зиновкин. — М., ВКИ, 1990.
8. Мухитдинов, А.А. К вопросу о сущности взаимодействия следователя с органами дознания / А.А. Мухитдинов, Н.И. Ахмедов // Юриспруденция. — 2013. — № 4.

9. Органы дознания и предварительного следствия системы МВД и их взаимодействие. — М.: ВШ МВД СССР, 1973.

10. Чувилев, А.А. Взаимодействие следователя органа внутренних дел с милицией / А.А. Чувилев. — М.: МВШМ МВД СССР, 1981.
